

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

**ФРАНСИС КАРСАК
ТАК СКУЧАЮТ
В УТОПИИ**

*Черная
река*

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

КЛАССИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

Франсис Карсак

полное собрание сочинений

Франсис Карсак

**ТАК СКУЧАЮТ
В УТОПИИ**

Роман, повесть,
рассказы, очерки

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фр)
К26

К26

Карсак Франсис

Так скучают в утопии: Роман, повесть, рассказы, очерки. — М.: Черная река, 2020. — 480 с. ил. — (Классика зарубежной фантастики. «Франсис Карсак. Полное собрание сочинений»).

В заключительный, пятый том полного собрания сочинений автора вошли повесть «Так скучают в Утопии», рассказы «Тот, кто вышел из Большой Воды», «Пятна ржавчины», «Какая удача для антрополога!», «Мертвые пески», предисловие к «Борьбе за огонь», эссе «Научная фантастика и преистория», а также роман Андре Маршана «Теллусийцы, или Робинзоны космоса-2», являющийся своеобразным продолжением «Робинзонов космоса» Франсиса Карсака.

УДК 821.161.1
ББК 84(4Фр)

© Самуйлов Л., перевод, 2020
© Мельников Е., иллюстрации, 2020

Памяти друга

Вот и всё, Франсис. На конвентах мы больше не увидим твоей техасской шляпы, не будет больше тех споров, в которых тебе, из любви к парадоксу, нравилось занимать самые реакционные, самые противоречащие твоим представлениям позиции.

Вот и всё. Мы не застанем тебя больше врасплох в лесу за какими-нибудь раскопками, или в деревушке Карсак, где ты обучал нас изготавливать из кремня каменные изделия, тогда как другой рукой (образно выражаясь) зачитывал нам, громко смеясь, некрологи, которые, вследствие ошибки, ты мог бы прочесть еще при жизни.

Вот и всё. Не будет больше (за исключением неизданных?) твоих чудесных историй о пространстве, времени и прекрасных принцессах, угодивших в плен к негодяям. В том, что касается лично меня, очарование длилось более четверти века: я познакомился с доктором Всеволодом Клером в 1954 году и тотчас же почувствовал себя сумасшедшим. Позднее (когда мы встретились в книжном магазине «Атом», в начале 1958 года, и наши атомы тут же сцепились), сколько раз я надоедал тебе с той сценой, когда Клер, раненный, приходит в себя посреди ночи после долгого беспомыслия, в этом вызывающем смутную тревогу лесу, видит на поляне этот странный предмет, залитый зеленым светом, уже думает, что вот-вот умрет от страха, но затем слышит стоны: с какой сдержанностью, с какой экономией средств, ты, который ненавидел выставлять напоказ чувства, писал: «Я все-таки врач, поэтому, пусть и сам чувствовал себя неважно, не мог не

прийти на помощь существу, которое стонало так, как стонет человек, а не зверь...»

Другие будут говорить о твоих научных трудах, которые были значительными и принесли тебе мировую и долговечную известность. Другой человек, любящий тебя и хорошо знающий, расскажет прямо здесь о твоих литературных произведениях, коими отмечено целое поколение: мое поколение, ряды которого уже начинают редеть.

Мне же остается рассказать лишь о тебе самом, о том, как ты мог наорать на кого-нибудь или внезапно выйти из себя, а затем долго извиняться за столом, заставленным всевозможными блюдами и выбранными тобой (!) бутылками, о твоей скрупулезности ученого, малейшему слову придававшего его истинное значение: тебе доводилось переписывать целые главы, приспособляя повествование к возможностям перемещения героя пешком во враждебной ему окружающей среде. О том, как я расстроил тебя, указав на твою единственную ошибку в этом плане, в одном из романов для юношества, где ты писал: «— *Цианид*, — пробормотал он, падая...» Но ты быстро забыл о своей обиде и при каждой из наших встреч мимикой передавал эту сцену с неизменной улыбкой.

Мне остается сказать о твоём целомудрии, которое подвигло тебя заявить, что роман «Этом мир — наш» не имеет ничего общего с алжирской драмой, о твоей любви к каламбуру и «private joke», жертвой которой часто становился Жерар Клейн, о том, как ты радовался, когда видел, как твои романы издавались в виде пронумерованных изданий-делюкс, об искренности и теплоте твоей дружбы, обо всем том, что ты, Франсис Карсак, дал нам.

Клод Ф. Шейнис,
«Fiction», № 320, июль 1981 г.

* Шутка, понятная лишь двоим (англ.)

Работа писателя порой вознаграждается самым неожиданным образом. Моя дружба с Франсуа Бордом стала следствием статьи, которую я опубликовал в 1954 году в одном научно-фантастическом журнале и где пытался поправить некоторые широко распространенные ложные представления о первобытном человеке. Так вышло, что я и сам сделал несколько ошибок, и он написал мне по этому поводу любезное письмо. Я ответил, и вскоре мы уже вели постоянную переписку. Спустя несколько лет он впервые приехал в США в качестве приглашенного профессора. Когда он завершил свои дела, моя супруга и я позвали его к нам в гости. Он принял приглашение и пробыл у нас неделю, на протяжении которой мы возили его по всему региону.

То был очаровательный гость, преисполненный юмора и жажды жизни, всегда находивший для нас какие-то интересные истории. Естественно, нас завораживала его работа... в частности, его новаторский труд по воссозданию палеолитических технологий изготовления каменных изделий. Я прекрасно помню, как в один из дней, когда мы шли вдоль берега моря, он продемонстрировал нам, как это делалось в те далекие времена; затем остановился ненадолго, чтобы передохнуть, и разбросал все фрагменты, дабы не вводить в заблуждение будущих коллег! В другом посещаемом туристами месте, на берегу океана, где, вероятно, бывает миллион человек в год, он вдруг остановился на усыпанной гравием аллее и показал нам небольшие обломки камней, свидетельствовавшие о том, что в этом месте когда-то находилось индейское поселение, оставшееся незамеченным даже археологами. Он изготовил для нас несколько кремневых и обсидиановых наконечников, которые мы храним до сих пор. Ближе к концу своего пребывания у нас он пожелал преподнести моей жене необычный подарок. В лавке, где продавались минералы, он нашел фрагмент авантюрина — искусственного, стекловидного и очень красивого материала. Из этого камня он намеревался вырезать наконечники для стрел, которые она могла бы носить как украшение. На моих глазах он принялся за работу с помощью кусочка оленьего рога, и я узнал немало французских ругательств: камень

никак не желал раскалываться должным образом. Тем не менее он проявил настойчивость, и теперь эти наконечники являются предметом гордости в коллекции моей супруги.

Когда он вернулся домой, то написал нам, что именно эта часть его первого визита в Америку понравилась ему больше всего, — по трем причинам. Во-первых, это было приятное пребывание. Во-вторых, Сан-Франциско — чрезвычайно привлекательный для европейца город, вокруг которого в изобилие представлены места с красивой природой. В-третьих, у него (Франсуа Борда — *примеч. переводчика*) прекрасное чувство ориентации, и океан там действительно находится на западе, там, где ему и следует находиться!

Всякий раз, когда это было возможно, он гостил у нас снова и снова. Мы всегда заранее ждали этих okazji. Мы и сами дважды приезжали к нему и его жене в гости, когда были во Франции. В первый раз мы пробыли у них довольно-таки долго, и нас принимали с потрясающим гостеприимством. Нам показали прекрасный регион, департамент Дордони — не только места археологических раскопок, относящиеся к доисторическому периоду, но все интересные места, — причем столь полным образом, что у нас сложилось впечатление, будто мы прожили там порядочное время. Второй наш визит оказался более коротким и продлился всего двое или трое суток, но нам опять показывали завораживающие вещи днем, а вечера мы проводили за душевными разговорами и, после пары-тройки стаканов вина, даже пели песни.

В промежутках между этими встречами мы обменивались многочисленными письмами, так как имели во многом схожие вкусы. Даже когда мы в чем-то не соглашались друг с другом — порой это случалось на почве политики, — наши противоречия всегда были дружескими и интересными (это вовсе не означает, что Франсуа принадлежал к типу людей спокойных и мирных. Он мог прийти в состоянии внезапной ярости, когда имел на то вескую причину; и, конечно же, в прошлом он был героем Сопротивления). Каждому из нас нравились произведения другого, и мы взяли за привычку обмениваться экземплярами всего того, что издавали. Он лично перевел для журнала «Фиксьон» один из моих рассказов,

действие которого происходит во Франции эпохи палеолита*. Будучи ученым честным и справедливым, он добавил кое-какие примечания, поясняющие допущенные мною ошибки. Одно из них касалось саблезубого тигра. Он указал на то, что, хотя в Америке в тот период это животное все еще обитало, в Европе оно уже вымерло. В частной переписке он заметил мне следующее: «Мне кажется, что хищники с длинными зубами и сейчас сохраняются в Америке дольше».

Я, в свою очередь, всегда хотел перевести его научно-фантастические рассказы для англоязычной публики, которой они, несомненно, пришлись бы по вкусу. Но у меня все никак не находилось на это времени и, без сомнения, уже не найдется. Надеюсь, это сделает кто-то другой.

Он разделял мою недоверчивость по отношению к так называемому «интеллектуальному классу»: нам обоим больше нравились люди, мысли и действия которых имеют реалистическую направленность. Тем не менее нам обоим было присуще одно широко распространенное среди интеллектуалов пристрастие — к хорошей фолк-музыке и современным балладам. Я и моя жена часто слушаем полученные от него в подарок записи. Все это не подразумевает, что Франсуа так или иначе восхищался невежеством или вульгарностью. Напротив, то был один из самых образованных и гуманных людей, каких я когда-либо знал.

В свои последние годы он начал работы в Австралии и писал мне восторженные письма о красотах и вызовах внутренней части австралийского континента. Я без труда могу представить его коренастый силуэт, с трубкой, ковбойской шляпой и навахским ремешком, радостно топчущую ногами эти дикие просторы. Надеюсь, я и сам как-нибудь там побываю. И если это случится, стоя под звездами пустыни, я подниму бокал в память о моем друге.

*Пол Андерсон,
Оринда, Калифорния,
12 сентября 1981*

* «The Long Remembering» («Далекие воспоминания», 1957).

У Франсуа было множество друзей-американцев; Андерсоны, моя супруга и я также входили в их число. Мы навещали Франсуа во время его летних раскопок в Дордони. Нам показывали знаменитые пещеры, такие, как Фон-де-Гом, Кап-Блан*, Лез-Эзи и Ложери-От; две первые украшены рисунками и гравюрами эпохи палеолита, представляющими мамонтов, бизонов, диких лошадей, львов и других животных послеледникового периода.

Когда моя жена Кэтрин и я были у него в гостях в 1968 году, нам довелось услышать его объяснения о технике изготовления каменных изделий первобытных людей, после чего он продемонстрировал, как это делалось. Затем он позволил мне самому произвести кое-какие раскопки: они заключались в том, чтобы соскрести миниатюрной лопаткой грунт с твердыми вложениями и поместить его в небольшое медное ведро. Дважды я решил было, что нашел палеолитические предметы, но то оказалась обычная галька.

В другой раз мы нанесли ему визит вместе с семьей одних наших друзей. В то время, если кто-то желал провести раскопки в пещерах, нужно было получить его, Ф. Борда, разрешение. Когда мы прибыли в пещеры, Франсуа обнаружил, что кто-то копал там без оного. Личность виновного установить оказалось не трудно, так как с ним был какой-то паренек, который забыл там кепку с проставленной на ней фамилией. Легко выходявший из себя Франсуа бросился в деревенский полицейский участок и разбудил дремавшего в своем кабинете полицейского, вскричав:

— Мсье! Совершено ужаснейшее преступление! Вы должны немедленно послать рапорт в Париж, в Сюртэ, кабинет такой-то! В пяти экземплярах!

Ошеломленный флик** объяснил, что он не в курсе этого правонарушения, что ему никогда не доводилось бывать в подобной ситуации и что он просто-напросто не знает, как составлять такой рапорт.

— Писать же вы умеете, не так ли? — продолжал неистовствовать Франсуа.

* Кап-Блан — это не пещера, а укрытие под скалой.

** Жарг.: (*французский*) полицейский.

— Да, мсье, писать я умею.

— Тогда я продиктую, а вы пишете! В пяти экземплярах!

Утомленный блюститель порядка вставил в печатную машинку формуляры и копировальную бумагу и принялся печатать. Необходимо было представить свидетелей правонарушения, и ими стали Джон и Мэделин Дейл. Бедный полицейский верно записал их имена, но когда спросил адрес и услышал, что они проживают в Галф-Миллс, Коншохокен, штат Пенсильвания, пришел в отчаяние. Он воскликнул:

— Но это же не французский адрес!

— Это уже не ваше дело; продолжайте! — Франсуа был неумолим.

— Но это хоть в христианской стране? В цивилизованной?

— Мсье! — сурово произнес Франсуа. — Господин и госпожа Дейл живут неподалеку от Филадельфии. В Филадельфии есть французский консул; а там, где есть французский консул, есть и цивилизация!

Можно ли представить себе что-то более французское?

Франсуа и сам несколько раз останавливался у нас во время своих более или менее ежегодных поездок в США. Последний раз я видел его вечером 8 апреля 1981 года. Он переночевал у нас, и мы организовали небольшой прием для друзей. То был чудесный момент; но спустя несколько недель мы узнали, что 1 мая Франсуа умер от сердечного приступа, когда находился у своих друзей в Тусоне, штат Аризона. Его тело самолетом доставили во Францию, где оно и было захоронено в семейном склепе в деревушке Карсак, в долине Дордони.

Я горжусь тем, что был знаком с этим человеком, внесшим значительный вклад в общую копилку человеческих знаний. Как специалист по истории первобытного общества, он написал множество трудов, среди которых «Франция во времена мамонтов»*, «Палеолит в мире»** и «Современная преистория»***. Самым важным его вкладом в палеолитическую археологию стало развитие статистических методов для

* 1969 г., один из авторов.

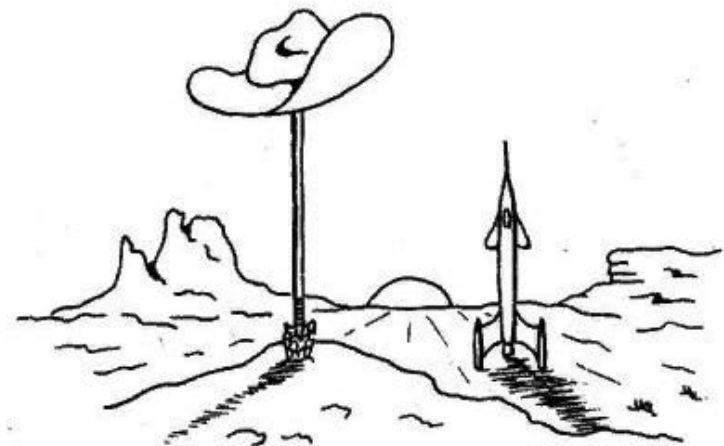
** 1968 г.

*** Автором является Дениза де Сонвиль-Борд, супруга Ф. Борда. Два издания — 1967 и 1972 г.

анализа всех каменных орудий, обнаруженных при раскопках археологического памятника, для дальнейшего установления, был ли это базовый лагерь, временный охотничий лагерь, центр изготовления каменных орудий и т. д.

В память о нашей дружбе я храню мустьерский каменный топор, который он лично изготовил для меня в июле 1968 года и который я с огромным трудом провез через таможню, — настолько он выглядел подлинным.

*Лайон Спрэг де Камп,
Вилланова, Пенсильвания,
25 июля 1981 г.*

Франсис Карсак: что стоит за легендой

Страстно ли защищают литературное творчество Франсиса Карсака или же ограничиваются тем, что оценивают его в лучшем случае умеренно, восторженно превозносят ли память об этом блестящем пионере французской научной фантастики пятидесятых годов или же помнят об этом человеке лишь то, что он публично выражал свое презрение — если не сказать хуже — к поколению писателей, появившихся в семидесятые годы, есть факты, с которыми не поспоришь...

— В 1954 г. Франсис Карсак вписывает свое имя в каталог легендарной книжной серии «Фантастический луч» («Le Rayon Fantastique»)*. Он — первый французский автор, который смог составить конкуренцию англо-саксонским мастерам, таким, как Эдмонд Гамильтон, Лайон Спрэг де Камп, Теодор Старджон, Уильям Темпл, Эрик Франк Рассел, Олаф Стэплдон, К. С. Льюис, А. Э. Ван-Вогт, Айзек Азимов, Мюррей Лейнстер, Роберт Хайнлайн, Фред Браун, Э. Э. «Док» Смит!

— В 1970 г. два романа Франсиса Карсака переизданы в «CLA» («Club du livre d'anticipation»)**: самой престижной — и пользующейся наибольшим спросом — из специализированных серий. Он снова — первый французский автор, при-

* № 23. Обычно «Le Rayon Fantastique» переводится как «Фантастический луч», то это еще означает и «Полка (книжная) фантастики», что для книжной серии подходит больше.

** № 25: «Пришельцы ниоткуда» и «Робинзоны космоса».

знанный достойным стоять в одном ряду с самыми великими; и в дальнейшем уже никто не удостоится такой чести!

— В 1977 г. издательство «Пресс Покет» («Presses Pocket») решает выбросить на и так уже насыщенный рынок новую книжную серию карманного формата. Она будет посвящена, в основном, переизданию англо-американской, по большей части, классики, но тем не менее откроет ее французский писатель: Франсис Карсак!

— В 1982 г. Франсис Карсак — первый французский писатель-фантаст, чье полное собрание сочинений (твердая обложка, ограниченный тираж) анонсировано как «ожидающееся в скором времени». По причинам, имеющим мало общего с литературой, проект издательства «Чистая страница» («La Page Blanche») закроется после выхода одного-единственного тома. Когда, шестью годами позднее, уже новый издатель проявит достаточно страсти (или здравого коммерческого смысла) для издания полного собрания сочинений какого-нибудь французского писателя-фантаста, выбор снова падет на Франсиса Карсака!

Под конец этой темы почестей позвольте мне рассказать два анекдота личного порядка. Уже много лет я веду дружескую переписку с многочисленными американскими издателями фанзинов, коллекционерами, книготорговцами и писателями. Лишь один из моих корреспондентов как-то раз упомянул французскую научную фантастику — американцы любят фантастику не меньше, чем гамбургеры, — и то лишь для того, чтобы спросить: «Ты ведь живешь в Бордо... У вас там есть прекрасный писатель — Франсис Карсак. Знаком ты с таким?» Письмо было подписано: Лайон Спрэг де Камп.

Я рад контактировать с величайшими американскими писателями-фантастами, ибо я — действительно фанат их произведений и, будучи таковым, — рьяный коллекционер старых оригинальных изданий и палп-фикшн. Для меня, «приятный вечерок дома» состоит не в том, чтобы посмотреть по телевизору футбольный матч, а затем с полдюжины эпизодов какого-нибудь бестолкового сериала. Напротив, абсолютное наслаждение (ну, почти...) — отправить письмо для рубрики «письма читателей» в какой-нибудь американский фанзин, написать статью в «АРА», посвященную

«добрым старым *pulps*», затем развалиться в мягком кресле и до двух ночи читать редакционные статьи Хьюго Гернсбека в журнале «Эмэйзин сториз» («Amazing Stories») за 1926 год, три рассказа тридцатых годов за авторством Стэнли Вейнбаума, Раймонда З. Галлуна и Ната Шахнера, две новеллы Роберта Шекли и Клиффорда Саймака из старого журнала «Гэлакси» («Galaxy SF») за 1955 год и, наконец, хронику новостей 1948 года и рубрику «письма читателей» журнала «Эстаундинг сайенс фикшн» («Astounding SF») за половину 1953 года. Не беспокойтесь за мое психическое равновесие! Это самые обычные занятия для фаната научной фантастики. Короче, в последний раз, когда, тщательнейшим образом следуя этой программе, я дошел до 1 ч 45 мин ночи, то наткнулся в «Эстаундинг сайенс фикшн» от февраля 1953 на статью Франсиса Карсак, посвященную французской научной фантастике с конца XIX века по 1939 год!

Запомните эту дату: 1939 год — мы к ней еще вернемся...

Как бы то ни было, в феврале 1953 года, даже прежде чем издать во Франции свою первую книгу, Франсис Карсак публиковался в самом престижном из американских журналов. Сенсационная новость — специально для читателей данного издания «Бегства Земли»!

* * * * *

Что сегодня осталось от его творчества, в свое время всеми восплаемого? Воспоминания! Одни лишь воспоминания... Следует иметь в виду, что вот уже много лет ни один из романов Карсак нельзя купить в книжных магазинах, а десятка два рассказов автора рассеяны по также уже исчезнувшим и трудно находимым периодическим изданиям. Таким образом, полное собрание сочинений, выходящее в издательстве «Нео» («NéO»^{*}), представляет собой настоящее издательское событие, которое необходимо оценить в полной мере — хотя и досадно, что этой необходимой работой по сохранению части нашего литературного достояния в жанре научной фантастики не занялся издатель, располагающий более значительными средствами.

* «NéO»: Les Nouvelles Éditions Oswald

наводнило рынок десятками тысяч экземпляров двух романов Франсиса Карсака. И тут я, увы, вижу прекрасную иллюстрацию разрушения рынка научной фантастики. Если у этого рынка и есть издательское будущее в нашей стране, оно, вероятно, заключается, в «передаче полномочий» от крупных групп к более скромным, независимым, специализированным, эффективным структурам, располагающим приспособленной к их стремлениям дистрибьюторской сетью, — сетью, которую еще, увы, остается наладить.

Итак, творчество Карсака в последний момент сохранено, возвращено из небытия! И все же!.. Любитель научной фантастики уступает здесь место специализированному книготорговцу: популярность Франсиса Карсака у нашей «клиентуры» (пусть те, кто меня читают, и стали за эти годы в большей степени друзьями, чем просто клиентами, простят мне это выражение), похоже, не уменьшилась ни на йоту. Добрая, великая, несравненная «классическая» научная фантастика, по сути, лучшее из того, что было опубликовано между 1939 и 1965 годом (я мог бы пояснить, почему взял именно эти две даты, но моя цель не в этом) всегда составляет основу любой специализированной библиотеки. Нет смысла составлять длинный список важнейших произведений и авторов, пишущих в жанре «классической» научной фантастики. Вы всех их и сами знаете!

Очевидно, несмотря на его отсутствие в книжных магазинах, Франсис Карсак — как раз таки из числа последних. Доказательство этому я вижу в том, что масса читателей регулярно интересуются у меня, не удалось ли мне достать для них какие-нибудь из тех «ненаходимых» романов, которые они столь рьяно ищут, и в том факте, что эти находки продаются в течение суток.

Значительная часть любителей научной фантастики, в том числе и многочисленные «свежие» почитатели этого жанра, знающие автора лишь по его репутации, всегда воспринимают Франсиса Карсака как «лучшего французского писателя-фантаста пятидесятих годов» и «единственного, кто в то время выступал на равных с американцами».

По правде говоря, я бы не полагал это двойное утверждение спорным, если бы оно в какой-то мере не означало, что

единственная хорошая французская научная фантастика — та, которая подражает американской, стремясь с ней сравниться! Тем самым мы выносим приговор любой возможной будущей французской школе, культивирующей свое отличие. Но, если быть еще более честным, по зрелом размышлении, припоминая некоторые недавние французские книги и будучи убежденным, что сейчас я наживу себе новых врагов, я готов сказать следующее: если бы французская научная фантастика и дальше следовала американскому примеру, в конечном счете она неизбежно бы сравнялась с научной фантастикой американской; тогда как сегодня она слишком часто пробуксовывает в «окололитературной грязи», демонстрируя полное пренебрежение своими читателями — если таковые вообще еще у нее остались...

Читая о подвигах наших отважных «литеранавтов», издаваемых в их культовой серии, мы можем лишь сожалеть о продолжительном отсутствии в продаже произведений Франсиса Карсака. Его первые два романа, «Пришельцы ниоткуда» и «Робинзоны космоса», увидевшие свет более тридцати лет тому назад, а затем вышедшие еще и ограниченным тиражом в виде издания-делюкс около двадцати лет назад, давно закончились в магазинах. Тому, кто сегодня пожелает приобрести их, следует быть готовым к продолжительным поискам и приличным тратам... «Бегство Земли», третий роман Карсака, никогда не переиздавался после первого издания 1960 года! «Этот мир — наш» и «Наша родина — космос» ожидали переиздания пятнадцать и семнадцать лет соответственно; их тоже уже не достать в магазинах лет десять. Регулярно — в 1967, 1973, 1978 и 1982 году — переиздавались лишь «Львы Эльдорадо», но этот роман, на мой взгляд, отнюдь не является у автора лучшим.

* * * * *

Если это — не литературное чистилище, тогда объясните мне, как это все называется?

В данном контексте мне хочется задать несколько каверзный вопрос: кто виноват?

«Издатели, разумеется!», ответит хор оставленных за бортом писателей или множество читателей, недовольных тем,

что в книжном магазине не нашлось того, что бы они хотели там обнаружить. Это всегда ошибка издателей! Но если взглянуть немного дальше, мы заметим, что для того, чтобы то или иное произведение появилось, а затем оставалось доступным (в качестве переизданий или допечаток, а не в качестве товарных остатков), нужно создать условия, необходимые для его встречи с читателями — в виде передающей цепочки, главные звенья которой: писатель, издатель и критики.

В случае Франсиса Карсак механизм нарушен с первого же звена этой цепочки. Франсис Карсак никогда не был писателем-фантастом. Это был всемирно известный ученый высочайшего уровня, один из тех людей, благодаря которым нам завидуют другие страны, как говорят министры, когда торжественно возлагают где-нибудь хризантемы. Под своим настоящим именем «Франсуа Борд» он занимался профессиональной карьерой, которая, судя по всему, и не должна была оставлять ему слишком много времени для написания научной фантастики!

Франсис Карсак был любителем в лучшем и самом благородном значении этого слова. Несомненно, он мог бы стать и остаться ведущим французским писателем-фантастом, если бы выбрал этот путь; он владел пером, вероятно, лучше, чем многие его коллеги, хотя, конечно же, и не достигал тонкости и богатства стиля Клейна или Кюрваля; ему хватало воображения; научную фантастику, в особенности американскую, он знал лучше, чем кто бы то ни было; его выдающаяся научная культура и естественная склонность к экстраполяции и рассуждениям вкупе с его многочисленными достоинствами превратили бы его в грозного лидера французской школы настоящей научной фантастики, способного преодолеть Атлантику.

Полагаю, Франсис Карсак читал научную фантастику, чтобы развлечься, а писал — забавы ради. Делать карьеру в этой области ему даже не приходило в голову: писать, производить, публиковать, чтобы зарабатывать деньги и за счет этого жить — не его стиль.

В 1979 году, когда он невзначай обмолвился, что у него есть неизданные рукописи, я спросил: «Почему вы не опубликуете эти новеллы?» Не помню в точности его слова, но

ответ сводился к следующему: 1) « Не вижу смысла»; 2) « На днях я пролистал «Фиксьон» («Fiction») и его содержание показалось мне не слишком интересным». В надежде вернуть выгодное дельце («Возвращение Карсака в научную фантастику») я ему тогда объяснил, что существуют и другие профессиональные издания, и вручил один из экземпляров фанзина*, который я издавал в то время. Он взял его, сказав что-то вроде: «Я его просмотрю, может, пришлю вам что-нибудь». И ничегошеньки. На этом все и закончилось...

А когда я упомянул о текущем переиздании его произведений в серии «Пресс Покет», он взорвался: « Я запретил им продолжать. Они поместили на обложки моих книг совершенно голых красоток, в то время как в самих текстах их нет! Это невероятно! Я не целомудрен, но не понимаю, зачем нужно помещать на обложку голых женщин, если сцен, оправдывающих это, в романе нет!»** На переделку обложки, возобновление выпуска его романов у какого-нибудь другого издателя ему, похоже, тоже было наплевать...

И как, по-вашему, издатель должен работать с *таким* человеком, настолько бескомпромиссным, настолько «любителем», если не сказать хуже? Я вас уверяю: множество людей из кожи вон лезло, и при жизни Карсака, и после его смерти, чтобы его произведения снова стали доступны. Уж я-то об этом кое-что знаю!

У Франсиса Карсака был нелегкий характер. Особенно он был расположен к тому, чтобы наживать себе ожесточенных врагов в среде научной фантастики. И критики его не жалели.

* * * * *

Продолжим рассматривать эту передающую цепочку «автор-издатель-критик», расширяя наше поле размышления, но не слишком удаляясь от темы. В конце концов, случай Карсака — образцовый; журналы редко охотно публикуют полемические или раздражающие тексты, так что воспользуемся тем свободным пространством, которое представля-

* Фанзин «Fandom»

** В издании 1970 г. был указано, что Ф. Карсак — это профессор Ф. Борд, и, возможно, коллеги по работе, студенты и др. задавали ему вопросы на эту тему.

- J'ÉCRIS UN LIVRE ! BONNE ANNÉE 1966 !
- I AM WRITING A BOOK ! HAPPY NEW YEAR 1966 !

Франсуа Бورد, изображенный Пьером Лораном на новогоднем календаре кафедры преистории университета Бордо

ет это предисловие, чтобы попытаться посадить несколько чертополохов в саду «критики».

Существует три вида критиков: хорошие, никудышные и дураки. «Хороших» в последние годы стало меньше, ибо в нашей стране не осталось больше ни одного профессионального научно-фантастического журнала, достойного так называться: компетентные критики либо оставили этот жанр, либо пытаются продолжать свои размышления о научной фантастике в университетских публикациях, в которых, увы, принят некий свой жаргон. «Никудышные» размножаются как сорная трава; у этих от критики — одно лишь название, ибо они довольствуются тем, что видят во всем, что им любезно присылают издатели, «очень хорошее, очень красивое, не дорогое, нужное». Есть еще «дураки». Этих гораздо меньше, чем «никудышных», зато они более словоохотливые, а следовательно, и более пагубные. Проблема «дураков» заключается в том, что они действуют посредством уверенных выпадов и исключений. Не будем называть имена — они сами себя узнают. Вы все читали (возможно, не до конца) или хотя бы видели некоторые кровожадные статьи, опубликованные этими несчастными индивидами. В них нам преподносятся поразительные истины, вроде: «Единственная настоящая литература — политическая», «Единственная настоящая научная фантастика — *new wave* («новая волна»)», «Героическое фэнтези — не более чем дерьмо» (лично я совсем не люблю этот тип рассказов, но у каждого — свои вкусы, и все они заслуживают уважения), «Американская научная фантастика реакционна», «Американские авторы Золотого века — фашисты» и т. д. и т. п. Увы, в силу того, что профессиональная научно-фантастическая среда — мир малонаселенный, случается, что небольшой клике или группировке, проповедующей экстремистские идеи, удастся приобрести внушительный «редакционный вес» с реальным продвижением этих идей.

В 70-х годах специализированная критика слишком часто смешивала литературу и активность. Научно-фантастические произведения тогда оценивались, не исходя из оригинальности идей, концепций мизансцены, качества текста, авторского стиля, предложенного читателю развлечения, а сугубо на основе строго политических критериев.

Существовала «развлекательная» научная фантастика и научная фантастика «демонстрационная». В глазах этой группировки интеллектуальных террористов первая была пустой, колонизаторской, опасной, реакционной, фашистской; вторая практически ничем не отличалась от размноженных на ротаторе листовок, но решительно ставилась по «правильную» сторону баррикад. В чисто сталинской традиции был, например, уничтожен, из-за его провокационного романа «Звездный десант», Хайнлайн, и совершенно забыты его же чудесный роман «Дверь в лето» и целая серия произведений, скорее, имевших левый уклон (хотя и нелепо было бы переносить в американский мир типично французскую лево-правую дихотомию): «Луна — суровая хозяйка», «История будущего», «Чужак в чужом краю». Невероятно, но факт: десятки выдающихся американских авторов остаются сегодня практически неизвестными во Франции! Назовем Пола Андерсона, Джека Уильямсона, Ларри Нивена и почти всю совокупность течения «hard science-fiction», твердой научной фантастики.

И так как мой запас чертополохов еще далеко не исчерпан, добавлю, что, помимо беспечности критиков, следует брать в расчет специфичный подход к научной фантастике разных составителей серий, — зачастую подход весьма спорный, порой даже отвратительный.

За значительным исключением «В иных мирах и завтра», созидательные специализированные серии, те, что не довольствуются одними лишь переизданиями карманного формата, всегда были в руках «литераторов», а не «ученых», поэтому изданию произведений, склонных к литературному экспериментированию, отдавалось предпочтение в сравнении с произведениями более технического, более научного (или псевдонаучного) плана; словом, складывалось впечатление, что ответственные за составление серий лица стремятся вписать в свои каталоги произведения, как можно более непохожие на то, что кажется «научной фантастикой» нормальному среднестатистическому читателю. Или, быть может, так они пытались «впечатлеть» литературных критиков, показать, что научная фантастика является полноправной литературой? Очевидно же, что, окрестив «научной фантастикой» такие романы, как «Фабрика грёз Unlimited» Дж. Г. Балларда или

«Трансмиграция Тимоти Арчера» Филипа К. Дика, вы без особого труда убедите любого читателя общей литературы, что и научная фантастика тоже иногда может быть великой и настоящей литературой!

Однако эта жажда респектабельности, это стремление считаться полноправным литератором, а не просто «писателем-фантастом» ведет к весьма досадным излишествам. Самое свежее из них — публикация под ярлыком «научная фантастика» сборника «Вопреки всему миру», коллективного произведения, подписанного «Limite»; публикация, за которой последовало присуждение одному из текстов, входящих в этот сборник и не имеющих никакого отношения к научной фантастике, «Гран-при французской научной фантастики»! Такое впечатление, что все это — сон, тогда как в действительности — просто кошмар.

И как вы хотите, чтобы, в подобном контексте, к примеру, «Присутствие будущего» («Présence du Futur»), сегодня вписала в свой каталог романы Франсиса Карсак? Было время, когда этот же самый издатель без колебаний переиздавал романы Стефана Вуля, другой «звезды» французской научной фантастики конца пятидесятих годов. Тем не менее на первых порах романы Вуля выходили в «Черной реке» («Fleuve Noir»), у издателя, не слишком любимого интеллигенцией. Пример подала серия «В иных мирах и завтра» («Ailleurs et Demain»), также внесшая в свой каталог три произведения Стефана Вуля. Но времена меняются. Франсис Карсак, собственно говоря, и не является писателем крайне левых взглядов; очевидно и то, что главное качество его романов — читабельность, что редко сочетается со стремлением к литературному экспериментированию.

Бедный Франсис Карсак! Бедная научная фантастика...

В какой-то мере забыть об ошибках настоящего позволяют воспоминания о той счастливой поре, когда этот жанр и возник в нашей стране. Выйдя за пределы мифа о «лучшем французском писателе-фантасте» современной ему эпохи, за пределы легенды о «единственном писателе, соперничавшем с американцами», мы попытаемся поставить Франсиса Карсака на то место, которого он и заслуживает. Будет ли это первое место? Возможно... Но не все так просто...

Публикуя в феврале 1953 года в «Эстаундинг сайенс фикшн» эту беглую панораму французской научной фантастики, Франсис Карсак в качестве иллюстрации приводит произведения, изданные еще до 1939 года. Больше половины статьи посвящено Жозефу-Анри Рони-старшему. Далее вскользь упомянуты Эрнест Перошон, Шарль Деренн, Эрбер Режи, Тео Варле и Серж-Симон Эльд. Еще раз уточним: речь идет лишь о наброске панорамы, точнее сказать — о восхвалении Ж.-А. Рони, после чего идут некоторые указания на то, что предшественник породил конкурентов. Эта статья ставит проблему: перед нами любитель научной фантастики, писатель-фантаст (его первые два романа к тому времени уже написаны), выступающий глашатаем французской научной фантастики в самом престижном американском журнале, но — странное дело — дающий лишь частичный, если не сказать: пристрастный, ее обзор. Мы не станем заглядывать во вторую половину XIX века (иначе нас удивило бы отсутствие Андре Лори или Поля д'Ивуа) и удовольствуемся тем, что оценим карсаковское фильтрование в том, что касается «современных» ему авторов, то есть писателей XX века.

Удивительно, но в его обзоре не фигурирует Морис Ренар, который, однако, легко господствует в этом жанре с горсткой «неизбежных» произведений, из которых наиболее известным, вероятно, является «Синяя угроза»; упоминание о творчестве Режи Мессака тоже было бы не лишним. Если исходить из списка Франсиса Карсака, получается, что французская научная фантастика представляет интерес лишь до 1939 года. Я и не ожидал, что Карсак упомянет о некоторых необычных, но малоизвестных произведениях, например, о «Селенэ» Андре де Бальнека (1946), возможно, единственном романе того времени, который ни в чем не уступает американской научной фантастике, но трудно стерпеть непризнание основных писателей, писателей переходного этапа между «старой научной фантастикой» довоенного времени и «американизированным» течением, которое развивается начиная с 1950. Наиболее значительные, вероятно, Жак Спиз (от «Агонии Земли» (1935) до «Ока чистилища» (1945)) и Рене Баржавель («Опустошение» (1943) и «Неосторожный

путешественник» (1944)); первый практически уже заканчивал писать, когда второй только начал. Следует, пожалуй, назвать и роман Б. Р. Брюса «И планета взорвалась» (1946).

Умолчания Франсиса Карсака гораздо более показательны, чем выбранные им произведения. Из его списка исключены писатели, чье поведение во время войны и периода оккупации-коллаборации является как минимум весьма сомнительным: «Опустошение» Баржавеля выходило в коллаборационистском журнале, а Брюсс состоял в правительстве Виши. Исключены также и авторы «искусственные», те, что писали научную фантастику лишь от случая к случаю, — хотя Морис Ренар и был одним из первых, кто настаивал на оригинальности этого жанра, который он еще в 1914 году охарактеризовал термином «*merveilleux scientifique*» — «научно-чудесное».

Франсиса Карсака увлекает спекулятивный аспект научной фантастики, воспроизведение научной идеи или понятия. Произведения, которыми он восхищается (иногда написанные на ломаном французском языке, но какое это имеет значение?) — это те, где все крутится вокруг оригинальной идеи. И в этой статье он представляет свои любимые произведения исключительно в зависимости от интереса и научного правдоподобия понятия, на котором они основываются.

Франсис Карсак был ненасытным читателем специализированных американских журналов; наиболее увлекательным ему представлялся кэмпбелловский «Эстаундинг сайенс фикшн», и потому неудивительно, что он умолчал о продукции серии «Предвидение» («*Anticipation*») от «Черной реки». И все же!.. Для любителя научной фантастики и начинающего писателя главным событием 1951 года является открытие двух специализированных серий издательства «Ашетт» («Невероятные романы-загадки» и «Фантастический луч») и одной «Черной реки» («Предвидение»), которая, в отличие от серий «Ашетт», была предназначена для французских авторов, по крайней мере — на первых порах. Очевидно же, что для французского любителя научной фантастики, высказывающегося в 1953 году в американском журнале, приятнее всего было бы заметить, что теперь и у нас тоже, во Франции, есть посвященные этому жанру серии, в одной из которых издаются исключительно национальные авторы!

Молчание Франсиса Карсака свидетельствует лишь о том, что он счел этот факт малозначимым, вероятно, по причине спорного качества первых романов Ф. Ришара-Бесьера и Джимми Гиё — по крайней мере, в сравнении с произведениями современных американских писателей. Однако в 1952 году «Предвидение» начнет издавать Жана-Гастона Ванделя, писателя очень прогрессивного в данной тематике, а в 1954 году — Б. Р. Брюсса, редко гениального, но уж точно не посредственного, тогда как в серии «Будущие видения» в 1952 и 1953 году выйдет с десятков произведений, не представляющих особого интереса.

Когда Франсис Карсак опубликует «Пришельцев ниоткуда» (1954) и «Робинзонов космоса» (1955), он уже не один: рядом с ним на сцене с десятка два писателей-фантастов. В 1953 году были образованы три специализированных журнала, «Сьянс-фиксьон магазин», «Галакси» и «Фиксьон» («Science-Fiction Magazine», «Galaxie» и «Fiction»), в 1954 году стартует «Серия 2000» («Série 2000») издательства «Метал» («Métal»), предназначенная исключительно для французских авторов. В 1955 году начинает издаваться серия «Космос» («Cosmos»), где в том же году выходят Келлер-Брэнен, а в 1956 году — Морис Лима, популярный автор, вот уже лет пятнадцать пишущий научную фантастику для отдельных выпусков издательского дома «Ференци» («Ferenczi»). В «Фантастическом луче» появляется еще один французский автор, П. А. Урэ, дебютирующий с весьма посредственного романа «Вюзз», увидевшего свет за два месяца до «Робинзонов космоса».

В общем, в 1954–1955 годах Франсис Карсак не является единственным французским писателем-фантастом, но его можно считать застрельщиком. Достаточно прочитать или перечитать упомянутые мною произведения, чтобы оценить литературное мастерство и богатство воображения, словом, гигантский талант Франсиса Карсака. Соперничать с ним, вероятно, может один только Шарль Эннеберг («Рождение богов», 1954). В эти два года — 1954–1955 — Франсис Карсак открывается как писатель. Следующих произведений придется подождать: роман «Бегство Земли» появится лишь в 1960 году, вслед за горсткой новелл, вышедших в 1958

и 1959 годах. Увы, именно между 1956 и 1960 годами в журналах и специализированных сериях бушует, словно цунами, вся французская научная фантастика.

Назовем лишь несколько произведений, качество которых не подвергается сомнению:

1956:

Жан Амила, «Девятка пик»;

Жан-Луи Кюртис, «Святой в неоне»;

Жак Стернберг, «Выход в глубь пространства»;

Стефан Вуль, «Возврат к 0»;

1957:

Стефан Вуль, «Ниурк»;

Стефан Вуль, «Лучи для Сидара»;

Стефан Вуль, «Объятые страхом»;

Стефан Вуль, «Омы на потоке»;

Стефан Вуль, «Храм прошлого»;

Жан Польяк, «Жужжание ос»;

1958:

Жерар Клейн, «Жемчужины времени»;

Жерар Клейн, «Звездный гамбит»;

Стефан Вуль, «Сирота с Пердида»;

Стефан Вуль, «Живая смерть»;

Стефан Вуль, «Ловушка на Заркасе»;

1959:

Даниэль Дрод, «Поверхность планеты»;

Шарль Эннеберг, «Роса солнца»;

Стефан Вуль, «Terminus 1»;

Стефан Вуль, «Одиссея под контролем».

1960:

Жан Угрон, «Знак собаки»;

Мишель Жери, «К звездам судьбы»;

Мишель Жери, «Машина власти»;

Филипп Кюрваль, «Цветы Венеры»;

Жерар Клейн, «Хирурги планеты».

Вернувшись в научную фантастику после нескольких лет молчания, Франсис Карсак сталкивается с серьезной конкуренцией.

«Предвидение» от «Черной реки» с радостью печатает таких продуктивных авторов, как Рэйжан, Ранда, Лима, Стей-

нер, Брюсс, некоторые из которых, например, Вуль и Клейн, относятся к числу лучших тогдашних писателей. «Фантастический луч» приступом берут Мартель, Клейн, Кюрваль, Эннеберг, Жери. «Присутствие будущего» публикует превосходные французские произведения, но главным образом сборники — первым, прежде не издававшимся, французским романом станет «Знак собаки» (1960).

Франсис Карсак опубликует еще два романа в 1962 году: «Этот мир — наш» и «Наша родина — космос», а также с десяток рассказов между 1959 и 1962 годом, затем исчезнет почти полностью. Останется проблема «Львов Эльдорадо», опубликованных в 1967 году в «Предвидении». Франсис Карсак открыл мне как-то раз, что этот роман был предназначен для «Фантастического луча», но исчезновение этой серии в 1964 году надолго задержало публикацию. Эта информация позволяет полагать, что «Львы Эльдорадо» были написаны примерно в то же время, когда были изданы предыдущие два романа.

Сверкнув ярко, но недолго, французская научная фантастика начинает в 1964 году (в год закрытия серии «Фантастический луч») длинный переход через пустыню. Все серии, появившиеся между 1951 и 1955, за исключением «Предвидения» от «Черной реки» и «Присутствия будущего», исчезают. Первая печатает только горстку чрезвычайно производительных «домашних» авторов; вторая колеблется между фантастикой и научной фантастикой, интернационализмом и американизмом, чередуя публикацию несомненных шедевров с изданием жалкой халтуры — низшая точка, похоже, достигнута в 1967 году с выходом романа «Паллада, или злосудие» некоего Эдвара де Капуле-Жюнака!

В 1965 году империя «Опта» запустит свои основные серии «CLA» и «Галакси — Бис» («Galaxie-Bis»), но французские писатели в них выходить не будут. Придется дожидаться самого конца 1969 года, когда в «Присутствии будущего» появится новый мощный автор в лице Жана-Пьера Андревона и будет запущена новая престижная серия, «В иных мирах и завтра». Уже в следующем году собственную научно-фантастическую серию начнет печатать «Я прочел» («J'ai lu»), да и «Марабу» («Marabout») увеличит выпуск книг этого жанра.

Но слишком поздно для Франсиса Карсака: французская научная фантастика семидесятых годов уже совершенно несравнима с научной фантастикой пятидесятых годов! К счастью, впрочем, это доказывает, что жанр вполне жив и эволюционирует! Но эта эволюция порождает слишком много лишнего. Худшее, вероятно, заключается в том, что принято считать: достойны интереса лишь «новаторские» произведения. Отсюда — и стремление некоторых писателей подхватить факел «великих старейшин» и сражаться любыми средствами. Впрочем, кое-какие сторонники «научно-фантастической повести» пытались «перезапустить» Карсака.

Прежде всего я имею в виду Жана-Пьера Андревона, автора пусть и политизированного, но никогда не смешивающего листовку и литературу. Жан-Пьер Андревон — один из лучших современных французских писателей; возможно, даже самый блестящий чеканщик новелл своего поколения. Но это не помешало ему выпросить у Франсиса Карсака неизданную новеллу для одной из своих антологий («Возвращение на Землю»)* и восхищаться сегодня еще и Жаном-Гастоном Ванделем.

Все тот же Жан-Пьер Андревон поможет мне плавно перейти к заключению этого предисловия, уже написанному.

Следует прочесть его «Другую сторону», чудесный автобиографический отрывок, опубликованный в № 4 журнала «Сьянс-фиксьон» («Дэноэль», 1985). На полутора десятках страниц Жан-Пьер Андревон отвечает на вопрос: «Почему научная фантастика?» Этот волшебный текст преисполнен волнения и говорит об авторе больше, чем все его литературное творчество. В нем один из «отцов-основателей» современной политической научной фантастики рассказывает о том, какое удовольствие он испытывал от чтения таких произведений, как «Фауна пространства»** А. ван Вогта, «Звездные короли» Э. Гамильтона или цикл приключений Джона Картера Э. Р. Берроуза.

* «Возвращение на Землю» («Retour à la Terre» — 1, 1975): повесть «Так скучают в Утопии».

** Франц. название романа «The Voyage of the Space Beagle» — «Путешествие “Космической гончей”».

Закончить же это долгое предисловие (да простят мне читатели мою многословность и отступления от темы) я хотел бы так: каждая эпоха производит свою порцию шлама и горстку шедевров. Думаю, мой друг Жан-Пьер Андревон согласился бы с этой ремаркой и разделил бы мое убеждение: можно любить Эдмонда Гамильтона, Стенли Вейнбаума, Ната Шахнера, Роберта Абернати, Альфреда Бестера, Альфреда ван Вогта, Роберта Хайнлайна, Фредерика Брауна, Эрика Франка Рассела, Клиффорда Саймака, Филипа Дика, Орсона Скотта Карда и Уильяма Гибсона и в то же время называть лишь нескольких писателей, заслуживающих внимание за последние полвека.

В тот день, когда я составляю подобный список французских фантастов, он, этот список, вероятно, будет менее длинным, но Франсис Карсак займет в нем видное место.

*Франсис Валери,
Париж, 1988 г.,
предисловие к «Бегству Земли».*

Франсуа Борд на раскопках пещеры Комб-Греналь в долине Дордони, близ г. Домм (1964)

Дом в деревушке Карсак (Дордонь), название которой Ф. Борд «позаимствовал» в качестве псевдонима

*Демонстрация
оббивки камня
Ф. Бордом*

*Фотография
стратиграфической
колонки
в Комб-Греналь*

Ф. Борд
в Пеш де л'Азе IV

Ф. Борд и аббат Брэй (фото без указания места и даты)

*Ф. Борд
(конец 1950-х гг.)*

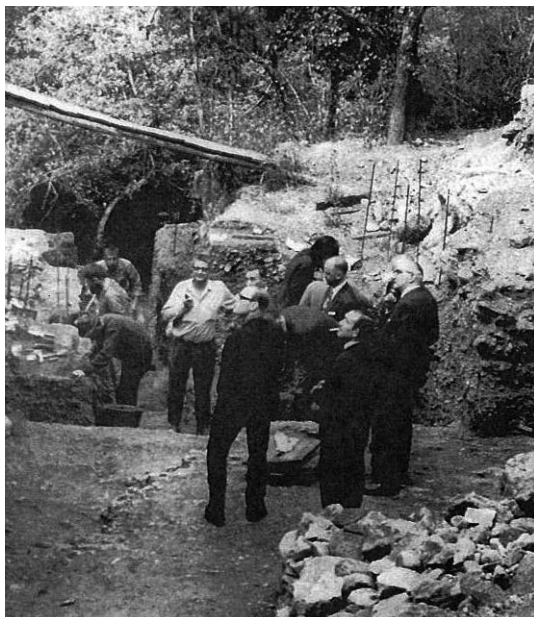
*Демонстрация
оббивки камня
Ф. Бордом*

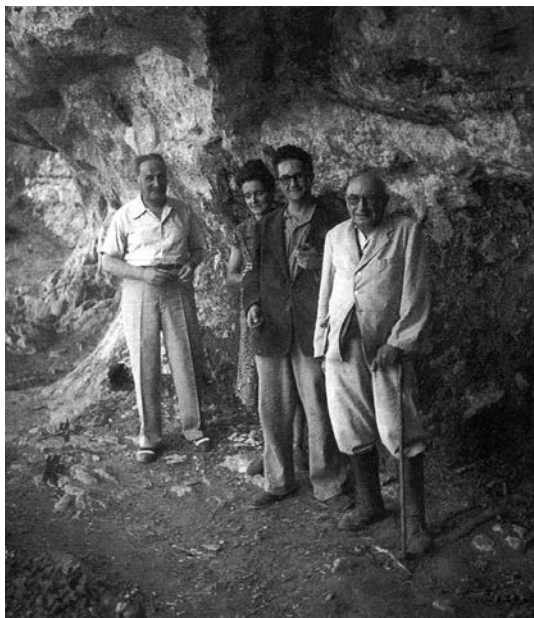
Ф. Борд и практические занятия по оббивке камня

*Ф. Борд и Л. Мерок
(Комб-Греналь,
конец 1950-х гг.)*

*Посещение
места проведения
раскопок
(Комб-Греналь,
конец 1950-х гг.)*

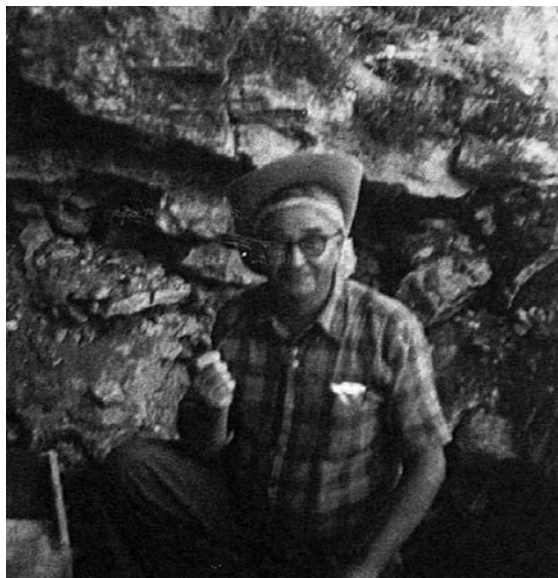
*Р. Де Буассон,
Д. де Сонвиль-Борд,
Ф. Борд
и аббат Брёй*

Инвентарь для раскопок

*Ф. Борд
и Д. де Сонвиль-
Борд*

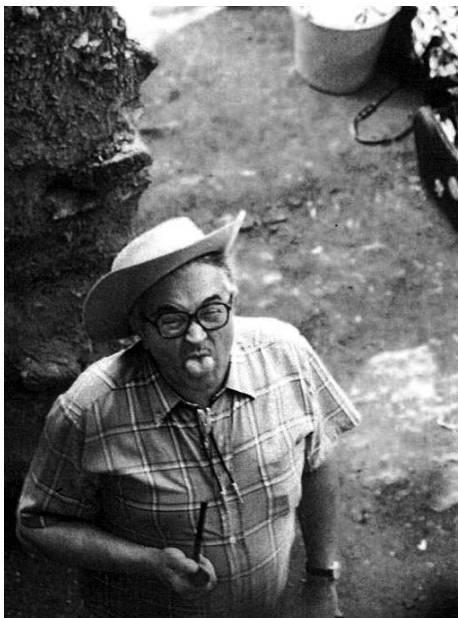

Ф. Борд
(лето 1971 г.)

Ф. Борд в Пеш де л'Азе IV (1974 г.)

Ф. Борд в Пеш де л'Азе IV
(1975 г.)

Ф. Борд

ТАК СКУЧАЮТ В УТОПИИ

TANT ON S'ENNUIE
EN UTOPIE

1975

I

Встреча с меланским крейсером длилась всего десять секунд, но и в столь скоротечном бою «Отважный» потерял двух членов судовой команды. В обшивке отсека № 17 теперь зияла большая дыра. В каком состоянии находится вражеский звездолет, никто не знал. Бортовые самописцы зафиксировали два попадания в цель.

Капитан Рон Вариг не стал тратить время на то, чтобы проклинать случай, вынесший их в обычном пространстве прямо на врага. То было одно из последствий этой глупой войны, которая длилась веками, хотя никто в точности не знал, ни зачем она ведется, ни кто ее начал. На нейтральной планете Тельма уже целую вечность тянулись переговоры о мире, и виноваты в том были не только дипломаты. Как остановить конфликт, растянувшийся на пространстве в 15 000 световых лет, конфликт, в который вовлечено более 10 000 планет? Каждый раз, когда с трудом удавалось прийти к тому или иному компромиссу, какой-нибудь дурак или горячая голова снова подливал масла в огонь. И Вариг уже не был уверен в доброй воле ни своего народа, ни Других.

Они, эти Другие, несмотря на их черную кожу, тем не менее тоже были людьми, или почти. Некоторые антропологи даже утверждали, что меланцы (что означало «черные», хотя сами они называли себя афрэнами) обязаны своим происхождением той же планете, что и вайты, некоему мифическому миру под названием Эрсс, Терра или Земля, как говорилось в легендах. Большинство документов, касавшихся корней человечества, были утрачены 12 000 лет тому назад, когда

солнце Мадиссы взорвалось, превратившись в новую звезду. Выжившие разлетелись кто куда в поисках гостеприимных земель и в течение десяти столетий, порой даже больше, жили изолированно, восстанавливая цивилизацию зачастую в тяжелых условиях, прежде чем задумались о том, чтобы возродить узы расы через бескрайние межзвездные пространства. Эта работа по воссоединению была столь длительной, что Федерация образовалась лишь 4600 лет тому назад.

Теперь она простиралась примерно на 7000 световых лет в диаметре, объединяя, пусть и не самым прочным образом, различные, но неизменно населенные вайтами миры. Разумеется, физические пропорции, цвет волос и глаз (ах, эти блондиночки с Ванира, с зелеными, как Орокское море, глазами!), оттенки кожи менялись, но они все были светлыми. Антропологи утверждали, что среди беженцев с Мадиссы у некоторых была темная кожа, но если и так, они уже поглотились, их гены настолько разбавились, что уже не могли оказать какое-либо влияние.

В 4005 году Федерации, «Прекрасная Лия», звездолет, исследовавший пространство, повстречал на Тари, небольшой, представляющей мало интереса планете, аналогичную экспедицию меланцев. Сначала встреча была вполне мирной. Несмотря на их черную кожу и крупный нос, меланцы выглядели почти людьми. Но затем вдруг что-то пошло не так. Какая стычка пьяных матросов, какой ничтожный, пустой конфликт развязал войну? «Прекрасная Лия» была не боевым звездолетом (тогда мы вообще располагали таковыми в крайне малом количестве), но исследовательским судном. Когда она вернулась в свой порт, Армор, никто из выживших членов команды не смог точно сказать, с чего все началось. В последующие месяцы бесследно исчезло с полдюжины наших звездолетов, что вызвало ответные меры. Теперь каждая из планет тратила огромные средства на боевой флот, постоянно крейсировавший вокруг нее. После истребления Блондора, планеты, уничтоженной нейтронной бомбой, планеты, где за одну ночь погибло три миллиарда, никто не хотел рисковать.

О! Вайты не сидели сложа руки: два меланских мирка повторили судьбу Блондора, прежде чем черные применили ту

же тактику защиты в отношении своих планет. С тех пор, как с одной стороны, так и с другой, применялись лишь дистанционно управляемые водородные бомбы (нейтронные нужно было собирать на месте), относительно безобидные: тихую ночь прорезал невыносимый свет, огромный гриб смерти поднимался через атмосферу. Но гораздо чаще происходили «встречи» флотилий, сопровождавшиеся выбросом торпед и стремительным отходом в Пространство II. «Слава Создателю, — подумал Вариг, — что еще не изобрели способ перенести войну туда».

Кроме того, и с одной стороны, и с другой совершались налеты на плохо охраняемые небольшие планеты, но водородных бомб при этом не сбрасывали, так как цель была — разграбление и захват пленных. Этим занимались Космические Братья, смешанные отряды, в которые входили обычные пираты, ищущие выгоду (некоторые из них нападали даже на вайтские аванпосты), корсары, действующие на основе хартии Федерации, или молодые смельчаки, вылетавшие на старых, вооруженных кое-как звездолетах и зачастую исчезающие навсегда.

Вариг пожал плечами. Он был из этих последних, но преуспел. Теперь у него был «Отважный», да и удача все еще сопровождала его. Несколько успешных и глубоких проникновений в меланское пространство принесли ему репутацию человека смелого, но здравомыслящего, тщательно готовящего свои рейды и никогда не рискующего жизнью людей понапрасну. Это позволило ему выбрать среди Космических Братьев надежный и фанатично преданный экипаж, а затем и получить задание, которое он выполнял в данный момент.

Почему он согласился? На большую выгоду рассчитывать не приходилось, кроме, быть может, славы, но в сорок пять лет слава его уже ничуть не интересовала. Он уже начинал уставать от приключений (Ох, Мойя! Длинноногая Мойя, цветок моей юности, почему ты предпочла мне Йони?). А может, все дело было в том, что в душе он надеялся, что как-то сможет поспособствовать объединенным усилиям, направленным на как можно более скорое завершение войны? Партия мира, приобретающая все больше и больше сторон-

ников в Федере, их столице, наконец вытащила из рукава свой главный козырь: доклад Фельсиема. Фельсием, профессор университета, был одним из тех, кто страстно искал корни человечества. Все биологи, да и археологи тоже, сходились в том, что ни на одной из планет Федерации человек эволюционировать не мог. Единственные археологические артефакты, относящиеся к более раннему периоду, чем сохранившиеся письменные документы, находились на Нере, и происходили от исчезнувшего туземного племени, крайне непохожего на людей. Фельсием всю свою жизнь провел за тем, что анализировал легенды, копался в архивах. Он пришел к выводу, что первичная планета должна располагаться вне нынешних границ Федерации, в направлении края Галактики, и, вероятно, в секторе созвездия Букета*. Но, хотя он и собрал больше документов, чем любой другой антрополог, хотя он и имел в своем распоряжении бесчисленные компьютеры Федеры, его аргументы не возобладали над всеобщим убеждением. Затем, год спустя, ему улыбнулась удача. Безвестный музей Тоналы, небольшого городка третьестепенной планеты, после смерти старого капитана Яна Мельрона получил разнородную коллекцию, собранную им за долгие годы космических странствий. В числе прочего в нее входила металлическая пластина, изъеденная коррозией за тысячу лет нахождения под воздействием излучений и космической пыли, которые она принимала на себя в небольшом примитивном космическом аппарате, оставленном в вакууме**. На этой пластине, и сейчас еще вполне узнаваемые, были выбиты силуэты мужчины и женщины и некие другие знаки. Хранитель музея тотчас же подумал о Фельсиеме и выслал ему копию. Вскрыв сверток, Фельсием испустил радостный вопль и бросился к видеофону. По приказу федеральных властей хранитель музея Тоналы вынужден был отправить в столицу оригинальную пластину, получив взамен с полдюжины статуй Джона Керемора, знаменитого скульптора XXX века.

* Созвездие, не существующее на небе Земли. Для того, чтобы его увидеть, нужно смотреть с планеты другой звезды.

** Тут явный намек автора на «Пионер-10», автоматическую межпланетную станцию, запущенную 3 марта 1972 года.

Университетская лаборатория определения возраста физическими методами дала ответ довольно-таки быстро: этой пластине было как минимум 12 500 лет, быть может, 13 000. Стало быть, она существовала еще до мадисского катаклизма! И нанесенные на ней координаты, которые настойчиво пытались расшифровать компьютеры, могли быть координатами первичной планеты!

Но колесики административной машины крутятся тем медленнее, чем их больше. Партия мира делала все что могла: если удалось бы отыскать материнскую планету, возможно, получилось бы доказать, что меланцы и вайты имеют общее происхождение. И если оказалось бы, что они действительно развились под одним и тем же небом, то следовало бы как можно скорее остановить эту братоубийственную войну, так как развалился бы главный аргумент сторонников войны — что меланцы отличны от вайтов по существу, что это непостижимые чудовища. Но в министерстве астронавтики, разумеется, заправляли отнюдь не сторонники мира. Тогда Фельсием подумал о Роне Вариге.

Рон был одним из самых блестящих его студентов, и профессор сильно удивился и расстроился, когда, двадцать три года тому назад, молодой человек забросил занятия из-за какой-то любовной печали и присоединился к Космическим Братьям. С тех пор они виделись редко, но время от времени Рон приносил своему бывшему преподавателю тот или иной документ или предмет, который мог бы заинтересовать старика. Но теперь Фельсием был недалек от мысли, что неверность красавицы Мойи была ниспослана самим Провидением!

Вот так Рон и получил от университета Федеры официальное задание: отыскать Терру. На борту его корабля был установлен особый компьютер, в память которого были загружены все сведения из легенд, собранных на различных вайтских планетах, самые разные интерпретации этих данных, а главное — координаты, выведенные из Пластины Мельрона. Вот так они и оказались в нескольких десятках световых лет от предполагаемой цели и только что обнаружили, что меланцы также бывают в этих местах. Уж не ищут ли и они Терру, или же эта зона принадлежит их империи?

— Наблюдения завершены, капитан. Мы готовы к прыжку.

Голос лейтенанта Дюпара вывел его из раздумий. Рон находился в командной рубке: располагавшиеся прямо перед ним экраны показывали ледяное великолепие испещренного звездами черного вакуума.

— Ремонт произведен?

— Естественно, капитан.

Молодой офицер принял оскорбленный вид. Рон улыбнулся.

— Полноте, не обижайтесь, лейтенант! И не щелкайте каблуками! Вы теперь не на флоте, а на пиратском звездолете!

— Боюсь, я так и не смогу к этому привыкнуть.

— Вы не замечали в бою или же в повседневной жизни что-нибудь такое, из чего можно было бы сделать вывод, что наша эффективность не столь высока, как на ваших крейсерах?

— Нет, не замечал. Но должен признаться, всякий раз, когда ко мне обращаются по имени...

— Вас это шокирует? Ничего, с этим вы справитесь. Мы можем обходиться без формальной дисциплины, потому что здесь у нас экипаж, в котором все построено на принципе взаимного уважения. Все знают, что я без колебаний пушу в расход любого, кто проявит трусость, эгоизм или же по злому умыслу подвергнет корабль опасности. В свою очередь, и сам я понимаю, что моя власть признается лишь потому, что она справедлива и действенна. Мы здесь не нуждаемся во внешних знаках почтения... Наши координаты?

— Примерно сто четыре световых года до цели. Скорость максимальная, восемь десятых.

Рон набрал на клавиатуре терминала компьютера.

— Выходит, в искомую зону мы прибудем через четыре часа. Прекрасно. Заступайте на вахту, лейтенант.

Рон покинул командную рубку, обменялся парочкой слов с людьми, повстречавшимися ему в центральном коридоре, затем вытащил из кармана ключ. Уже вставляя его в замочную скважину, он на миг ощутил головокружение, всегда возникавшее при пространственном переходе. Каюта, в которую

он вошел, была маленькой, но уютной, снабженной даже обзорным экраном, который показывал теперь лишь черноту, уже не освещаемую мерцанием звезд Пространства II. В кресле, читая книгу, сидел человек — человек с черной кожей, меланец.

— Приветствую вас, Нам Ункумба!

Меланец оторвал взгляд от книги.

— И я вас приветствую, капитан Вариг!

— Через четыре часа мы будем у цели.

— Четыре часа! Не странно ли, что это составляет четыре часа и для меня тоже?

Он говорил на федеральном бегло, но придавая бóльшую звонкость согласным более глубокими звуками, что почти превращало его в какой-то другой язык.

— Да. Чрезвычайно забавно, что у нас с вами одни и те же стандартные часы! Быть может, теория Ванжа, согласно которой наши расы прибыли из одного и того же мира, верна?

— У нас тоже некоторые так полагают, но особой популярностью подобная точка зрения не пользуется.

— Вы ненавидите нас, не так ли?

Ункумба пожал плечами.

— Конго и Вана были прекрасными планетами!

— Возможно. Но и Блондор тоже!

— Мы напали лишь после ваших налетов на Дар Эруи!

— Шесть наших звездолетов таинственным образом исчезли!

— Несколько наших также исчезли. Но почему вы так уверены в том, что в исчезновении ваших кораблей виноваты именно мы?

— Кто же еще, в этом секторе галактики? Но я не об этом пришел поговорить с вами, а о цели моей миссии — нашей миссии.

— Нашей миссии? Я здесь — не кто иной, как ваш пленник!

— С этой минуты вы свободны. Я знаю, что вы антрополог, — потому-то Фельсием и вытащил вас из телеранского лагеря. Для того, чтобы, если мы найдем Терру, вы помогли нам доказать, что именно ей обязаны своим происхождением оба наши народа.

— Тогда почему меня держали взаперти в этой кабине до сих пор? О! Тюрьма была уютная, но все же это была тюрьма!

— По правде сказать, нам предстояло пересечь часть вашей территории, и моим людям не понравилось бы, если бы, пока нам угрожала опасность, по кораблю свободно расхаживал один из врагов.

— Хорошо, капитан. Если мы обнаружим Землю, я вам помогу.

II

На выдвижных экранах телескопов планета (Земля?) выглядела синим миром, загороженным облаками. Ее сопровождал огромный спутник. Все это совпадало с информацией, содержавшейся в компьютере.

— Что делаем теперь, капитан? — спросил Стан Дюпар.

— Какое-то время просто понаблюдаем. Даже если это Земля, легендарная планета-мать, мы не знаем, кто на ней живет сейчас, если она вообще обитаема. Поймал какие-нибудь сигналы, Блондель?

Офицер-связист покачал головой в знак отрицания.

— Абсолютная тишина на всех частотах электромагнитных волн. И на волнах Клера-Бюсналя тоже ничего.

— На каналах нейтринного излучения тоже ничего, — добавил Абуль, физик, отвечающий за детекторы.

— Мертвая планета? Или приносящая смерть?

— Они должны были бы засечь нас еще в тот момент, когда мы вышли из Пространства II. Что касается нейтринно, то никому еще не удавалось замаскировать их передачу. Ладно, давайте посмотрим, но осторожно. Правда, я боюсь, что мы прибыли слишком поздно, если это действительно Земля! Сначала произведем разведку спутника.

То был унылый мир, изрешеченный метеоритными кратерами. Сперва они облетели темную сторону, в тот момент совпадавшую с той стороной, которую центральная планета никогда не видела. Темнота не являлась помехой, так как сверхчувствительные радары «Отважного» давали столь же детальное изображение, сколь оно могло быть при солнечном

свете. Ничего, ничего, кроме пологих гор, кратеров и расщелин.

— Рон! Взгляни на тот из экранов, что показывает изображение в диапазоне видимого света!

Далеко впереди мрак на поверхности спутника прорезал свет. Рон увеличил изображение. То было голубоватое пятно очень сплюснутого эллипса, мало-помалу раздувавшееся по мере приближения к нему звездолета. Затем оно оказалось прямо над ними, и Рон увидел, что это круг. От изумления у него отпала челюсть. Взгляд его погружался, насколько хватало глаз, в громадный туннель километров в сто шириной, уходивший прямо к центру спутника и залитый голубоватым светом. Стены его были чистые и гладкие, словно срезанные бритвой; местами на них виднелись неправильной формы черные впадины.

— Он искусственный!

— Но кто мог это сделать, и как?

— Приведите меланца!

— Это уж точно не они, Рон! Мы бы давно уже были мертвы, если бы они обладали такими способностями.

— И что будем делать теперь?

Рон обвел взглядом свой штаб, столпившийся вокруг него в командной рубке: Стан Дюпар, старший помощник капитана, предоставленный федеральным флотом (друг? шпион?), Блондель, радист, Абуль, физик, Борнэ, биолог, Дюрю, антрополог, Гедан, молодой энсин*, для которого это была первая экспедиция. Капитан подумал о своем старом друге Гуннар-соне, находившемся в пункте управления огнем и готовом в любой момент долбануть из всех орудий «Отважного», обо всех матросах на их постах, а затем повернулся к только что вошедшему Ункумбе.

— Это ведь не ваша работа, не так ли? Что ж, друзья, придется нам обследовать этот туннель!

Он включил общий коммуникатор.

— Космические Братья! Кто-то, или что-то, пробило в этой луне гигантский туннель. Мы не имеем малейшего

* Звание ниже на ступень звания лейтенанта, присваивается сразу после окончания училища.

представления ни о причинах этой титанической работы, ни об использованных средствах. Стало быть, нам нужно в этом разобраться. Пусть все будут начеку каждую секунду — возможно, от этого зависит наша жизнь. На этом — всё... Стан, распорядитесь осуществить манёвр!

«Отважный» замер у входа в туннель. Быстрое измерение показало 97 километров ширины. И невероятное исследование началось. Вблизи стены выглядели еще более впечатляющими из-за их полированной, словно зеркальной, поверхности.

— Это не плавка, тут все гораздо более ровно, — сказал наконец Абуль. — И этот туннель идеально круглый! Что же касается голубого света, то он, должно быть, вызван довольно-таки сильной радиоактивностью, впрочем, не представляющей для нас, находящихся за защитными экранами, опасности.

Тянувшаяся на экране стена выглядела однообразной, являя лишь незначительные различия, — вся разнородность была скрыта полировкой. На глубине 75 километров в туннеле обнаружилась преграда: местами горная порода выдавилась из-за огромного давления, и ее отвалившиеся фрагменты под действием силы тяжести скопились в одну большую кучу.

— Возвращаемся! Стан, выводите «Отважного» в точку, расположенную абсолютно симметрично на освещенной стороне поверхности. Мне в голову пришла одна мысль, вероятно, безумная, но я хотел бы ее проверить.

Спустя час звездолет завис у входа в огромный туннель, теперь уже темный на залитой солнцем равнине.

— Что ж, в конечном счете моя мысль оказалась не такой уж и безумной! Что-то, или, скорее, кто-то, управляя неведомой нам энергией, пробил эту луну насквозь, и так как вход здесь более узкий, чем выход с другой стороны, эта энергия, судя по всему, имела форму конического пучка...

Он прервался на секунду, что-то подсчитал на компьютере, прочел ответ.

— ...и верхушка этого конуса находилась на этой планете, которая, несомненно, и есть Земля!

— Проходка туннеля, вероятно, была мгновенной, или почти, — задумчиво произнес Абуль. — Горная порода не успела осыпаться, как он уже был готов. Лишь затем, под давлением, она кое-где обвалилась начиная примерно с 75-го километра глубины.

— Так вы полагаете, что там, — промолвил Дюпар, указав вниз, на планету, — у них есть...

— Пока что не знаю, но вскоре мы сами всё увидим!

Хотя проходить в Пространстве II рядом с телом большой массы было чрезвычайно опасно, Рон держал руку на ручке управления, думая о том, что если случится нападение, оно будет столь внезапным, что он просто-напросто не сумеет среагировать. «Отважный» летел на высоте сто километров, внимательно осматривая поверхность планеты, но под ними были лишь моря, горы, реки и особенно леса, саванны и степи, в зависимости от широты. Нигде — ни городов, ни даже деревень, поселков или небольших уединенных жилищ, и ничего, за исключением сглаженных временем следов, погребенных под слоем почвы, каналов и дорог не свидетельствовало о том, что эта планета когда-либо была обитаемой. Время от времени неравномерность в расцветке или расположении указывало вероятное местоположение какого-то исчезнувшего городка. Некоторые из них, должно быть, были огромными. Но если ничего такого, что говорило бы о присутствии людей, обнаружить не удавалось, животных тут было полным-полно: в степях и саваннах паслись крупные стада травоядных животных, по лесным полянам пробегали отдельные особи.

— Если это действительно Земля, люди ее покинули, — сказал Рон.

— И однако же тут есть нечто занятное, — ответил Борнэ. — Эти леса, вон там...

— И что с ними?

— А то, что у них отнюдь не естественный вид! Такое впечатление, что их поддерживают в порядке, по крайней мере — в отдельных местах. Это вовсе не дикие леса.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что здесь есть какая-то растительная цивилизация?

Борнэ пожал плечами.

— Разумеется нет! Существование растительной цивилизации представляется мне не более правдоподобным, чем существование цивилизации минеральной! Но все выглядит так, словно совсем еще недавно кто-то занимался этими лесами. Вот этот, прямо перед нами, вообще похож на парк!

— Действительно!

— Давайте опустимся!

— Не сейчас. Я хочу сначала облететь всю планету.

— Давайте заберем немного севернее, — произнес чей-то низкий голос.

— А, это ты, Боран! Где ты был? И почему — севернее?

— Чтобы получше рассмотреть эти ледяные шапки, — сказал геолог. — Я еще раз перечитал имеющуюся у нас информацию о Терре. Похоже, это была планета, подверженная более или менее периодическим оледенениям, и именно сейчас этот мир выглядит так, словно находится в стадии оледенения! Тут есть громадные материковые ледники, которые опускаются до 60-го градуса широты.

— Ладно! Курс — северо-запад. И мы опустимся, так как, если бы на нас хотели напасть, уже бы, полагаю, давно напали. Полетим на высоте десять километров.

Будучи пиратским звездолетом, «Отважный» был сделан так, чтобы одинаково хорошо действовать как в вакууме, так и в атмосферах: он продолжил свой путь по направлению к 45-му градусу широты на скорости около тысячи километров в час. Он облетел огромную равнину, ограниченную с юга горами, пересек несколько небольших морей, затем более многообразные районы, длинную цепь гор, тянущуюся с севера к югу, оставил справа старый, подвергшийся сильной эрозии горный массив, который, должно быть, когда-то был вулканическим.

— Вижу дым! — прокричал Дюпар. — Вон там!

— Стоп!

«Отважный» остановился, поддерживаемый его антигравитационными полями.

— Где он, этот дым?

— Мы его пролетели. Он остался примерно в пятидесяти километрах позади.

Это был край высоких холмов, перемежавшихся глубокими долинами с отвесными каньонами, в которых протекали средней величины реки. Ландшафт представлял собой степь, в которой тут и там встречались скопления деревьев, а в защищенных местах — даже густые леса. Здесь проходили многочисленные стада. Рон увеличил изображение.

— Быки, лошади, олени, — сказал он. — А вон там — несколько львов, еще чуть дальше — медведь.

Все эти животные были ему знакомы. Некоторые существовали на планетах Федерации, но главное — все они фигурировали в старом трактате по зоологии, хранившемся в университетской библиотеке Федеры и, предположительно, являвшемся копией некоего труда, изначально изданного на Терре.

— Что ж, похоже, мы обнаружили материнскую планету, но, без сомнения, прибыли слишком поздно. Людей здесь уже нет!

— Дым, капитан. Он идет из вон той пещеры, — указал Дюпар.

Рон направил туда объектив видеокамеры. Вход в пещеру был черным, и лишь струйка дыма, поднимавшегося над сводом и тянувшегося вдоль скалы, могла указывать на присутствие там людей.

Однако же... да, эта белая куча, у подножия склона, была скоплением костей животных.

— Люди, Рон!

Вытянутый Дюрю палец указывал на правый экран. Там, на опушке леса, с дюжину вертикальных фигур, бесспорно человеческих, скрытно продвигались к небольшому стаду быков, безмятежно пасшихся в сотне метров от них.

— Они вооружены луками!

— И каменными топорами, — добавил Ункумба.

— Вот и объяснение радиомолчания, — воскликнул Блондель. — Они вернулись к жизни дикарей!

— По каким причинам?

— Может, из-за ядерной войны? О! Какая прекрасная стрельба!

Внизу, в десяти километрах под ними, охотники выпустили каждый по стреле, и два быка повалились на землю. Остальные тут же убежали, хотя убивать их уже никто не пытался.

— Нужно войти в контакт мирно, — сказал Дюрю. — Найти человека, когда он будет один, захватить его, если понадобится, не причиняя ему вреда...

— Согласен! Как только стемнеет, мы приземлимся вон там, — Вариг указал на лесистое плато с прогалиной, — и вооруженная парализаторами группа попытается найти отдельного человека.

III

Хотя северное лето было в самом разгаре, ночь выдалась холодной. Рон и еще трое членов команды укрылись среди сосен и папоротников небольшого леса, у подножия склона, справа от пещеры. Долгое время вход в нее освещали отблески костров, но теперь это было лишь темное пятно в залитой лунным светом скале. Мало-помалу восточное небо приняло более светлый оттенок, и даже еще до рассвета из пещеры потянулся дым.

— Просыпаются, — проговорил один из астронавтов тихим голосом.

— Да, Брак, — ответил Рон. — Не имея другого освещения, кроме костров, они вынуждены ложиться спать рано и вставать с восходом солнца. Внимание, кто-то вышел!

Хрупкая фигура появилась на вершине склона, потянулась, подняв руки над головой, снова исчезла в пещере, опять появилась с чем-то коричневым и на вид мягким.

— Бурдюк! Утренний наряд на забор воды, — продолжал Брак. — И это девушка. Какая походка, черт подери. Я бы и сам охотно сходил с ней за водой!

— Ба! Да она, должно быть, воняет, как и все дикари, — заметил один из его спутников.

— Заткнитесь! Она спускается к реке. Зайдем слева, подождем ее у воды. И чтоб никакого насилия!

Скрытые высокой прибрежной травой, они наблюдали за тем, как девушка приближается танцующей походкой, таща бурдюк за спиной. Солнце светило уже достаточно ярко,

и они смогли разглядеть, что она принадлежит к неизвестному им физическому типу: она не была ни вайткой, ни меланкой. Довольно-таки высокая, со смуглой кожей и длинными, гладкими черными волосами, опускавшимися сзади до самой талии, она была одета в кожаную, с меховыми вставками, тунику; шею ее украшало ожерелье из ракушек. Черты лица были правильные, глаза — темные, а нос, узкий у основания, заметно расширялся в ноздрах, при этом не будучи крупным, как носы меланцев.

— Вы были правы, Брак, она красива, — сказал Рон. — Но и очень юна, вероятно, лет пятнадцати или шестнадцати.

— Подождите, капитан, я поговорю с ней!

И прежде чем Рон успел ему помешать, матрос бросился к девушке.

Она резко остановилась. Брак был огромного роста блондином, уроженцем Сооми, и обладал внушительной широкоплечей фигурой, благодаря которой, по его собственным словам, он и имел успех у женщин. Бросив бурдюк на землю, девушка вытащила из-за пояса длинный, с костяной рукоятью, нож из черного кремня и, чистым голосом испустив боевой клич, ринулась на колосса. Брак с горем пополам парировал удар, вскричал от ярости и сделал шаг назад, открывая тем самым линию огня. Не особо раздумывая, Рон спустил курок парализатора, и девушка рухнула в траву. Но по склону уже спускались бегом трое вооруженных короткими дротиками мужчин. Брак с ошеломленным видом смотрел то на кремнёвый клинок, который он подобрал левой рукой, то на порезанную в области предплечья правую руку, по которой обильно капала кровь.

— Отступаем за лес, скорее! За нами направят катер! Унесите девушку, я вас прикрою.

Охотники были теперь совсем близко, и брошенный с силой дротик вонзился в землю у ног Рона. Тогда, с сожалением, он скосил всех троих и поспешил присоединиться к своим людям. Катер уже приземлялся.

— Отчаливаем! Брак, отправляйся на перевязку, а потом тебя ждут пять суток карцера — будешь знать, как действовать, не дождавшись моего приказа! Ты мог все испортить!

Парализатор был оружием нокаутующего, но кратковременного действия, и как только катер вернулся на звездолет, девушка пришла в себя. Она обвела своих похитителей свирепым, но ничуть не боязливым взглядом, и разразилась яростной диатрибой на «щелкающем» языке. Странная штука: она не сводила глаз с окружавших ее людей, но, казалось, совсем не заинтересовалась командной рубкой, в которой находилась, и где куча загадочных предметов — видеоэкранов, стрелочных индикаторов, контрольных ламп, — должны были, по идее, либо испугать, либо заинтриговать ее. Но когда ей попытались надеть на голову гипнолингвальный шлем, совладать с ней удалось лишь силами четырех крепко сбитых мужчин. Затем аппарат подействовал, она расслабилась и почти тотчас же уснула.

— Через четыре часа она будет знать галактический достаточно хорошо для того, чтобы быть в состоянии нам отвечать. Кроме легкой головной боли, которая быстро пройдет, других неудобств ей это не доставит.

— Прекрасно. Тогда взлетаем. Нет смысла ждать, пока ее соплеменники обнаружат «Отважного». Высота — десять километров, без горизонтального перемещения.

Лишь Дюрю и Ункумба, в качестве антропологов, присутствовали при допросе: Рон хотел как можно меньше пугать девушку. По этой же причине допрос проходил в офицерской кают-компании, более удобной и менее странной, нежели командная рубка.

— Как тебя зовут?

— Дара. Я — дочь Каира Элона, вождя красного племени. А как твоё имя?

— Рон Вариг. Ты знаешь, где находишься?

— Да. В аппарате вроде того, какой есть у этих типов из Центра. Но вы не из Центра, ваша кожа слишком бледная или слишком смуглая.

— Выходит, у этих «типов из Центра» есть летательные аппараты?

— Да, но они прилетают только тогда, когда они нужны нам. А вы зачем явились на землю Людей?

— А когда они бывают вам нужны, эти люди из Центра?
— Они не «люди» — я же говорю: «типы»!
— А в чем разница?
— Лишь люди из племен — настоящие Люди!
— А, понимаю. И когда они прилетают?
— Когда какой-нибудь охотник заболевает так сильно, что наши Старейшины не могут его излечить. Тогда его забирает летательный аппарат. Обычно он возвращается, уже излечившийся, но ничего не помнит. Но бывает, что и не возвращается...

— А где живут эти... типы из Центра, Дара?
— Думаю, далеко на юге. В любом случае, свои аппараты они направляют к югу, и с юга к нам прилетают.

— И какие они?
— Внешне — такие же, как мы. Но это не настоящие Люди. Ни один из них не смог бы убить дротиком медведя!
— Они настолько слабы физически?
— Нет, но у них нет храбрости. А ты храбрый?
— Мне никогда не доводилось охотиться на медведя, но я охотился на более опасную дичь. На людей вроде него, — промолвил Рон, кивком указав на Ункумбу.

Дара в испуге прикрыла рот рукой.

— Ох, нет! Так не нужно! Не следует охотиться на людей, даже на типов из Центра!

— А если на тебя напали?
— Это другое дело. Тогда следует защищаться, как это сделала я.

— Это не всегда так просто, Дара. Мы думаем, что защищаемся от меланцев, — он указал на черного, — а они полагают, что защищаются от нас. Нам бы хотелось войти в мирный контакт с твоим народом. Если мы тебя отпустим, думаешь, это будет возможно?

— Разумеется. Но кто вы такие?
— Вероятно, потомки людей с твоей планеты, улетевших отсюда в гораздо более далекие времена, чем ты могла бы себе представить. Мы занимаем в небе множество миров вроде твоего, но иногда в чем-то несхожих, миров, которые освещены этими звездами, которые ты видишь ночью, и ко-

торые сами являются далекими солнцами. И мы продолжаем открывать новые миры, заселять их...

— А, понимаю. Здесь тоже, когда племя становится слишком многочисленным, группы людей отселяются. К сожалению, эти группы живут каждая своей собственной жизнью. Порой случаются болезни, которые не могут излечить даже типы из Центра. И тогда группа умирает... А что, у всех людей неба кожа такая же бледная, как твоя?

— В нашей конфедерации, в нашем большом племени — да, более или менее. Но есть племя вот этих, — Рон указал на Ункумбу, — которые черные, и которые воюют с нами. Мы уже не знаем, кто начал эту войну. Они, быть может, тоже люди, прилетевшие с твоей планеты, а может, чужаки, случайно похожие на нас. Ты когда-нибудь слышала о таких, как он?

— Нет, но, возможно, где-нибудь такие есть. Мы хорошо знаем лишь Семь Долин. Планета большая. Но типы из Центра, несомненно, знают ее всю. Я их вызову.

IV

Рон бросил в собравшуюся у стены пещеры кучу мусора ребро быка, которое он только что обглодал, и вытер руки куском лисьей шкуры, служившим ему салфеткой. Располагавшаяся рядом с ним Дара выступала в роли переводчика; напротив него, по другую сторону костра, сидели на лошадиных черепах Старейшины племени. Чуть дальше, в глубине пещеры, у хижин и палаток из шкур, держались охотники, бдительные, но ничуть не враждебные, отталкивающие время от времени какого-нибудь ребенка, пытавшегося прошмыгнуть у них между ног, или какую-нибудь любопытную женщину, которая, привстав на цыпочки, выглядывала у своего мужчины из-за плеча. Сидевшие слева от него Дюрю и Ункумба доедали разрезанные кремнем и искусно прожаренные куски мяса, которые им были поданы. Позади Рона еще четверо астронавтов, с парализаторами за поясом, разглядывали какое-то женское лицо, проявившееся в полусвете.

Рон обвел взглядом хозяев пещеры; все они принадлежали к тому же физическому типу, что и Дара: высокие, крепкого сложения, со смуглой или золотистой кожей, длинными черными-пречерными волосами, но практически без растительности на лице. Он повернулся к девушке.

— Спроси у Старейшин, не соизволят ли они рассказать мне об обычаях вашего народа.

Она улыбнулась.

— Это лишнее. Я и сама их знаю, по крайней мере — какую-то часть. В прошлом году я проходила обряд посвящения. Мы — Люди, Избранные. Давным-давно наши предки покинули Центр...

— Почему?

— Жизнь там стала неподходящей для настоящих Людей. Они шли много-много дней, нашли этот край и основали здесь племена.

— Сколько племен?

— Нам известно четырнадцать, но, вероятно, на востоке, за большой рекой и горами, есть и другие.

— И вы счастливы?

— Счастливы и свободны!

— Но вы контактируете с этими типами из Центра?

— Как я тебе уже говорила, они прилетают ухаживать за теми больными или ранеными, которых не могут излечить наши Старейшины. Но они остаются здесь ровно столько, сколько необходимо.

— Как вы с ними связываетесь?

— У каждого племени есть коробка для связи, которую они нам дали. Мы посылаем условленный сигнал, так как не многие из них знают наш язык, который теперь отличается от их языка.

— И вы только так с ними контактируете?

— Бывает, что типы из Центра остаются здесь и пытаются жить среди нас. Но, как правило, они быстро умирают, или же улетают обратно.

Рон повернулся к Дюрю.

— Занятная система, вам не кажется?

— Действительно, любопытная, и искусственная. Мы, несомненно, узнаем о ней побольше, когда войдем в контакт с этим таинственным Центром. Дара, вы можете их вызвать?

— Уже вызвала! В обмен на тот уход, который они оказывают нашим больным, мы обязаны предупреждать Центр обо всем необычном, что происходит в нашем регионе.

Рон живо вскочил на ноги.

— Дара, поблагодари отца и Старейшин, но я должен вернуться в свой летательный аппарат! Я не знаю, каковы ваши намерения...

— Они вполне мирные, — сказала она, улыбнувшись. — Остайся. Мы запланировали для тебя на завтрашнее утро охоту на медведя!

— Спасибо, но я должен думать о моем экипаже. Когда прибывают эти типы из Центра?

— Они уже в пути, и вот-вот будут здесь. Но я уверяю тебя, вам ничто не угрожает!

— Я тебе верю, Дара, но... Давайте-ка, парни, в катер, да поскорее!

V

Типы из Центра прибыли спустя полчаса на трех аппаратах, которые, должно быть, использовали антигравитацию, так как снаружи ничто в них не указывало на то, что они способны летать. Два из них по форме представляли собой утолщенные в средней части диски, имеющие форму линзы, но на третьем была установлена башенка, из которой выступало нечто вроде прожектора. Этот аппарат не приземлился, а неподвижно застыл примерно на стометровой высоте, в трех километрах к северу от «Отважного». На пиратском крейсере уже прозвучал «красный» сигнал тревоги, все находились на своих боевых постах, и большие лазеры и фульгураторы следили за каждым движением этих летательных аппаратов. С такого расстояния было бы невозможно использовать ядерные торпеды, да и в любом случае Рон не хотел уничтожить народ Дары вместе с этим возможным врагом.

Внизу, в степи, образовалась группа людей, состоявшая, почти половина на половину, из охотников и новых прибывших. Увеличив изображение, Рон увидел, как Дара укачивает на небо, затем — на звездолет. Две фигуры отделились от группы и двинулись в направлении «Отважного»: Дара и один из прилетевших. То был молодой мужчина среднего роста, одетый в короткую красную тунику без рукавов. В руках у него ничего не было, он выглядел безоружным.

— Стан, оставайтесь за главного. Будьте бдительны, но без нервозности. Я вылетаю, один и без оружия.

VI

Астронавты вот уже три дня были гостями Центра, но, думал Рон, так еще особо ничего и не видели. Они последовали за тремя летательными машинами на юг, перелетели довольно-таки узкое море и приземлились у 35-го градуса широты, в гористом и лесистом месте, ничем не отличавшемся от любого другого. Там была только прямоугольная поляна, в одном из углов которой они и приземлились, направляемые Тахиром, капитаном посланников, который остался на борту и уже вполне сносно говорил на галактическом. Открылись люки, и три летательные машины исчезли под землей.

Несмотря на настойчивость Тахира, Рон оставил на борту охрану, прежде чем принял предложенное им гостеприимство. И, тайком от землянина, он собрал своих людей в кубрике.

— Нам предстоит быть гостями народа, о котором нам ничего не известно. Я думаю, я надеюсь, что их намерения — мирные. Двадцать из вас останутся тут под командованием Гуннарсона, остальные полетят со мной. Никакого оружия, кроме парализаторов, — я обещал это Тахиру. Не забывайте о том, что если мы вправе не доверять им, то и они вправе относиться недоверчиво к нам! Я рассчитываю на вашу абсолютную порядочность. Мы прибыли сюда как друзья, это — не один из завоеванных нами миров. Если нравы или обычаи покажутся вам занятыми, будьте вежливы! Если они покажутся вам отталкивающими, будьте вежливы вдвойне

и доложите мне. Не злоупотребляйте спиртным, если вам будут его предлагать, и не приставайте к их женщинам... Конечно, на явное приглашение вам никто не запрещает откликнуться, но и в этом случае будьте благоразумны! Это все, я на вас рассчитываю!

Затем он переговорил с глазу на глаз с Гуннарсоном.

— Эйнар, если с нами что-то случится, если от нас не будет вестей, не нужно напрасного героизма! Взлетай — и возвращайся напрямик на Федеру!

Но до сих пор все шло хорошо. Город, где их принимали, весь располагался под землей, насколько Рон мог об этом судить, ибо он видел лишь незначительную его часть. Этот город состоял из ярко освещенных длинных улиц, парков с очень высокими сводами, обсаженных деревьями и всевозможными цветами, небольших озер, в которых плескались разноцветные рыбки. В кронах деревьев гнездились многочисленные птицы; кругом было полным-полно статуй, барельефов и небольших павильонов с колоннами, свидетельствовавших о холодном и академическом, по большей части, искусстве. Население казалось веселым, но, вследствие все еще существовавшего лингвистического барьера, Рон контактировал с ним не так плотно, как ему бы хотелось. Его поселили в уютной трехкомнатной квартире, где в гостиной всю стену занимал огромный телеэкран. Впрочем, он его почти не включал, так как не понимал того, что говорят возникавшие на нем люди. Похоже, показывали в основном театральные представления, но ничего такого, что походило бы на выпуски новостей.

Его офицеров разместили поблизости — и с тем же комфортом. Что касается членов экипажа, то их расселили по разным «семьям». Парни докладывали, что, помимо прекрасного приема и отличной еды, они получили и кое-что еще.

— Уверяю вас, капитан, — сказал Брак, — я не виноват! Эти девчонки сами буквально-таки вешаются мне на шею!

Рон улыбнулся.

— Да, я знаю.

— Обычно, капитан, мне приходится и так и сяк их умасливать! Но здесь реально всё иначе!

- А как пища?
- Ах, капитан! Вот бы нас и на борту так кормили!
- То есть ты доволен?
- Да не я один — мы все чертовски довольны! Здесь у них настоящий рай!
- И много где в городе ты уже успел побывать?
- Вот с этим у меня проблемы! Не знаю, как так выходит, но всякий раз, как я выражаю такое желание, всегда что-то случается: то новая мышка падает в мои объятия, то меня приглашают на спортивную арену... Кстати, я победил их чемпиона по борьбе!
- Поздравляю! Ладно, развлекайся, но будь начеку.
- Вы чего-то опасаетесь, капитан?
- Нет, ничего конкретного. Но все равно — не расслабляйся!

После ухода Брака Рон переговорил с офицерами. Все они, как один, ощущали необъяснимый дискомфорт. Их приняли с раскрытыми объятиями, но у них сложилось впечатление, что они находятся в «разработке», с неопределенным статусом, который из «дорогого гостя» мог быстро перейти в «пленника». Впрочем, никто не попытался помешать Рону связаться с «Отважным», на борту которого тоже все было в порядке, если не считать того, что оставшиеся там двадцать человек с нетерпением ждали дня, когда их сменят, и они тоже смогут насладиться восхитительным гостеприимством, о котором им говорили товарищи. Ничего нового, заметил Гуннарсон, кроме того, что после их приземления тишина эфира сменилась целым концертом различных сигналов на самых разнообразных частотах, — сигналов, шедших как из того места, где они находились, так и из множества других точек планеты. По всему выходило, что со дня их прибытия на Терре введен режим радиомолчания, и это немного беспокоило Рона и его офицеров.

На четвертые сутки за ним явился Тахир и провел его в просторную комнату, походившую на лабораторию, где были приготовлены десять кушеток, расставленных по две; в изголовье каждой был закреплен шлем вроде гипнолингвального, но несколько иной.

— Эти аппараты мы изъяли из музеев, привели в рабочее состояние, а затем испытали, — сказал Тахир. — Их использовали наши предки, в те далекие времена, когда на этой планете проживали разобщенные народы, у каждого из которых был свой язык. Один из нас ляжет на одну кушетку и наденет шлем; один из вас, тоже со шлемом, расположится на соседней. Языковые центры того и другого мозга войдут во взаимодействие, и воспоминания, связанные со словарным запасом, соединятся. Это занимает всего несколько секунд и совершенно безвредно. Но потом вы будете понимать наш язык, а мы — ваш.

— А на ком вы экспериментировали — ведь теперь у вас здесь один общий язык? — спросил Дюрю.

— Все очень просто. Мы использовали человека из дикого племени, который находился здесь на медицинском лечении. Может, начнем с вас, капитан Вариг? Я стану вашим партнером.

— Как скажете. Но ваш мозг будет забит всякой всячиной, так как, помимо галактического, я говорю еще на семи языках.

— Выходит, мне повезло! Меня чрезвычайно интересуют мертвые языки, и у нас здесь куча документов, относящихся к временам, предшествовавшим объединению. Как знать: быть может, некоторые из ваших диалектов облегчат мою задачу? Конечно, если ваши корни действительно здесь, на Земле!

Рон подал знак Дюпару быть готовым к любому развитию событий, а затем растянулся на кушетке. На его голове закрепили шлем. С пару секунд он испытывал головокружение, ему казалось, что кто-то пытается проникнуть в его сознание. Тахир уже поднимался на ноги.

— Вот и все, капитан. Я говорю с вами на земном языке, и вы меня понимаете, а теперь — на сооми, на французском, на русском... Теперь убедились? Как только этот дар проявится у ваших офицеров, то есть через несколько минут, я отведу вас в зал, где собрался местный совет, которому уже не терпится вас принять... Тем временем шлем примерят на себя остальные ваши люди.

VII

Совет состоял из тридцати членов, молодых мужчин и женщин, облаченных, как и все в Центре, в ярких расцветок короткие туники-безрукавки. Они собрались в уютном зале, своим расположением напоминавшем амфитеатр. Когда астронавты вошли в зал, все эти тридцать человек весело болтали между собой в атмосфере безмятежной непринужденности. Гостей разместили в центре амфитеатра, усадив в удобные кресла, после чего встал высокий мужчина и произнес в постепенно установившейся тишине:

— Я предоставляю слово капитану Рону Варигу с межпланетного корабля «Отважный», в данный момент находящегося на Земле. Он изложит нам мотивы своего путешествия.

В своей речи Рон набросал красочный портрет вайтской конфедерации, простиравшейся на тысячи световых лет и объединявшей множество миров, ее народов, отличающихся языками, обычаями, формами правления, но признающих центральную власть Федеры, их научного развития, истории и могущества. Он рассказал также о войне с меланцами, войне, уже неизвестно из-за чего и начавшейся, войне, которая сковывала величайшие творческие силы, которая с каждым годом приносила все больше и больше смертей и руин, но которую никто не знал, как остановить. Он рассказал о двух фракциях: той, что считала меланцев инородными чудовищами, которых следует уничтожить, и той, которая, в свою очередь, верила в общее с ними происхождение на этой Земле, где он сейчас находился. Впрочем, уточнил Рон, каких-либо доказательств этого общего происхождения «фракция мира» пока не имеет.

— Именно для того, — завершил он, — чтобы попытаться найти эти доказательства, мы сюда и прилетели. Вы можете нам в этом помочь?

— Думаю, да, — ответил землянин. — Но сначала я хотел бы узнать точку зрения вот этого человека, — он указал на Ункумбу, — который, полагаю, является меланцем.

— Мое повествование было бы практически таким же, как и рассказ капитана Варига, — сказал черный, — за исключе-

нием лишь одного пункта. Мы тоже образуем почти столь же значительную конфедерацию, вероятно, даже чуть более многочисленную, но слегка — о! совсем чуть-чуть — отстающую в техническом плане. Разница в том, что, так как у нас не случилось катастрофы, сопоставимой с той, что произошла на Мадиссе, у нас сохранились древние документы, и потому мы наверняка знаем, что обязаны своим происхождением Земле, хотя нам и не было известно, где именно эта планета находится. Во времена нашей миграции звездолеты были менее совершенными, чем нынешние, и, если люди точно знали, откуда они улетали, то прилетали они туда, куда могли!

— Этого вы мне не говорили, Ункумба, — воскликнул Рон.

Черный улыбнулся.

— С каких это пор пленник обязан говорить всю правду своим надсмотрщикам? Да и разве вы бы поверили мне, без доказательств? Да, мы знаем, что наши предки жили на планете, где существовали расы разного цвета кожи и расовые конфликты. Мы не сомневаемся в том, что и ваши предки тоже жили на этой планете. Наши покинули ее гораздо позже ваших, и когда ваши первые звездолеты улетели, унеся на сверхсветовых скоростях сотни людей, пребывавших в состоянии анабиоза, наши народы все еще находились в стадии недостаточного развития, страдали от недоедания и перенаселения. Поэтому, когда в 2100 году тогдашней эры — то есть более 12 000 стандартных лет тому назад (которые, как и часы, минуты и секунды для нас и для вас — одни и те же), и это должно было бы открыть вам глаза, капитан! — так вот, когда в 2100 году первые сверхсветовые звездолеты, построенные Белыми, вернулись... некоторые из них... черные народы из кожи вон лезли, чтобы тоже, в свою очередь, отплатить хотя бы некоторым своим сыновей и дочерей в космос... дать им этот шанс! Им удалось отправить три корабля, капитан Вариг, всего три! Теперь вы понимаете почему, хотя у нас и не было катастрофы, сопоставимой с мадисской, нам понадобилось столько времени для того, чтобы, начав со столь малочисленной группы, достичь почти того же уровня, на котором находитесь вы?

Один из землян поднялся на ноги.

— Будучи историком, я могу вам сказать, что произошло дальше. Меня зовут Джон Акеро. В 2150 году старой эры разразилась первая расовая война. На протяжении нескольких веков Белые эксплуатировали планету, не встречая серьезного сопротивления. В последние два столетия «цветные» народы попытались уничтожить эту эксплуатацию, но если с политической точки зрения успеха они добились, то экономически, как правило, терпели крах. О! В этом была и их собственная вина. Они были разобщены вследствие той ненависти, которую испытывали одни к другим с давних времен, они и сами, в свою очередь, предпочитали эксплуатировать наиболее слабых, теряли много времени в пустых разглагольствованиях. Но постепенно они образовали силу, с которой уже невозможно было не считаться, силу, которая опиралась на могущественные державы, принадлежавшие к желтой расе. Я опущу детали, которые вы сможете найти в наших книгах. Итак, в 2150 году разразилась война. Она выдалась отнюдь не простой, так как некоторые Белые были союзниками Желтых и Черных, а некоторые Желтые выступали на стороне Белых. Но спустя несколько месяцев — и ввиду изменения союзнических отношений — оба эти блока перестроились. Хотя ядерное оружие использовалось лишь в исключительных случаях, опустошения были чудовищными. Сожалею, что приходится вам это говорить, капитан Вариг, но Белые проиграли эту войну. О! Они не исчезли — их среди наших предков почти треть, — но более чем на семьсот лет перестали считаться мощной силой. В 2903 году началась вторая расовая война, на сей раз — между Черными и Желтыми. Она также привела к ужасающим людским потерям. В результате войны и эпидемий численность населения Земли снизилась с 14 миллиардов до примерно 500 миллионов. И тут проявил себя некто Бартоломе Кайё, метис с острова под названием Мартиника. При поддержке Белых, которых в этот раз война почти не затронула, а также фракции Желтых и фракции Черных, он сумел принудить противоборствующие стороны к миру. Ценой тому стала безжалостная диктатура, которая длилась пятьдесят лет. Один из первых указов, принятых этим Кайё, предпи-

сывал считать законными лишь межрасовые браки. После 2908 года все родившиеся дети чистой расы были объявлены бастардами, не имевшими гражданских прав. Эти права к ним возвращались лишь в том случае, если, по достижении совершеннолетия, вступали в брак с кем-то из другой расы. Указ применялся беспощадно, и, так как человек, не имевший гражданских прав, практически лишался возможности сделать хорошую карьеру, это дало результат. За несколько поколений население Земли перемешалось, и мы являемся продуктом этого смешения. О! Конечно же, в 2957 году гуманистическая революция смела Кайё, но новое правительство, проявив мудрость, не стало отменять указ. С тех пор у нас царят безопасность, стабильность и мир. Численность населения Земли удерживается в пределах 450 миллионов. Мы восстановили поверхность планеты, оставив ее практически девственной. Наши города, заводы, сельское хозяйство — все это находится под землей. Перед нами не стоит проблема старения населения, так как мы нашли способ отсрочить смерть и особенно — одряхление. Люди у нас начинают утрачивать присущие им физические и умственные способности лишь за несколько месяцев до конца своей жизни. Мне сейчас, капитан, 90 лет, — завершил он с некоторым хвастовством.

Рон улыбнулся.

— В этом плане мы достигли почти таких же успехов. Но я хотел бы задать вам один вопрос. Ваша цивилизация — подземная... хорошо! Но вы используете для связи энергию электромагнитных волн. Как так вышло, что вы ими не пользовались, когда мы приближались к планете?

— Сначала вы вынырнули рядом с орбитой Нептуна, и там, если бы вы слушали, вы бы нас засекли. Но у нас есть наблюдательные посты, которые нас предупредили... О! Автоматические посты. Вы в течение нескольких часов оставались там, изучая солнечную систему, поэтому, когда вы совершили новый нырок, чтобы вынырнуть уже рядом с нами, мы включили режим радиомолчания.

— Но зачем?

— Мы не знали ваших намерений. Они могли быть и враждебными!

— На вас уже нападали?

— Нет, но могли. А мы теперь совсем не воинственные. Конечно, мы будем сражаться, если понадобится, но...

— И такой еще вопрос. Что это за народ, у которого мы приземлились?

— А, люди палеолита? Ну, время от времени тут рождались индивиды, неприспособленные к развитой нами цивилизации мира и спокойствия. Индивиды, нуждавшиеся в сражениях и конфликтах. Они представляли собой проблему. В далекие времена эту проблему решали, отправляя их в дикую часть Земли, где они могли жить так, как и мечтали. С тех пор мы нашли другие способы урегулирования, но их потомки образуют племена. Порой — довольно-таки редко — некоторые из наших граждан просят разрешить им присоединиться к «первобытным людям». Обычно они быстро возвращаются — и живут по принятым у нас правилам. Или же умирают свободными людьми. Но довольно слов. В центральном парке, в вашу честь, пройдет праздник. Самое время туда отправиться.

Праздник выдался великолепным. Парк, в котором обычный рассеянный свет был погашен, сверкал тысячами светящихся разноцветных фонтанов. Его заполнили толпы веселых людей в ярких одеждах, гармонично двигавшихся мужчин и женщин. Специально для гостей было разыграно театральное представление, из которого астронавты поняли далеко не всё, ибо оно было полно аллюзий, раскрывавших сложную цивилизацию. Затем звучали чудесные песни, играла прекрасная музыка, а для тех, кто ценит физические усилия, был устроен борцовский турнир, в котором матросы «Отважного» выступали с переменным успехом, тогда как Брак победил всех противостоявших ему соперников.

— Они слишком вежливые, эти типы, — сказал он поздравившему его Рону. — Словно боятся сделать тебе больно!

Затем были танцы, которые Рон, будучи пуританином как по воспитанию, так и по своей натуре, счел, скорее, непристойными, а венчал праздник банкет. Он проходил в цветущей рощице на берегу озера. Еда была вкусной и обильной, напитки — разнообразными и приятными. В конце банкета

процессия юных девушек церемонно внесла бутылки с какой-то переливчатой жидкостью, которую разлили по бокалам.

— Капитан, — сказал сидевший напротив Рона Тахир, — мы все хотим выпить за команду «Отважного» и ее пребывание среди нас! Мы выпьем наш священный напиток, содру, которая делает жизнь веселой! Выпейте с нами, наши нашедшиеся, после стольких тысячелетий, товарищи! За Землю, нашу общую мать! За ваши федерации, белую и черную! Пусть, благодаря тем, документам, которые мы вам дадим, в них снова воцарится мир! Выпьем же, друзья!

Капитан выпил. Напиток имел свежий и изысканный аромат, не похожий ни на какой другой из тех, что были ему знакомы. «Похоже, он с большим содержанием алкоголя», — подумал Рон, так как тут же ощутил, как, поднявшись из желудка, по всему телу разлилось тепло. Да, эта содра была божественна! Лучше, чем самый старый виски Каледона, лучше, чем самые изысканные вина Франции. До чего ж приятное приключение — очутиться на планете-матери, узнать, что, вероятно (да нет, несомненно!), эту абсурдную войну вскоре можно будет остановить! Эти земляне оказались чудесными людьми. И, в сущности, они правы. Зачем мотаться из одного конца Космоса в другой? По возвращении на Федеру, как только миссия будет выполнена, он удалится в свой фамильный особняк в долине Клер, найдет себе спутницу жизни и проживет наконец счастливо, предаваясь воспоминаниям. Да, жена — это именно то, что ему нужно. А пока же, если Брак не приврал, ему будет нетрудно...

Рон обвел толпу взглядом: со всех сторон его окружали улыбающиеся лица. Он ощутил легкий укол совести: Эйнар и его двадцать парней, сидевшие взаперти на крейсере, несли тщетную и глупую вахту! Надо бы вызвать их сюда. Пусть тоже наслаждаются этой чудесной содрой! Он вытащил из кармана передатчик.

— Эйнар? Это Рон! Все идет лучше некуда, просто великолепно. Можешь присоединиться к нам со своими людьми. Сейчас пришем за тобой проводника, я этим займусь. Что? «Отважному» ничто не грозит! Да, закрой люки, если уж тебе так этого хочется, и приходи. Мы тебя ждем!

Утопия! Именно в ней он, Рон Вариг, капитан пиратского звездолета, сейчас и находился! Вот и осуществилась многовековая мечта! Гармония, мир, спокойствие душ и тел! Край вечного счастья, воплощенных идеалов! Навстречу ему, приобнимая каждой рукой по девушке, шел Стан Дюпар. Славный старина Стан! Наконец-то он понял, что дисциплина, возможно, и составляет силу боевого флота, но уж точно не счастье. Блондель, Абу, Дюрю — они все были здесь, радостные и веселые! Брак и его товарищи уже исчезли, вероятно, отправившись в укромный уголок парка или в какой-нибудь дом. Из офицеров поблизости был один лишь Борнэ. Ну и дела! А я-то полагал его еще большим пуританином, чем я сам! Ункумба, прислонившись спиной к дереву, оживленно беседовал с какой-то милашкой. Меланцы — братья, все скоро уладится. А! Вот и Гуннарсон с его парнями, им уже подают содру. Рон уже было направился к товарищам, когда его перехватили две юные красотки. В сущности, действительно ли они юные? Впрочем, какая разница? Они свежи, привлекательны.

— У нас не пристало быть одному, — сказала ему та, что была пониже ростом. — Кого из нас вы выберите?

Он рассмеялся.

— Мне следует сделать выбор? Это не так уж и просто! А нельзя оставить обеих сразу?

— Конечно можно! Все зависит только от вас! — ответила девушка, улыбнувшись.

— Тогда пойдемте! И да здравствует Земля!

VIII

Он лениво проснулся: одна рука обнимала женское тело, другая теплая фигура, свернувшись калачиком, прижималась к его спине. Ах да — Вана и Сора! Ну и ночка это была! А какие еще могут быть! Акеро говорил, что для сбора документов потребуется какое-то время. Пока же тут, в Утопии, живется очень даже неплохо.

— Давайте, девушки, подъем, пора вставать!

Ответом ему была пара зевков. Сора присела на кровати, широко потянулась.

— Спешить некуда: сегодня никто не работает! Праздник продлится трое суток.

— Я приготовлю завтрак, — сказала Вана. — Поможешь мне?

Они куда-то унеслись, голые, и вскоре аппетитный запах побудил встать и его тоже. Завтрак состоял из горячего и ароматного черного напитка под названием кауа, теплых румяных хлебцев и восхитительных конфитюров. Он перекусил, сидя напротив девушек. Улыбка Соры напомнила ему Мойю, и впервые в жизни он смог подумать о ней без сожаления. Теперь это были далекие воспоминания, стершиеся, словно полузабытая история.

— А что ты, Сора, делаешь, когда ты не в моей постели? И ты, Вана? И сколько вам лет, кстати?

— Я обучаю детей, — сказала первая. — Сколько мне лет? Да какая разница! Но если уж тебе так хочется это знать — двадцать семь!

— Я управляю синтезатором пищи, — сказала вторая. — Мне двадцать девять.

— И много время у вас занимает работа?

— Три часа в день.

— А у меня — два.

— А остальные часы?

— Я рисую, вяжу, читаю. А еще — развлекаюсь.

— А я читаю, танцую и тоже люблю развлекаться.

— Что ты преподаешь детям, Сора?

— Историю нашего народа. Другие преподают им азы научных знаний — то, что нужно для работы за станками или другими подобными механизмами. Помимо это, у нас есть важнейшие курсы — социальной адаптации. На них мы боремся с индивидуалистическими стремлениями!

— Вашим преподавателям пришлось бы сильно попотеть, если бы я был их учеником в свои десять лет, — проговорил Рон с улыбкой. — Но я понимаю, что подобное обучение необходимо. А какие-нибудь научные работники, если не считать практиков, у вас есть?

Они переглянулись с удивленным видом. Затем по лицу Соры пробежала легкая тень.

— Есть. Но мы с ними не часто пересекаемся. Они не слишком приятные в общении люди.

Рон вспомнил старого Зенона Артоманска, своего университетского преподавателя физики, и его ужасный характер.

— На моей планете тоже некоторые из них таковы. Но есть и другие. В любом случае, это неважно. Чем займемся сегодня?

— Ну, — сказала Вана, более решительная, — для начала мы могли бы сходить искупаться в озере! А там уже видно будет!

На берегу озера Рон повстречал Дюрю, который был с высокой фигуристой девушкой, и Гуннарсона, чья спутница ростом едва доставала Эйнару до плеча. Оба выглядели счастливыми.

— Где остальные? — спросил Рон.

— Не знаю, — сказал Дюрю. — Я слишком занят практической антропологией. — И он расхохотался.

— Да где-то здесь, полагаю, — ответил Гуннарсон. — А вообще, я хотел поблагодарить тебя за то, что ты освободил нас от этого глупого дежурства на борту. Опасности действительно никакой нет.

— Эти земляне великолепны, не правда ли? Ты видел Борнэ? Он исчез вчера в конце банкета.

— Хо! Возможно, ему было не до нас! Как только эти пуритане дают выход своим инстинктам... Да ты и сам не сдержался... — И Эйнар прошелся откровенно восхищенным взглядом по Ване и Соре.

Но Вана уже тянула Рона к воде, и он нырнул вслед за нею, откладывая на потом серьезные дела, если таковые вообще имелись.

IX

Так прошло несколько дней. Спутницы Рона работали в разное время, и потому он никогда не был один. Прогуливаясь как-то с Сорой, он мельком заметил в коридоре человека, одетого во все черное.

— Гляди-ка, какой занятный цвет! Он что-то обозначает? Этот парень в трауре?

Но Сора выглядела испуганной и сначала не ответила. Затем она встряхнула головой.

— О, не бери в голову... Какой-то чудак, вероятно. Плохо занимавшийся на курсах социальной адаптации. Давай не будем об этом, ладно?

Инцидент, однако, запечатлелся в его памяти. Да и эйфория первых трех послепраздничных дней уже испарилась. О! Он и сейчас был доволен, расслаблен, но это счастье было спокойным счастьем, не имевшим ничего общего с той бурлящей радостью, которая наполнила его тогда. Он поделился этим ощущением с Сорой, более умной, чем Вана.

— Невозможно всегда жить на высотах, — ответила она. — Не волнуйся. Все это вернется со следующим праздником.

Через несколько дней внезапно появился Борнэ. Впервые оставшийся без компании Рон отдыхал в небольшой рощице у берега озера. Врача-биолога сопровождал Брак.

— Рон, у меня к тебе разговор. Ты прекрасно меня знаешь, знаешь, что можешь мне доверять. Вероятно, ты подхватил какую-то болезнь, и я должен сделать тебе укол. Не возражаешь?

— Конечно же возражаю, эскулап чертов! Никогда в жизни я еще не чувствовал себя так хорошо!

Борнэ тяжело вздохнул, пожал плечами.

— Я и не думал, что с тобой это прокатит. Тем хуже! Давай, Брак!

Рону показалось, что на голову ему обрушился молот. Позднее он узнал, что то был всего лишь кулак великана. Капитан пришел в себя спустя минуту-другую — ныла от боли челюсть. Борнэ уже убрал в футляр шприц для подкожных инъекций. Рон встряхнулся.

— Что вы, черт возьми, со мной сотворили? И что я тут делаю, в этой нелепой одежде? Где все наши парни?

— Не кричи, Рон. Не привлекай внимания, но выслушай меня! Я должен сказать тебе нечто серьезное. В том вечер, на банкете, мне, как и всем, предложили выпить. Как тебе известно, спиртное я не употребляю, поэтому я отказался. Когда дошло до содры, я сделал вид, что пью, и, так как никто за мной пристально не наблюдал, смог перелить со-

держимое бокала в пробный флакон, который был у меня в кармане. Все прошло шито-крыто, но сам я тотчас же отметил изменение в твоём поведении и поведении наших товарищей. Когда ты вызвал на праздник Эйнара и остальных вахтенных, я понял, что происходит что-то необычное. Чтобы ты — да оставил свой корабль без охраны? Так как никому не было до меня дела, я незаметно улизнул, вернулся на корабль и незамедлительно сделал анализ содры. Она содержит возбуждающий, вызывающий эйфорию и, вероятно, привыкание алколоид, пусть он, если судить об этом по нашим хозяевам, и не имеет вредоносного влияния на тело. Я тут же занялся поисками антидота, уже задаваясь вопросом, как бы вам его дать. К счастью, явился Брак. Он, по натуре своей, нечувствителен к содраину, но никто этого не заметил, так как Брак не нуждается в афродизиаках, чтобы вести себя, как землянин! И мы сделали ужасное открытие: некоторые из землян так же, как и Брак, имеют иммунитет к содраину! Войти с ними в контакт не так-то и просто, ибо они скрывают этот иммунитет как только могут. Те, кому не удастся держать это в тайне, исчезают. В общем, будь чрезвычайно осторожен. Не показывай, что тебе все это известно. Веди себя так, словно ты все еще находишься под влиянием содраина. Я попытаюсь дать противоядие сначала офицерам, а затем и рядовым членам экипажа, — всем, кому смогу. Но следующий праздник, сопровождающийся обязательным приемом содры, уже через две недели. За это время нам нужно отсюда убраться! Я постараюсь принести хоть какое-то оружие. Пойдем, Брак, не следует привлекать к себе излишнее внимание!

Мужчины исчезли в рощице, и Рон остался один, задумчивый и испуганный.

Он ни на секунду не усомнился в том, что ему рассказал биолог. Это все объясняло как нельзя лучше. Интересно, подумал Рон, смогу ли я сыграть в эту игру, не выдавая себя? Затем он пожал плечами. Почему бы и нет? Содраин еще действовал как минимум в плане подавления сексуальной робости, поэтому он выдаст себя лишь тогда, когда станет собой прежним, тем, кого его матросы, как он знал, назы-

вали «монахом», хотя он никогда и не пытался навязать им свой собственный моральный кодекс. Но одна часть плана Борнэ тем не менее его беспокоила. Пройдет ли все так же гладко с другими членами судовой команды «Отважного»? Не лучше ли было бы собрать всех вместе, вколоть антидот всем по очереди, затем единым отрядом вернуться на звездолет и убраться с этой планеты? Нет, такой план реализовать было бы еще труднее, да и потом, Акеро выглядел искренним, когда обещал выдать им документы о многорасовом прошлом Земли. Он, Рон Вариг, не может вернуться на Федеру с пустыми руками. В конце концов, пусть он никак и не ощутил того, что принял наркотик, быть может, земляне дали его им, не желая зла? Никто, казалось, не намеревался удерживать здесь «гостей» силой. Возможно, это пребывание на Земле так и останется в их памяти в качестве интересной и счастливой прелюдии суровой и опасной жизни. Что ж, если вот-вот вдруг разразится кризис, лучше уж дожидаться его и действовать по обстановке.

Кризис разразился спустя несколько дней, когда большинство экипажа «Отважного» уже освободилось от содраиновой эйфории. Рон устроил в этот вечер пирушку в парке неподалеку от своего жилища, и, даже не достигая уровня самых пышных приемов, праздник выдался чрезвычайно веселым. На нем присутствовал почти весь экипаж звездолета, офицеры вперемешку с матросами, их спутницы и множество землян, среди которых был и Джон Акеро, распорядившийся доставить хозяину дому ящик, содержащий, по его словам, документы, доказывающие факт того, что вайты и меланцы обязаны своим происхождением одной и той же планете. Сора произносила тост за здоровье Рона, когда он увидел, как она внезапно побледнела, выронила бокал и с испуганным видом прикрыла рот ладонью.

— Что с тобой, Сора?

— Там... Черные!

Рон обернулся. Парк был окружен примерно тремя десятками мужчин в черных туниках вроде той, в которой был человек, как-то замеченный им в коридоре. Рон инстинктивно потянулся к поясу за оружием, но ничего не нащупал: он

оставил дома, в укромном месте, не только доставленный Борнэ с корабля фульгуратор, но и парализатор, который обычно всегда носил с собой. Один из людей в черном говорил, и его голос, наверняка, искусственно усиленный, зазвучал под сводом парка.

— Граждане, спокойно расходитесь по домам! Капитан Вариг, следуйте за мной вместе со своими людьми. Любое сопротивление бесполезно. Те из вас, кого здесь нет, — уже наши пленники!

Земляне начали послушно расходиться. Акеро подошел пожать руку Рону.

— Мы здесь ни при чем, — сказал он. — Но Стражам все вынуждены подчиняться.

— Стражам?

— Вот этим, — бросил Акеро, указав рукой на людей в черном. — Стражам Земли.

Пожав плечами, он тоже ушел. Вана исчезла без единого слова, но Сора порывисто прижалась к Рону и страстно поцеловала его, прежде чем последовать за толпой. Капитан Вариг и его люди остались одни.

— Хорошо, — проговорил Рон громким голосом. — Мы пойдем с вами. Нет, Брак! Никакого сопротивления! Нам нечем сражаться!

Словно в опровержение его слов, протрещал разряд фульгуратора, и две черные фигуры упали.

— Не стреляйте! Кто...

Из круга Черных вырвался тоненький красный луч, и Гедан рухнул на землю с пробитой грудью, выронив оружие. Рон бросился к нему, но энсин был уже мертв. По рядам астронавтов пробежал угрожающий ропот.

— Спокойно! Повторяю вам: мы ничего не можем сделать! Если бы Гедан меня не ослушался, он был бы все еще жив!

Рон повернулся к черным стражам.

— Обеспечьте ему достойное погребение!

— Разумеется, капитан, — ответил их капитан. — Он был неосмотрителен, но отважен. Двое моих людей тотчас же этим займутся. А теперь следуйте за нами!

Они двинулись колонной по двое, с не спускавшими с них глаз и державшими оружие наготове черными стражами по бокам. Пока шел, Рон рассмотрел их получше. Их лица были жесткими, суровыми, даже меланхоличными, совсем не похожими на улыбающиеся лица горожан, среди которых капитан и его люди жили все эти последние дни. Повернувшись к шагавшему рядом с ним Гуннарсону, Рон сказал ему на сооми:

— Судя по всему, эти не находятся под воздействием наркотиков. Или же это совершенно иной тип наркотиков!

— Тихо!

Рон умолк. Их провели по пробитому в стене узкому коридору, где им пришлось идти гуськом. Одни Стражи шли впереди, другие — сзади.

— А они знают свое дело, — пробормотал Гуннарсон. — Жаль.

Они прошли за бронированные двери и очутились в круглом здании, где располагалось несколько небольших комнат. Там их разделили: офицеров направили в одну сторону, матросов — в другую. Рон и его офицеры оказались в длинном помещении без окон и лишь с одной дверью — той, через которую они вошли и которая закрылась позади них с глухим щелчком. Помимо стоявших вдоль стен десятка привинченных к полу кроватей, в комнате имелось несколько стульев из легкого металла и стол.

— Ну, вот и наша тюрьма, — сказал Блондель. — Однако я по-прежнему нигде не вижу Борнэ, а ведь нам сказали, что те, кого с нами не было, тоже уже пленники.

— О! Да он, вероятно, в другой камере, или же уже мертв!

— Это бы меня удивило, — заметил Боран. — Он хитер, как зинтивар, и осторожен, как плуза. Наверное, укрылся где-нибудь с теми, кого здесь не хватает, а может, они окопались в «Отважном», включив все защитные экраны!

— Из чего убили Гедана, капитан?

— Из чего-то вроде лазера. Не слишком опасное для нас оружие, будь сами мы вооружены. Защиту крейсера оно не пробьет, хотя, может, у них есть в запасе и нечто более мощное! В любом случае это первое оружие, которое мы видели на Земле. Есть еще тот аппарат, с помощью которого кто-то проделал эту дыру в Луне!

— У нас гости, капитан, — прервал его Дюпар.

Дверь бесшумно отворилась, и на пороге появилось трое вооруженных мужчин.

— Капитан Вариг, извольте проследовать с нами.

— Эйнар, остаешься за капитана — что делать, сам разберешься, — произнес Рон с кислой ухмылкой. — Ладно, давайте, ведите!

Несколько узких проходов и лифтов вывели к обшитой металлом двери черного дерева. Часть этой двери отъехала в сторону, и Рон один вошел в строгую комнату, всю обстановку которой составляли заваленный какими-то приборами большой стол, книжные полки, обзорные экраны и несколько стульев. В углу, за столом меньших размеров, сидел смуглый, худощавый мужчина. Отличительные физические признаки земной расы — высокие скулы, узкий, с расширяющимися ноздрями нос, резко очерченный подбородок, темные глаза, тонкие губы — были преувеличены в нем почти до карикатуры, делая его лицо похожим на смущающую и неподвижную маску.

— Присаживайтесь, капитан. — Я — Фон Кебельба, ма-риаг, полагаю, вы бы сказали — полковник, ответственный за защиту Центра 81 623. Вы, вероятно, хотели бы знать, где находится?

— В гостях у истинных властителей Земли!

Мужчина покачал головой в знак отрицания.

— Вы ошибаетесь, капитан Вариг. Здесь нет никаких властителей — лишь служители, Стражи. Стражи того, что в разговоре, о котором мне было доложено, сами вы назвали Утопией.

Он усталым жестом поднес руку к лицу.

— Утопия, капитан. Старейшая мечта человечества — одна из них. А вам известно, что она, вероятно, еще более древняя, чем можно было бы предложить? У меня тут есть одноименная книга некоего Томаса Мора, первое издание которой датируется 1518 годом христианской эры... Подумать только: это было более чем 12000 лет тому назад! Так вот, эта древняя мечта почти осуществилась сейчас на Земле. Я говорю «почти», так как Земле все еще нужны ее Стражи.

— И в чем мы представляем угрозу для Утопии, если уж вы арестовали нас ценой жизни трех человек — двух ваших и одного из моих офицеров?

— Чтобы вы могли понять это, мне придется многое вам объяснить. И я сейчас это сделаю, ибо хочу убедить вас, что, несмотря на то, что все выглядит иначе, я вовсе не враг вам. Джон Акеро уже рассказал вам, что произошло на Земле после отлета ваших предков на первых сверхсветовых звездолетах. Ваши предки улетели примерно в 2060 году бывшей эры, во время научного ренессанса, последовавшего за годами застоя начала XXI века. Спустя сорок лет, пока они все еще скитались в Пространстве, пребывая в состоянии анабиоза, только что изобретенные сверхсветовые звездолеты занялись исследованиями в радиусе нескольких сотен световых лет и вернулись все до единого. В 2120 году случилась миграция Черных, если это можно назвать миграцией — ихто и было всего три звездолета. Мы тогда все еще изучали условия жизни на открытых планетах, и к тому времени, когда разразилась первая расовая война, никакой реальной колонизации еще не происходило. Победители — Желтые и Черные — вынуждены были озаботиться тем, как сделать вновь пригодной для жизни нашу планету, и потому исследований не велось. В тот момент, когда они вновь могли стать для нас интересными, началась вторая расовая война, еще более суровая, чем первая! После диктатуры Кайё и слияния рас, на что ушло какой-то время, дух человечества изменился. В 3005 году улетели новые звездолеты, на сей раз к периферии Галактики, но мы так никогда и не получили от них новостей. Провалилась ли эта попытка колонизации? Или же они были уничтожены в сражениях против других форм жизни? А, может, колонисты просто уже не хотели иметь никаких дел с Землей — вы ведь и сами принялись искать нас лишь по прошествии многих тысячелетий! Как бы то ни было, как я уже и сказал вам, наш менталитет изменился. К науке, ответственной вовсе не за войны, но за принесенные ими опустошения, стали относиться с недоверием. Те немногие, что грезили открытиями новых планет, улетели в 3005 году. Оставшиеся были больше заинтересованы в том, чтобы жить в спокойствии, стабильности и безопасности. Так и зародился тот социальный строй, который вы видите сейчас на этой планете, и который вы называли Утопией.

— Да, но тогда я не знал, что скрывается за внешним спокойствием!

— Не спешите об этом судить!.. Граждане, по большей части, живут здесь счастливой жизнью. Они свободны в той мере, насколько это возможно, работают мало, имеют прекрасное художественное и литературное образование. Вы слышали наших музыкантов, видели работы наших художников...

— Я не достаточно квалифицирован, чтобы судить о них, но мне кажется, им недостает выразительности, они... как бы это сказать? Академичны!

— Такова цена безопасности! Видите эти древние книги, занимающие весь этот угол моей библиотеки? Несмотря на опустошения войны, нам удалось спасти много того, что относилась к эпохе первой цивилизации. Среди людей тех диких времен имелись и такие, кто был предан культуре, — они-то и уберегли эти книги от бомб. Так вот, здесь есть просто-таки восхитительные произведения, хотя сейчас мы, конечно, таких производим гораздо больше. Но большинство наших граждан их бы, увы, не поняли.

— А как обстоит дело с наукой?

— В наших школах есть и научные дисциплины, но, как правило, ученикам там дают только минимум знаний, необходимый для управления механизмами, благодаря которым и существует наша цивилизация. Настоящей наукой занимаются лишь Стражи.

— Но неужели время от времени среди вас не рождаются люди, которых ваша статичная цивилизация не устраивает? Вы что, истребляете их?

— Нет — разве что в случае абсолютной необходимости. Мы — не тираны и не дикари, капитан. Те, кто любит физическую активность, или полагает, что любит, отправляются к людям палеолита. Там они находят свой собственный вид Утопии. Некоторые, впрочем, возвращаются и создают проблемы. Тех, кому нравится умственный труд, мы определяем еще в начальной школе, — они-то и становятся Стражами. В этой должности они вольны как угодно использовать свой ум, но это едва ли не единственная свобода, которой они об-

ладают. Быть Стражем своих братьев, капитан, — работа тяжелая и не слишком хорошо вознаграждаемая!

— И у вас никогда не возникает с ними проблем?

Кебельда слабо улыбнулся.

— Они, как когда-то и я, подвергаются специальной идеологической обработке, и когда, со временем и опытом, осознают это, в силу своего чувства ответственности становятся наилучшими Стражами... большей частью.

— То есть бывает, что и не становятся?

— Порой приходится принимать не самые приятные меры. Такова цена, которую он платят за то, что получают доступ к знаниям.

— Однако же я встречал среди ваших граждан людей, которые, как Акеро, к примеру, являются прекрасными историками...

— Вы могли встретить и других. Весьма посредственных, в большинстве своем... Но если говорить об Акеро, то мне жаль, что он не стал Стражем. Он один из тех немногих, чьи способности нам не удалось вовремя разглядеть.

— Могу я задать вам еще пару вопросов?

— Разумеется. У меня больше нет от вас тайн.

— Первый такой: зачем нужна содра?

— Капитан, человек стал человеком в силу своей агрессивности. Так было на протяжении двух с лишним миллионов лет, быть может, даже и трех! Утопии — всего десять тысяч лет! Как вы думаете, этого достаточно для того, чтобы изменить человеческую природу? Пока следы этой агрессивности, которая исполнила свою роль и теперь должна исчезнуть, все еще присутствуют, человечество будет нуждаться в стабильности, Стражах и содре! Содра — это своего рода заменитель ощущений возбуждения от охоты, войны, драк или даже обычного соперничества. Для грубых человеческих инстинктов в Утопии есть один огромный недостаток: в ней людям становится скучно!

— Второй вопрос касается ваших «людей палеолита». Я видел их мельком. Они выглядят счастливыми, но преисполнены агрессии...

— У них тоже нет войн!

— Да, они мне об этом говорили. Но у них есть ежедневное приключение — охота. Для чего они нужны? И не боитесь ли вы, что через несколько столетий их численность выйдет из-под контроля и...

Он резко прервался, вспомнив слова Дары о том, что лишь немногие группы ее соплеменников выживают в условиях их существования.

— Для чего они нужны? Вначале это были все те, кому было бы слишком трудно приспособиться к жизни в Утопии. Потом, правда, мы изобрели содру. К тому же Стражей у нас не так уж и много, и не все из них окажутся готовыми к сражению в том маловероятном, но все же возможном случае, если это понадобится. Если хотите, «люди палеолита» составляют своеобразный генетический резерв агрессивности. Что же касается увеличения численности их населения, то оно держится под контролем, хотя сами они этого и не знают. Мы разработали в наших лабораториях особый возбудитель веселящей лихорадки. Смерть безболезненна, но неизбежна.

— Но это ужасно!

— Не более, чем ваша война, капитан!

— Но мы уже не знаем, по какой причине началась эта война, и пытаемся...

— Вот именно! Вы сражаетесь, убиваете друг друга, но даже не знаете — из-за чего! Тогда как мы поддерживаем Утопию! Возможно, через несколько веков человечество уже не будет нуждаться ни в Стражах, ни в содре, и тогда двери наших лабораторий откроются, и мы сможем мирно размножаться на звездах!

— Вас ждут там неприятные сюрпризы! Помимо вайтской и меланской конфедераций, есть и другие народы, и не всегда миролюбивые!

— Если на нас нападут, мы будем защищаться. У нас есть абсолютное оружие, капитан. Но жители Утопии не станут сражаться между собой, как это делаете вы, и уж точно никогда не развяжут войну сами! По этому поводу я должен проинформировать вас о принятом относительно вас решении. Оно вам не понравится. Вы никогда уже не покинете Землю. Вас разместят на каком-нибудь острове, где вы будете жить

и умирать в мире. Мы не желаем, чтобы ваши варварские конфедерации узнали о нашем существовании. О! Защититься мы вполне бы смогли: если бы вы прилетели не на одном звездолете, а целой флотилией, то были бы уничтожены!

— Возможно. Но у нас тоже есть мощное оружие!

— Капитан, сейчас я покажу вам абсолютное оружие, о котором только что упоминал. Пойдемте!

Мужчина встал. Долговязый и худой, в черной тунике он выглядел еще более высоким. Он нажал какую-то кнопку, и, с оружием наперевес, появились два Стража.

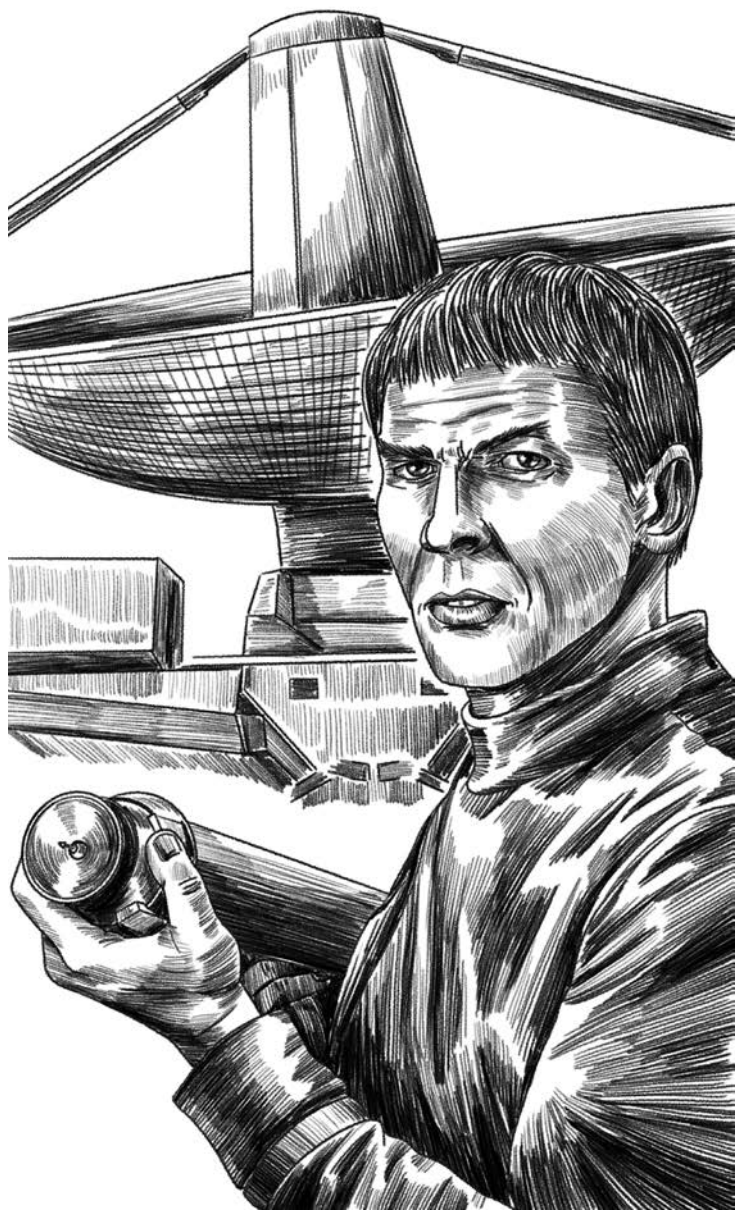
— Я принадлежу к научной партии, а не к военной фракции Стражей, поэтому, полагаю, не справился бы с вами, если бы вы вдруг на меня напали. Но Гона и Руки — наши лучшие стрелки. Не забывайте об этом и следуйте за мной.

Они вышли через другую дверь, и на лифте поднялись в бронированную башню. Посередине, направленный к потолку, располагался вогнутый диск, образованный решеткой из блестящего белого металла, примерно десяти метров в диаметре; в центре диска находился усеченный конус из красного металла, несомненно, меди. Край диска возвышался над полом примерно на метр, и сквозь прутья решетки можно было различить внизу не слишком глубокую выемку. Фон Кебельда указал на аппарат рукой.

— Это и есть наше абсолютное оружие. За счет поворота данного зеркала на скрытой опоре сектор обстрела представляет собой конус, покрывающий 30 градусов, — активатор Пространства III.

— Пространства III?

— Да, капитан Вариг. Ваши звездолеты используют Пространство II, не так ли? То самое Пространство II, где скорость света равна возведенному в квадрат значению скорости света в обычном пространстве. Вы можете делать это совершенно спокойно, ничего не опасаясь, так как Пространство II есть вакуум, и, соблюдая законы протоисторического физика Эйнштейна, вы можете летать по всему космосу. Так вот: мы, земляне, открыли Пространство III, где скорость света, или, скорее, максимальная скорость передачи информации такова, что мы даже не смогли ее измерить. Вероятно, она

конечная, но наши приборы слишком несовершенны. Впрочем, это неважно, ибо Пространство III — не пустое, а, если судить по тому немногому, что нам о нем известно, крайне недружелюбное по отношению к той материи, которая нам известна. У нас тут целый набор прожекторов, обшаривающих небо своими лучами и покрывающих его полностью начиная с достаточно малой высоты, для того чтобы никто не смог нас поразить. Один из таких прожекторов, установленный на экваторе, и проделал 2510 лет тому назад ту дыру в Луне, которая так вас заинтриговала. То был единственный раз, когда мы воспользовались активатором в большом масштабе для проверки одной гипотезы: некоторые из нас полагали, что за пределами 150 000 километров энергия слишком слаба для воздействия на материю в Пространстве III. Как показал опыт, они ошибались.

- И какова максимальная дальность действия?
- В теории — двадцать миллионов километров. На Марсе или Венере вы были бы в безопасности. Но не на Луне.
- И воздействие осуществляется через этот потолок?
- Естественно нет! Он бы исчез! Но он убирается — вот так, смотрите!

Кебельда подергал за какие-то рукоятки на стене, металлический потолок с глухим шумом перешел из горизонтального положения в вертикальное, и они оказались под открытым небом. Должно быть, прошло уже довольно-таки много времени после полудня, так как солнечные лучи падали косо, освещая лишь верх башни. Кебельда снова протянул руку вперед, вероятно, для того, чтобы закрыть потолок. В мозгу Рона промелькнула одна мысль — мысль безумная. И однако же то, несомненно, был их последний шанс. Если все получится...

- Подождите! У меня, разумеется, больше уже не будет возможности увидеть один из этих прожекторов, а это оружие меня заворачивает. Вы не продемонстрируете, как оно функционирует?

Было видно, что Кебельда колеблется.

- Они потребляют немало энергии, и пока воздух будет уничтожен, тут будет присутствовать некоторая радиоактив-

ность, пусть и весьма незначительная. С другой стороны, возможно, после подобной демонстрации вы будете более убедительны, когда вам придется объяснять вашим людям, что им не остается ничего другого, кроме как смириться с судьбой. Хорошо, я покажу вам... Возьмите вон то руководство по эксплуатации, что лежит на консоли, и когда прожектор будет активирован, бросьте его вверх, над зеркалом. Только делайте все быстро, иначе уничтожение воздуха может привести к образованию торнадо. Я скажу вам, когда нужно будет бросить книгу, так как — должен вас предупредить, — когда аппарат работает, тут ничего не видно. И главное — не поднимайте руку над зеркалом, если хотите ее сохранить. Готовы?

Взяв книгу, Рон подошел к зеркалу. Кебельда вытащил из кармана ключ, открыл крышку панели управления, щелкнул каким-то переключателем. Задвигавшаяся было по циферблату стрелка замерла между двумя красными линиями.

— Внимание! Когда я скажу, бросайте книгу!

Кебельда нажал на красную кнопку.

— Давайте!

Вместо того, чтобы подчиниться, стоявший совсем рядом с зеркалом Рон вскрикнул и отступил назад.

— Ой! А этот свет, в основании конуса... это нормально?

Заинтригованные, оба Стража бросились к аппарату. Рон резко толкнул их на прожектор. В тот же миг Кебельда вырубил энергию, но было слишком поздно: Гона был уже мертв — его голова и плечи исчезли; Руки с ошеломленным видом смотрел на обрубок своей левой руки, из которого фонтаном била кровь. Рон кинулся к лазеру, который Руки выронил, чтобы пережать запястье левой руки рукой правой, и повернулся с оружием к мариагу.

— Закройте свод! И займитесь этим несчастным. Он умрет от кровопотери, если вы этого не сделаете!

Пока землянин повиновался, Рон осмотрел свое оружие. То был очень мощный лазер, аналог типа IV федеративных флотилий. Воспользовавшись им, он методично «разрезал» металлические прутья решетки прожектора для того, что вывести аппарат из строя, расплавил панель управления, разрубил кабели, по которым шел электрический ток.

— Теперь мы спустимся в ваш кабинет, после чего вы лично пройдете со мной по камерам, и мы освободим моих людей. Ваша жизнь зависит от вашего сотрудничества.

— Поздравляю, капитан. Я, как последний баран, угодил в расставленную вами ловушку. Но моя жизнь не имеет никакого значения. Я всего лишь Страж!

— Да я и не сомневаюсь в том, что вы с легкостью пожертвовали бы как своей жизнью, так и жизнью этого бедняги. Осталось лишь узнать, до какой степени вы способны переносить физическую боль. Мы — пираты, и хотя я категорический противник пыток в обычных условиях, я никогда не отказывал себе в удовольствии наблюдать за тем, как наиболее жестокие из моих парней выбивали из пленников-меланцев информацию о том, где находится их богатство! Бывают, как вы уже говорили, обстоятельства, когда приходится принимать не самые приятные меры!

— Что ж, допустим, плоть окажется слаба, и я уступлю вам — здесь. Но когда мы наткнемся на Стражей, я без малейшего колебания отдам им приказ открыть огонь, ибо смерть меня не страшит. Всего лишь секунда тревоги, быть может, боли — и на этом все кончится!

Рон задумчиво почесал затылок.

— Ну да, действительно... Тогда попробуем зайти с другой стороны. Почему бы вам просто не позволить нам улететь?

— Мы достигли стабильности ценой невероятных усилий. Впервые за всю свою историю человечество получило возможность спокойно отдышаться, поразмыслить...

— Это ваше стадо накаченных наркотиками?

— Нет, хотя и они время от времени вносят полезный вклад в общее дело. Наркотик, как вы его называете, никоим образом не воздействует на их умственные способности. Но рассчитываем мы все же на Стражей. Они занимаются поисками во всех областях естественных и гуманитарных наук — и находят! Если бы мы пожелали завоевать всю Галактику, нам бы это удалось. Только представьте себе звездолеты, вооруженные прожекторами Пространства III! Но мы покинем нашу Землю, лишь когда достигнем поставленной перед собою задачи — перейти от животного-завоевателя, коим являетесь

вы, а в какой-мере — еще и мы сами, к более высокой форме интеллекта, к более высокой форме жизни. Нам еще многое предстоит сделать, и для этого нам нужно, чтобы наше укрытие не было обнаружено, для этого нам нужно еще несколько тысячелетий уединения и стабильности. Знаете, что случится, если вы вернетесь в свою воинственную конфедерацию? Нашу планету заполонят любопытствующие, какие-нибудь безумцы попытаются нас завоевать, и мы будем вынуждены защищаться. Я не знаю, что происходит с человеком, выброшенным в Пространство III, но, должно быть, нечто ужасное. Вы же не хотите, чтобы это случилось с миллионами?

— Полагаю, вы заблуждаетесь насчет того, что представляет ваша Земля для нас, обитателей Галактики! Мы искали ее лишь с совершенно определенной целью — проверить, верна ли теория, согласно которой вайты и меланцы обязаны своим происхождением одной и той же планете, установить это для того, чтобы прекратить нашу абсурдную войну. Мы тоже, пусть и по-своему, пытаемся прийти к высшей стадии человечества. Да, у нас случаются провалы. Но разве у вас их нет? Эти ваши накаченные наркотиками граждане, эти ваши Стражи, имеющие несчастный вид...

— Они действительно порой несчастны. Долг вынуждает их совершать неприятные вещи. И они и сами знают, что являются рабами общественного строя, при котором им уже не жить, что они трудятся во имя цели, которая реализуется уже не при их жизни. Но и у них бывают радостные моменты!

— Так или иначе, я хотел донести до вас лишь одно: в нашей конфедерации Земля представляет интерес разве что для горстки археологов! Если вы позволите нам улететь мирно, мы сохраним тайну вашего местоположения в пространстве. И если кто-то вдруг снова ее случайно откроет... что ж, мы признаем за вами право на защиту!

— Мне бы и хотелось верить вам, Вариг, но я не могу пойти на этот риск. И я — не Верховный Страж, я не могу взять на себя...

Дверь башни открылась, и, с оружием в руках, появились Гуннарсон и Брак. С ними был один из Стражей, также вооруженный. Все трое резко остановились.

— Вижу, капитан, вы в нас и не нуждались! — радостно вскричал великан. — Ну вы тут и натворили делов! — Продолжал он, окидывая восхищенным взглядом обломки проектора. — Это еще что была за штуковина?

— Ужасное оружие, Нильс. Но что произошло?

— Этот человек освободил нас и выдал нам лазеры, — ответил Гуннарсон. — Теперь мы тут хозяева положения.

— Неужели это правда, Хелор? — воскликнул Кебельда. — Неужели Страж способен на предательство? Ну же, отвечай!

— Это правда, мариаг.

— Но почему? Почему ты подверг наш план столь страшной опасности? Ты вообще понимаешь, что ты наделал?

Страж глубоко вздохнул.

— Я сделал это во имя свободы, мариаг! Ради возможности жить, как человек, а не как раб, выполняющий план, придуманный задолго до меня, план, который едва ли реализуется при моей жизни! А еще потому, что здесь чертовски скучно!

— Но как же так?.. Ведь ты — один из лучших наших физиков! В лаборатории у тебя есть все, что только можно желать! Ты делал открытия...

— Которые затем отправлялись гнить в архивы! И которые останутся там до того славного дня в далеком-далеком будущем, когда кто-нибудь осмелится объявить, что план наконец-таки осуществился, если такое вообще случится! Нет, мариаг, мы здесь, на этой единственной планете, — обычные пленники, тогда как у них есть вся вселенная!

— Но у них есть и война!

— Они объяснили мне, из-за чего она началась, и как они надеются ее прекратить. И потом, мариаг, пусть бога, вероятно, и не существует, мне кажется, наши предки, Великие, те, которые и составили тот план, которому мы следуем, слегка узурпировали атрибуты божества! Возможно, они были и правы, но можно ли утверждать это наверняка? Ничто не помешает вам продолжить этот опыт. Обитатели Галактики живут иначе, и пусть у них там полно своих трагедий, они по крайней мере свободны!

Кебельда устало пожал плечами.

— Что ж, будь по-твоему! Но вы будете уничтожены, когда попытаетесь покинуть Землю. Этот прожектор выведен из строя, но прежде чем вы успеете подняться достаточно высоко для того, чтобы оказаться в безопасном для вас Пространстве II, вы угодите в зону поражения соседних прожекторов!

— Четыре соседних прожектора также были разрушены, мариаг. Ничто не помешает нам улететь.

Кебельда, казалось, сделался ниже ростом.

— Выходит, ты не один? Это организованная измена?

— Нас, намеревающихся улететь с ними, двенадцать человек. Измена? Нет, всего лишь возможность. Скажем так: прутья клетки на несколько секунд раздвинулись, и мы собираемся этим воспользоваться!

— Время поджигает, капитан, — прервал их Гуннарсон. — Пусть мы и хозяева положения... но это лишь пока!

— Ты прав! Давайте, Кебельда, следуйте за нами. Сейчас мы вернемся на борт «Отважного» и там освободим вас. Но сначала мне нужно заскочить в мою квартиру, чтобы забрать документы, переданные нам Акеро.

— Не нужно, капитан, — сказал Брак. — Они уже на борту. С небольшим сюрпризом для вас!

Х

Пока люк шлюзовой камеры медленно закрывался, Рон бросил последний взгляд на эту земную поляну, которую ему никогда больше не предстояло увидеть, поляну, на которой похоронили Гедана, затем — на встревоженное лицо Кебельды.

— Не беспокойтесь! Даю вам слово: никто не узнает, где находится Земля!

Как только люк закрылся, он направился в командную рубку.

— Стан, сейчас же взлетаем! Абсолютно вертикальный подъем до высоты сто километров и переход в Пространство II! Да, я знаю, что мы рискуем вынырнуть вблизи какой-нибудь крупной планеты! Но кто знает, какое еще оружие есть у них в арсеналах, помимо выведенных нами из строя прожекторов!

Рон ощутил спокойствие, лишь когда на обзорных экранах возникла абсолютная чернота Пространства II. Откинувшись на спинку кресла, он с облегчением выдохнул и сказал:

— Что ж, друзья, мы отделались минимальным уроном, но могли остаться тут навсегда! Дюрю, Ункумба, есть что-нибудь ценное в документах Акеро?

— Они неоспоримы, капитан, — ответил антрополог. — Мы сделаем несколько копий, и Ункумба сможет передать одну своему правительству. Вероятно, этого окажется не достаточно для прекращения войны, но данные документы станут в том огромным подспорьем, если одновременно с этим мы сделаем реальное предложение о мире.

— Прекрасно! Что там со Стражами, которые последовали с нами?

— Распределены по разным каютам и находятся под наблюдением наших людей. Но я полагаю их намерения искренними, — сказал Гуннарсон.

— Их двенадцать?

— Да. Весь цвет научных Стражей. В курсе всего технического устройства Пространства III.

Рон присвистнул.

— Придется им объяснить, что пока не следует об этом распространяться!

— Акеро также пожелал улететь с нами. Как и еще несколько человек. Когда земляне узнали, что мы собираемся покинуть их планету, некоторые попросили взять их с собой. С тобой в этот момент связаться было невозможно, а время поджимало. Я согласился — соразмерно имеющемуся в наличии свободному месту. Всего их двадцать один.

— Даже не знаю, понравятся ли им наши планеты больше, чем та, которую они покинули. Впрочем, это их личное дело! Женщины среди них есть?

— Три.

Рон на мгновение испытал сожаление. Если бы у него было время разыскать Сору... Но так, вероятно, будет даже лучше. О Ване он даже и не вспомнил.

— Как полагаете, Ункумба, мир между нами возможен?

— Да. Мой народ устал от этой бойни. Не знаю, правда, как ваш...

— Думаю, что и мой тоже. Но долго ли продлится этот мир? Создан ли человек для мира? Да, он, этот мир, царит там — внизу, на Земле, — но какой ценой! Находящееся под воздействием наркотиков счастливое население, живущее в рабстве, даже того не сознавая! Элита, во всем руководствующая долгом, который, наплевав на их свободу, этим людям навязала чья-то безжалостная воля. Неужели для человека действительно нет другой альтернативы войне или рабству?

Меланец опустил правую руку на плечо капитана.

— Не нужно терять веру в человека, Рон. Родной для моего народа край, Африка, долгое время был землей рабства, еще даже до того, как его заполонили предки вайтов. Наша история, в большей мере известная, чем ваша, учит нас тому, что даже между афрэнами на протяжении многих веков, быть может, существовали войны и порабощение. Сегодня мы уже представляем собой огромную конфедерацию, объединяющую тысячи планет. У вас тоже было немало братоубийственных войн, но сейчас и вы — единый народ в космосе. Если нам удастся остановить эту войну — а нам это удастся! — впервые в своей истории человечество заживет в полном мире. О! Я знаю, остаются еще и Другие, не-люди, с которыми нам придется порой сражаться. Но и это пройдет! В один прекрасный день, Рон, все сознательные существа Вселенной заживут в мире. Ни мы, ни даже наши прапраправнуки этого не увидим, но этот день придет! И мы добьемся этого, оставаясь свободными! Быть может, когда-нибудь к нам присоединится и Земля?

Повисла тишина. «Если наступит мир, что останется делать мне? — подумал Рон. — Возобновить старые связи, вспомнить о своей первой любви, вернуться к науке? Или же уединиться в моем фамильном имении в долине Клер? Жить философом, наедине с самим собой? Ах! Если бы Мойя не предала меня!..»

Он тряхнул головой. Если бы Мойя не предала его, он никогда бы не стал капитаном пиратского судна. Вероятно, сейчас преподавал бы в каком-нибудь университете. Он вдруг ощутил жуткую усталость.

— Стан, остаешься за главного. Пойду отдохну немного у себя в каюте.

Дверь отъехала перед ним в сторону. В кресле, с распущенными волосами, спала Сора. Легкий шум, с которым он вошел, разбудил девушку. Она вскочила на ноги, робко взглянула на него. Мгновение он неподвижно стоял на пороге, затем бросился вперед, протягивая к ней руки.

— Ты меня принимаешь? — прошептала она.

— Ты изменилась, Сора. Ты выглядела совершенно иначе, когда...

— Я больше не нахожусь под воздействием содры. Борнэ сделал нам «освобождающий» укол, прежде чем Гуннарсон принял нас на борт.

— И как ты себя чувствуешь?

— Одинокой, напуганной... и свободной!

— Знаешь, война вскоре, надеюсь, закончится. И я тоже буду чувствовать себя одиноким, немного напуганным и свободным. Я подумываю о том, чтобы удалиться в имение, которое у меня есть в одной очень красивой долине, там, где я родился, на Федере, нашей центральной планете. Ты согласна разделить со мной это уединение?

Она прижалась к его груди.

— А почему, по-твоему, я полетела? Я любила тебя, еще когда была... чем-то под воздействием содры. Мне жаль только детей, которых я учила...

— Ты сможешь преподавать и там, куда мы поедem, Сора! Преподавать историю планеты, которая стала гордой, которая дала своим детям всю вселенную, и которая сейчас — быть может, лишь на какое-то время — напугана и потому замкнулась в себе.

Он нежно обнял ее. Вокруг них «Отважный» вибрировал всей мощью своих механизмов, которые продвигали его в пространстве, пространстве, не созданном для человека, но тем не менее этим человеком завоеванным.

«Из-за одной женщины я встал на путь приключений, другая заканчивает это мое странствие, — подумал Рон. — Будет ли мне когда-либо его не хватать?»

Он пожал плечами. Будущее покажет. Пока же, вдыхая запах тяжелых черных волос Содры, он был счастлив.

ТОТ, КТО ВЫШЕЛ
ИЗ БОЛЬШОЙ ВОДЫ

CELUI QUI VINT
DE LA GRANDE EAU

1982

В прекрасной поэме «Вот и закончилось вино», впервые опубликованной в 1947 году, К. С. Льюис рассказывает историю последнего Атланта, который терпит кораблекрушение у берегов Европы, не имея при себе никаких других запасов, кроме небольшого флакончика вина. Пристав к берегу, увидев туземцев, встречавших его у кромки воды, он допивает вино, припоминает былое великолепие и славу Атлантиды и задается вопросом: съедят ли его или станут почитать как бога, и что из этого хуже.

Но была и третья возможность...

Франсис Карсак

I

Это случилось, когда я был совсем еще юношей, едва прошедшим обряд посвящения, во время долгого путешествия, предпринятого Старым Трухом, Кхором по прозвищу Убийца Львов и еще несколькими охотниками к Большой Соленой Воде. Мы покинули пещеры в начале весны, как только растаяли снега, и земля затвердела после оттепели. Мы шли почти всю луну; у меня по сей день сохранилась кость, на которой Трух отмечал каждый день пути. Мы повстречали несколько племен, обитавших в жалких укрытиях, но при этом дружелюбных; племена эти говорили на языке, слегка отличном от нашего, и указали нам дорогу к Большой Соленой Воде, находившейся где-то там, на западе. Мы предприняли этот поход потому, что до ушей Труха дошли слухи, что на берегу этой воды полным-полно ракушек, подобных тем, какие люди запада находят в песках, но более разноцветных, но главным образом потому, что Труху всегда хотелось всё знать. Что касается Кхора, то львов на нашей территории становилось все меньше и меньше, и он был готов к любым приключениям. Я, в свою очередь, был

тогда юн и любознателен, как, впрочем, и отправившиеся с нами Сорех-Бан, Акха-Бегун, Тхо Твердая Рука и Балак Отважный. Словом, когда Трух спросил, есть ли желающие сопровождать его в этом долгом переходе, мы почесались носами о носы наших молодых жен, взяли оружие, несколько кремнёвых пластин, инструменты для изготовления каменных орудий и двинулись в путь.

Западный край, в общем и целом, менее приятный и благосклонный, чем наш. Там мало скал и укрытий, а те, что встречаются, — небольшие и с низкими сводами. Реки более широкие, чем у нас, и потому через них труднее перебираться, да и рыбная ловля там не из лучших. Мы шли не слишком быстро, неторопливо исследуя все вокруг и охотясь; зачастую нам приходилось долго искать необходимый для наших орудий камень, камень, который в этих местах встречается значительно реже, чем у нас, и который там посредственного качества. После слияния двух крупных рек, одной из которых был Дор, а названия второй мы не знали, мы уже не встречали людей, хотя следов их существования было предостаточно: инструменты, окрашенные в красный цвет камни, разбитые для получения костного мозга кости, обнаруженные под выступами. Но все эти следы были старыми. Тем не менее край изобиловал дичью, и от голода мы никогда не страдали. Мы проследовали вдоль северного берега крупной реки, образованной Дором и другой рекой, и так вышли к Большой Воде.

Мы почувствовали ее еще раньше, чем увидели. Воздух был более свежим и имел особый аромат, с запада дул сильный ветер. Мы оставили позади себя небольшую зубчатую скалу, затем длинный песчаный склон. Соленая Вода оказалась прямо перед нами. Она не текла, как река, но все время была беспокойной, зеленого цвета, с белыми гребнями волн. Рядом с ней песок был усеян длинной, липкой темно-зеленой травой, и там действительно было много ракушек, из которых можно было сделать ожерелья, некоторые — все еще с каким-то мягкотелым животным внутри. Порой эти ракушки были яркого цвета. В лужах плескались неведомые рыбки, а чуть продвинувшись на север, мы обнаружили скелет огромного, размером даже больше, чем три мамонта, зверя, от которого остались одни кости. Осмотрев его с задумчивым видом, Кхор

пришел к выводу, что у этого зверя не было ни клыков, ни бивней, и что, несмотря на свои размеры, он, должно быть, был не слишком опасным из-за коротких лап.

Несколько дней мы простояли лагерем на берегу Большой Соленой Воды. Воду для питья мы черпали из небольшого ручейка. Мы научились ловить рыб, которые зачастую оказывались очень вкусными, особенно те, что были плоскими, и мы совсем не боялись Соленой Воды, которая то отступала перед нами, словно испуганная, то, наоборот, устремлялась к берегу, бросая к нам, словно сети, свои волны. Вечером четвертого дня, с закатом, мы заметили в небе большое черное пятно, похожее на дым от бесчисленных женских костров. А на шестой день мы едва не погибли.

В этот день земля несколько раз содрогнулась, море опустилось очень низко, и какое-то время мы следовали за ним, довольные тем, что можем собрать больше ракушек и ставших пленниками в небольших лужицах рыб. Но Трух быстро остановил нас:

— Большая Вода набирается сил. Она вот-вот вернется и унесет нас. Давайте-ка поднимемся на склон.

И едва он произнес эти слова, как земля очень сильно задрожала у нас под ногами, мы бегом припустили к скале и, забравшись на самый ее верх, увидели идущую от линии горизонта огромную волну. Мы побежали еще дальше в скалы, к самой высокой точке, какую смогли найти. Волна разбилась об утес, и, даже находясь высоко-высоко, мы промокли так, словно попали под дождь. Затем, на протяжении всей ночи, накатывало еще несколько волн, более или менее мощных, и, мокрые, без укрытия и без огня, в завывании ветра и шуме Соленой Воды, мы почти не спали. Утром всё, казалось, стало, как раньше, разве что волны все еще были очень высокими, и было невозможно приблизиться к берегу.

На пятый день после своей атаки Соленая Вода успокоилась, и мы смогли снова спуститься к берегу. Акха считал, что следует немедленно вернуться к племени, но Трух еще не удовлетворил своего любопытства, а он был Старейшиной. Он объяснил нам, что, после такой атаки, дүхи, живущие в Соленой Воде, нуждаются в передышке перед новым штурмом, а это значит, что мы ничем не рискуем. Поэтому мы

начали обследовать берег и обнаружили множество странных вещей, занятным образом обработанные куски неизвестного, очень красивого дерева, и я выбрал себе кусок этого дерева и начал вырезать из него фигурку мамонта. А на седьмой день мы повстречали человека.

Он приплыл на большом куске выдолбленного дерева, заостренном с обоих концов, почти как наши пироги, но гораздо более длинного. В передней части этого куска дерева была воткнута толстая палка, а к этой палке привязано широкое фиолетовое крыло. Уже приставая к берегу, он сложил это крыло и увидел нас.

Мы были там все семеро, с оружием наготове, но не выказывая враждебности. Чужеземец был один и выглядел изнуренным и совсем не грозным. Он был среднего роста, весьма упитанный, со смуглой кожей, очень черными волосами и одетый в шкуру неведомого животного ярко-рыжего цвета или же окрашенную известной нам охрой. Вокруг шеи он носил тесемку, поддерживавшую некий свисавший на грудь амулет, вероятно, сделанный из прозрачного камня, какие находят иногда в русле рек, но тоже красного. Увидев нас, он схватил этот амулет и, к нашему глубочайшему удивлению, поднес его к губам, и мы увидели, что он полый и наполнен красной жидкостью, которую чужеземец выпил. Затем, прежде чем мы успели ему помешать, он бросил этот амулет в воду, где тот продержался немного на поверхности, а потом исчез. Тогда чужеземец посмотрел на нас долгим, пристальным взглядом, пожал плечами, прыгнул на землю и очень медленным шагом направился к нам.

Мы окружили его, движимые любопытством. Он даже бровью не повел, когда Тхо с возгласами удивления принялся ощупывать шкуру, которая была на нем. Я тоже к ней прикоснулся. Она была искусно выделанная, необычайно мягкая, но очень тонкая и, должно быть, совсем не защищала от холода. Похоже, ни оружия, ни каких-либо орудий у него при себе не имелось, но к его поясу был привязан блестящий желтый камень, занятно вырезанный и инкрустированный зелеными и красными камнями, каких мы никогда прежде не видели. Мы стояли там, ошеломленные, как дети, увидевшие своего первого мамонта, до тех пор, пока Соленая Вода, поднявшая-

ся нам по щиколотки, не указала на то, что пора возвращаться в лагерь. Чужеземец последовал за нами. Мы предложили ему немного жареного мяса сайги — кажется, я не упоминал, что этих животных, редких здесь, на западных землях полным-полно? — мяса, которое он съел, задумчиво глядя на костер. Его лицо выражало не страх, но глубокое отчаяние.

Мы объяснили ему, что нам нужно покинуть берег Соленой Воды и вернуться в пещеры. Желает ли он пойти с нами или предпочтет остаться? Быть может, сюда явятся и другие люди из его народа? Он нас не понял, но впервые заговорил — на языке, совершенно нам неизвестном. Но когда, снявшись с лагеря, мы двинулись на восток, он бросил последний взгляд на поглотившую его лодку Соленую Воду и последовал за нами.

С первой же остановки стало очевидно, что он не знает ничего из того, что обязан знать охотник. Когда Трух жестами показал ему, что он должен разжечь костер, он выбрал неудачное место и принес мокрые или зеленые ветки. Он необычайно неловко держался на ногах, спотыкался в траве и производил такой шум, что распугивал дичь повсюду, куда может долететь голос. У него не было ножа для разделки мяса, и когда Балак изготовил для него нож, отколов несколько пластин от прекрасного куска кремня, он посмотрел на них с изумлением, словно сомневался в их пригодности, и, вероятно, пожелав испытать остроту ножа, порезал себе палец. Мы дали ему четыре дротика и сменную копьёметалку*, к которой их следовало привязывать, ибо мужчина без оружия ничего не стоит, но, судя по всему, он не знал, что с ними делать, и Сорех-Бан выразил наше общее мнение, когда заявил, что не понимает, как этот парень вообще мог дожить до совершеннолетия!

Мы возвращались короткими переходами, так как Атлан — так его звали — не мог идти нашим ходом более половины суток. Мы останавливались, когда солнце находилось

* Копьёметалка — приспособление для метания копья, увеличивающее дальность полета, силу и меткость удара. Изобретена еще в эпоху палеолита. Представляла собой деревянную палку или дощечку (прямоугольной или мечевидной формы, шириной от 5 до 12 см, длиной от 30 до 150 см) с желобком и упором для древка копья.

в самой верхней своей точке в небе, и разбивали лагерь. Двое или трое из нас отправлялись на охоту. Дичью этот край, где людей почти нет, изобиловал, и жилось нам в нем легко и просто. Мы начали обучать чужеземца нашему языку и были немало удивлены тем, как быстро он его усваивал. Действительно, судя по его поведению, его можно было сравнить с теми детьми, которые порой рождаются несообразительными и, как правило, проживают не более пяти вёсен. Когда мы его нашли, он ничего не умел, но по прошествии стольких дней, сколько пальцев на обеих руках, уже умел должным образом разжигать огонь и не представлял больше для нас опасности, когда пытался метнуть дротик с помощью копьеметалки. О, он не представлял особой опасности и для тех животных, в которых целился! Руке его не доставало твердости. Но мало-помалу он закалялся, и когда мы оказались в долине, то дальше шли уже почти обычными этапами.

Прошло уже больше двух лун, как мы ушли (двух лун и двух рук дней по подсчету Голя-Колдуна), и наш вождь Хорг уже начинал беспокоиться. Мы вернулись затемно. У входа в укрытие, отбрасывая на стену тени хижин, пылал большой костер. Сонг, дежуривший в этот вечер, заметил нас, и племя встретило нас восторженным криком. Женщины сбежали по склону, и первым же их вопросом был такой: «Вы нашли ракушки?» Затем, увидев Атлана и его странное обложение, теперь уже превратившееся в лохмотья, они излили на нас целую реку вопросов, но Старый Трух резко прервал этот поток красноречия:

— Женщины узнают то, что им следует знать, после вождя и совета!

Совет затянулся далеко за полночь. На нем присутствовали Старейшины, вождь, Голь-Колдун и члены экспедиции. То было мое первое присутствие на совете — и последнее до тех пор, пока я сам не стал Старейшиной. Мы собрались у входа в располагавшийся рядом с хижинкой священный грот, куда имеют доступ лишь Посвященные высшего ранга. Атлан вскрикнул от удивления, когда увидел, что вождь пользуется «огневым луком»*, и попытался нам что-то объяснить,

* «Огневой лук» — приспособление, напоминающее лучковое сверло; огонь получается за счет трения.

но он знал тогда еще не достаточно слов для того, чтобы мы смогли его понять. Похоже, он хотел нам сказать, что лук имеет другое назначение. Тогда он увидел его впервые, так как во время похода мы разжигали костры при помощи кремня и желтого камня.

Я и сейчас, после стольких прошедших лун, прекрасно помню тот совет! Отблески пламени подчеркивали мускулистые руки охотников и изможденное лицо Голя, чьи глаза, возбужденные после ритуального поста, который он только что закончил, блестели в глубине темных орбит. Я сидел чуть сбоку от круга, как и подобает молодому; чужеземец — рядом со мной. Я был переполнен сознанием собственной важности и в то же время ощущал некоторую робость, даже был немного испуган. Атлан тоже чувствовал себя не в своей тарелке, ибо знал, что вот-вот решится его судьба, а он даже не сможет, в случае чего, защититься. Трух рассказал о походе, о тех племенах, которые нам повстречались; все они были дружественными и в любом случае слишком слабые, чтобы потревожить Людей из долины. Рассказал он и о Большой Соленой Воде, о том, как она пыталась утащить нас к себе и там утопить.

— Духи вод могущественны, — пробормотал Голь. — Они всегда пытаются выпить жизнь людей.

Затем Трух поведал о густом дыме на западе, далеко за водами. Могли ли там быть племена столь многочисленные, чтобы дым от их лагерных костров мог затемнить небо?

— То, что ты видел, Трух, это дым духов земли, — пояснил Голь. — В мои юные годы, когда я был учеником великого колдуна Эрока, мне доводилось бывать в северо-восточных горах. Там иногда собираются духи земли. Их дым исходит от горных вершин вместе с их огненным дыханием, от которого содрогается земля. Никто не должен приближаться, если ему дорога жизнь!

— Так и есть, земля дрожала под ногами, — ответил Трух. Затем он рассказал о прибытии Атлана, о занятом амулете, который он носил на шее, о том, что он содержал некую жидкость, которую Атлан выпил, прежде чем забросить амулет далеко в воду.

— Вы правильно сделали, что не убили его, — сказал вождь Хорг.

— У него не имелось при себе оружия, — просто ответил Трух, — и, как мы затем убедились, среди своего народа он точно уж не был охотником. Но он говорит о непонятных вещах; быть может, он тоже колдун?

Голь нахмурился.

— В племени должен быть лишь один колдун, иначе дүхи будут недовольны. Ты колдун, чужеземец?

Атлан ответил после небольшой паузы.

— Нет, я поэт, — сказал он, употребив слово из своего языка.

— А кто это... поэт?

— Человек, который пользуется словами... который воспекает подвиги охотников... который...

Он умолк, не зная, как объясниться.

— Ну да, в племени Больших Скал, на севере, есть человек вроде этого, — сказал Кхор. — Я слышал, как он воспевал геройства Глу, их вождя. Многие, правда, полагаю, преувеличивая. Никогда еще человек не убивал мамонта без посторонней помощи!

— А что еще ты делал?

— Ничего! Я был... Мне давали всё, что нужно для жизни, и я воспевал подвиги других.

Недовольный ропот пробежал по кругу заседавших. Племя не признавало бесполезных ртов, и хотя жизнь в этом изобиловавшем дичью краю была относительно легкой, даже дети и старики работали сообразно своим возможностям. Лица ожесточились. Заметив это, чужеземец побледнел, затем пожал плечами.

— За жизнь я не держусь, — сказал он. — Но пусть я и не имею ничего делать, я все же могу обучить вас самым различным вещам.

Он встал, взял «огневой лук», прямую палочку, приложил кончик палочки к тетиве, натянул лук, отпустил. Сучок пролетел через весь грот и исчез в ночи.

— Вот! Если вы сделаете лук побольше и помощнее и поместите на место сучка дротик, то сможете убивать свою дичь издали — и с большей точностью, чем с использованием копьеметалок!

— А ты смог бы изготовить большой лук?

— Вероятнее всего, нет, но я могу показать, как его делать.
— Откуда ты явился, и кто ты такой?
— Я — Атлан, поэт, а явился из Атлантиды. То было могущественное королевство... я хотел сказать: очень большое племя, проживавшее на одном острове. Боги... дүхи осерчали на нас, так как мы перестали почитать их должным образом, и однажды ночью Атлантида исчезла под водой. Я спасся, уж и не знаю как. Полагаю, я один только и выжил...

Хорг переговорил шепотом с сидевшими рядом с ним Старейшинами, а затем сказал:

— Хорошо. Ты будешь жить — пока что. Будешь учить нас изготавливать большие луки, а помогут тебе в этом Кхор и...

Взгляд его упал на меня.

— ...и Нарам, — закончил он. — Они, в свою очередь, обучат тебя тому, что должен уметь, чтобы выжить, охотник.

II

К осени Атлан уже свободно говорил на нашем языке и успешно участвовал в коллективной охоте, но почти всегда возвращался с пустыми руками, когда выходил на охоту один. Мы стали друзьями, пусть он и был старше меня. И, через разговоры, которые мы вели по вечерам, сидя у входа в пещеру, я уже начинал немного представлять, какой была его прежняя жизнь. Мир, где он родился, был весьма необычным. Похоже, атланты — ибо так звались люди из его племени, — были более многочисленны, чем я полагал. Более многочисленны, чем все племена Долины вместе взятые, даже более многочисленны, чем племена, проживающие у слияния рек Кхуз и Дор. Как столько людей могло жить в одном месте, для меня оставалось загадкой. Вне всякого сомнения, там не могло быть такого количества оленей, бизонов или даже мамонтов, чтобы можно было прокормить весь этот народ. Атлан часто мне говорил, что они жили не за счет охоты, а за счет растений и животных, которых держали в плену в загонах, как мы сами порой поступаем с северными оленями. Но их там можно держать, лишь пока там есть трава, которую они щиплют, а трава эта быстро заканчивается. Да и на растениях не может быть достаточно орехов или корней!

Охотились они лишь ради удовольствия, да и то не все: лишь люди благородного происхождения имели на это право. Эти «благородные люди», как они назывались, были кем-то вроде младших вождей, которые подчинялись большому вождю, королю. Кроме того, там были воины, единственной задачей которых было защищать территорию, крестьяне, выращивавшие растения, плодами которых они и питались, наконец, жрецы, говорившие от имени богов. Я так и не смог понять, что именно представляют собой эти боги. То не были дѹхи. Они все всемогущественны, и люди должны были делать им подношения, тогда как всякий знает, что, пусть даже дѹхи всемогущественны, их все равно можно в той или иной степени контролировать за счет слов и магических действий, которые известны колдунам. Голь неодобрительно относился к этой идее о богах, и Атлан говорил о них только со мной. Великий бог Посейдон, устав от несправедности атлантов, послал на них Большую Воду. Но Амфитрита, богиня, которой поклонялся Атлан, сделала так, чтобы одна из волн забросила его в большую пирѹгу, и вот так он и спасся.

— Я испугался, Нарам, когда увидел вас, поджидающих меня на берегу. Испугался потому, что нам говорили: на вашей земле живут кровожадные дикари. Но вы вовсе не дикари — вы просто варвары. Вам даже известно искусство!

— Искусство?

— Тот мамонт, которого ты вырезал из куска мелкозернистой породы, приплывшего из Атлантиды. Зачем ты его изготовил?

— Ну, если я захочу поохотиться на мамонта, я должен буду повторить за Голем магические слова, пока он будет держать в своих руках эту деревянную фигурку. Это направит заклинание к живому мамонту, так мы завладеем его разумом, и тогда убить его будет легче.

— Да, теперь я знаю ваши верования, столь отличные от наших. Вы думаете, что можете повлиять на мир, тогда как мы считаем, что мир находится в руках богов, и мы должны попросить их о том, чтобы наши желания исполнились. Но Акха тоже сделал статую мамонта, и она не так похожа на это животное, как твоя.

— Достаточно и такой! Есть хобот, клыки, изгиб спины...

— Тогда зачем ты делал свою с большей тщательностью, или даже с большим умением?

— Ради удовольствия! Чтобы посмотреть, получится ли у меня вырезать маленького деревянного мамонтенка, который будет, как живой!

— Ты этого не знаешь, Нарам, но это и есть искусство! Создать из мертвой материи что-то такое, что будет почти как живое. Ты этого не знаешь, но ты — художник! В Атлантиде благородные люди боролись бы за твои работы.... Атлантида!..

И он вздохнул.

III

Жизнь, конечно же, не была для него легкой. Я уже говорил, что, как охотник-одиночка, он был более чем посредственным, и нередко страдал бы от голода, если бы Кхор, Тхо или я не делились с ним. Но иногда наша добыча оказывалась небольшой и, естественно, в первую очередь все шло нашим женам и детям. Тем не менее он не жаловался и пытался быть полезным, но если знал он много чего, то руками действовал чрезвычайно неловко. Я научил его подготавливать кремнёвый нуклеус, из которого можно было потом делать пластины, научил зажимать этот нуклеус между ногами и пользоваться отжимником, но он расходовал столько кремня, что оказалось более экономичным давать ему уже готовые орудия. Сам он обучал нас самым разным вещам. После множества бесплодных попыток, Кхор, Тхо и я научились-таки делать луки. Оставалось подыскать подходящее дерево. Похоже, в Атлантиде у них были особые деревья, вроде того, из которого я вырезал мамонта — оно было очень гибким и эластичным. Но ни сосна, ни пихта, ни береза не подходили. Орешник также был недостаточно прочным. Атлан вспомнил тогда, что в его племени луки укрепляли металлическими полосками. Это было вещество, которое извлекали из земли, как именно, он не знал наверняка, — помнил лишь, что для этого требовался большой огонь. Было несколько видов металла. Пряжка его пояса была из золота, но оружие воинов — из бронзы или железа. Тхо пришла в голову мысль заменить эти металлические полоски плоскими пластинами, вырезанными

из оленьих рогов. После множества неудачных попыток нам все же удалось таким образом сделать лук, посылавший небольшой дротик более чем на сотню шагов. Но этот дротик не был стабильным и беспорядочно вращался в полете. Тогда Атлан научил нас размещать на конце, противоположном наконечнику, три надрезанных в длину пера. Теперь стрела летела прямо и даже более точно, чем брошенный с помощью копьеметалки дротик. Большинство охотников взирали на наши усилия со скептическим видом, но когда мы стали каждый вечер возвращаться с полными руками, изменили свое мнение, и вскоре лук имелся уже у всех мужчин.

Но не все идеи Атлана имели такой успех. Он пожелал обучить нас тому, что сам он называл «письмом» — способом нарисовать или выгравировать свою мысль, что-то вроде тех знаков, которые нарисованы в священных пещерах и обозначают опасности или зоны, закрепленные за Великими Посвященными. Это дошло до ушей Голя, который заявил, что это касается лишь колдунов, и если бы Кхор, Тхо и я не вмешались, все могло бы закончиться для Атлана крайне печально. Кроме того, он попытался изготовить металл, помещая в огонь тяжелые красные камни, которых было достаточно в нашей пещере, камни, похожие на неважного качества охру, слишком твердую для того, чтобы ее можно было использовать для окрашивания шкур или кожи. Но каких-либо результатов Атлан не достиг, и Хорг быстро прекратил эту напрасную трату топлива. В другой раз Атлан взял глину, которая служит для лепки фигурок животных, и принялся делать шарики, в которых пальцами делал полости и поджаривал на огне. Но и здесь он потерпел неудачу: глина растрескивалась и не могла удержать воду.

— А вот у нас, — сказал он, — горшечники делали из глины сосуды! Столько сосудов, сколько ты и представить себе не можешь, любых форм и размеров, для хранения воды, золота, масла, зерна... — Он привел целую серию непонятных для нас слов из своего языка. — Но я не знаю, как они это делали, — добавил он. — Ах, Нарам, для вас было бы лучше, если бы к вашему берегу пристал горшечник или кузнец! Я же — всего лишь поэт, и потому бесполезен, ибо больше никто уже не будет говорить на моем языке!

И он зарыдал, словно женщина!

— Почему ты не поешь на нашем языке? — спросил я у него.

— Почему, Нарам? Да потому, что я плохо его знаю, а поэзия требует владения языком в совершенстве! И потом, что бы я воспевал? Что вы делаете такого, что могло вдохновить настоящего поэта? Вы рождаетесь, охотитесь, умираете! Вы не воюете! У вас нет богов, к которым бы вы обращались с мольбами! Ваши легенды — не более чем мерзкие истории об охоте на мамонтов и великих пирушках! Вы — варвары! О, некоторые из вас, ты, к примеру, обладаете поразительным художественным даром к рисунку или скульптуре, но это дар почти неосознанный! Что, по-твоему, мне следовало бы воспевать? Славу бога-солнца, заходящего в пламенеющем небе? Для вас солнце — не бог, а свет! Ваше небо — пустое! Ваши дүхи — слепые силы, которые, как вам кажется, вы контролируете посредством заклинаний! Вы упоуете лишь на одно — что после смерти возродитесь в таком же, как этот, мире, только более богатым, где будет больше мамонтов и оленей еще даже более глупых, вследствие чего их будет легче убивать! Удовлетворение живота, четыре или пять жен у каждого! Ты хотел бы, чтобы я воспевал это? Нет? Но тогда что? Любовь? Бесконечная сложность чувственного общения между мужчиной и женщиной у вас отсутствует напрочь! Когда вы достигаете возраста мужчины, вы берете самку среди тех, кто имеется в распоряжении и...

— Хватит! — закричал я. — Это не так! Я выбрал На-эх-Нха, а она выбрала меня! Гхам тоже ее хотел, но она его ненавидела, и мне пришлось сражаться за нее! Гхам покоится теперь рядом с Предками!

— Тогда, быть может, ты начинаешь понимать, что такое любовь! И я знаю, ты нежен со своими детьми. Но ты — исключение. Другие — грубияны, признающие лишь силу в своих отношениях.

— Думаю, ты нас не понимаешь, Атлан! Если бы мы признавали лишь силу, ты был бы уже мертв! Тхо и Кхор нередко сами заботятся о том, чтобы тебе было что есть. Тебе повезло, что Кхор проявляет к тебе интерес. Среди нас есть такие, которые с радостью бы увидели твою смерть, но Убийца Львов

объявил, что тому, кто убьет тебя, придется сразиться с ним, а этого очень не многим из нас хотелось бы сделать! Кхор убил не меньше львов, чем можно сосчитать по моей ладони! Перестань плакать, как женщина. В твоём краю ты был всего лишь поэтом. Но с тех пор, как ты — среди нас, ты многому научился и через пару смен времен года станешь настоящим охотником. Ты все еще молод. Ты мог бы выбрать себе женщину. Неужели среди девушек нет ни одной, которая бы тебе нравилась? И разве ты не мог бы воспевать деяния мужчин? Тебе не кажется, что нужно не меньше храбрости для того, чтобы убить столько львов, сколько можно сосчитать по моей ладони, чем для того, чтобы убить какого-то принца, как в той истории, которую ты рассказывал в прошлую луну? И разве Мух, который, рискуя жизнью, завел столько дней назад, сколько пальцев на моей руке, в западню носорога, принес тем самым мясо всему племени, вел себя менее доблестно, чем те, кто уничтожают людей? Возможно, мы и варвары, как ты называешь нас на своём языке, но о никому не нужных истреблениях, которые ты зовёшь войнами, тебе лучше не рассказывать никому, кроме Тхо, Кхора и меня!

— Но вы и сами убиваете! Взять хотя бы тебя и Гхама...

— Гхам хотел На-эх-Нха, и я тоже. Но я же не убил младших братьев Гхама, как это сделал твой Апетксол, когда сжег хижины своих врагов!

Так мы говорили, вечер за вечером, сидя перед моей хижиной из веток и шкур, под большим навесом, пока я чинил оружие, На-эх-Нха готовила ужин, а дети играли между палатками. Стоял конец осени, ночи были уже холодными, и мне было жаль Атлана, когда он возвращался в свою небольшую лачугу, которую мы построили для него, и проводил там одну ночь за другой без женщины, которая могла бы его согреть, а просто-напросто свернувшись в клубок под накидками из шкур, в своём одиночестве.

Зима была для него крайне суровой. В его краю редко бывало холодно и выпадало мало снега. Охотиться стало трудно, дичь зачастую было нелегко убить. Ему пришлось научиться перемещаться на снегоступах по рыхлому снегу, и я неоднократно был вынужден посылать На-эх-Нха массивать ему сводимые ужасными судорогами ноги. Разумеется,

у нас имелись немалые запасы провизии в тайнике, вырытом в постоянно замерзшей земле в небольшой глубокой долине, куда солнце почти не попадает, но Хорг позволял прикасаться к ним лишь в случае абсолютной необходимости. Зима выдалась долгой, и никто не знал, будет ли дичь еще и весной, поэтому нам часто приходилось голодать. О, это был не тот голод, от которого человек истощается и скручивается вдвое, держась за живот, но такой, который проникает к вам в голову и заставляет грезить о жаренных оленьих ногах или больших кусках мяса мамонта, принимающих коричневатый оттенок на горячих камнях. Естественно, наши женщины и дети ели прежде Атлана, и так как он редко возвращался с добычей, ему приходилось удовольствоваться худшими кусками мяса, если таковые вообще оставались. Он не жаловался — просто становился все более и более худым и слабым. Тем не менее и у него случился час триумфа. Как-то вечером, с наступлением темноты, мы все вернулись с пустыми руками. Дети бродили вокруг с жалким видом или же прижимались друг к дружке у огня, женщины глухо ворчали. Хорг и Голь-колдун о чем-то тихо переговаривались: их авторитет пошатнулся. Заклинания Голя оказались тщетными, и различные охотники уже открыто спрашивали, не оскорбил ли он какого-нибудь могущественного духа. Хорг объявил, что на следующий день, если охота не улучшится, откроем тайник. И тогда, посреди ночи, раздалось нечто слабо напоминавшее крик об окончании охоты племени, крик, который издают, когда дичь убита и уже неважно, перепугаешь ли ты им остальных животных или же нет. Но кто кричал, да еще так неуклюже? Мы все были под навесом, за исключением... чужеземца.

— Кхор, Нарам, возьмите факелы и сходите посмотрите! — сказал Хорг.

Мы спустились по склону. Крик пришел с востока. Мы направились в ту сторону и прошли примерно столько шагов, сколько можно сосчитать по тридцати ладоням, после чего Кхор бросил крик «отыскания», тот, что обозначает: «Я здесь, ты где?» Ответ последовал откуда-то совсем рядом, из-за березовой рощицы, и мы нашли Атлана, двух мертвых оленей и многочисленные следы.

В тот вечер под навесом была пирушка, и даже глубоко ночью все еще слышался треск разбиваемых для извлечения костного мозга костей.

На следующий день в хижине вождя состоялся совет. Я на нем не присутствовал, так как не был еще Старейшиной, но Кхор рассказал мне то, что мог рассказать. Было решено, что чужеземец, давший племени лук и убивший двух оленей, когда ни один другой охотник ничего не убил, весной пройдет обряд посвящения и впредь будет считаться одним из нас. Кхор примет его в клан Медведя, который он возглавляет. Оставалось загадкой: как Атлан, обычно такой неловкий, убил двух оленей? Я спросил у него об этом в тот же день. Он улыбнулся и ответил:

— На это есть две причины. Во-первых, вдали от всех, я каждый день терпеливо тренировался посылать стрелу туда, куда я хочу.

— Тренировался?

— Я стрелял и стрелял, и стрелял по старой шкуре, подвешенной к дереву. Я знаю, что вам такое представление чуждо. Вы учитесь всему, делая это. На охоте вы ежедневно используете, быть может, не меньше стрел, чем пальцев на одной руке. Я выпускал их по многу-многу пальцев руки, отходя от мишени все дальше и дальше. Именно так делал мой народ. Ты, и Кхор, и Лам — все вы считаете себя отличными лучниками. Видел бы ты, что мог сделать Конкулан, главный из лучников принца! Да и многие другие! А во-вторых, вы пользуетесь луком так, как пользовались копьеметалкой: вы приближаетесь к добыче — самым чудесным образом, я бы так никогда не смог! — пока не окажетесь в десяти шагах от нее, но сколь ловкими бы вы ни были, часто бывает, что животное убегает прежде, чем вы подкрадетесь достаточно близко. Я же выпустил свои первые стрелы с расстояния в столько шагов, сколько можно сосчитать по пальцам десяти рук! Разумеется, стрела входит не слишком глубоко, но она ранит и замедляет добычу, и потом уже можно легче приблизиться к ней.

— Но если она ускользнет, то, быть может, умрет — без особой пользы для кого бы то ни было, за исключением разве что волков!

— Я не говорю, что всегда следует охотиться подобным образом. Но порой, как вчера вечером, в этом есть свои преимущества.

IV

Когда наступила весна, Атлан прошел обряд посвящения. О ритуалах я рассказывать не буду. Вы и сами все уже прошли первую и вторую стадию, и потому знаете, из чего они состоят. Что касается третьей, то и вам и не нужно о ней знать. Не сейчас, вы еще слишком юны. Он отважно прошел все испытания, хотя, вероятно, для взрослого мужчины было довольно унижительным то, что на первой стадии с ним обращались, как с маленьким ребенком! Но от моего внимания не ускользнуло, что, когда Голь посвящал его в тайны мира духов, он лишь сделал вид, что верит в них, желая доставить нам удовольствие. Ему хватило мудрости не сказать ничего такого, что могло бы показать его истинные мысли.

Наступившее затем лето выдалось для нас хорошим. Дичи было полным-полно, было тепло, но при этом без жары. Атлана теперь считали своим в кругу мужчин, хотя некоторые из них и не выказывали по отношению к нему ни симпатии, ни уважения. Дважды или трижды ему пришлось драться на кулаках, и во всех этих случаях он уступал противнику, но на этом все и закончилось, ибо у него имелись и друзья, в том числе Убийца Львов!

Если говорить о девушках, то Эния уже перестала убегать, когда он приближался к ней. То была высокая девица, уже видевшая две ладони и четыре пальца весны, дикая, как пантера; за ней ухаживали многие парни, но ни одному из них она так и не ответила взаимностью. Одного из них, слишком пристающего, она даже полоснула кремнёвым лезвием по щеке, отчего у него навсегда остался на лице длинный шрам. «Меченого» звали Тхарг, он был прекрасный охотник, и никто не понимал, почему Эния отвергала его преимущества. Но отец Энии два года тому назад был убит носорогом, и мать, а также другие немолодые женщины, поддерживали девушку в этом решении. Женщины — сила, с которой в племени необходимо считаться, ибо они могут сделать жизнь охотников

невыносимой и постоянно сеять раздор. Поэтому Хорг посоветовал Тхаргу поискать другую жену, но тот и слышать об этом ничего не хотел: или Эния, или никто. В общем, когда он увидел, что к Атлану девушка, напротив, относится благосклонно, принимает от него подарки, тогда как его, Тхарга, подношения отклонила все до единого, он произнес слова смерти.

Дело было серьезное, так как при любом исходе сражения племя потеряло бы одного из охотников. Когда я сам дрался с Гхамом из-за На-эх-Нха, то не намеревался его убивать. Это вышло случайно. Последний бой со смертельным исходом у нас в племени состоялся много лун тому назад, когда Голь был совсем еще дитя. Но слова были произнесены, дүхи ветров, неба и вод взяты в свидетели, и тут уже нечего было поделывать. В общем, Хорг решил так: чтобы сражение было равным, оно состоится на луках и с восемью ладоней шагов.

К всеобщему удивлению, все закончилось очень быстро: спустя несколько мгновений Тхарг уже лежал на спине с одной стрелой в животе, а другой — в груди, тогда как Атлану стрела противника лишь слегка оцарапала левую руку. Голь заявил, что дүхи высказались, и Тхарга подняли на помост из веток, куда укладывают мертвых, так как лишь вождей хоронят в пещере.

В тот же вечер Атлан пришел ко мне. Он был потрясен.

— Ну всё, Нарам, теперь я — такой же, как вы! Теперь я — всего лишь варвар, почти дикарь!

Я пожал плечами.

— Никто не заставлял Тхарга произносить слова смерти, Атлан! Вероятно, он поступил так, потому что думал, что сможет убить тебя без малейшего риска. Тем хуже для него! Что говорит Эния?

— Она горда тем, что я убил из-за нее!

— Да нет же! Она горда тем, что ты показал себя мужчиной! Она будет для тебя прекрасной женой: она очень ловко разделывает оленьи шкуры! И не ты ли рассказывал мне, что в твоём краю благородные люди иногда сражались до тех пор, пока один из них не убивал другого, из-за улыбки женщины? Так чего ты грустишь?

— Может, ты и прав. Но я бы предпочел... Ах, не будем об этом!.. Тебе все равно не понять, Нарам!

Я и в самом деле не понимал его, да и сейчас все еще не понимаю. Но это и не важно. В следующую луну Атлан взял Энию в жены.

V

Я приближаюсь к концу своих воспоминаний, касающихся Атлана. Следующая зима была ужасной. Она пришла слишком рано, прежде, чем мы в достаточном количестве запаслись мясом и копченой рыбой. Теперь таких зим не бывает, похоже, погода изменилась; мамонты почти исчезли, северных оленей становится все меньше, оленей обычных — напротив, все больше (но их рога совсем не ценятся!), больше нет мускусных быков и белых песцов, мех которых был таким красивым! Быков теперь больше, чем бизонов, и хотя мяса быка не назовешь плохим, ничто не сравнится с горбом жирного бизона! Но я заговариваюсь. Та зима, словом, выдалась ужасной. Равнину покрыл толстый слой снега, охотиться стало трудно, дичь встречалась редко и была тощей. Нам всем приходилось несладко. Эния ждала ребенка, и Атлан выбивался из сил, что приносить ей все то, что было необходимо для выживания. Как-то вечером, в пургу, он не вернулся. Он ушел один, идя по следу одинокого оленя, тогда как остальные охотники двинулись по следам бизонов. Кхор, Акха, Тхо и я отправились на его поиски, в снежную бурю, беспрестанно перекликаясь, чтобы не потеряться. Жуткий ветер едва не гасил наши факелы, хотя они и были обмазаны густым слоем смолы, а в ночи было белым-бело от падающего хлопьями снега. В итоге мы нашли Атлана незадолго до рассвета. Он заблудился, неуклюже построил хлипкое укрытие из веток, под которым и свернулся калачиком, не разведя огонь, так как забыл взять с собой свой камень для выбивания искр.

Мы перенесли его в пещеру, и Эния накрыла его теплыми мехами и быстро сварила немного мяса, — мясо лежало на шкуре, закрепленной на четырех колышках, так, чтобы шкура немного провисала по центру, туда была налита вода, в которую бросали горячие камни. Атлан выпил этот бульон

и немного порозовел, но в середине дня у него началась горячка, и Голь пришел осмотреть его.

— В него проникли злые духи ветра и холода. Я попытаюсь прогнать их, но они сильны!

Мы все покинули хижину, так как магия колдунов — грозная сила, которая может обернуться против зрителей, если они не посвящены в тайны высших сил. Голь вышел спустя довольно-таки продолжительное время, качая головой и храня упорное молчание. Эния бросилась в хижину, а мы остались снаружи, не в состоянии чем-либо помочь.

На следующий день, с наступлением вечера, Эния пришла за мной. Атлан хотел меня видеть. В хижине стоял запах лихорадки. Атлан лежал под оленьими шкурами, глаза его пылали, лицо было красным, дыхание — свистящим и затруднительным.

— Подойди, — прошептал он. — Я умираю. Ты был хорошим другом, Нарам. Без вас — тебя и еще нескольких человек — я бы не выжил. Ты был мне ближе всех, и я хотел бы попросить тебя кое о чем. Сможешь позаботиться об Энии, когда меня не станет? Я знаю, что у тебя есть жена и уже двое детей, но ты опытный охотник, и немного мяса для нее и малыша, которого я никогда не увижу... это ведь не слишком большая просьба с моей стороны?

Я ответил не сразу. Если у нас и дальше будут такие зимы... А слово священо среди Людей.

— Обещаю тебе это, — сказал я.

Он слабо улыбнулся, взяв руку Энии и вложил в мою ладонь.

— Ты меня успокоил. А теперь я попытаюсь поспать.

Утром испуганная Эния прибежала в мою хижину:

— Он говорит слова, в которых нет смысла! Идем!

Я тут же увидел, что долго он не протянет. Он бредил на своем родном языке. За время моих разговоров с ним я выучил из этого языка несколько слов. Он говорил об Атлантиде, ее славе, своих родных и друзьях. В какой-то миг он снова обрел ясность ума и, заметив меня, прошептал:

— На моей груди сидит мамонт, Нарам. Он душит меня!

Затем он снова начал бредить, добавляя к имени Энии другое — Эртра, о которой он мне никогда не говорил. Он умер с закатом солнца.

Ну вот и всё! Я взял Энию второй женой, как он меня и просил. В конце следующей весны родился его сын, Атлá, которого я воспитал как своего. Я состарился, тоже, в свою очередь, стал Великим Посвященным, и даже вождем! Но откуда явился Атлан, каким на самом деле был его народ, — этого я не знаю. Я никогда больше не возвращался к Большой Соленой Воде. Но во время одного из походов, который я совершил много лун тому назад на юг, как и тогда, с Трухом, я встретил за Большими Горами, в краю, где нет оленей, людей, которые живут порой у Большой Воды. Как-то раз, во времена их прапрапрадедов, в большой пирóге с фиолетовыми крыльями, со стороны заходящего солнца явились чужеземцы. У этих людей было при себе оружие, которое блестело на солнце. Они несколько дней стояли на берегу лагерем, не вступая ни с кем в контакт, а затем продолжили свой путь по воде. Быть может, они были из племени Атлана?

Он был моим товарищем на протяжении вдвое с лишним большего числа лун, чем можно сосчитать на обеих ладонях, мы имели долгие беседы, я научил его охотиться, изготавливать орудия из кремня, разжигать огонь в любую погоду. И однако, когда я думаю о нем, мне всегда вспоминается наша первая встреча. Он с печальным видом стоит на носу своей пирóги и держит в руке прозрачный камень с какой-то красной жидкостью. Затем выпивает эту жидкость, выбрасывает камень подальше в воду и направляется к нам медленным и лишенным какой-либо надежды шагом, словно идет навстречу своей смерти!

ПЯТНА РЖАВЧИНЫ

TACHES
DE ROUILLES

1954

I

Взглянув на показания спектрографа Хсурт понял, что лишь третья планета дает ему хоть какой-то шанс на выживание: кислород, водяной пар, углекислый газ, в пропорциях, не слишком отличных от тех, какими они были на столь далеком теперь Хооре. Вторая и четвертая также имели атмосферу, но непригодную для дыхания или слишком разрежённую. Вопрос о пригодности внешних гигантских планет для жизни даже не вставал. Так как детекторы не указывали на присутствие в Пространстве никакого другого звездолета, на приземление у него было полным-полно времени.

Он решительно направил нос «Синкана» к этой третьей планете. Теперь она увеличивалась на экране, словно устремившись ему навстречу. Длинные тонкие пальцы Хсурта пробежались по клавишам пульта управления. Скорость постепенно уменьшилась. Звездолет затрепетал от ласк незнакомой ему атмосферы, затем замер. Далеко под ним, позади, огромное белое пятно спускалось к полюсу до низших широт, скрывая рельеф поверхности. Справа — безграничные темные воды какого-то океана. Слева — высокие горы, от которых тянулось в сторону нечто белое и не таких больших размеров. Хсурт ни секунды не сомневался относительно природы этого «нечто»: лед. Должно быть, на этой планете очень холодно.

Какие-то мгновения он еще колебался. У него оставалось еще достаточно расщепляемой материи, чтобы достичь какой-нибудь другой звездной системы, но если там не найдется пригодных для жизни планет, это будет конец. Здесь же, чуть

дальше, сверкало свободное ото льда море. Планета была достаточно большой для того, чтобы в ее коре содержались тяжелые элементы. Так как «Синкан» представляет собой корабль-лабораторию, у него, Хсура, возможно, получится их извлечь, а затем, раз уж ему удалось уйти от преследования имперских крейсеров, вернуться на Хоор и продолжить борьбу.

Продолжить борьбу... Сама эта мысль казалась сейчас утопической. Один, на огромном расстоянии от друзей — да и живы ли они всё еще? — располагающий не флотилией, а всего одним-единственным исследовательским звездолетом, пусть и быстрым, но почти не снабженным вооружением! С горечью он подумал о последнем проведенном им смотре тысяч боевых кораблей, крейсеров, разведчиков, которые пролетали перед ними столь сомкнутыми рядами, что отбрасывали на Хоор тень! Перед ним, Хсуртом, верховным главнокомандующим имперскими флотилиями, который уже поплатился за свою верность династии Тсона должностью и, вероятно, поплатится еще и жизнью. И все же, если он сможет вернуться... Среди офицеров флота, несомненно, еще оставались преданные ему люди. И теперь, когда император и вся его семья убиты, ничто не помешает занять трон уже ему самому. Династия Хсуртов... Уголки его губ дрогнули в слабой улыбке.

Но нужно действовать. Имперские корабли вот-вот начнут прочесывать планету за планетой. Он слишком популярен для того, чтобы не представлять для узурпатора постоянную угрозу. Нужно приземлиться, где-то спрятать «Синкан» и главное, пока он не убедится, что преследователей удалось сбить с толку, выключить все бортовые двигатели. Антигравитационные поля искривляли Пространство и обнаруживались почти на столь же больших расстояниях, что и метрические тензоры гиперпространства. Регулируя экран, он исследовал поверхность планеты. Прямо перед ним, на довольно-таки большое расстояние тянулся, уходя за подвергшиеся сильной эрозии вулканические горы, край, пересекаемый глубокими долинами. С топографической и геологической точки зрения местность показалась ему подходящей. На уменьшенной скорости «Синкан» снова двинулся в путь.

И тут вдруг случилась катастрофа. Не выдержали изоляторы, слишком перегруженные во время погони. Сверкнула большая фиолетовая искра, и звездолет словно опрокинулся. Он падал. Отброшенный на приборную доску, Хсурт потерял несколько драгоценных секунд. Земля приближалась с головокружительной скоростью, раздался свист, почти тут же ставший пронзительным. Хсурт отчаянно попытался нащупать ручку включения химических двигателей.

Ему удалось замедлить падение, но не прервать. «Синкан» соприкоснулся с землей под углом, на крутом склоне, разорванной грудой листового железа и расporок покотился вниз, затем остановился, уткнувшись в скалу.

Хсурт какое-то время был без сознания. Как только он понял, что падение неизбежно, то привел в действие противоударное устройство, значительно понизив силу тяжести в рубке управления и сведя тем самым практически на нет собственную инерцию. Но сила удара была такой, что, отброшенный на перегородку, он стукнулся головой и пришел в себя лишь от ощущения тепла. Звездолет горел! К счастью, резервуары с химическими ракетами находились далеко от пункта контроля, в противоположном конце корабля. Он с трудом поднялся на ноги. Сколько-то секунд в запасе у него все же еще было. Уже не питая особой надежды, он нажал на кнопку включения огнетушителей и вовсе не удивился, когда они не сработали. Несмотря на боль, которую ему причиняли многочисленные ушибы, он принялся методично складывать в рюкзак из легкой синтетической ткани провиант, одежду, оружие. С пару мгновений поколебался, выбирая это последнее: дезинтегратор был наиболее эффективным, но тяжелым и громоздким, а количество зарядов к нему — ограниченным. Он взял два легких фульгуратора. Едва ли огонь уничтожил бы носовую часть «Синкана», так что в случае необходимости он всегда бы смог вернуться. Пока он так работал — со спокойствием, которым был обязан своей натренированности к опасности, бывшей результатом авантюрной жизни на службе последнему императору, — то ощутил необъяснимое беспокойство: в этой катастрофе было что-то необычное. Внезапно он понял: вокруг пахло нагретым металлом и ды-

мом, но отсутствовал горький запах тирста. Тирста, резервуары с которым были расположены в носовой части и должны были автоматически вскрыться и опорожниться задолго до удара, в тот самый момент, когда он использовал запасные химические ракеты! Нестойкого при высоких температурах тирста, который все еще находился в резервуарах и при сжатии становился крайне взрывоопасным! Звездолет в любую секунду мог взорваться!

Хсурт бросился к люку, нашел зияющую дыру в обшивке, выпрыгнул через нее и, не оборачиваясь, рванул со всех ног среди лабиринта гранитных обломков, ожидая, что вот-вот его оторвет от земли взрывной волной. Забросив рюкзак за один из обломков, он пробежал еще немного и распластался на песке под каким-то выступом. Раздался адский грохот, сверкнул ослепляющий свет, сверху пролился град стали и осколков скальной породы. Через пару минут Хсурт伸直ился. На месте звездолета теперь был лишь кратер.

Он прошел чуть назад, подобрал рюкзак, сел и оглядел ландшафт: широкая гранитная равнина, почти голая, за исключением нескольких чахлах деревьев вдали. Было холодно, и он надел поверх одежды, которую носил на борту корабля, толстую тунуку. Солнце стояло уже низко, почти касаясь линии гор на западе. Небо было чистым, так что ночь, по всей видимости, должна была выдаться ледяной. Времени на того, чтобы найти какой-то кров, не оставалось, поэтому Хсурт вернулся под защитивший его несколькими минутами ранее выступ: так он по крайней мере хотя бы ночь проведет в укрытии.

Стемнело. В небе зажглись звезды, отличавшиеся от тех, столь знакомых, которые он видел с террасы своего дома на Хооре. Он поискал глазами далекое солнце, освещавшее его родную планету, но под этой широтой его не было видно. Да и что бы оно дало? Когда-то, до своей блестящей военной карьеры, он был инженером и потому прекрасно знал, что строительство звездолета требует продвинутых технологий, а на этой планете он не видел ничего такого, что походило бы на город или хотя бы деревню. На ней, возможно, даже не существовало никакой формы разумной жизни. Судя по

всему, здесь все обстояло примерно как с рхенами со Стенора, которые жили под поверхностью своей планеты и которых, вследствие того, что их заводы были почти неуязвимы при бомбардировках, было так трудно победить. Но вероятность обнаружения еще одной столь необычной планеты являлась практически нулевой.

Спал он, завернувшись в одеяло, с фульгуратором под рукой. Ничто не потревожило его сон. Утром он двинулся на юго-запад.

Он шел несколько дней. Пейзаж постепенно изменился: гранит уступил место известняку. Он пересек несколько унылых, голых плато. Вокруг, сгибая редкие захирелые деревца, свистел ветер. Ни малейшей жизни, за исключением каких-то «птиц», летавших очень высоко, вне досягаемости фульгуратора. Это не вызывало у него тревоги: имевшихся при себе пищевых концентратов должно было хватить надолго. Но он страдал от холода и спал рядом с жалкими кострами из веток. Затем пошли низины, деревьев стало значительно больше, известняк начали прорезать глубокие долины с крутыми склонами. Появилась животная жизнь: небольшие пугливые создания, затем — стада огромных четвероногих животных. Как-то вечером, разыскивая пристанище на ночь, он увидел то, что сначала принял за разумный вид, обитающий на этой планете.

То были громадные мохнатые четвероногие, передвигавшиеся с тем спокойствием, которое дает ощущение собственной силы. Они ели листья деревьев и злаки — не прямо ртом, а собирая их длинным отростком, отходящим от головы. Имея в своем распоряжении хватательный орган, они обладают, решил Хсурт, всем тем, что требуется разумной форме жизни. Но когда он попытался войти с ними в телепатический контакт, то получил лишь размытые впечатления. Ничуть не будучи глупыми, эти существа все же не соответствовали условиям, необходимым доминирующему виду. Они обладали прекрасной памятью, довольно-таки развитыми чувствами, но думали лишь образами, не обладая способностью мыслить абстрактно. Прекратив любые попытки установить связь, Хсурт продолжил свой путь.

В один из дней, находясь под навесом, он обнаружил следы костра и несколько разбитых костей и обработанных осколков твердой скальной породы. Стало быть, на этой планете все же имелся разумный вид, способный разводить костер и изготавливать орудия. Хотя он совсем и не был археологом, Хсурт знал, что на Хооре использование камня было задолго до использования металлов. Если здесь и есть разумный вид, должно быть, он все еще пребывает в своем детстве. Тем не менее он ощутил некоторое облегчение от того, что не один в этом мире.

Утром ему пришлось впервые применить фульгуратор, и сделал он это с сожалением. Рядом с потухшим костром он складывал в рюкзак свой скудный скарб, когда чье-то хриплое рычание заставило его вздрогнуть: в нескольких метрах от него, изготовившись к прыжку, стояло чудесное животное. Его черная грива была местами покрыта рыжеватой шерстью, в приоткрытой пасти сверкали острые белые зубы. Даже сильно отличаясь от них, Хсурту он напомнил самых красивых хищников Хоора — рассутусов, — которые, будучи полудикими, бродили в огромных парках имперского дворца. Эта гордая, разрушительная сила была тем, что он, Завоеватель, мог понять, и он максимально уменьшил смертельный луч фульгуратора, чтобы не испортить мех.

Признаков разумной жизни становилось все больше. Как-то раз он вышел к только что погасшему костру; угли были еще горячими. Хотя он и не имел ни малейшего представления о том, какую форму принял разум на этой планете, по следам он догадался, что в этом месте побывало сразу несколько существ. Он нашел какой-то сломанный предмет, внимательно осмотрел его: то был заточенный наконечник, искусно изготовленный из твердого черного камня и, должно быть, насаживавшийся на рукоять, в результате чего получалось некое колющее или метательное оружие. В глубинах его памяти мелькнуло воспоминание — продолговатое лицо Тезира, его учителя, наставлявшего его, Хсурта, тогда еще ребенка: «...на всех планетах, которые мы, хоорийцы, знаем, доминирующие виды исконно были воинственными и агрессивными. Даже наше собственное прошлое пропитано грязью

и кровью, и лишь с образованием Империи у нас навсегда воцарился мир...» Наивный учитель! Если бы ты знал, сколько грязи и крови нужно было для поддержания мощи Империи!

Хсурт пожал массивными плечами. Философия Истории теперь была для него не так уж и важна. Его задача заключалась в том, что установить контакт с этим доминирующим видом, постараться стать для этих существ своим. Разумеется, он мог просто пойти на это неведомое ему племя с фульгуратором наперевес, сразить двух или трех его представителей, заставить остальных любить его и почитать как бога. Но такое решение ему претило. Он, раньше испепелявший целые планеты, теперь испытывал к уничтожению отвращение. И существует ли что-нибудь более изолированное, более одинокое, чем бог?

Помог ему случай. На следующий день, поднявшись на вершину очередного холма, он увидел живых существ. То были десять двуногих, рассредоточившихся и преследовавших огромное животное с рогатым носом и длинной черной шерстью. Сперва то были лишь фигурки где-то далеко в траве. Затем охота приблизилась. Существа, поразительно ловкие, прыгали вокруг животного до тех пор, пока оно не бросалось вслед за одним из них. Когда зверь уже почти достигал преследуемого, тот отскакивал в сторону, и его место, пробегая прямо перед животным, занимал другой. Затем Хсурту удалось разглядеть их лица. От изумления у него отпала челюсть, и он пробормотал:

— Клянусь Империей: да они же почти такие, как мы!

Приближалась развязка. Самое крупное из существ слегка коснулось морды зверя, который, забыв о том, кого преследовал ранее, бросился в погоню за этим.

Животное уже намеревалось поддеть существо опущенным рогом, когда то отпрыгнуло в сторону. Раздался хруст ломаемых веток, и зверь исчез с поверхности.

Пригнувшись за кустом, Хсурт наблюдал за всей этой сценой с пробудившимся в нем инстинктом охотника. Все было проведено изящно и ловко. Теперь существа метали в ров камни, копыя, дротики. Внезапно одно из них испустило вопль ужаса: из-за группы деревьев выскочила огромная туша.

Хсурт узнал в ней одного из уже встречавшихся ему животных. Зверь мчался, выставив вперед хобот. Существа разбежались в стороны, но, в отличие от того хищника, который лежал мертвым во рву, этот отказывался поддаваться на их уловки. Расстояние между ним и тем существом, которое он преследовал, неумолимо сокращалось. Хобот поднялся.

Фульгуратор выпустил в атмосферу тонкий голубой луч. Срезанный на бегу, мамонт покатился по земле. Существо пробежало еще метров десять и остановилось, переводя дыхание. Хсурт медленно распрямился.

Они молча глядели друг на друга в течение нескольких секунд. Телепатическое чувство Хсурта уловило смесь радости, удивления и страха. Существо призывно вскрикнуло, и его товарищи выстроились по бокам с оружием наизготовку. Все, за исключением вождя, ростом были меньше хоорийца. Они странным образом отличались один от другого. Темная шерсть покрывала нижнюю часть их лица, длинные волосы были собраны в пучок. Но если у вождя лоб был высокий и прямой, у большинства его спутников он был скошенный, а глаза скрывались под огромными надглазничными валиками. Мутирующая раса, подумал Хсурт. Решительно настроенный воспользоваться представившимся ему неожиданным шансом, он снова направил фульгуратор на мамонта. Плоть затрещала, обуглилась. Существа переглянулись, испустили протяжный вопль и пали перед ним на колени. Он поднял обе руки в знак мира.

II

Под навесом потрескивал костер, и его дым, разгоняемый ветром, разбивался о свод, вычерчивая на скале черноватую полосу. От дыма резало глаза, и однако же было приятно лежать так, растянувшись на шкуре в пляшущем свете. Снаружи, на склоне, время от времени переговаривались караульные. С тех пор как вместе с племенем был Повелитель Молнии, его члены охотно отказались бы дежурств. Но Хроок, нынешний вождь — а до него Эроо — видели в этом каждодневный способ укрепления своей власти. Хсурт их

в этом поддерживал. На этой планете жизнь была суровой и полной угроз, и тот, кто засыпал с обманчивым ощущением безопасности, долго не жил.

Благодаря его присутствию племя стало могущественным и грозным. Введенные им основы гигиены — например, выносить из укрытия кости и остатки еды — привели к быстрому увеличению населения, и теперь кланы, ранее насчитывавшие человек пятьдесят, состояли из вдвое большего числа особей. Мутантов — более высокого роста, с прямым лбом — тоже постоянно становилось все больше, и численность их увеличивалась быстрее, чем в соседних племенах, где, будучи более хрупкими, они массово умирали в детстве. Но во всех группах, обитавших каждая в своей части долин, индустрия находилась на одном и том же уровне — разве что в племени, где жил Хсурт, была чуть более развитой.

Он никоим образом не пытался улучшить производство каменных орудий, да, вероятно, и не смог бы: существовала слишком большая пропасть между атомной технологией его родной планеты и этими первобытными людьми. О прошлом своей планеты он имел крайне смутные представления, так как никогда не располагал свободным временем для того, чтобы изучить археологию. Он знал, что его раса также вела отсчет от каменного века, но и только. Будучи не в силах, за неимением нужных средств, воссоздать металлургию, не располагая необходимыми знаниями, чтобы помочь своим хозяевам поскорее пройти все этапы, он удовольствовался тем, что пытался расширить их мировоззрение, смягчить слишком суровые — даже для него, Завоевателя — нравы, облагородить речь. Конечно же, не так вели себя герои-просветители из фантастических рассказов, которыми он зачитывался в детстве, не так действовали офицеры имперской Походной Службы. Но они имели в своем распоряжении необходимое оборудование. Ах! Если бы только звездолет не взорвался! В любом случае, не так уж и просто вести по пути прогресса целый народ. Он попытался научить своих новых товарищей гончарному делу, но его хрупким и корявым горшкам охотники предпочитали свои бурдюки, и он оставил свои попытки.

В конечном счете, цивилизация этих существ была вполне адаптирована к их среде обитания. Их охотничьи хитрости, то, как они находили, загоняли и убивали дичь, заставило бы покраснеть от стыда и побелеть от зависти Имперский Круг Ловчих с его родного Хоора. Эта раса, как только вы привыкали к ее почти бледной коже, столь отличной от синекрасной кожи хоорийцев, казалась даже красивой, особенно представители мужской ее части. Их ум был живым, хотя и грубым. Некоторые, например, Хроок, вождь, обладали поразившей Хсурта способностью мыслить абстрактно. Порой, размышляя об этом, он задавался вопросом, чего бы они добились через тридцать или сорок оборотов этой планеты вокруг ее звезды. У него не было ни малейших причин полагать, что и они бы, в свою очередь, не оказались способными завоевать небо. Империя Хоора не была первой. Она была построена на руинах империи людей-насекомых с Трксии, которая и сама... Возможно, и здесь однажды вырастут горделивые города, связанные с далекими звездами целой флотилией звездолетов.

Легкое прикосновение вынудило Хсурта чуть приподняться, сменив позу: он и сам не заметил, как подошла Тсера, его женщина. Женщина... анатомические различия двумя расами были незначительными, но он знал, что детей у него никогда не будет: генетическое отличие все же имелось. Она сказала:

— Хроок спрашивает, может ли он зайти тебя повидать.

— Нет, я сам его навещу.

Он поддерживал с вождем тщательный баланс старшинства, лично утруждая себя визитами время от времени — так, чтобы не раздражать вождя, но и не терять своего престижа бога на земле. Лишь двое во всем племени, вождь и Тсера, знали о том, что он — вовсе не воплощенное божество, а один из им подобных, явившийся с далекой звезды. Впрочем, он часто спрашивал себя, представляет ли это для них такую уж разницу. Товарищи относились к нему с симпатией и вместе с тем с опаской, считая существом сверхъестественным и добродушным, которое, однако же, не следует выводить из себя. В первые дни его нахождения в племени Хсурта навещил какой-то шаман, который хотя и выглядел испуганным,

все же попытался оспорить его влияние. Следующим утром этого шамана обнаружили мертвым у подножия скалы. Замену ему искать не стали. Да и зачем племени шаман, если у него есть бог?

Хсурт встал, прошел в другой конец укрытия. У второго очага Фюст, каменотёс, изготавливал кремневые скрёбла. Хсурт остановился, пригляделся. Работа с кремнём его завораживала. Несколько точных ударов, выбор ударной плоскости, резкий удар: отскакивал отщеп, тонкий и с режущим краем. Затем, с помощью кости или кругляка полена, — ретуширование, призванное притупить слишком острое лезвие, которое могло бы расцарапать шкуру, но притупить так, чтобы вместе с тем, придать этому лезвию силу и нужный наклон.

Заметив Хсурта, вождь встал и предложил ему свое место на шкурах. Воцарилась долгая тишина.

— Хсурт, — сказал наконец Хроок (когда они были одни, он, по просьбе хоорийца, говорил без обиняков). — Сонг-охотник был сегодня на территории племени Ахура и встречал одного из воинов. Оттуда, с востока, вскоре выйдут племена. Они многочисленны, как стадо бизонов. Они уже истребили несколько кланов. Если они придут сюда, ты направишь против них свою молнию?

Хсурт ответил не сразу. Он чувствовал некоторое смущение при мысли о том, что придется вмешаться в судьбу иной расы. С другой стороны, здесь его приняли, он нашел здесь дружбу.

— Мы не должны их атаковать, — произнес он наконец. — Если племена Востока захватят нашу территорию, мы дадим им бой в ущелье у красных скал. Я расположусь на вершине скалы, готовый при необходимости метнуть молнию. Но наше племя тоже сильно, и я уверен, что мне не придется вмешиваться. Послушай, вот как ты должен расставить воинов...

Он изложил свой план, начертив на земле грубую карту, которую вождь прекрасно понял, так как Хсурт давно уже научил его такие карты читать. Глубокая борозда представляла ущелье, другие борозды — прилегающие долины. Хсурт набросал тактику развертывания — ту самую, которую из-

брал когда-то, давным-давно, при битве у Большой Тсамы, на Тенкоре III. Но на сей раз вместо миллионов воинов он располагал лишь несколькими десятками!

Сражение состоялось спустя несколько дней и, благодаря советам Хсурта, закончилось разгромом захватчиков. Затем были и другие битвы. Прошло много времени. Мало-помалу климат становился все более и более суровым, а весной оттаившая земля стекала по склонам. Хроок, вождь, погиб в одном из сражений, и, по единодушному согласию племени, его место занял Хсурт. Постепенно, не без труда, ему удалось улучшить условия жизни: отложенное про запас мясо теперь лучше коптили, шкуры — лучше дубили, за ранеными лучше ухаживали. Но от других объединений, посещавших данную область, племя Хсурта никакие существенные перемены не отличали.

Он старел. Его кожа утратила свой пурпурный оттенок, приблизившись к золотисто-бронзовой, какой она была у его товарищей. Силы уже начинали его оставлять. Он занемог, и выздоравливал очень долго. Тогда он задумался о выполнении последней из тех задач, которые он сам себе обозначил.

Он уже назначил преемника, Арока, младшего из сыновей Хроока, высокого и смекалистого парня. Хсурт на протяжении нескольких месяцев обучал его тому, что считал наиболее необходимым, — военной тактике: как держать оборону занятой позиции, как атаковать, как расставлять засады. То было, думал он с горечью, наилучшее, что он мог сделать для своих товарищей, — научить их лучше убивать для того, чтобы выжить! Что до всего остального... Он не строил ни малейших иллюзий. Когда его не станет, в укрытии снова начнет скапливаться мусор. Он знал: всё, что он рассказывал о Вселенной, устные предания вскоре возведут в легенду. Он пытался обучить «соплеменников» письму. Дети понимали, восторгались, превращали это в игру, затем, едва повзрослев, принятые в касту охотников, всё забывали. Да и потом: прошло бы бесчисленное количество оборотов вокруг огненного светила, прежде чем условия на этой планете стали бы благоприятными для письменной цивилизации. И все же то давно уже была его сокровенная мечта: донести, так или иначе, до

людей из Будущего, что здесь жил человек, родившийся на другой планете.

Он мог бы написать что-то сам, выгравировать на камне или кости сложные знаки хоорийской письменности. Но кто, не зная языка, сможет когда-либо их расшифровать? В один из дней в голову ему пришла мысль: будучи молодым, он слышал, что в далеком прошлом Хоора первые системы письменности были идеографическими. Да, это могло работать. Он начал собирать большие бизоньи кости, очищать их и принялся за работу.

Сначала — выразить, откуда он явился: со звезды, которую можно символизировать посредством круга, с исходящими из него лучами. Затем — ракета. Наконец — планета, на которую он упал: точка, проставленная на окружности, обводящей другой лучистый круг. Но сколько их таких в этой системе? Одна или две внутри орбиты этой планеты? Как минимум одна, в этом он был уверен, ибо сам наблюдал утром и вечером движение яркой планеты. А снаружи — шесть или восемь? В принципе, не так уж и важно, если к тому моменту солнечную систему уже успеют изучить.

Он испортил множество бизоньих ребер, прежде чем научился гравировать. На работу у него, изнуренного нарастающей усталостью, которая, как он знал, является предвестником близкого конца у людей его расы, ушло несколько дней. На всякий случай он разрядил фульгураторы и выбросил заряды в реку, решив, что это оружие может оказаться скорее опасным, нежели полезным для его друзей. Как-то утром, Арок, зайдя переговорить с ним, обнаружил его, закутавшегося в покрывала из шкур животных, мертвым.

Племя было потрясено. Лишь несколько самых старых еще помнили то время, когда Красного Вождя с ними не было. Они уже привыкли возлагать на него любое важное решение: большую охоту, войну, раздел добычи... И вот он ушел, вернулся на свою звезду, оставив от себя лишь оболочку, в которой жил среди них.

Арок посоветовался со старейшинами. Он ощущал искреннее горе, но понимал и то, что ему самому, в его новой роли вождя, будет не хватать мудрых советов, которые он получал

прежде. Он долго размышлял и мало-помалу в голове его созрела такая мысль: когда человек ест много мяса бизона, он становится сильным, как бизон, тогда как мясо трусливого зайца его ослабляет. А ведь Хсурт частенько говорил ему, что вся его, Хсурта, мудрость заключена «в его голове»...

То был постыдный и страшный обед, который разделили между собой вождь и несколько избранных воинов. Черепной свод так и остался валяться на земле, у стены пещеры, рядом с фульгураторами и большим стальным ножом, к которым никто не посмел прикоснуться. О самом теле позаботились, согласно заведенному Хсуртом обычаю, оно было погребено вдали от укрытия. Затем, с наступлением вечера, не смея больше находиться в тех местах, где жил Красный Вождь, орда ушла в направлении Западного Грота, навстречу своей судьбе.

III

— Кажется, мсье, я тут что-то...

— Подумаешь!.. Ребро. Вероятно, бизонье. Но постоит-ка... Ну да, оно гравировано... О! Исполнение неважноецкое, но все же... Начало раннего Перигора I*! Если не ошибаюсь, это будет самая древняя известная гравюра... Похоже, какая-то рыба. Подойдите-ка, молодые люди! Видите веретенообразную форму, плавники, раздвоенный хвостовой плавник. Она плывет к чему-то очень похожему на ловушку. Как я уже сказал, исполнение весьма посредственное...

Так разглагольствовал окруженный группой молодых людей мужчина лет шестидесяти с пышными усами, стоя в раскопанной извилистой траншее, открывавшей доисторическое местонахождение.

— Если позволите, мсье, что я вижу? Хо! Это, скорее, похоже на ракету Тинтина! Вы и сами, мсье, прекрасно знаете, ту историю о путешествии на Луну, которая печаталась в газете...

* Перигор — культура позднего палеолита во Франции, между культурами мустье и солютре.

— Пф! Давайте-ка будем серьезными!

— Разумеется, мсье, я не говорю, что это ракета. Я говорю, что это немного на нее похоже.

— Да, если уж вам так хочется. Законы аэродинамики и гидродинамики схожи: рыба действительно чем-то напоминает ракету. Но здесь речь не о том. Сейчас мы раскапываем Перигор I, то есть самую раннюю индустрию позднего палеолита, в которой до настоящего времени гравюр никто не находил. Вот что важно. Так что давайте продолжим раскопки! Вы, Пьер и Жан, пересмотрите в поднятом грунте все те кости, которые мы выбросили утром. Разумеется, нам не следовало этого делать, но кто же знал, что нужно возиться со всеми этими сломанными костями! Что ж, пусть это послужит вам уроком. Нужно было все собрать, все промыть, затем отобрать типичные фрагменты, которые следовало оставить, а все остальное выбросить.

Раскопки продолжились — скорее, даже не раскопки, а перекапывание всего местонахождения. На следующий день имело место открытие еще более сенсационное. В нескольких сантиметрах от того места, где была обнаружена гравюра, появилась крышка черепа, с вогнутой частью наверх.

— Осторожно, парни. Дайте-ка я сам. Смотрите, как нужно работать крюком: высвобождаем медленно, понемногу — это признак настоящего археолога. Да-да, он бесспорно человеческий. Да, но... но... Впрочем, он и не может быть каким-то другим, кроме как человеческим. Линия извилины... Они довольно-таки любопытные, эти извилины... Уж не имеем ли мы дело с какой-то патологией?

— Скажите, мсье, а кто его будет изучать, этот череп? Профессор Бурбон?

— Профессор Бурбон? Вы что, сошли с ума? Я сам, юноша, и буду его изучать! Будучи доктором медицины, я вполне способен это сделать. Неужели вы думаете, я позволю какому-то официальному лицу* сунуть нос в мои раскопки? Никогда, ни

* Во время написания данного рассказа профессор Ф. Борд был в дополнение к должности в университете Бордо еще и официальным лицом министерства культуры, выдающим разрешение на раскопки и их инспектирующим.

за что! Не забывайте, что история первобытного общества, по большей части, писалась любителями! Ах, боже правый! Вы даже не видите, куда поставили руку! Этот камень упал прямо на череп! Ну да, теперь он прекрасен, этот череп! Разбился в пыль... Вон отсюда, идиот! Аж плакать хочется! Патологический череп!

— А что это за красноватые пятна, мсье?.. Вон там, рядом? — спросил в гнетущей тишине самый юный из парней.

— Какие еще пятна? А, эти? Оксид железа, вероятно. Мне сейчас не до каких-то там пятен ржавчины!.. Патологический череп!

IV

Никто не позаботился о том, чтобы собрать эти «пятна ржавчины» для анализа. Однако если бы это сделали, то могли бы в них обнаружить — в необычайно большом проценте — хром, кобальт и ванадий, металлы, совершенно неизвестные в эпоху палеолита.

КАКАЯ УДАЧА
ДЛЯ АНТРОПОЛОГА!

QUELLE AUBAINE POUR
UN ANTHROPOLOGUE!

1959

Ребенок родился весной, когда большая ежегодная оттепель высвобождала реки и приводила в движение почву на склонах в виде грязевой лавы. Согласно обычаю, он был представлен вождю, который осмотрел его и равнодушно позволил ему жить.

Он не был отмечен никаким необычным знаком. Для современного человека он ничем бы не отличался от любого другого новорожденного. Характерные признаки его расы — низкий, скошенный назад лоб, огромные надглазничные валики, отсутствующий подбородок и выступ в форме шиньона в затылочной части черепа — должны были развиваться гораздо позднее, уже в юношеские годы. Он был передан взволнованной матери, ожидавшей в сторонке, и племя за было о его существовании.

Времена были благоприятными для племени. Северных оленей было в изобилии, да и бизоны носились по степям несметными стадами, где хватало и совсем юных, убить которых не составляло труда, — у этих и мясо было более нежным. Укрытие тоже имелось: почти пещера, что лучше защищало от холода, но с широким входом, через который внутрь попадал солнечный свет. Под сводом, позади разведенных полукругом костров, преграждавших вход тем достаточно сильным хищникам, которые осмелятся напасть даже на полсотни воинов с огромными руками, стояли покрытые плохо выделанными, вонючими шкурами чумы с каркасом из связанных деревянных палок. В расположенных по сосед-

ству известковых осыпях, представлявших собой результат разрушения склонов из-за сильных заморозков*, необработанный кремнь встречался в виде крупных желваков, также он попадался в речных наносах и в глине на плато, которую размывали дожди. Самые близкие чуждые племена располагались в трех днях пути и все до одного были гораздо слабее. Наконец, и климат, после более продолжительного, нежели обычно, периода влажности, начал становиться более сухим и холодным. Вдалеке, на самом Севере, давно уже пришли в движение никогда не виденные этими племенами огромные ледники, вновь устремившиеся к Югу.

Жизнь была суровой и, конечно, опасной. Неосторожного или невезучего подстерегала смерть — от когтей пещерного льва или медведя, от рога раненного бизона или острого копыта северного оленя, от силы скрытных и многочисленных волков. По равнинам бродил большой мамонт. Как правило, племя и он жили в мире, но некоторые старые одинокие самцы не соблюдали перемирие, и порой в вытоптанной степи находили красноватую кашу, в которую превращались попавшиеся им под ноги охотники. Шерстистый носорог, эта глупая и близорукая громадина, легко бросающаяся как на куст, так и на человека, также был опасным спутником. Но гораздо более опасной, чем какое-либо из этих животных, была невидимая смерть, та, что поражает молнией, сжигает огнем, приходящем из чащи, в высохшей летом траве, та, что проникает в горло, грудь или живот, вызывает покраснение кожи, затрудняет дыхание и часто заканчивается удушением. Этой последней смерти кланы людей платили тяжелую дань: лишь немногие из детей доживали до того возраста, когда уже могли считаться мужчинами, лишь немногим из мужчин доводилось увидеть больше тридцати весен. А ведь были еще и несчастные случаи, утопления, ссоры, война, когда случайно встречались два племени. Этим объяснялась относительно небольшая, несмотря на отсутствие голода, численность людей, а также тот факт, что каждая женщина,

* Вода попадает в трещины, замерзает, и так как лед занимает больший объем, чем вода, трещины расширяются, что приводит к откалыванию кусков породы.

после ее двенадцатой весны, имела столько детей, насколько она была старше двенадцати лет.

Мальчик рос, не зная болезней. Первые свои шаги он сделал очень рано, под навесом укрытия, среди сверкания осколков кремня, брошенных орудий, обглоданных костей и гниющих туш. Зимы сменяли одна другую. Когда он достиг своего пятого года, ему дали имя ребенка, которое он должен был носить до юности: К'варф. Тогда же ему, сообразно возрасту, поручили и первую работу: собирать ветки в непосредственной близости от пещеры, — даже будучи суровым, почти грубым, к детям племя относилось не без нежности. К тому же любого самца, проявившего плохое обращение с ребенком, ждало единодушное порицание женщин вкупе с насмешливым безразличием других охотников. Словом, ранее детство К'варфа было настолько счастливым, насколько оно могло быть таковым в безжалостном мире, детство неандертальца.

Он играл в игры, которые смог бы понять и разделить с ним любой ребенок, каким бы ни был период его рождения. Какая-нибудь деревяшка изображала медведя, и он нападал на нее, нанося удары сучьями, представлявшими копыя. Вокруг него племя продолжало свою повседневную жизнь. Зачастую, оставив несколько караульных, охотники уходили утром и возвращались лишь вечером, обычно принося большие куски мяса, с которых еще капала кровь, — детишки радостно ее слизывали. Женщины тогда брали туши, разделявали их кремнёвыми ножами, и вскоре куски красного мяса уже поджаривались на плоских камнях, нагретых на огне в течение всего дня. В течение какого-то времени племя предавалось благодатной лени: самцы отдыхали на своих подстилках из мехов или веток или же обменивались короткими слогами, сидя у огня, тогда как женщины выделяли шкуры при помощи скрёбл, болтая до тех пор, пока раздраженный вождь не вынуждал их умолкнуть, бросив в голову первое, что попадалось ему под руку — палку, кость, разбитую для того, чтобы высосать из нее костный мозг, или увесистое каменное орудие. Но бывало и так, что охотники возвращались без дичи, и женщинам и детям приходилось

вновь обгрызать те кости, которые когда-то, в веселые дни пиршества, были брошены в сторонку, и на которых еще оставались кусочки почерневшего, затвердевшего мяса.

Развился К'варф быстро. Уже в десять лет, имея короткие и сильные конечности и слегка выдвинутую вперед большую голову, он демонстрировал типичные черты, свойственные его расе. Теперь он принадлежал к той возрастной группе, которая, не будучи взрослой, ни даже юношеской, уже не состояла из детей, и свободного времени у него стало меньше. Он научился обрабатывать кремьень, отщеплять с помощью ударника каменный осколок, который затем следовало подретушировать костью, чтобы получились скрёбла, наконечники рогатины, наконечники с черешком*, которые укрепляли на конце древка копья. Научился он и разводить огонь — либо быстро крутя заостренную палочку из круглого дерева в отверстии, проделанном в мягком и сухом дереве, либо ударяя кремнём об один из тех блестящих желтых камней, которые они находили на в особых местах. Он научился бегать по степи без того, чтобы вывихнуть стопу, угодив ею в нору суслика, или бесшумно, словно тень, по лесу. Он научился пугать дичь своими криками, чтобы выгнать ее на засевших в засаде охотников, отслеживать пути прохода и различать следы различных животных, полезных или опасных, выучил, почти ценой собственной жизни, и старую степную поговорку, в которой говорится: «Один волк — пустяк, два волка — опасность, три волка — смерть». Он был на охоте в тот славный день, когда Инг-Тха, охотник-гигант, убил пантеру, и способствовал ее умерщвлению всеми своими слабыми силами, втыкая рогатину в ее шкуру и удивляясь ее живучести.

Пришла зима, и Инг-Тха научил его запутывать свои следы в снегу: другого племени поблизости не было, но кто мог знать, не появится ли таковое, и плохо скрытый след мог привести врага к укрытию. К'варф стал умнее. Долгими зимними ночами он прислушивался к разговорам мужчин, в кругу которых его теперь принимали, или, скорее, терпели, и получил

* То есть с плоским выступом, который вставляют в расщепленное древко копья; конец древка потом заматывают ремешком, чтобы все держалось.

таким образом необходимое воину и охотнику образование. Определенные слова в определенных обстоятельствах не нравятся Силам, которые скрыты в небе, и которые дерутся порой огненными рогатинами. Гуд однажды забыл про это, и вскоре, когда, попав под летний дождь, он укрылся под пихтой, одна из этих Сил бросила свой дротик и сожгла его. Наконец, он научился самому важному: любой чужак — враг. Вождь, уже старик по тем представлениям — он давно уже не мог сосчитать лета своей жизни, — вспоминал, что в годы его детства с запада пришли захватчики, напавшие на племя. Они походили на племя К'варфа, но были более крупными и менее коренастыми. Один из них был убит и съеден, и, по словам вождя, голова его была не совсем такая, как у Людей (под этим он понимал племя).

Когда К'варфу было двенадцать, произошло серьезное событие: племя сменило места охоты. Дичи становилось все меньше, поредевшие стада в конечном счете начали избегать захода в долину, и теперь приходилось совершать долгие и тяжелые походы. Решение было принято советом, состоящим из вождя и охотников: племени предстояло переместиться в «Двойную» пещеру, находившуюся на востоке, в пяти днях хода. Когда-то, в юные годы вождя, племя там уже жило, и, быть может, именно поэтому это место помнилось ему как особенно приятное, с многочисленными стадами и хорошим, защищенным от ветров кровом, совсем рядом с которым течет вода. Но прежде нужно было удостовериться в том, что эта пещера пуста, что ее не занимает какая-то другая группа. Тарн и Х'релик были отправлены в разведку и, в глубине души, К'варф им позавидовал.

Они вернулись целыми и невредимыми, и в одно погожее сухое утро, когда бледно-голубое небо обещало солнечный день, племя тронулось в путь. Во главе шли разведчики, затем — основная часть племени, с женщинами и детьми в центре, наконец, в арьергарде, — несколько молодых воинов. Когда они спустились по склону, К'варф не обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на грот, в котором он вырос, и куда, уже с этого самого вечера, придут гиены — грызть

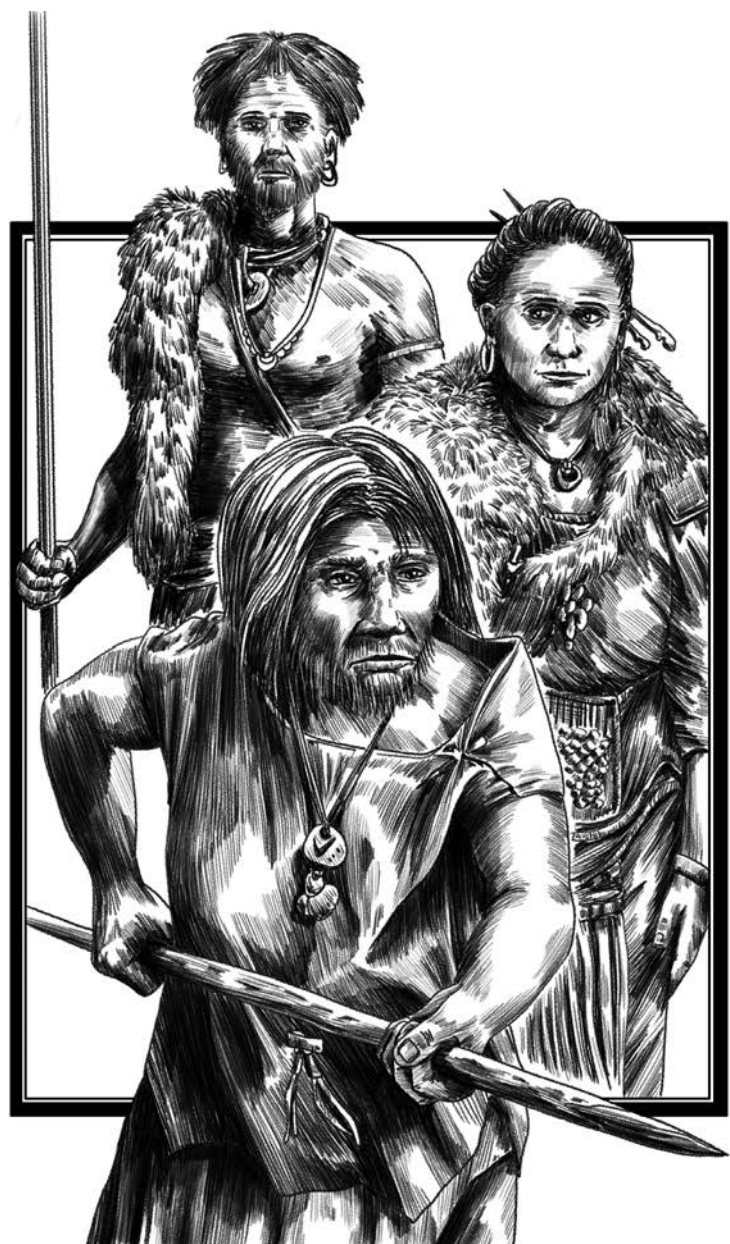
кости и оставлять свои экскременты* среди осколков кремня и оставленных орудий. Быть может, позднее, когда бы он и сам, в свою очередь, стал вождем, он бы пожалел об этом, и возвратил племя на место прежней стоянки...

Переход прошел без происшествий. На ночь они располагались лагерем на каком-нибудь жалком выступе, где сбивались в кучку и, на случай нападения волков, подготавливали, но не разжигали костер: не следовало кричать на всю степь, что они здесь. Каждую ночь сменялись караульные, но, за исключением жуткого смеха гиен где-то вдаль, ничто не нарушало их отдых. Они спали глубоким сном, на голой скале или на горстках веток, поспешно собранных в сумерках. Дни шли один за другим. Они покинули долину, вскарабкались на плато, спустились к другой реке. И вот там-то, идеально расположенная на вершине склона, находилась Двойная пещера. Хотя несколькими днями ранее разведчики обнаружили ее пустой, племя долго всматривалось издали в темные входы. Никаких признаков жизни. С закатом солнца, когда косые лучи уже окрашивали скалу в желтый цвет, они вошли в свое новое жилище.

Прежде чем начать обустриваться в пещере, вождь внимательно ее обследовал. Он помнил небольшой темный проход, соединявший два входа, под холмом. Пройдя по этому проходу с факелом в руке, он вернулся довольный и, отложив наутро более глубокую разведку местности, распорядился разбивать лагерь.

Почва была неровной, особенно у входа, заваленной осколками известковой породы. Они ограничились тем, что убрали самые большие камни, выкатив их из грота, и, при свете огня, наскоро выровняли площадку. На следующий день в любом случае нужно будет принести ветки и сухой травы для устройства подстилок. Передвинув чуть более крупный, чем другие, осколок скалы, они обнаружили черные следы золы. Вождь осмотрел их: они оказались старыми, так что беспокоиться было не о чем. И однако же среди угольев обнаружился необычный набор орудий труда: кремнёвые орудия

* Которые спустя тысячелетия станут копролитами.

в форме сердца, оббитые с двух сторон, отщепы, острый край которых был затуплен крутой ретушью, словно для того, чтобы можно было брать их пальцами и не порезаться. Племя подобных не изготавливало, но вождь вспомнил, что видел такие в годы своей молодости в лагере тех, кто напал на племя уже после того, как оно из той пещеры ушло. Вероятно, позже эти люди снова вернулись в оставленную пещеру...

К'варф переговорил с пареньками его возраста: утром нужно было исследовать окрестности, выяснить, где находятся источники, реки и ручьи, обычные места прохода дичи, залежи кремня. Наконец-то можно было совместить полезное с приятным, жизнь была прекрасна. Он уснул, преследуя во сне стаю оленей.

Разбудил его ужасный вопль. Костер отбрасывал свой пляшущий свет вверх, к своду, и тени воинов, стремительно посбрасывавших с себя свои одеяла из шкур, причудливо жестикулировали на потолке и стенах. Из глубины пещеры, оттуда, где располагались женщины, донесся новый крик. Затем новая тень растянулась на стене, и К'варф спросил себя, какой могучий воин мог отбросить такую тень? Даже Инг-Тха... Тень забавно деформировалась, и он обернулся: перед ним, в угрожающей позе, стоял гигантский пещерный медведь!

Он пришел по темному коридору, войдя через другую дыру, и внезапно наткнулся на группу спавших женщин. Хотя пещерный медведь не относился к плотоядным животным, с его густой шерстью и почти непробиваемым палицей черепом, с его огромной массой и грозными передними лапами, то был один из самых опасных противников, какие могут повстречаться человеку. В пасти, под приподнявшейся в оскале верхней губой, слабо мерцали огромные зубы, покрасневшие от крови. Медведь начал надвигаться на К'варфа.

Мальчик перекатился на бок, избавляясь от окутывавшей его шкуры. Воины уже набросились на незваного гостя; часовые с рогатинами и дубинами, остальные — со всем, что попало под руку. Куча камней, палок, кремнёвых скрёбл обрушились на животное. Инг-Тха устремился на него, выставив перед собой рогатину. Ударом левой лапы медведь

сломал дубовое древко с обожженным для твердости концом, взрычал, упал на все четыре лапы и ринулся в атаку. Его порыв сбил с ног двоих мужчин и вынес медведя прямо к К'варфу. Вжавшийся в стену, полуживой от страха, едва держащийся на ногах, мальчик мог лишь повторять про себя: пусть этот медведь умрет! Пусть этот медведь умрет!

Медведь умер.

Он шатался еще с пару мгновений, а затем рухнул. В тот же миг Инг-Тха нанес ему сокрушительный удар палицей в основание черепа. Тем самым он покрыл себя славой: никто не помнил, чтобы медведя убивали одним-единственным ударом. К'варф не стал эту его славу оспаривать, так как и сам тогда не знал ничего о своих способностях. Племя отведало вкуснейшего мяса, лучшие куски которого, разумеется, достались вождю и Инг-Тха.

Перемена места охоты была сочтена оправданной. Дичи снова было предостаточно. К'варф достиг пятнадцатилетнего возраста. Он прошел обычные ритуалы посвящения, примитивные ритуалы все еще дикой расы. Он получил от вождя свое настоящее имя Мужчины — нам оно неизвестно, — а также прозвище: Мата-Инга, то есть Большая Голова. Тогда-то и задумался о том, чтобы обзавестись женой.

Вот уже более года он чувствовал неосознанное влечение к Илик, двенадцатилетней девушке с рыжеватыми глазами и густой черной шевелюрой. Ни один охотник еще не обращал на нее своего взгляда и, хотя в такого рода делах мнение женщины в счет не шло, она тоже, казалось, робко искала его компании. Тогда К'варф, разумеется, ее от себя оттолкнул: подросток, готовящийся стать мужчиной, не якшается с девочками. Ритуалы брака, или, скорее, образования пары, были в племени крайне простыми: любой мужчина брал себе ту женщину, которая ему нравилась, при условии, что вождь не придерживал ее для себя, и этому не противился другой, более сильный мужчина. К'варф осведомился у вождя, который не увидел никаких препятствий к этому «браку». Но на пути юноши вырос Тильвит. Того же возраста, что и сам К'варф, он был как минимум столь же силен, хотя и пониже ростом.

Вопрос разрешился уже через несколько дней, у подножия склона, что вел к пещерам. В тот день К'варф, охотясь в одиночку, убил косулю и, согласно установленным в племени правилам, мог располагать, помимо своей части, еще одной частью добычи. Он предложил ее Илику. Тогда Тильвит произнес слова смерти, и Инг-Тха, заменявший отсутствовавшего вождя, назначил сражение. Правила его были простыми: любое другое оружие, кроме рук и ног, запрещено, но если один из противников задушит другого, тут уж ничего не скажешь. Юноши вышли на бой перед всем собравшимся племенем.

До этого дня между ними не было никакого соперничества, и они часто охотились вместе. Зная силу один другого, они долго присматривались друг к другу, после чего быстро обменялись ударами, от которых оба немного запыхались, раскраснелись, но ни один не получил преимущества над противником. Но после возобновления боя Тильвит резко притянул соперника к себе и, не успев отстраниться, К'варф обнаружил, что шею его сжимают сильные руки противника. Дыхание его сделалась затрудненным, перед глазами встала пелена. Но тут, откуда-то из глубины инстинкта, вырвались новые силы, он не пожелал отказываться от боя и, заколовив руками, мысленно пожелал Тильвиту смерти.

В следующее мгновение он увидел, что лежит на спине, жадно хватая ртом воздух. Рядом с ним, вцепившись руками в его грудь, растянулся с искаженным лицом Тильвит — мертвый. Робко подошла, опустилась перед К'варфом на колени Илик. Победоносно ухмыльнувшись, К'варф с ликующим видом поднялся на ноги. Но судьба была против него. На ближайшей опушке леса поднялись крики, и появилась группа охотников, несших подвешенным к прочному шесту длинный труп — но труп не зверя, а вождя. Из спины его торчало тонкое древко.

В тот же вечер состоялся Большой Совет, на котором присутствовали все мужчины, от самого старого до самого молодого. Инг-Тха вынул из раны оружие и внимательно осмотрел остриё: оружие оказалось совершенно незнакомого им типа, с длинным костяным, а не кремнёвым наконечником, тщательно отполированное основание которого, расще-

пленное, надевалось на уплощенную и заостренную верхнюю часть древка. Один из участвовавших в походе охотников короткими, емкими фразами рассказал, что произошло. Вождь засел в засаде на пути следования дичи. Когда, встревоженные его долгим отсутствием, остальные отправились на его поиски, то нашли его уже не подающим признаком жизни — рядом валялось его сломанное оружие. Изумлению их не было предела. Осторожно обследовав окрестности, они обнаружили следы прохода людей.

Выставив удвоенные караулы, племя начало готовиться к войне. Но еще двое суток ничто не нарушало их спокойствие, и они смогли мирно отметить похороны вождя. Он был похоронен, вместе с орудиями и оружием, в яме, вырытой во второй пещере, яме, прикрытой затем большим камнем, в котором была сделана полость в форме чаши. Рядом был разожжен костер, где поджаривалось мясо, которое вождю предстояло взять с собой в долгое путешествие в Неведомый Край. Всего лишь два дня, по причине возможной войны, мужчины соблюдали ритуалы, живя во второй пещере, вдали от женщин и детей. На третий день разразилась драма.

На охоту и в разведку отправился лишь один отряд из трех воинов. Инг-Тха, новый вождь, не хотел рассеивать силы, пока не станет известно, от кого исходит нависшая над ними угроза. К'варф был в числе караульных, стоявших у входа в пещеры; он осматривал окрестности, глядя время от времени вниз, где у подножия склона женщины, среди которых была и Илик, набирали воду в бурдюки из шкур под охраной пары мужчин.

И тут вдруг с опушки леса вылетела длинная пика, которая долго парила в воздухе, прежде чем воткнуться с глухим звуком в землю неподалеку от женщин. Затем, мчась во весь дух, появился враг. К'варф видел его впервые. То были люди, совсем не похожие на него самого — стройные великаны с большими руками и ловкими длинными ногами. Вооружены они тоже были иначе — не рогатинами, но дротиками и палицами. Один из них остановился, зафиксировал пятаку дротика таким образом, чтобы она касалась упора деревян-

ной палки и, взмахнув рукой и резко крутанув запястьем, выпустил дротик*. К'варф с испугом заметил, что тот легко пролетел втрое большее расстояние, чем то, на которое он сам бы мог рассчитывать в самых смелых своих мечтах.

Инг-Тха, спохватившись, загонял в грот караульных, воинов, женщин и детей. Он отдавал себе отчет в том, что, принимая во внимание большую ловкость врагов и их страшное оружие, единственный шанс на спасение заключается в сражении в самой пещере, по возможности — в рукопашном бою, где более мощный противник, быть может, не будет иметь преимущества над его людьми. Тем самым он приносил в жертву тех женщин и обоих воинов, что находились у подножия склона. Для них все закончилось очень быстро. Мужчины не успели даже оказать сопротивления, как были изрешечены целым градом выпущенных издали стрел, женщины пали от ударов дубинками. К'варф увидел, как повалилась на землю Илик, и ему показалось, что внутри него что-то сломалось.

На какое-то время события остановились. Захватчики наблюдали за склоном и входом в пещеры. Нигде не было ни малейшего движения. Укрывшись за большим камнем, К'варф клокотал от бессильной ненависти. Внизу скорбная группа истребленных женщин образовывала в зеленой траве черные пятна. Чуть левее, отдельным пятном, лежала на земле Илик. Один из врагов поднял труп какой-то совсем юной девушки, ухмыльнулся и, приподняв, поднес ко рту, словно хотел впитаться в тело губами. Их теперь было много, человек двадцать, все — огромного роста. У одного из этих великанов в руке было нечто темное, казалось, состоявшее из трех крупных шаров. Содрогнувшись, К'варф понял, что это головы той троицы, что утром ушла в разведку.

Внезапно ему показалось, что Илик пошевелилась. В сердце его возродилась надежда, и он сосредоточил на ней все свое внимание: она действительно двигалась. Медленно, ох, очень медленно, она ползла к чаще, до которой было буквально несколько шагов. Стало быть, она жива! Если

* Описывается действие копьеметалки.

ей удастся достичь зарослей, то, быть может, под покровом ночи, у нее получится пробраться в пещеру или скрыться в лесу. К'варф принялся мысленно проклинать солнце, все еще стоявшее высоко в небе.

Внизу, в стане врага, шло совещание. Два воина отделились от группы, направились влево. Один из них остановился, осмотрел что-то на земле, поглядел на Илик. Губы его растянулись в ухмылке, он вскинул руку, державшую дротик: Илик выдала кровь, вытекавшая из пробитой дубинкой головы. И тогда, забыв о племенной дисциплине и инстинкте самосохранения, К'варф устремился вниз, к подножию склона, испустив крик смерти.

Враги увидели, как он выскочил из-за скалы. Медленно они наложили свои дротики на деревянные палки. Тот, что стоял рядом с Илик, обернулся, пожал плечами и снова поднял руку, державшую дротик. К'варф был само воплощение жажды убийства, все его существо рвалось к одной-единственной цели — уничтожению этого человека: пусть он умрет, думал он, пусть он умрет!

Внизу великан поднял руку к груди, пошатнулся — и рухнул на тело Илик. К'варф остановился так резко, что сбился с шагу и покатился по склону. Мозг его пронзила мысль: медведь, Тильвит, теперь вот этот! Выходит, ему достаточно пожелать смерти зверя или человека, чтобы тот умер!

Враги падали один за другим, поднося руку к сердцу. Внезапно их охватила паника при виде этих необъяснимых смертей, и они обратились в бегство.

— Пусть вон тот, бегущий так быстро, умрет!

Когда они достигли опушки леса, сила К'варфа перестала действовать. Лишь троим удалось спастись, чтобы рассказать о разгроме.

К'варф вырвал дротик из земли и, прижимая Илик к груди, поднялся на вершину склона. Кровь медленно сочилась из-под ее волос, смешиваясь с его собственной кровью, вытекавший из пробитой руки. В пещере он уложил девушку на бизонью шкуру, а затем повернулся к мужчинам.

— Во мне есть Сила! Я могу убивать, когда захочу! Вы сами видели! Теперь я буду вождем племени!

Он стоял у входа в грот, воодушевленный. Илик, быть может, поправится. Теперь никто не сможет пойти ни против него самого, ни против его народа. Завтра они отправятся на поиски вражеской пещеры, убьют мужчин и захватят в плен женщин. Он был так погружен в собственные мысли, что не услышал предвещающего беду треска, не увидел, как вокруг него начали градом сыпаться небольшие осколки известняка. Кусок камня, наполовину отделившегося от растрескавшейся в период оттепели скалы, сорвался вниз и разможил ему череп.

Илик не оправилась от своей раны. Она умерла в тот же вечер. Обоих похоронили в соседнем гроте, рядом со старым вождем.

* * * * *

— Ну, мой дорогой Жан, это действительно большая удача, и я рад за тебя. Ты ее вполне заслуживал.

— Да, признаюсь без лишней скромности... И все же: три неандертальца разом, в прекрасной сохранности! Ты только взгляни на череп этого старика, ибо — для неандертальца — это старик. Как минимум сорок пять лет. Он превосходен, этот череп! Полюбуйся на сохранность носовых костей, абсолютно невредимое небо! И эта девушка... лет двенадцати — четырнадцати, полагаю. Если не считать вот этой трещины, возможно, от удара дубинкой — кто знает? — ее череп тоже в первоклассном состоянии. Третий, к сожалению, раздроблен — да и нескольких кусочков не хватает. Жаль, так как следы извилин мозга весьма любопытные — взгляни! Рядом с затылочной долей, похоже, есть след некоей особой извилины, не соответствующей ничему из того, что известно науке. Хотя, может, она и не имеет особого значения. Возраст: лет от пятнадцати до восемнадцати. В те времена умирали молодыми. Эти неандертальцы интересны нам тем, что они, должно быть, были современниками первых *Homo sapiens*, первых людей, наших предков. К тому же, в месте раскопок — тебе оно прекрасно известно: это тот двойной грот, который находится в имении моего дяди, в Дордони — слой мустьерской культуры типа Кина, в котором мы их нашли,

очень тонкий, и сразу же над ним находится слой ранней ориньякской культуры. Вероятно, они не долго там прожили, быть может, даже были изгнаны ориньякцами, которые относятся к первым людям современного типа.

Знаешь, мой дорогой Пьер, порой я даже задаюсь вопросом: вот чего не хватало этим неандертальцам? Им и нужно-то было совсем немного, чтобы занять доминирующие позиции. Их индустрия была уже не такая грубая, как у наших первых предков в начале их существования. Вероятно, хватило бы самой малости для того, чтобы история перевернулась, и восторжествовали как раз таки неандертальцы. Этой-то малости и не нашлось, а может, она просто не смогла развиваться... Даже интересно, какого типа цивилизации они могли бы достичь...

Так или иначе, это настоящая находка для антрополога, пусть говоря так, я и испытываю некоторые угрызения совести. Наука порой, помимо его воли, делает человека бесчувственным, и я радуюсь несчастью, случившемуся тридцать или сорок тысяч лет тому назад с этими нашими бедными кузенами*, словно они жили исключительно для того, чтобы дать мне тему для публикации. Тем не менее, учитывая тот факт, как все обстоит, или обстояло, эти три скелета — в подобном их состоянии — большая удача. Да, настоящая удача...

То действительно была настоящая удача — правда, в какой степени, узнать ему так и не довелось.

* Здесь под этим словом понимается любой дальний родственник.

МЕРТВЫЕ ПЕСКИ

SABLES MORTS

1959

Внезапно свист турбинного двигателя перешел с высоких тонов на низкие, затем прекратился, и с едва уловимым в герметичной кабине шипением газы белым пером ушли в разрежённую атмосферу Марса. Каррер резко ударил по тормозам. «Крыса песков», проскрежетавав по земле всеми своими двенадцатью катками, остановилась у подножия плоской дюны, на которую намеревалась взобраться. Не теряя ни секунды, водитель надел на лицо кислородную маску и, не обращая внимания на потерю воздуха, открыл главную дверь, в один прыжок перескочил через шлюз и бросился в задний отсек, где находился клапан, перекрывавший поступление в турбину сжатого кислорода. Там он быстро схватил маленькое колесо и повернул, сначала полегче, затем посильнее. После утечки давление немного понизилось, но белое перо все еще было длиной в добрых два метра, и стрелка манометра медленно, но верно скользила к нулю. Осторожно, контролируя себя усилием воли, Каррер довел клапан до полного открытия и снова закрыл. Клапан застопорился, чуть-чуть не дотянув до полного закрытия. Лихорадочно сорвав с пояса свой геологический молоток, Каррер вставил обитую железом рукоять в спицы, надавил со всех сил: ось рулевого колеса с сухим треском сломалась. Уже немного встревоженный, он вытащил из ящика с инструментами широкую полоску клейкого пластика и попытался заделать протечку, рискуя, даже несмотря на толстые изолирующие перчатки, отморозить себе руки. Утечка усиливалась под напором газа,

который вырывался уже с меньшей силой. С запозданием Каррер вспомнил о кране самого резервуара. Открыв люк, он кое-как протиснулся между металлическими распорками. Выброс газа прекратился.

Успокоившись, он смог оценить свое положение. Из трех резервуаров с кислородом, которые имелись на «Крысе», у него оставался лишь один полный. Один он уже опустошил во время поездки, другой на момент поломки был полон чуть более чем наполовину. Теперь кислорода в нем было совсем немного, да еще и под низким давлением. Он находился не-подалеку от озера Зея, в самом сердце Эллады, примерно в пяти тысячах километров от базы, как раз в точке пересечения нулевого меридиана и экватора, между двумя рукавами Срединного залива. На обратный путь до базы окислителя топлива уже не хватало, хотя он и мог рассчитывать на то, что удастся преодолеть около тысячи семисот километров. Там бы, с необходимым запасом кислорода, его встретила вторая экспедиционная «Крыса». Ситуация была далеко не безнадёжной, и он даже смог бы продолжить свою миссию к озеру Зея, где во время подлета Кёртис, астроном, заметил, как ему показалось, какие-то руины.

Тем не менее нужно было устранить утечку и заменить клапан. В наборе инструментов имелось все необходимое, и Каррер принялся за работу. Связаться с базой до завершения ремонта ему не позволила гордость.

Много времени ремонт не занял. Все участники экспедиции умели пользоваться горелкой или аргонным сварочным аппаратом. Прежде всего Каррер выяснил причину аварии. Как он и предполагал, клапан заклинило песком, этим не-осязаемым песком Марса, который покрывал планету тонкой неравномерной пленкой. Слабым марсианским ветрам удавалось поднять лишь мельчайшую кварцевую пыль.

Каррер еще раз запустил турбинный двигатель: тот тихо заурчал. Тогда он вызвал по радио базу:

- Алло, база. Это «Крыса-один».
- Это база. Слушаем.

«У аппарата Мак-Адам, — подумал Каррер. — Узнаю его шотландский акцент».

— У меня поломка, не слишком серьезная. Утечка в трубе подачи горючего, еще и клапан заблокирован. Я потерял почти весь газ из второго резервуара. Первый пустой, остается третий. Думаю, смогу добраться до страны Девкалиона, к вершине мыса Дион, а может, и еще чуть ближе к нам. Доставьте мне сменные баллоны. Я намерен доехать до озера Зея, как и планировалось, а затем вернуться...

— Это Харрингтон. Я бы предпочел, чтобы вы вернулись сейчас же, Каррер.

— Но, командир, я всего километрах в двухстах от цели! В любом случае я не смогу достичь базы самостоятельно. Так что четырьмястами километрами больше или меньше...

— Ладно, но будьте осторожны. Отправляю к вам «Крысу-два» с Баллини и Григорьевым. Выходите на связь каждый вечер и помните, что с тех пор как звездолет улетел, у нас осталось только две «Крысы», ваша и Баллини!

— Хорошо. До скорой встречи!

«Крыса» устремилась к дюне. Турбина тихо урчала на средней скорости. Рифленные катки поднимали мелкую охристую пыль и вгрызались в кору, образованную в результате феномена, который он прояснил лишь совсем недавно: весной тонкое покрытие ледяного полюса испарялось, и в более низких широтах водяной пар конденсировался, растворяя минеральные соли. Затем летом вода снова испарилась, и соли, смешанные с илом, образовывали твердый слой. Корки накладывались одни на другие по воле ветров, приносивших на них новые илы, на которых образовывались новые корки. У Каррера сохранялась смутная надежда на то, что если получится пересчитать все эти слои, удастся набросать и хронологию, пусть и крайне относительную.

Пейзаж всегда был один и тот же, утомительно однообразный: длинные, очень низкие холмы, слегка волнистые, от красновато-желтого оттенка до ярко-розового. Изредка встречались пологие овраги. Ближе к базе, в стране Девкалиона, рельеф был более выраженным.

Медленно одни плоские дюны сменяли другие такие же, затем перед ним обрисовалась довольно-таки глубокая впадина — озеро Зея.

«Забавно, — подумал Каррер. — На этот раз наши обозначения соответствуют топографии, пусть в этом озере и нет воды. Взглянем-ка на эти знаменитые руины».

Они были замечены во время полета в виде вереницы отбрасываемых теней. Нашел он их не сразу. Того же цвета, что и земля, они были совсем не различимы на фоне противоположного склона впадины. Они представляли собой последовательность насыпей, разьедаемых ветром, иногда, почти как стекло, отполированные непрерывным переносом мелких частиц кварца. На первый взгляд они казались не искусственными, а скорее какими-то остатками разьеженных временем останцов-свидетелей. Он прошелся среди них пешком, пытаясь выявить хоть какой-то план, но они были расположены как попало. На участке, защищенном от ветра его местоположением между двумя другими, можно было разглядеть линии, которые, при богатом воображении, можно было счесть следами некоей скульптуры или надписи, но, вероятнее всего, то была обычная игра природы.

«Одно и то же, — сказал он себе. — Мы на Марсе уже полгода, и ничто пока — ровным счетом ничто — не указывает на то, что тут когда-либо, пусть даже и в далеком прошлом, существовала разумная раса. Прощай, Барсум*! По правде говоря, тут ничто не указывает вообще на какую-либо жизнь, а то, что в телескоп было принято за растительность, является лишь смесью гигроскопических солей, меняющей цвет в зависимости от влажности. Что ж, ничего не поделаешь!..»

Для очистки совести он направил заднюю часть «Крысы» к одним из «развалин» и пустил в ход экскаватор. Песок разлетелся по сторонам и медленно опустился, окутав все желтой пеленой, знаменитой желтой пеленой, часто наблюдаемой в Элладе. Когда яма — безрезультатно — достигла четырехметровой глубины, Каррер остановил вездеход. Оседающий песок затруднял изучение профиля, но все же он смог увидеть, что более глубокие слои явно гораздо толще.

* Барсум (англ. *Barsoom*) — название планеты Марс в фантастическом мире, созданном Эдгаром Райсом Берроузом.

— Раньше влажность тут была большей. Марс продолжает высыхать...

Опускались сумерки, быстро наступающие в этой разрежённой атмосфере, слабо рассеивавшей солнечные лучи. Все более и более ярко сияли звезды, эти звезды, которые, за исключением небольшой области вокруг солнца, можно было видеть и среди бела дня. Каррер вернулся к «Крысе», снял кислородную маску, тщательно ее почистил. Песок забивался во все щели.

— Песок — вот кто здесь главный враг, — произнес он вслух. — Песок, а не несуществующие марсиане!

Прежде чем растянуться на узкой кушетке в герметичной кабине, Каррер связался с базой. Все шло как обычно, никто не нашел ни малейших следов жизни, свежих или давних. Он предупредил базу, что утром отправится обратно, и уснул.

Он выехал еще до рассвета, впервые после поломки ощутив смутное беспокойство. Он находился более чем в 5000 километрах от базы и в лучшем случае смог бы приблизиться к ней на 4000 километров. Случись что с «Крысой» номер два, ему почти наверняка крышка. Пока, вопреки всяческой надежде, он надеялся что-либо обнаружить у озера Зея, его поддерживал дух открытия. Теперь же не оставалось ничего, кроме долгого монотонного пути обратно, который он не осмеливался перемежать остановками для геологического наблюдения. Поскольку до озера он добирался не по абсолютно прямой линии, то теперь решил проехать немного южнее, через пролив Яо, чтобы путешествие не оказалось совершенно бесполезным.

То была впадина на темной, очень ровной, почти не покрытой песком земле, по которой «Крыса» могла катиться на своей максимальной скорости 45 км/ч. Каррер достиг ее на пятый день, уже с наступлением темноты. Спалось ему плохо. Поднялся ветер, толкая перед ним тучи песка, пришедшие из верхних регионов. Солнце взошло в желтой дымке, и он не решился продолжить свой путь. Он смог бы продвигаться только на пониженной скорости, и кварц мог бы забиться в механизмы, пусть даже и хорошо защищенные. Шарикоподшипники уже начинали расшатываться.

Связавшись с базой, он сказал, что сделает все возможное. Базу также накрыло бурей, растянувшейся почти на 5 000 километров, и, хотя «Крыса» номер два была готова, Харрингтон пока не хотел отправлять ее ему навстречу.

Ориентируясь по гироскопическому компасу, Каррер в конце концов отправился в путь. Тогда-то он и нашел город.

Был ли это действительно город? Сначала это были какие-то мелькнувшие между двумя завесами из желтого ила ржавые красноватые колонны, смутных очертаний и осыпающиеся. Затем — нагромождения частей стен с корявыми арками, проходящие над засыпанными обломками улицами. Он остановился, надел маску и вышел.

В полумраке было невозможно определить, являются эти структуры естественными или искусственными. На первый взгляд казалось, что они созданы некоей разумной расой, но они были столь древними, что ничто в них не позволяло утверждать об этом наверняка. На Земле, в районах сильной ветровой эрозии, он видел столько невероятных фигур, что не мог отрицать, что и эти имеют такое же происхождение. Он тщательно отметил это место в записной книжке.

Вечером он объявил о своем открытии по радио, и столкнулся с открытым недоверием. Сперва и сам не слишком убежденный, Каррер завелся — столь очевидным было противоречие.

— Да я ведь видел все это собственными глазами! И, будучи геологом, уж я-то могу распознать естественную структуру! Конечно, эта может быть и естественной, как я уже говорил вам, но... Но тогда она — самая необычная из всех, что мне известны!

— Полноте, Каррер! Вы же и сами знаете, что Марс мертв и что тут, вероятно, и вовсе никогда не было жизни!

— Вы были в этом куда менее уверены, когда отправляли меня исследовать... руины озера Зея!

— Вы же сами нам сказали, что это природные образования.

— На Зее — да. Здесь же все не так очевидно...

— Ладно, будет видно. «Крыса-два» завтра выезжает вам навстречу — будет буря или же нет, без разницы. Скорее

всего, вы повстречаетесь с ней у оконечности мыса Дион.
Доброй ночи!

* * * * *

Доброй ночь не выдалась: Каррер находился во власти кошмаров. Ему казалось, что он ездит по улицам города в тот момент, когда тот еще переживал пору своей славы. Полупрозрачные, чем-то похожие на гуманоидов жители расхаживали среди высоких строений, легких и изящных. Они проходили мимо, не замечая его, словно он был призраком. Затем, мало-помалу, дома рушились, очертания размывались, существа становились все более и более прозрачными. Он оказался наедине с одним из них на широкой площади посреди руин. Лишь тогда марсианин, казалось, заметил его присутствие, подошел к нему и, размахивая хрупкими ручонками, прошептал ему на ухо тем бесцветным голосом, какой можно услышать только во сне:

— Так ушел Марс! Так уйдет и Земля. Вас ждет та же участь, что и нас, варвары!

Каррер внезапно проснулся, зажег фонарик. Все было покойно. Изнутри металлическая обшивка «Крысы» выглядела вполне надежно. Но иллюминатор за его спиной, казалось, пристально смотрел на него смертельным взглядом, и он постыдно опустил затворку.

«Через это окно уходит слишком много тепла», — солгал он себе.

Снова уснуть он уже не смог. Его сон был слишком реальным, слишком ярким. Каждый раз, как он закрывал глаза, он снова оказывался на лежащей в руинах площади, рядом с прозрачным, растворяющимся в дым сразу же после брошенного им предупреждения марсианином.

— Черт! Нужно было поменьше читать Брэдли!

Он подумал о читанном-перечитанном экземпляре «Марсианских хроник», имевшемся в библиотеке базы, — единственной настоящей книге, по ошибке захваченной ими с Земли вместе с более легкими микрофильмами. За исключением нескольких отрывков, этот толстенный том ему не очень нравился, но с ним легче было улечься вечером

в постель, чем с устройством для чтения микрофильмов. На основе этой книги они изобрели еще и игру под названием «АнтиБрэдбери»: она заключалась в том, чтобы представить себе, так сказать, «негатив» каждой истории, то есть нечто такое, что мог бы написать какой-либо автор с иными концепциями.

Утро принесло лишь изменение цвета пелены, застилавшей стекло кабины. Видимость была практически нулевой, не более четырех-пяти метров, и он встревожился уже всерьез. В такой пыли две «Крысы» могли часами тщетно искать одна другую. В любом случае, он продвигался так медленно, что рисковал израсходовать весь кислород еще до прибытия помощи.

На этот раз Харрингтон отнесся к его положению крайне серьезно.

— Да, они уехали, и я почти сожалею о том, что отдал им такой приказ. Если к завтрашнему дню ситуация не улучшится, остановитесь, оставьте запущенными только электродвигатели кондиционирования воздуха и отопления. Экономьте кислород. Вам должно его хватить на месяц, а за это время буря наверняка утихнет.

Он не сказал, что они уже пережили бурю, длившуюся больше месяца. Да это было и не нужно — Каррер и сам это уже знал.

Он целый день ехал со скоростью улитки, резко тормозя перед препятствиями, которые, казалось, внезапно возникали из земли в нескольких метрах перед ним. В полдень он остановился перекусить и вышел на связь с базой. У второй «Крысы» были те же трудности. Каррер продолжил свой путь с бесконечными предосторожностями, что, впрочем, не мешало ему соскользнуть на дно оврага, замеченного слишком поздно. Склон этого оврага оказался на удивление крутым для Марса, и он потерял два часа на то, чтобы выбраться. К вечеру он едва преодолел шестьдесят километров.

В эту ночь кошмар вернулся. Каррер снова оказался на площади. Но на сей раз марсиане смотрели на него пристально, приподнимая уголки тонких губ в ухмылке. Как и в прошлый раз, один из них подошел к нему и прошептал:

— Марс убил марсиан! У землян нет ни единого шанса!

Он проснулся. Ветер, ветер Марса кричал и улюлюкал, принося не только мелкий ил, но даже песок, хрустевший на корпусе «Крысы». Должно быть, бушевала неистовая буря. Такого еще не было ни разу за все полгода их пребывания на этой планете.

Каррера терзала тревога. Он уже вовсе не был уверен в том, что сможет встретиться с номером вторым и вернуться на базу. Он попытался связаться со вспомогательной экспедицией.

— Алло, «Крыса-два». Алло, «Крыса-два». Это «Крыса-один»...

Через четверть часа его наконец услышали.

— Это «Крыса-два». У аппарата Григорьев. Как дела?

— Плохо. Жуткая буря. Повсюду кружит песок, настоящий песок! Видимость нулевая.

— Здесь тоже. Каковы ваши примерные координаты?

— Думаю, не ошибусь, если скажу, что я, вероятнее всего, нахожусь в стране Яо, близ триста пятнадцатого градуса долготы или, если так вам будет удобнее, у сорок пятого градуса восточной долготы и тридцать второго градуса южной широты по нашему, земному обозначению. Точнее определить не возьмусь. А вы?

— У границ Срединного и Сабейского заливов! В этой атмосфере песка быстро продвигаться не получается! С момента выезда мы преодолели менее шестисот километров...

Весь день «Крыса» едва тянулась, и Каррер с беспокойством наблюдал за тем, как наступает вечер. Атмосфера становилась все более и более непроницаемой, а рыжеватая пыль сделалась серой, затем — черной. Истощенный постоянным напряжением, он наскоро поужинал и лег спать. И сон вернулся. На сей раз марсиане прикасались к нему. Они толкали его, ухмыляясь, отправляя его от одного к другому, словно воздушный шарик. И хотя он отчетливо чувствовал на своем теле их твердые и сухие руки, они растворялись в дым, как только он пытался их ударить. Глухой удар сотряс корпус, разбудив Каррера окончательно. Он был весь в поту.

«Камень, принесенный ветром со склона... Должно быть, задувает дай боже!»

Но такое объяснение успокоило его лишь наполовину. Он взглянул на часы. Солнце должно было взойти через час, и поскольку видимость все равно была бы нулевой, он решил двигаться дальше. Он проскользнул на сиденье, ухватился за руль, включил фары. Два усеченных почти у самого основания конуса попытались пробить своим желтоватым светом песчаную завесу, которая трепетала тяжелыми волнами, словно бархатные занавески. Он включил сцепление. С пару мгновений пробуксовав, «Крыса» поехала. И тут в желтой пыли, пронесившейся перед стеклом, образовалась пустота, странная пустота, шевелившаяся, словно невидимая человеческая фигура. Это длилось всего миг, не больше. Он резко повернул влево, до предела вдавил педаль газа. Рванувшись вперед, «Крыса» разрушила тонкий столб мягкого песчаника. Удар вернул Каррера к реальности.

«Должно быть, я снова уснул! Оказалось достаточно небольшого затишья, чтобы благодаря отклонению ветра этой колонной в песчаной завесе образовалась дыра, дыра, которую мое воображение наделило формой! Пора, давно уже пора вернуться на базу!»

К середине дня буря, казалось, утихла, видимость чуть улучшилась. Теперь он мог различать препятствия уже метрах в двадцати перед собой. Вернулась надежда. Он связался со второй «Крысой».

— Говорит номер первый. Похоже, буря стихает. На борту все в порядке, разве что я начинаю уставать.

— Это номер второй. До нас затишье еще не дошло! Всё хуже, чем когда-либо! Поверхность грунта, если говорить простым языком, поднимается и становится хаотичной. Мы не видим, куда направляемся, и выну...

Наступила продолжительная тишина. Он лихорадочно перебрал все длины волн. Ничего. Затем вдруг послышался громкий голос базы.

— Алло, номер второй... Алло, номер второй... Почему прервали передачу? Алло, номер второй... Немедленно ответьте. Немедленно ответьте...

Тишина.

— Алло, это номер первый. Это номер первый. Связь с «Крысой-два» внезапно прервалась. Они только успели сказать, что поверхность грунта поднимается и что...

— Знаю. Мы слышали. Помолчите. Быть может, у них вышло из строя радио? Алло, номер второй... Алло, номер второй...

Голос неумоимо бросал призывы в эфир до самой ночи, но все было напрасно. Когда Каррер, выбившись из сил, наконец провалился в сон, номер второй все еще так и не ответил.

В эту ночь марсиане неистово плясали вокруг него, и один из них бросил к его ногам отрубленные головы Баллини и Григорьева.

Утром база вышла на связь.

— Алло, номер первый. Алло, номер первый. Это база. Говорит Харрингтон. Боюсь, придется считать номер второй и его экипаж погибшими. У них было все необходимое для починки радио, и они наверняка бы его починили, если бы все еще были живы. Но не пугайтесь. Мы сделаем все возможное, и даже невозможное, чтобы помочь вам. Езжайте прямо к базе на самой экономичной скорости так долго, как только сможете. Сколько кислорода осталось у вас в резервуарах помимо того, который съедает турбинный двигатель?

— Есть еще сколько-то во втором резервуаре, том, который был поврежден. Думаю, хватит, чтобы зарядить с помощью компрессора несколько отдельных баллонов. Кроме того, есть вспомогательный запас, также в отдельных баллонах.

— Вспомогательный запас — это двадцать баллонов. Еще десять вы извлечете из резервуара, это уже тридцать, то есть пригодного для дыхания воздуха у вас будет дней на пятнадцать. Как думаете, ваша «Крыса» сможет добраться до мыса Дион?

— Если не случится никаких происшествий, то да. Вероятно, даже дальше. Возможно, до пересечения десятой параллели и триста сорокового меридиана.

— Отлично. Так вы окажетесь примерно в тысяче двухстах — тысяче трехстах километрах от базы. С ручным санями вы, вероятно, сможете преодолевать без чрезмерной

усталости около шестидесяти километров в день. За пятнадцать дней выйдет порядка девятисот. Нам тогда останется проехать до вас километров триста — четыреста. Постараемся проделать даже побольше, захватив необходимый вам кислород. С вечера двенадцатого дня выпускайте ракеты. Мы поступим так же. Итак, резюмирую: вы едете на «Крысе», пока у вас не закончится топливо, затем идете пешком, а мы выходим вам навстречу. Мужайтесь. Будет трудно, но у нас все получится. Всё поняли?

— Да. Это может сработать — при условии, что буря стихнет!

— Если верить метеосводке, то должна стихнуть еще до завтра.

— Можно ли вообще строить какие-либо прогнозы о погоде на Марсе? Нам так мало об этом известно...

— Ну почему же — очень даже можно! Искусственный спутник передает нам великолепные снимки поверхности, и нет никаких сомнений, что буря подходит к концу. Удачи, и до скорой встречи.

Возможно, буря действительно должна была вот-вот утихнуть, но пока что она свирепствовала еще яростнее, чем прежде. Каррер ехал очень медленно. И этой ночью, в его сне, марсиане напали на базу, захватили ее, разбили машины, позволявшие сжигать разреженный кислород Марса, и опорожнили все резервуары.

И дни следовали один за другим, в их однообразии красноватых или зеленоватых пейзажей, ночи — в их ужасе. Буря действительно стихла; тем не менее дважды корпус «Крысы» сотрясали глухие удары, которые нельзя было объяснить никаким камнем. Каррер переговорил об этом со Свеном Саломонссоном, биологом и врачом с базы.

— Думаю, это просто галлюцинации, — ответил тот. — Ваша нервная система истощена, и во сне вы полагаете, что слышите несуществующие шумы, или же слабые шумы, которые кажутся вам более громкими. Так бывает. Могу заверить вас, что марсиан не существует, и, скорее всего, никогда не существовало. Вам где-нибудь попадались какие-нибудь окаменелости?

— Нет.

— Вот видите, нет смысла пугаться. Единственная реальная опасность, какая вам может грозить, это что у вас откажут нервы. Попробуйте думать о чем-то другом, а не об этих ваших мифических марсианах.

Каррер попытался. Приближался день, когда ему предстояло покинуть «Крысу», и он думал обо всем, что следовало загрузить в легкие сани: естественно, все кислородные баллоны, две запасные маски, запас концентрированных продуктов, воду, лопату — вырыть вечером яму, чтобы защитить себя от холода, — поролоновый матрас, чтобы изолировать себя от земли (пневматические матрасы имеют неприятную тенденцию взрываться в этой разреженной атмосфере), одеяла, палатку, защищающую от утренней росы (пусть она, эта роса, и слабая, но человек в ней вполне может продрогнуть), запасную обувь, небольшую химическую печь (костер никак не разведешь — ни дров, ни кислорода, а если и есть, то совсем мало!), сигнальные ракеты и два сигнальных пистолета, револьвер и сколько-то патронов (они вроде бы были и ни к чему, но как знать?), карты районов, по которым придется идти, компас, небольшой приемник-передатчик, работающий на малых расстояниях, и т. д. Всего выходило около трехсот килограммов — трехсот земных килограммов, что на Марсе составляет около ста двадцати килограммов. Небольшие сани на Марсе весили тридцать килограммов, но были оснащены легким электрическим вспомогательным двигателем с солнечными батареями. Каррер решил, что преодолевать за день необходимые шестьдесят километров ему не составит особого труда.

Настал момент выходить. В третьем резервуаре давление упало почти до нуля. Каррер давно уже наполнил баллоны кислородом — настолько, насколько позволяло благоразумие. Турбинный двигатель кашлянул, перестал работать, снова запустился. Каррер использовал последние толчки двигателя для того, чтобы взобраться на вершину склона. Начался затяжной спуск, позволивший ему преодолеть почти четыре километра. «Крыса» медленно остановилась — теперь уже окончательно.

Каррер вышел, открыл подвижную панель, вытащил окрашенные в зеленый цвет сани, установил их. Методично сложил в них все необходимое, удостоверился, что все батареи полностью заряжены, убедился, что работают сигнальные пистолеты. Затем последний раз перекусил на борту «Крысы». Еще только едва рассвело, чем раньше он выйдет, тем лучше. Он в последний раз воспользовался бортовым передатчиком.

— Алло, база? Это Каррер. Готово. Резервуары пусты, выхожу через пару минут. «Крыса» стоит у подножия склона, но я не думаю, что есть риск того, что ее занесет песком. Слышать вас я по-прежнему смогу, но надолго выходить на связь не удастся. Что там со вспомогательной экспедицией?

— Выехала вчера утром. Будем связываться с вами по радио каждый вечер, в шесть часов. От имени всех наших парней говорю вам: мужайтесь!

— До встречи. Приготовьте чего-нибудь поесть и пару бутылок спиртного, если еще осталось! До скорого!

Каррер осторожно заблокировал тормоза, отключил все контакты, вышел через шлюзовую камеру и прикрепил к верхней части антенны белый флаг бедствия. Сани ждали, уже нагруженные. Каррер подхватил оглобли и двинулся в долгий путь.

Сначала идти было вполне комфортно. Сани катились хорошо, земля была твердой и ровной, и, в отличие от того, что было, когда он вел «Крысу», теперь он видел далеко перед собой. Справа и слева слегка колыхались небольшие розовые холмы, но прямо перед ним в нужном направлении простиралась обширная долина. Хотя он находился почти на экваторе, и солнце стояло уже высоко, разреженный воздух был холодным, но одежда его была теплой и удобной, а лицо защищено маской. В фиолетово-синем небе можно было разглядеть основные звезды; высоко-высоко плавало небольшое белое перистое облачко, почти прозрачное — таким оно было тонким.

Вечером Каррер разбил свой первый лагерь. Он вырыл яму у подветренного борта саней и удобно устроился: сначала — матрас, потом — одеяла, затем — натянутый тент, прикрепленный к борту саней. Каррер запустил маленькую

плиту, и узкая брезентовая хижина достаточно быстро прогрелась. Он давно уже справился с трудностями сна в кислородной маске. Но когда с наступлением темноты он захотел взглянуть на часы, то с досадой заметил, что подумал обо всем, кроме как захватить с собой фонарик! Несмотря на это, спал он хорошо, без кошмаров, проснулся рано утром, размлевший в тепле, и смог заставить себя встать лишь усилием воли. Следующий день прошел без происшествий. Ближе к вечеру Каррер поднялся по склону и, достигнув вершины, сел в передней части саней и позволил себе не напрягая сил скатиться на дно долины. Задул ветерок, которого едва хватало на то, что разгонять на метр-другой по сторонам поднимаемый санями песок.

Но следующая ночь выдалась беспокойной. Ближе к полуночи Карреру показалось — он едва только уснул, — что марсиане объявили его королем, что *нечто* пытается войти в палатку и что к нему прикоснулась чья-то холодная рука. В панике он сбросил с себя одеяла, попытался нащупать забытый в «Крысе» фонарик, схватил револьвер. С оружием в руке привстал и принялся ждать. Щелкнул тент, что-то упало ему на ноги. Каррер рассмеялся нервным, затрудненным из-за маски смехом: ветер растряс тент и протолкнул через образовавшуюся в нем небольшую щель холодный песок Марса!

* * * * *

Весь следующий день он боролся с ветром и к вечеру едва преодолел сорок пять километров. Уставший, он спал без снов. Дальше одни дни сменяли другие. Ему пришлось ускорить темп, чтобы нагнать время, потерянное от постоянного песчаного ветра, и усталость лишь усилилась. Марсиане уже не казались ему грозными: они просто выжидали — с терпением кота, подстерегающего мышь. Каждый вечер база передавала ему всё новые и новые слова ободрения, которые порой позволяли ему чувствовать себя менее одиноким, но чаще всего раздражали. Каждое утро от утомления, а не от лени он вставал все более мучительно после новой беспокойной ночи. От бороды под маской чесалась кожа, и ему

пришлось посвятить два часа бритью: приподнимая маску, он проводил бритвой по незначительной поверхности кожи, после чего снова опускал маску на лицо, чтобы сделать пару глотков воздуха. То было чрезвычайно утомительное и раздражающее занятие, к тому же таившее в себе коварную угрозу кислородного голодания. В конечном счете он был вынужден заставить себя надеть маску обратно.

Он задышался в разреженной, почти не имевшей кислорода атмосфере, но чувствовал себя хорошо.

Такого же рода испытание повторялось каждый раз, когда ему приходилось есть. В итоге он начал есть реже и терял силы, почти этого не осознавая.

Затем в один из дней, когда ветер был слабым, ему пришлось на некоторое время покинуть сани и вернуться по своим следам. Химическая печь где-то запропастилась, а он чувствовал, что с каждым вечером будет нуждаться в ней все больше и больше. Должно быть, он забыл ее в яме, где спал. Поскольку в тот момент, когда Каррер заметил ее отсутствие, он прошел еще не более двух километров, то вернулся ее поискать. Печь он нашел, пройдя по следу, оставленному санями. И внезапно он содрогнулся: на некотором расстоянии от его собственных следов, на земле имелись *другие* следы — параллельные борозды, которые мог оставить некто, волочивший ноги. Этих борозд было две с каждой стороны, тогда как дальше тянулся гладкий и неповрежденный песок. Через несколько метров эти следы слегка расходились, затем исчезали, словно существа, следовавшие за ним, улетели.

Припустив со всех ног обратно, он вернулся к саням, подхватил оглобли и бежал до тех пор, пока мучительная боль в боку не заставила его остановиться. С револьвером в руке он обвел взглядом красноватую равнину: ничто не двигалось, никаких невероятных следов не отпечатывалось рядом с его собственными следами на мертвых песках Марса.

— Ветер? — пробормотал он с сомнением. Жуткая усталость — как умственная, так и физическая — охватила его, и, пожав плечами, он продолжил свой путь.

В тот вечер Каррер уснул на вершине дюны. Прослушав сообщение базы, он впервые попытался связаться со вспо-

могательной экспедицией. Ему показалось, что он услышал несколько едва различимых слов, но поддержать связь, если она вообще была, не удалось.

Как и почти во все ночи, пришли марсиане. Они были всё такими же прозрачными и скользили по земле волоча ноги, оставляя в песке длинные параллельные следы.

На следующий день ему повстречался невероятный пейзаж. Река давно забытых времен прорыла там столь титанический каньон, что заполнить или выровнять его не смогли даже тысячелетия эрозии. Далеко слева высились багровые стены, тогда как справа, отбрасывая под солнцем причудливые тени, поднимались по холму гигантские земляные пирамиды. Целый день он шел в этом дантовском проходе, с беспокойством спрашивая себя, верно ли он поступил, что двинулся этим путем, не выйдет ли он к тупику, к стене, которую не сможет преодолеть.

Он разбил лагерь в пещере или, вернее, под укрытием, и в ту ночь видел или думал, что видит, марсиан. Они бесшумно, словно тени, перемещались в тусклом свете Фобоса, между каменными колоннами. Он чувствовал себя более одиноким, чем когда-либо, будучи не в состоянии уловить сообщения базы из-за рельефа местности.

Утром он обнаружил «Крысу» номер два. Она лежала у подножия утеса с разодранным корпусом — взорвались кислородные баллоны. Баллины по-прежнему сидел за рулем, вцепившись правой рукой в рычаг тормоза. Григорьева рядом с ним не оказалось. Наконец Каррер заметил его на некотором удалении в положении, которое показалось ему странным. Григорьев лежал на спине, между двумя валунами, поэтому пришлось предположить, что его выбросило из «Крысы» с такой силой, что он смог перелететь через один из обломков скалы, или что *нечто* туда его подтащило. Заставив себя порыться среди обломков вездехода, Каррер обнаружил неповрежденный кислородный баллон.

Он покинул каньон еще до вечера и приметил на краю горизонта холмик, чуть возвышавшийся над Сабейским заливом. Оттуда он смог наконец-то связаться со вспомогательной экспедицией. Можно представить себе, сколь бурным

было его ликование, когда он услышал в наушниках отдаленный голос Смита!

— Алло, Каррер. Вы меня слышите?

— Алло. Слышу, но слабо.

— Как вы там?

— Кислорода у меня еще на несколько дней. Обнаружил «Крысу-два» разбившейся у подножия какой-то скалы. Но мне кажется, что меня что-то преследует!

— Полноте, вы же и сам прекрасно знаете, что кроме нас на Марсе живых существ нет.

— Очень на это надеюсь. Но, повторяюсь, мне кажется, что меня кто-то преследует. Как-то раз я видел следы, а вчера...

— Вы устали, только и всего. Думаю, послезавтра мы уже выйдем к вам. Не забывайте о сигнальных ракетах.

На следующий вечер, далеко-далеко, за горизонтом, Каррер увидел три медленно поднимающиеся звездочки: синюю, белую и красную. Он ответил и обустроил свой последний, как он полагал, одиночный лагерь.

В этот вечер уснуть он не смог — был слишком взволнован. Ночь тянулась целую вечность. Вокруг лагеря, как ему казалось — до бесконечности, при неясном свете слабых лун, преследовавших одна другую в небе, простиралась равнина. Прислонившись к саням, он ждал рассвета. Что-то двигалось — не очень далеко, — что-то почти невидимое, прозрачное, поднимавшее небольшое облако пыли. Изнуренный мозг Каррера сначала отказывался анализировать то, что воспринимали, или полагали, что воспринимают, его органы чувств. Потом появилось и нечто другое. *Эти* приближались осторожно, продвигались, отступали, меняли направление, и свет Фобоса проходил сквозь них! Каррер попытался найти рациональное объяснение:

— Песчаные вихри...

Но, казалось, ветра не была вовсе. Он отполз к другой стороне саней, подключил микрофон к передатчику.

— Это Каррер, — сказал он тихим голосом. — Вы меня слышите? Вы меня слышите?

Ответа не последовало. Призраки приближались. Теперь они надвигались прямо на него, и ему показалось, что он

видит ухмыляющиеся лица. Тогда он начал стрелять и, слепленный огнем собственных выстрелов, опорожнил в эти пляшущие тени всю обойму. Затем лихорадочно перезарядил револьвер. Из микрофона вырвался чей-то голос:

— Каррер! Каррер! Что вы делаете, бога ради?

— Я атакован! Они здесь! Окружают меня!

— Кто — *они*?

— Марсиане!

— Послушайте, черт возьми! Повторяю еще раз: никаких марсиан не существует! Это все ваше воображение, Каррер! Ваше воображение, ваше истощение, и, возможно, песчаные вихри!

— Тут нет никакого ветра!

— Вы этого не чувствуете, но он есть, и достаточно сильный, чтобы поднять песок...

— Аааааа!

Что-то прикоснулось к его плечу, что-то твердое и гибкое, словно щупальце. Он обернулся, выстрелил и, казалось, увидел убегающую, припрыгивая, фигуру. Обезумевший, он не увидел, как хлопает на ветру развязавшаяся нейлоновая веревка. Он наугад подхватил кислородный баллон и побегал, уже совершенно потеряв голову, с одной лишь мыслью — присоединиться к остальным, больше не оставаться один на один, лицом к лицу с Марсом. Позади него, слабея, умолял голос:

— Остановитесь! Мы скоро будем! Уверяю вас: тут ничего нет!

Он бежал всю ночь, задыхаясь, время от времени оборачиваясь. С рассветом он заметил ракеты, которые одну за другой выпускали его товарищи. Затем дышать стало трудно, и он решил обновить свой запас воздуха. И только тогда он с ужасом увидел, что в панике прихватил с собой пустой кислородный баллон!

Они нашли его через несколько часов лежащим у подножия плоской марсианской дюны: руки его утопали в красном песке, кислородная маска был сорван в последнем жесте удушья. В нескольких шагах от него прерывалась вереница прочерченных в неощутимом песке параллельных борозд, борозд, которые, конечно же, мог прорезать там только лишь ветер...

Андре Маршан

ТЕЛЛУСИЙЦЫ,
ИЛИ
РОБИНЗОНЫ КОСМОСА-2

André Marchand

CEUX DE TELLUS,
OU LES ROBINSONS
DU COSMOS-2

2011

(электронная книга)

Вступление

Мне очень приятно представлять этот первый перевод «Мемуаров» моего друга Жана Бурна. Выпущенные на французском языке несколько лет тому назад, эти воспоминания представляют собой подлинный документ, относящийся к определяющему периоду нашей истории: вне всякого сомнения, тилирийским читателям они будут крайне интересны.

Тем не менее я считаю необходимым напомнить читателю, что Жан Бурна — чужеземец, пишущий для своих соотечественников. Несмотря на всю симпатию, которую господин Бурна выражает по отношению к нашему народу, порой он использует выражения, выносит суждения, которую могут нас шокировать, показаться нам ошибочными. Из опасения исказить мысль автора, переводчик не счел необходимым отступать от первоначального текста, и, полагаю, правильно сделал: не думаю, что публика станет придирается к этим нескольким абзацам.

Пишущий для своих соотечественников, Жан Бурна намекает на факты и события, использует термины, которые всем на Теллусе прекрасно известны и потому не требуют пояснений. Для нас в этом плане все обстоит иначе: многие фразы могут показаться читателю непонятными, так что, вероятно, короткое введение, касающееся основных сведений о Теллусе и его истории, будет вовсе не лишним.

Всем известно, что в результате Космического Столкновения горстка людей была вырвана с планеты Земля и пере-

брошена на другую планету, названную ими Теллусом. Лишившиеся едва ли не всего, спасшиеся не растерялись и, проявив завидную организованность, сумели уцелеть в этом «Катаклизме». Целая цепочка счастливых случайностей, но главным образом — собственная отвага и находчивость, позволили им мало-помалу завоевать этот новый мир и развить в нем цивилизацию, мало в чем уступающую цивилизации их родной планеты.

У Теллуса есть три спутника, которые называются «Феба», «Артемиды» и «Селена». Солнце было наречено «Гелиосом», а его небольшой — по правде говоря, едва ли настоящая звезда — товарищ стал «Содем».

Сразу же приступив к исследованию Теллуса, люди обнаружили на нем туземную флору и фауну, а также разумный вид, находящийся на все еще примитивной стадии культуры — «ссли». Эти ссли, как и все высшие виды теллусийских животных, имеют три пары конечностей: это четвероногие, но их вертикальный торс наделен двумя руками, вследствие чего они в какой-то мере походят на «кентавров» из земной мифологии. Цвет кожи — красный, черный или желтый — разделяет их на три жестоко сражающихся между собой расы. В первые же годы своего пребывания на Теллусе люди заключили союз с некоторыми красными племенами, но вынуждены были вести ожесточенную борьбу с черными ссли — так называемыми «ссливами».

Во время Катаклизма на Теллус перенесся лишь крошечный кусочек Земли, «Деревня», но вскоре спасшиеся оставили ее и обосновались с большим комфортом в богатом регионе с умеренным климатом. Там они основали федерацию Объединенных Государств Теллуса, состоявшую на первых порах из теллусийских Новой Франции, Новой Америки, Аргентины, Норвегии и Канады. Столицей этой федерации стал город Унион. Столицей Новой Франции является Кобальт, Новой Америки — Нью-Вашингтон. Главные реки этого региона — Дордонь, Везер и Дронна. К северу и к востоку от этой территории проживают племена красных ссли, уже вступивших на путь цивилизации. На юге обитают ссливы. На западе простирается океан.

Естественно, люди сохранили бóльшую часть своего культурного наследия. Они говорят на земных языках: французском, английском, норвежском, испанском. В техническом плане их цивилизация находится примерно на том же уровне, что и цивилизация Земли середины XX века по ее календарю: иными словами, полностью посвятив себя завоеванию Теллуса, имея ограниченные средства и малочисленное население, они довольствовались сохранением уже достигнутого.

Вероятно, есть смысл сказать пару слов о теллусийских единицах измерения. Для обозначения длины и массы используются старые земные единицы: метр, килограмм и их производные. Что касается обозначения времени, тот тут перед Теллусом стояла проблема, ибо длительность оборота Теллуса вокруг собственной оси составляет примерно двадцать девять земных часов. После непродолжительных колебаний люди решили разделить свой день на десять часов по сто минут, которые, в свою очередь, состоят из ста секунд каждая. Таким образом теллусийский час равен примерно трем земным часам, но теллусийская секунда отличается от земной на 4%.

Ввиду того, что на Теллусе нет времен года, ничто не мешало сохранить там старый земной год, равный трем четвертям года теллусийского. Но этот земной год, равный 365 дням по 24 часа в сутки, был урезан на два месяца (сентябрь и октябрь) и сейчас составляет на Теллусе лишь 302 земных дня по 29 часов.

А теперь, дорогой читатель, я предоставляю слово Жану Бурна.

*Терг Физаль Амари,
Университет Ворниса,
29-й год Спасения.*

Предисловие

Похоже, в семействе Бурна любят писать мемуары. Мой прадед, которого звали так же, как и меня, подал пример, опубликовав, пусть и с опозданием, свои воспоминания о Катаклизме и последующих годах. Все помнят, сколь тепло публика приняла это произведение. Судя по всему, приободренные этим успехом, по его стопам пошли двое из моих дядюшек. Сам бы я никогда не встал на эту стезю, если бы меня не подтолкнули к тому многие мои друзья, некоторые из которых входят в число самых именитых наших сограждан.

Так уж вышло, что почти тридцать лет тому назад мне по воле случая довелось принимать участие, порой — самое непосредственное, в важных событиях, изменивших судьбу нашего народа, и так как, в большинстве своем, главные действующие лица той эпохи слишком заняты исполнением своих обязанностей или не могут детально рассказать об этих событиях в силу своего положения, я скромно выношу эти воспоминания на суд читателя, надеясь, что они будут представлять для него определенный интерес.

Хотелось бы верить, что мои мемуары не вызовут дипломатических бурь и не рассорят меня с теми из моих друзей, которые фигурируют на этих страницах: я описал их такими, какими видел, а видел я их такими, какими люблю. Да простят они меня, если я их чем-то обижу.

Ж. Б.
Кобальт, июнь 104 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Теллус

глава 1

Бенсон

То утро 14 июля я помню так, словно это было вчера. Едва рассвело, я поднялся на мостик, — мне нравится наблюдать за восходом солнца над морем. Впрочем, тут в какой-то мере присутствует и личное удовлетворение, которое я всегда испытываю при мысли о том, что мне удалось встать так рано. И потом эта свежесть, эта, столь особенная, атмосфера, это благодатное затишье! И краски неба! В то утро не было ни малейшего тумана. Гелиос появился резко и внезапно. Каждая выпуклость, каждая надстройка «Любознательного» тотчас же обрела чрезмерную тень: бесчисленные выступы самых различных геометрических форм выгибались и искажались по воле волн.

Глядя на все это, я позволил себе предаться смутным мечтаниям. Мне вдруг пришло в голову, что наше судно выглядит явно неуместным в этом море. Впрочем, как это было бы и в любой другой точке Теллуса, если хорошенько подумать. Да и мне самому было здесь не место, пусть я и родился на Теллусе, и мой отец тоже, и мой дед перед ним. Ведь, в сущности, разве мы не чужаки на нашей собственной родной земле?

Затем перед глазами у меня возник образ моего прадеда, «Старика», как мы, мальчишки, называли его между собой.

Я довольно-таки хорошо его помню, сторбленного, с все еще живыми глазами, так много повидавшего на своем веку. Подумать только: он видел Землю и Францию, старую, в каком-то роде настоящую Францию!

Ему Теллус казался еще более чужой землей. С бóльшим или меньшим успехом ему удалось внушить эту мысль и всем своим родным и близким, в том числе и моему дяде Пьеру Бурна, долгие годы жившему вместе с нашим пращуром (дядя даже писал под диктовку Старика его мемуары). Мой дед тоже порой говорил, что чувствует себя здесь чуть ли не ссыльным. Как и мы с отцом, он, разумеется, родился в Кобальте, но мы почему-то всегда видели в нем едва ли не современника тех, кого забросило сюда в результате той невероятной катастрофы. Он знал их так близко, что во многих ситуациях даже вел себя так, как, вероятно, повели бы себя они...

Я прервал свои мечтания, для того чтобы взглянуться в горизонт: вдали, против света, отчетливо выделялась тонкая черная полоса.

— Скажи-ка, Поль, а это не земля вон там, впереди?

— Да-да, мы уже почти дома. В бинокль, вероятно, уже можно различить Нотр-Дам-де-ла-Мер*. На вот, взгляни.

С Поля словно рукой сняло всю его сонливость. В один миг он вышел из своей неподвижности и молчания. То был уже не старший помощник капитана «Любознательного», — то был Поль Делькруа, однокашник по кобальтскому лицу, вместе с которым мы плавали уже около года.

Около года? Скорее даже — года полтора. «Третья экспедиция «Любознательного», поисково-археологическая экспедиция в Новом Эквадоре, декабрь 73 — июль 75 года»... Быть может, лет через пятьдесят школьники будут знать это наизусть... Кофе, хлопок и каучук — прекрасная добыча! Я отдавал себе отчет в том, что в глубине души вовсе не прочь стать знаменитым, поэтому уже заранее дрожал от мысли о том, что вскоре предстану перед Федеральной академией

* Аллюзия на Нотр-Дам-де-Пари: Собор Парижской Богоматери. В данном случае можно перевести как: «Собор нашей морской Богоматери».

наук! «Господа, имею честь представить вам основные результаты последней экспедиции корвета «Любознательный» в Новый Эквадор»...

Новый Эквадор! Ужасное название! Все здесь было «новым»: Новая Франция, Новая Америка, Нью-Вашингтон, Новая Африка, Новая Австралия... Зачем? Во избежание путаницы? Но сейчас у нас лишь один из сотни с уверенностью сказал бы, где находились эти старые страны. Да это уже никого и не интересовало. За исключением меня да еще нескольких человек... Тем не менее мы продолжали с уважением относиться к названиям, имевшим право на существование разве что во времена наших предков. Как правило, все уже говорили просто «Франция», «Америка», но экзотические названия — как, к примеру, «Новый Эквадор» — жили более продолжительной жизнью.

Так, перескакивая с одной мысли на другую, я подкрутил резкость одолженного мне Полем бинокля. Контур берега проявился с большей четкостью.

— Ну да, ты прав. Прекрасно вижу шпиль Нотр-Дама... А вон там, чуть правее, судя по всему, эстуарий Дордони... Все верно, Польша, это наша земля.

— С учетом того, что из Западного порта мы вышли семнадцать месяцев тому назад, долгое получилось путешествие, не находишь?

Почти бессознательно я быстро прикинул в уме: 17 месяцев, в которых дни состоят из 29 земных часов, — фактически, это равнялось 20 с лишним земным месяцам. Не удержавшись, я высказал эту мысль вслух:

— Семнадцать месяцев, равных двадцати с половиной земным.

Он рассмеялся:

— Ну Жан, ну и чертяка! Археолог до мозга костей! Да кто вообще говорит про земные месяцы? Оставь ненадолго свою Землю на страницах старых книжечек. Мы на Теллусе, черт возьми, а не на Земле!

— Если кто из нас и несет вздор, старина, то это ты, а не я. В отрыве от своего земного критерия, те месяцы, которые у нас тут в ходу, не имеют никакого значения. Год, о котором

ты говоришь, не имеет ничего общего с тем временем, за которое Теллус оборачивается вокруг Гелиоса!

— Разумеется. Три теллусийских года равны примерно четырем земным. Это, Господин Археолог, знает даже простой помощник капитана корабля. Но к чему нам все это? Главное — иметь какую-то единицу времени. Что там она собой представляет, никого уже не интересует. То же самое можно сказать и о метре — так ли уж важно, что это примерно одна десятиллионная часть четверти земного меридиана, если это никто и никто не сможет проверить? Но у нас настолько окостеневшая система обучения, что во всех школах Униона в головы детям и по сей день вдалбливают эти глупости!

Поль немало меня забавлял, когда злился. Какая сила раздражения! Можно было бы поклясться, что он во все это верит. И однако он точно с таким же жаром поддержал бы и прямо противоположную мысль исключительно ради удовольствия поспорить со мной. Но, наверное, заметив едкую улыбку на моем лице, он, вероятно, осознал всю тщетность своих усилий и резко прекратил все эти разглагольствования, так и оставшись стоять с открытым ртом.

— Что ты на меня так смотришь, идиот несчастный? Нравится смотреть, как я тут распинаюсь перед тобой, археологом недоделанным?

— Как вижу, господа, даже возвращение в родные пенаты не уменьшило вашего воинственного пыла.

Никогда не упускавший случая подколоть, на мостике появился капитан. Я не видел, как он подошел. Но в пылу дискуссии...

— Доброе утро, капитан. Ваш присутствующий здесь старший помощник только что пытался мне доказать, что моряки в целом, и он в частности, не столь невежественны, как можно было бы предположить.

— Задача довольно-таки трудная, мой дорогой Бурна, хотя и похвальная, так что я могу его с этим лишь поздравить. Но сейчас, если позволите, нас ждет куда более срочная работа, так как мы уже входим в порт, как вы сами можете убедиться. Вы только взгляните-ка на наш добрый старый

«Сюркуф» — да он же весь расцвечен флагами! Не иначе, как ради нас постарались!

— Несмотря на всю значимость для Теллуса «Любознательного» и его экипажа, я все же скорее поверю, капитан, что «Сюркуф» отмечает 14 июля. Но мсье Делькруа сейчас, вероятно, заклеит столь архаичное поведение, каким, по его мнению, безусловно, является празднование Дня взятия Бастилии, как носящее исключительно земной характер.

— Полагаю, он от этого воздержится, так как я собираюсь попросить его заменить меня на мостике для управления маневрами «Любознательного». Как я вижу, к нам уже направляется сторожевой катер, пассажиры которого, несомненно, пожелают со мной побеседовать. До скорого, господа.

Капитан поспешно зашагал в направлении выхода на наружный трап. Над приближавшимся к кораблю дозорным судном реял федеральный флаг; судя по всему, на его борту находились какие-то важные персоны. Мы уже поравнялись с «Сюркуфом». Добрый старый крейсер: какая реликвия! Должно быть, впервые он был спущен на воду лет восемьдесят с лишним тому назад, но и по сей день выглядел элегантным и нарядным. Поль утверждал, что его команда целыми днями только тем и занимается, что наводит лоск снаружи и внутри корабля, хотя, конечно, «Сюркуф» развалился бы на части после первого же оборота гребного винта или после первого же произведенного им пушечного залпа. Я даже и не помню, чтобы видел его где-то еще, кроме этого рейда, на который он встал, вероятно, задолго до моего рождения. Если не ошибаюсь, то и англичане на Земле хранили таким же образом в одном из своих портов корабль Нельсона. Англичане... Мне всегда было жаль, что их нет на Теллусе. Судя по всему, это был весьма занятный народ, совсем не похожий на американцев, пусть они и говорили на одном языке...

Ну вот: я снова понес всякий археологический вздор, как сказал бы Поль. Но это факт, о котором лишь изредка вспоминали на доброй старой Земле и о котором совсем не вспоминают на Теллусе. Те редкие современники Катаклизма, что все еще живы, в те годы были детьми. Большинство из них и вовсе не сохранило о Земле никаких воспоминаний. Что до

специалистов вроде меня, то их можно было пересчитать по пальцам. Впрочем, на нас все и смотрели как на в общем-то бесполезных эрудитов. Единственными общепризнанными ценностями являлись производство и экспансия. И, однако же, я возвращался из этой экспедиции с тремя основополагающими продуктами. И добыл их лишь благодаря земной археологии, кто бы что ни говорил...

Капитан вернулся к мостику. С ним был еще какой-то мужчина; мне казалось, что я уже где-то видел это лицо.

— Поль, взгляни-ка на того типа, который сейчас с капитаном, и скажи мне: а это, случайно, не Бенсон?

— Ральф Бенсон, секретарь Министерства внешних сношений? А что, вполне возможно. Я часто видел его фото в газетах. Но что ему здесь делать? Особенно, если дело срочное, — он даже не подождал, пока мы пристанем к пирсу.

— Сейчас узнаем: они уже поднимаются.

— В любом случае, если это Бенсон, выглядит он весьма молодо. Я бы не дал ему больше тридцати пяти.

— На мой взгляд, это один из самых перспективных членов федерального правительства. Не удивлюсь, если на следующих президентских выборах он выставит свою кандидатуру. К тому же...

Капитан не дал мне договорить, бросив Полю:

— Заглушите двигатели, Делькруа. К пристани мы подходить не будем. Господин Бенсон, позвольте представить вам моего старшего помощника, лейтенанта флота Делькруа, и мсье Бурна.

— Раз с вами познакомиться, господа. Я бы с удовольствием дал вам спокойно отпраздновать 14 июля, но время поджимает.

Он чувствовал себя весьма непринужденно, этот Бенсон. И говорил по-французски без малейшего акцента. Но что ему было нужно?

— Как я уже сказал, капитан, сейчас я буду вынужден вас покинуть. В общих чертах ваше задание я вам уже изложил. Более подробные указания вы получите от моего помощника, Жака Сабатье, который прибудет на судно в течение часа и отправится с вами. Что касается меня самого, то через

пару-тройку дней, если в этом будет необходимость, меня доставит к вам вертолет. К пристани, как я уже сказал, подходить нет смысла: все ваше оборудование и провизию вам безотлагательно доставят на шаландах. Проследите за тем, чтобы ни один из членов экипажа не сошел на берег. Есть какие-нибудь другие вопросы?

— Не думаю... А нет, один все же имеется. Мсье Бурна, в сущности, не является членом экипажа. Кроме того, он должен выступить в Академии наук с важным докладом о результатах, достигнутых нашей экспедицией. Мне представляется, было бы досадно, если бы этот доклад пришлось отложить, по причине экономического и технического интереса, который представляют наши открытия. Вы не будете возражать, если мсье Бурна сойдет на берег здесь и присоединится к нам уже немного позднее?

— Прошу прощения, — вмешался в их разговор я, — но если я правильно понял, эти новые распоряжения, выданные «Любознательному», относятся и ко мне тоже. Но я человек не военный, поэтому требовать от меня беспрекословного повиновения без каких-либо объяснений было бы не совсем верно. Словом, мне кажется...

Улыбнувшись, Бенсон рассыпался в извинениях:

— Нам приходится принимать столь срочные меры, что порой мы забываем об элементарной вежливости. Извольте меня извинить, мсье Бурна. Я, действительно, уже передал капитану новые указания, но забыл уточнить, что федеральное правительство настоятельно просит вас остаться на какое-то время в его полном распоряжении. В ближайшие дни нам абсолютно точно понадобится ваша помощь. Почему, вы поймете и сами, если я вам скажу, что новым пунктом назначения «Любознательного» является Деревня Землян.

— Я готов согласиться с тем, что мои познания в земной археологии могут оказаться полезными для правительства. Но я возвращаюсь из Нового Эквадора с результатами, имеющими огромное значение для экономики и будущего развития страны. В этом я могу вас заверить. В общем, я полагаю, что прежде всего...

Бенсон снова меня прервал. Похоже, он действительно очень спешил.

— Договорились, мсье Бурна. К тому же, если вы не против, я могу и сам подкинуть вас в Унион, заодно и ситуацию объясню по дороге. Затем, как только вы выступите с докладом в Академии, вертолет либо самолет доставит нас с вами с Деревню Землян... Разумеется, так будет лишь в том случае, если вы возьметесь выполнить то задание, которое мы хотим вам поручить.

Эту последнюю фразу он произнес после секундного колебания, слегка дрогнувшим голосом. Его тон показался мне таким умоляющим, даже обеспокоенным, что мне и в голову не пришло отказать ему. Должно быть, дело было действительно чрезвычайной важности, если уж в моем распоряжении был весь Федеральный воздушный флот. Мысленно я уже попрощался с отпуском, который рассчитывал провести на Волшебном озере сразу же по возвращении из экспедиции.

Так, совершенно неожиданно, я оказался впутанным в самый серьезный из кризисов, с какими людям приходилось сталкиваться с тех пор, как они появились на Теллусе.

глава 2

Война или дипломатия?

Федеральный дозорный катер выгрузил меня вместе с моим багажом на центральной пристани, напротив ратуши. Западный порт вывесил все свои стяги. Портовая улица и авеню Президента Кроуфорда, в которую она плавно перетекала, украсились пестрыми флажками и разноцветными лампионами*. Тротуары и мостовые заполнили толпы людей. Перед некоторыми кафе громкоговорители изливали наружу потоки музыки, передаваемой «Радио-Кобальт» или даже отдельными горожанами. Года три тому назад мы запустили производство дисков, так что теперь со временем приходив-

* Лампион — фонарик из цветной бумаги или стекла, применяемый для освещения или иллюминации.

шие в негодность земные магнитные записи мало-помалу заменялись первыми теллусийскими микрогрампластинками.

Помогая шоферу Бенсона перетаскивать мой инвентарь в машину, я восхищался замечательным консервативным духом, побуждавшим теллусийских французов отмечать взятие какой-то Бастилии, затерянной в глубине Пространства и Времени, с теми же традиционными ритуалами и празднествами, с какими его отмечали на Земле их предки. Если подумать, то еще более занятным выглядело присутствие на улицах довольно-таки значительного числа ссви, смешавшихся с людской толпой. Эти ссви, еще три поколения тому назад обтесывавшие камни, уже настолько приобщились к современной цивилизации, что отмечали праздник Свободы вместе со всеми, пусть значение его и оставалось для них чисто символическим. Впрочем, как и все мои сограждане, я находил это вполне естественным: ссви стали уже столь неотъемлемой частью нашей вселенной, что их отсутствие, вероятно, меня бы даже неприятно поразило.

Прерывая ход моих мыслей, повсюду затрезвонили колокола собора Нотр-Дам-де-ла-Мер. Толпа стала еще чуть более густой, когда поток верующих схлынул из собора через паперть, многоцветной массой выделяясь на белоснежном фасаде, за десять лет своего существования ничуть не пострадавшем от дождей и прочих ненастий. Здесь также ссви и люди составляли безупречное единое целое.

Как раз таки в этот момент Бенсон вышел из ратуши, куда он заходил, чтобы связаться по телефону с Унионом. Мрачный как туча, он сел в машину без единого слова, лишь знаком предложив мне расположиться рядом с ним.

Какое-то время у нас ушло на то, чтобы пробиться по запруженным людьми улицам к новой скоростной автостраде, напрямую соединившей Западный порт с Унионом. К обычным двадцати шести тысячам жителей большого порта в этот день добавились несколько тысяч курортников, так как, несмотря на отсутствие на Теллусе времен года, большинство наших сограждан по-прежнему предпочитали брать отпуск в июле и августе.

Уже на автостраде, где наш «форд» последней модели мог спокойно развить 400 км/ч и домчать нас до столицы Федерации всего за три четверти часа, передо мной открылось весьма неожиданное зрелище. За всю поездку по Западному порту секретарь Министерства внешних сношений не произнес ни слова, но то, что ждало нас за пределами города, вынудило его представить мне объяснения.

Этот регион, пересекаемый нижним течением Дордони, образует широкую равнину, где разводят главным образом зерновые культуры. Здесь расстилаются огромные поля бле и скина, рядом с которыми то тут, то там стоят крупные съездившиеся фермы, иногда даже укрепленные, что служит напоминанием о тех временах, когда первые переселенцы жили в постоянном страхе набегов черных ссви, являвшихся с левого берега Дордони. Большинство крестьян тут канадского происхождения: достаточно услышать их, чтобы это понять; их акцент разительно отличается от выговора жителей Кобальта.

Как бы то ни было, тем утром 14 июля за городом царило поразительное оживление. С обеих сторон дороги, куда ни кинь взгляд, располагались армейские лагеря, палатки, временные казармы, самая разнообразная техника. По самой автостраде передвигались моторизованные конвои. Мы наткнулись даже на колонну броневиков, грузно направлявшихся на северо-запад. Я никогда в жизни не видел подобного сосредоточения войск.

Оправившись от минутного изумления, я повернулся к Бенсону:

— Что все это значит? Здесь что, проходят какие-то крупные маневры?

— Это не маневры, мсье Бурна. В этом регионе сейчас находится четверть всех вооруженных сил Конфедерации, готовая к маршу на север. Остаток армии стоит на левом берегу Везера и вдоль Неведомых гор.

— Но кто нам угрожает? По радио в последние дни я ничего такого не слышал.

— Лишь потому, что неделю тому назад правительство ввело цензуру в средствах массовой информации. Несмотря

на наши усилия, кое-что все же просочилось. Пока что народные возмущения в основном ограничиваются районом Волшебного озера, но если новости распространятся, мы рискуем получить мятежи и восстания по всей стране.

Жестом руки он указал на все то, что нас окружало:

— Да и что вы хотите? Всего этого ведь не скроешь. Я даже не сомневаюсь, что в Западном порту уже тоже о чем-то догадываются.

— Но о чем? Что происходит? Вы же не хотите сказать, что это ссви...

Он утвердительно кивнул головой. От удивления у меня аж рот открылся. По прошествии нескольких секунд я смог пробормотать лишь следующее:

— Ссви? Но это нелепо. Ничего не понимаю...

Бенсон улыбнулся с усталым, лишенным каких-либо иллюзий видом.

— И однако же все предельно просто. Видите ли, ваш идеализм скрывает от вас, французов, весьма значительную часть реальности. Большинство из вас живут с уже сложившимся представлением о добрых ссви и злых расистах-американцах...

Он жестом остановил меня, когда я повернулся к нему, чтобы заявить возражение.

— Нет уж, позвольте мне закончить. Я вовсе не собираюсь извиняться за расизм некоторых моих соотечественников. Но согласитесь: вы практически всегда закрываете глаза на бесчинства ваших любезных друзей ссви. Более или менее сознательно вы отказываетесь признать в них примитивные свирепость и необузданность, столь часто находящие выход. Разве нет?

— Вы преувеличиваете. Согласен с вами: инциденты порой случаются, но ни к чему сколь-либо серьезному они пока что не приводили.

— Нет, я вовсе не преувеличиваю. Известно ли вам, сколько подобных инцидентов, как вы их называете, произошло за один только 74-й год? Тридцать два, то есть раз в десять дней обязательно приключается нечто из ряда вон выходящее. И я говорю лишь о тех случаях, когда пролилась чья-то

кровь. Из этих тридцати двух инцидентов лишь в девяти что-то не поделили между собой ссви и американцы. Стало быть, причиной их возникновения является вовсе не наш «расизм».

Немного помолчав, он продолжил:

— Нет, истинная причина заключается в том, что ссви по натуре своей — народ исключительно воинственный и сварливый. Не стану спорить с вами относительно того, что они быстро ассимилируются, когда более или менее отрезаны от себе подобных. Но внутри племен по-прежнему сохраняются давние традиции. И не забывайте, что еще семьдесят лет тому назад большинство ссви умирали с копьем в руке, а не в собственной постели.

Я чувствовал, что он уже готов обрушить на меня новые цифры и статистические выкладки, которые мне, разумеется, было бы трудно оспорить, поэтому я поспешил вернуть его к нынешней ситуации.

— Но все эти инциденты не объясняют вот этого! — заметил я, указав на окружавшее нас массированное сосредоточение войск. — Каковы эти новые факты? Те, которые правительство хотело сохранить в тайне.

— Новый факт заключается в том, что с просьбой принять их в состав Конфедерации к нам обратились сслвицы.

— Сслвицы? Быть этого не может! И они просят принять их в Конфедерацию? Как давно к вам поступило это их прошение? Что за муха их укусила?.. Но ведь это прекрасно! Просто великолепно!

Бенсон сделался еще более мрачным. Он явно не разделял моего энтузиазма. Судя по всему, моя реакция его даже в какой-то мере возмутила, и в голосе его прозвучала некоторая нервозность, когда он ответил:

— Да будьте же вы, черт возьми, хоть немного реалистом! Неужели вы не понимаете, что это ставит нас в безвыходное положение? Как, по-вашему, на это отреагировали ссви, ваши добрые друзья красные ссви, когда мы попытались прощупать их мнение обо всем этом?

Этот вопрос меня несколько озадачил:

— Право же... Даже не вижу, какие у них могли найтись возражения. Они — наши союзники. Почему бы и сслвицам тоже

не сделаться нашими союзниками? Это стало бы решающим шагом к восстановлению мира и порядка на всем Теллусе...

Бенсон едва не взорвался:

— Но этого-то они и не желают! Ни за что! Ссви — красивые ссви — являются нашими союзниками практически с первых дней нашего появления на Теллусе. Некоторые даже хотели ввести их в состав Конфедерации в ранге отдельного государства. Последние события, к счастью, доказали, что подобная мера была бы крайне преждевременной. Они все еще остаются воинственными примитивными существами, которые отнюдь не жаждут жить в мире со своими соседями. Что конкретно интересует их в нашем союзе? Главным образом, возможность производства — с нашей помощью — более современных и продвинутых техники и вооружения, нежели те, коими обладают их противники сслвипы. Но, с учетом настоящего положения дел, они не могут допустить, чтобы и у их исконных врагов появились — опять же благодаря нам — такие же техника и вооружение. И уж тем более они не могут принять то, что Объединенным Государствам придется гарантировать нерушимость сслвипских территорий, как до этого ими была гарантирована нерушимость территорий ссви.

— Но я лично знаю десятки ссви, которые не разделяют подобных умонастроений!

— Возможно. Вот только все они — из числа «ассимилированных». Они живут в Конфедерации и ведут себя, как окружающие их люди. Я готов признать, что у вас в Новой Франции эта политика ассимиляции принесла неплохие плоды. К несчастью, это лишь осложняет нашу ситуацию в плане внешних сношений. Мы имеем дело с двумя типами ссви и рискуем получить ужасную сумятицу в умах населения, как только информация о нынешнем кризисе дойдет до широких масс.

В голосе его снова прозвучала тревога, и я почувствовал, что и меня самого мало-помалу уже начинает охватывать беспокойство.

— Послушайте. Давайте подискутируем после того, как вы объективно и последовательно изложите все факты. Пока что

я их не знаю и потому мало что во всем этом понимаю. Там будет видно, сойдемся ли мы в отношении того, как следует их интерпретировать.

— О'кей. Что ж, по правде сказать, мы почувствовали, что к этому все идет, еще многие месяцы, а может, даже и годы тому назад. Вот уже пять или шесть лет у границ Новой Америки царят тишина и покой. Последний сслвицкий набег на один из наших постов датируется июнем 69-го года. С начала 70-х годов многочисленные группы первооткрывателей заходили на сслвицкую территорию, углубляясь порой на сто с лишним миль, и никогда не сталкивались с враждебностью со стороны туземцев.

Если мы сравним эту ситуацию с тем, что было в предыдущие годы, то получим просто-таки разительный контраст: в период с 60-го по 69-й годы на сслвицкой границе происходило в среднем по семь вооруженных стычек в год. Похоже, черные в конечном счете поняли, что им не удастся ни вернуть себе утраченные территории, ни даже серьезно притормозить продвижение наших пионеров. С другой стороны, они наверняка имели возможность убедиться в тех преимуществах, которые извлекли из союза с нами красные. Наконец, как мне кажется, они так или иначе узнали о том, что наша конституция гарантирует нерушимость границ ссви, которые станут нашими союзниками еще до 100-го года.

Логичный вывод, к которому в итоге пришли сслвицы, состоял в следующем: прежде всего им необходимо было прекратить всяческие враждебные, в отношении нас, действия, затем, по прошествии какого-то времени, выбрать благоприятный момент для обращения к нам с просьбой о принятии их в Конфедерацию. Вы не хуже меня знаете, сколь дисциплинированны эти племена: как только наиболее влиятельные сслвицкие вожди ударили по рукам, перемирие стало соблюдаться всеми и повсеместно.

Мы, в свою очередь, принялись ждать официального сслвицкого запроса и ждали, повторюсь, довольно-таки долго. По оставшейся невыясненной нами причине в конце мая этого года сслвицы решили, что благоприятный момент настал, и наконец-то предприняли подобный демарш. Соблю-

дая все мыслимые и немыслимые меры предосторожности, делегация черных втайне прибыла в Унион, чтобы поинтересоваться, не расположены ли мы провести переговоры о заключении союза со всей общностью сслвиписких племен...

Президент, естественно, дал уклончивый ответ, изобразив глубочайшее удивление. А наши службы тотчас же принялись прощупывать на предмет этой возможности красных ссви — также в полной секретности.

Мы, конечно, догадывались, что они отнюдь не обрадуются подобному альянсу между сслвидами и Конфедерацией, но их реакция оказалась еще более бурной, чем мы того опасались. Вождь Суилк, от имени всех племен ссви, ответил нам, что ссви рассматривают наш возможный союз с сслвидами не иначе, как предательство. Словом, он потребовал от нас сделать выбор между альянсом со ссви и союзом со сслвидами. Его послание заканчивалось такой фразой: с того самого дня, когда Конфедерация заключит союз со сслвидами, племена ссви будут считать, что находятся в состоянии войны с Объединенными Государствами Теллуса.

— Я бы не назвал эту угрозу реальной, — заметил я, — так как ссви мало что могут нам противопоставить.

— Вот тут вы не правы: проблемы они нам создать могут, и довольно-таки серьезные. Разумеется, при долгосрочном конфликте, если начнем вести настоящую войну на истребление, мы сможем со ссви справиться. Но нужно ли нам это? Да и подумайте о цивилизованных ссви — их сейчас в Конфедерации несколько десятков тысяч. Кроме того, в настоящий момент ссви могли бы опустошить почти всю нашу территорию, — мы просто не в состоянии им в этом помешать. Все ваши сооружения на севере Везера и Дордони оказались бы под угрозой. Районы Волшебного озера и Западного порта я также отнес бы к труднозащищаемым. Вы только представьте: одни лишь северные красные племена могут выставить сто двадцать тысяч воинов!

— Быть этого не может! Я полагал, что даже общая численность населения ссви не превышает ста тысяч.

— Так оно и было лет сорок тому назад. Но не забывайте, что мы помогли им справиться с детской смертно-

стью. К тому же, после того как на Теллусе появились мы, ссви и сслвипы стали гораздо реже вступать в открытые вооруженные противостояния друг с другом, так что теперь вследствие войны население сокращается у них гораздо меньшими темпами, чем раньше. Сейчас ссви уже более трехсот тысяч, то есть по этому показателю они уже сравнялись с нами. И к их вооружению также не стоит относиться с пренебрежением.

— У них в самом деле так много огнестрельного оружия?

— Этого мы в точности не знаем. Их промышленность находится во все еще зачаточном состоянии, но, повторяю, пренебрегать ею мы ни в коем случае не должны.

— В этом я с вами абсолютно согласен. Три года назад мне довелось посетить Ссвивиль — выглядит он, знаете ли, весьма внушительно!

— Вполне возможно, но нам от этого не легче. Принимая все во внимание, можно предположить, что с конвейера их завода, стоящего на Верхней Дордони, на сегодняшний день сошло от десяти до двадцати тысяч ружей. В результате бартера — а мы давно ведем с ними торговый обмен — ссви могли обзавестись как минимум таким же количеством наших карабинов, что должно было позволить им обеспечить огнестрельным оружием примерно четверть своей армии. Вероятнее всего, у них имеется на вооружении и легкая артиллерия.

— В таком случае, конечно же, им не составит труда совершать смертоносные набеги на наши земли.

— Короче говоря, самым тщательным образом проанализировав сложившуюся ситуацию, правительство пришло к выводу, что сейчас мы не можем позволить себе воевать со ссви.

— Стало быть, от союза со сслвипами нам придется отказаться?

— Этого мы тоже не можем себе позволить, по крайней мере до тех пор, пока мы не перепробуем все возможное в попытках подвести ссви к принятию этого союза. Отказав сейчас сслвипам в союзе, мы практически доведем их до отчаяния и собственноручно подтолкнем к ожесточенной войне

против нас, войне на истребление. А это положит конец всем тем усилиям, которые мы на протяжении вот уже семидесяти лет предпринимаем для восстановления порядка у наших южных границ.

— Но тогда...

— Мы решили немного потянуть время, не отказавшись от попыток склонить красных к компромиссу.

— Я не очень-то хорошо вижу, к какому именно. Позиции красных и черных ссви — в том виде, в каком вы мне их представили — резко отличаются одна от другой. Даже представить себе не могу, как тут можно было прийти к соглашению.

Впервые с начала этой дискуссии Бенсон улыбнулся:

— Мой дорогой мсье Бурна, сразу видно, что вы — не дипломат, в противном случае вы бы знали, что в деле международных отношений тот или иной компромисс всегда возможен. Главное — знать, чего кто хочет добиться и какую цену за это готов заплатить... и не цепляться слепо за высокие принципы.

— И что было дальше?

— В данном случае нужно было попытаться предложить ссви, в обмен на принятие ими нашего союза со сслвидами, такую компенсацию, которая показалась бы им более чем достаточной. И в то же время блефовать, чтобы заставить их поверить в то, что мы не отступим перед их угрозами.

— Отсюда и мобилизация нашей армии на границе со ссви?

— Да. Хотя эта мобилизация отвечает также и необходимости защитить сектор горы Тьмы и особенно район Волшебного озера, если там вдруг произойдут какие-либо инциденты.

— Но вы только что отнесли эти места к разряду труднозащищаемых.

— В случае войны они таковыми и будут. Но мы рассматриваем здесь лишь относительно мелкие инциденты, хотя и они могут поставить под угрозу как жизнь некоторых наших сограждан, так и четкое выполнение нашего плана.

— И что же это за план?

— Вам ведь известно, раз уж вы бывали в Ссвивиле, сколько усилий предпринимают сейчас красные племена для модернизации всего, что только можно обновить?

— Разумеется! Впрочем, у нас и в Кобальтском университете обучается довольно-таки много студентов-ссви. Все они чрезвычайно горды тем прогрессом, которого удалось добиться их народу за последние пятьдесят лет. Они часто заявляют, что их цель — сравняться с нами в техническом плане к сотой годовщине нашего прибытия на Теллус.

— Подобные заявления доходили и до нас. В них, конечно, немало преувеличения, но факт остается фактом: они сейчас модернизируются с поразительной скоростью. Это вызывает определенную тревогу, учитывая то, что во всех прочих аспектах направленность их ума осталась на прежнем, примитивном уровне. Как бы то ни было, их план индустриализации бассейна Верхней Дордони продвигается семимильными шагами. Одновременно с этим стремительно развивается и их сельскохозяйственная промышленность. Те несколько тысяч техников-ссви, которые получили образование в наших школах и затем вернулись домой, не остались невостребованными — работа нашлась для каждого. Есть, правда, один фактор, который крайне беспокоит ссви — как по мне, то зря они так волнуются: значение его явно преувеличено, — это то, что их территория лишена выхода к морю.

— Полноте! Да в их распоряжении более тысячи километров побережья!

— Да, но побережья непригодного для практического использования. Оно почти везде низкое и песчаное, или даже болотистое. Линию дюн там разрывают лишь несколько скалистых островков, которые затем плавно перетекают в тянущиеся далеко в море опасные рифы.

— По сути, вы правы. Там даже нет устья сколь-либо значимой реки.

— Да там вообще нет рек, так мы сами располагаемся в эстуарии Дордони: Западный порт и Хансен занимают единственные пригодные для использования места на территории ссви.

— Кажется, я начинаю понимать, к чему вы ведете, — сказал я. — С одной стороны — отсутствие выхода к морю, с другой — молодой национализм ссви, при развитии которого мы присутствуем вот уже несколько лет. Все это в конечном счете оформилось в территориальные претензии, которые ссви теперь нам и предъявляют. По-моему, не так давно я даже читал что-то на эту тему.

— Вполне возможно. Несмотря на все наши попытки сохранить данную проблему в тайне, кое-какая информация все же просочилась, и две или три газеты ее опубликовали. К счастью, развития тема не получила.

— Однако же я не вижу, что заставляет вас соблюдать по этому поводу такую секретность. Какую территорию, по мнению ссви, мы должны им уступить?

— Вот в этом-то и загвоздка... Потому-то вы нам и понадобились. Вы еще не догадываетесь, на что именно могли положить глаз ссви?

— Бог ты мой, да на что угодно в окрестностях Западного порта и Хансена... — начал я, и тут вдруг меня осенило: — Вы хотите сказать... на Деревню Землян?

Бенсон кивнул:

— Именно! Сами можете себе представить, какой будет реакция населения, когда станет известно, что ссви требуют от Конфедерации уступить им последнюю реликвию доброй старой Земли! Все, что у нас остается от нашей родной планеты!

Наконец-то все начало выстраиваться в моем мозгу в единую цепь. Такое притязание ссви выглядело довольно-таки логичным, так как Деревня Землян, подлинный кусочек Франции, упавший на Теллус, по сути являла собой единственную все еще остававшуюся не использованной часть территории ссви, на которой можно было открыть морской порт. Эта деревня, некогда располагавшаяся в самом сердце французских Альп, наложилась на Теллус вместе с весьма внушительным фрагментом данной горной цепи. Так на поверхности Теллуса, представленной в этом регионе одними лишь дюнами да болотами, появился островок земной коры, растянувшийся на берегу моря. Часть гор «выдвинулась»

в океан, образовав изрезанный по краям скалистый берег, в любой момент готовый предоставить надежное пристанище десяткам судов.

Фактически, порт, который ссви намеревались обустроить в этой точке побережья, уже существовал: наши предки построили его через три года после Катаклизма менее чем в двух километрах к западу от Деревни Землян. Именно оттуда они уплыли, решив оставить свои земные жилища вследствие участвовавших атак гидр, чтобы основать примерно на тысячу километров южнее Новую Францию.

С тех пор Деревня Землян пустовала, а имевшиеся в ней строения медленно разрушались, лишь изредка становясь объектом исследования какой-нибудь археологической миссии. Ссви могли, таким образом, с полным на то основанием сослаться на то, что этот анклав, которым мы располагали в самом сердце нашей территории, нам совершенно не нужен, тогда как им теперь, когда там не стало гидр, он давал отличную возможность получить выход к морю.

Не менее очевидно было и то, что наше правительство не могло поступить иначе, кроме как отказать ссви в уступке этой святыни. Даже американцы отчаянно бы воспротивились сдаче единственного кусочка нашей родной планеты, остававшегося на поверхности Теллуса. Что до нас, французов, то этот лоскуток земной поверхности был нам дорог вдвойне, как частица доброй старой Франции, нашей земной родины.

Понял я и то, почему Бенсон чуть ранее заметил, что не следует цепляться за высокие принципы:

— Короче говоря, правительство решило уступить Деревню Землян, чтобы склонить их к принятию нашего союза со ссвицами?

— Фактически, мы еще не выходили на них с таким предложением, но в том, что вскоре это случится, никто — ни с нашей стороны, ни с их — даже не сомневается. Послание вождя Суилка нашему президенту начиналось с националистического манифеста, в котором он упрекал нас в том, что мы хотим притормозить развитие ссви как нации. Наше желание заключить союз со ссвицами было в нем представлено

в виде очередной попытки нивелировать значение нашего старого альянса со ссви, альянса, который — как нам напоминали, якобы незначай — единственно и позволил нам выжить после нашего прибытия на Теллус. Где-то в середине послания проскользнул намек на Деревню Землян. В общем, мы этот намек уловили и ответили, что, дабы доказать наши дружеские намерения и стремление к сотрудничеству, мы готовы обсудить со ссви условия уступки им этой территории.

— И какой была их реакция?

— Судя по всему, данное предложение их удовлетворило. В начале этого месяца мы получили новое послание, тон которого был уже менее резким. Они продолжают возражать против основных положений нашего альянса со сслвидами, но, похоже, готовы допустить заключение такого альянса, так как они настаивают на том, что сами они в таком случае не будут считать себя стороной, так или иначе вовлеченной в этот союз. Кроме того, они пытаются поторопить нас с вынесением окончательного решения по Деревне Землян, иными словами, просят нас поскорее перейти от слов к делу.

— Короче говоря, ссви сейчас находятся в некотором замешательстве: с одной стороны, в силу своей воинственной натуры они не готовы заключить мир со сслвидами, своими исконными врагами; с другой стороны, они жаждут цивилизации и модернизации и потому понимают, какую выгоду сулит им выход к морю?

— Все так и есть. Хотя, на мой взгляд, они сильно переоценивают те преимущества, который им мог бы дать этот выход к морю. Но, сами понимаете, говорить им это в лицо я не намерен. Благодаря нам они уже не те ссви, какими были прежде. Будем надеяться, что этих наших усилий по «очеловечиванию» ссви окажется достаточно для сохранения на Теллусе устойчивого мира.

— В любом случае, все это рискует создать в Конфедерации немало проблем! Боюсь, что большинство наших соотечественников не слишком благожелательно воспримут этот отказ от «великих принципов», как вы их называете, тем более что вы не сможете раскрыть глубинных причин вашего решения. Вскоре по всему Теллусу, особенно в Аме-

рике, этих ссви кто только ни будет поливать грязью, так что все предпринятые вами усилия по умиротворению могут оказаться напрасными.

— Даже не сомневаюсь... Правительству предстоит разыграть очень трудную партию. И инциденты, которых мы опасаемся, могут произойти не только на границе. Практически повсюду могут вспыхнуть стихийные мятежи и восстания. Кое-где беспорядки уже начались. По Больё-Шахтерскому кто-то распустил слух, что мы собираемся уступить ссви не только Деревню Землян, но и весь сектор Волшебного озера. Я, конечно, могу лишь предполагать, но мне кажется, что за всеми этими слухами стоят некоторые из вождей ссви. В общем, вышло так, что позавчера над Больё пронесся, образно выражаясь, неистовый ветер паники. Нескольких ссви едва не убили. К счастью, мы успели перебросить туда самолетом пару армейских подразделений и предотвратить худшее. Но я боюсь, что вскоре эта паника охватит и Хансен с Западным портом. Вот почему вы видите все это, — заключил Бенсон, указав на стоящие вдоль дороги военные лагеря.

— Если я правильно вас понял, вы надеетесь, что легче будет образумить наших соотечественников, нежели ссви?

— Да, вы все поняли верно.

Секретарь Министерства внешних сношений немного помолчал, а затем с улыбкой заметил:

— И я рад констатировать, что ваша реакция оказалась вполне рассудительной! Впрочем, ничего другого от специалиста по земной археологии я и не ждал.

Я также, в свою очередь, улыбнулся:

— Должен признаться, что перспектива передачи Деревни Землян ссви мне совсем не нравится, но, если быть объективным, эта территория не представляет сейчас большого археологического интереса. Все, что могло нас там заинтересовать, за те семьдесят лет, что прошли со дня нашего ухода из деревни, было мало-помалу извлечено из земли.

— Прекрасно. Это облегчит вашу задачу, так как миссия, которую собиралось поручить вам правительство, как раз таки и заключалась в том, чтобы осмотреть эту территорию

до того, как мы уступим ее ссви. Вы укажете на те предметы, фрагменты строений, образцы, которые представляют хотя бы малейшую археологическую ценность, и армия перевезет все это в наши музеи. Также вы сделаете фотоснимки того, что мы там оставляем, а военные начертят полные и детальные планы всей территории. Затем мы позволим ссви делать там все, что они пожелают.

— Отлично. Не стану от вас скрывать, что я очень польщен тем, что именно меня выбрали для этой работы. Можете даже не сомневаться: как только я выступлю с докладом перед Академией наук, я постараюсь сделать все в наилучшем виде. Кстати, возможно, та информация, которую я собираюсь донести до членов Академии, окажется полезной и вам: на мой взгляд, она такова, что вполне может сыграть вам на руку в плане претворения в жизнь ваших политических решений. Надеюсь, как только результаты поисково-археологической миссии «Любознательного» будут преданы гласности, народное недовольство если и не совсем сойдет на нет, то заметно уменьшится.

Немало заинтригованный, Бенсон наклонился ко мне с явным намерением сию же минуту вытащить из меня все детали доклада, но наш автомобиль уже въезжал в столицу, и я был вынужден попросить его набраться терпения до завтра. Впрочем, до выступления в Академии я в любом случае не собирался ни с кем делиться собранной информацией.

глава 3

Академия

Для нации в триста тысяч жителей Академия наук Объединенных Государств Теллуса была весьма важным учреждением. Федеральное правительство сразу же сделало упор на необходимости быстрой индустриализации и технического прогресса: на обучение и исследования были выделены значительные субсидии, вследствие чего у нас открылось сразу три университета — в Унионе, Кобальте

и Нью-Вашингтоне. Тут можно, конечно, было бы возразить, что интересы нашей научной элиты были ориентированы скорее на техническое и прикладное образование, нежели на фундаментальные исследования, но нашей главной целью было выжить, пытаясь удержать нашу цивилизацию на том же техническом уровне, на каком находились наши земные предки. Следует признать, что спустя 75 лет после Катаклизма нам это вполне удавалось.

Унион в те годы представлял собой 20-тысячный город, все жители которого были так или иначе вовлечены в работу правительства, федеральных агентств или университета. Основные официальные здания возвышались посреди обширного парка в треугольнике, отделяющем Дордонь от Дронны. Университет располагался на левом берегу Дронны, и там же, метрах в ста от реки, разместился и Дворец наук, в центральной башне которого находилась Федеральная академия.

Сразу же по прибытии я позвонил своему «патрону», Жоржу Бевэну, заведующему кафедрой земной археологии, и был рад констатировать, что он не покинул столицу на праздники. В два часа пополудни он принял меня в своем рабочем кабинете и сообщил, что уже утром следующего дня мне необходимо будет выступить с докладом перед членами Академии. То был не совсем обычный порядок производства, но регламент его допускал, так как именно Академия и отправляла меня в экспедицию в Новый Эквадор, к тому же, правительство настаивало на срочности моего отъезда в Деревню Землян. Впрочем, Бевэну и самому не терпелось обнародовать полученные мной результаты, которые показывали, что Земная археология тоже может внести значительный вклад в развитие нашей экономики.

Я провел с ним несколько часов, обсуждая перспективы, открывавшиеся перед нами после окончания моей миссии, а затем отправился к моему дяде Анри, у которого всегда останавливался, бывая в Унионе. Спать я лег пораньше, оставив без внимания транслируемые по телевидению официальные речи и гала-концерт, устроенный в честь празднования 14 июля.

Едва я встал наутро, как позвонил Бенсон. Он говорил намеками, но я понял, что за прошедшие сутки ситуация осложнилась. Он сообщил, что сразу же после заседания Академии меня подберет у входа и доставит в аэропорт автомобиль министерства.

Я быстро привел себя в порядок, позавтракал и переложил чемоданы, отказавшись от тропического обмундирования, сослужившего мне добрую службу в Новом Эквадоре, в пользу более теплой одежды и особого оборудования, которые должны были мне понадобиться в Деревне Землян.

Заседание Академии начиналось в 13 ч 25 мин: я был на месте уже в час дня. Я рассчитывал провести эти двадцать минут с Бевэном, но ко мне тут же подскочил высокий блондин лет так тридцати.

— Мсье Бурна? Рад с вами познакомиться. Позвольте представиться...

Он протянул мне визитную карточку, на которой я прочел: Louis F. Cabot, научный атташе при кабинете секретаря Министерства внешних сношений.

— Господин Бенсон прикомандировал меня к вам до конца вашей миссии.

— Очень приятно, мсье Кабó.

— Кэбот, мсье Бурна. Вы уж извините, но мне не очень нравится, когда мою фамилию произносят на французский манер.

— Прошу прощения. Вы не похожи на американца...

— А я таковым являюсь лишь наполовину. Моя мать — канадка, отсюда и мой квебекский акцент.

— Понимаю. А вы случайно не состоите в родстве с бостонскими Кэботами?

Его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Мои комплименты, мсье Бурна! Никогда еще не встречал француза, способного провести такую параллель.

— О, это — часть моего археологического образования... Кстати, полагаю, вы пришли послушать меня?

— Мой босс действительно поручил мне посетить заседание, а затем представить ему доклад о вашем докладе.

Этот Кэбот выглядел весьма симпатичным парнем. Так как, судя по всему, нам предстояло какое-то время жить вместе, мы расположились на террасе кафе Академии для того, чтобы познакомиться поближе. Первым делом я осведомился о его научной специализации.

— Теоретическая физика. Как видите, это достаточно далеко от вашей области знаний. Но вообще мой кругозор чрезвычайно широк — это у меня наследственное. Один из моих предков до прибытия в Канаду был тесно связан с энциклопедистами.

— Похоже, вы прекрасно знаете свою родословную!

— Вы правы. На Теллусе генеалогия как вид культуры не сильно развита, не так ли? У нас, в Квебеке, с этим дело обстоит иначе. Моя мать — родственница по нисходящей линии маркиза де Барвиля, нормандского дворянина, эмигрировавшего в 1793 году. Он не любил Республику, но по натуре своей был искателем приключений. Думаю, он объехал добрую четверть Канады. Впрочем, Барвилей можно встретить где угодно от Квебека до Ванкувера...

Так я был вознагражден долгим рассказом о приключениях маркиза в краю индейцев, рассказом, который прервало лишь объявление о начале заседания Академии.

О своем докладе я расскажу вкратце: все это сейчас общедоступно, и интерес к нашим открытиям в Новом Эквадоре постепенно затмили последующие события. Но в то время результаты миссии «Любознательного» были поистине сенсационными.

Основные положения теории Менара-Хои-Брюстера о Катаклизме широко известны: две четырехмерные вселенные, плавающие в пятимерном гиперпространстве, каким-то образом столкнулись, что привело к частичному взаимопроникновению пространственно-временных континуумов Теллуса и Земли, вследствие чего фрагменты Земли были заброшены на Теллус. Впрочем, Брюстер полагал, что и фрагменты Теллуса тоже должны были быть заброшены на Землю. Теоретически возможно использовать гипергеодезическую сеть Хои для определения точек соприкосновения Земли и Теллуса, то есть прочертить «траекторию» Катаклизма.

С первых же дней мы знали четыре точки этой траектории: первыми двумя, судя по всему, были Деревня Землян и то место, где находился Нью-Вашингтон, впоследствии исчезнувший в глубинах теллусийского Атлантического океана. Также на Теллус была заброшено некоторое количество судов, находившихся в момент Катаклизма в земном Атлантическом океане: зная их точные координаты в тот миг, мы смогли установить, что соприкосновение между Землей и Теллусом произошло и в двух других точках. Использование гипергеодезических линий Хои позволило экстраполировать вероятную траекторию Катаклизма: вдоль всей этой траектории можно было бы надеяться обнаружить и другие фрагменты Земли, переброшенные на Теллус.

Эти соображения долгое время представляли лишь теоретический интерес, так как никто и не думал попытаться их проверить. Парочка происшествий подтвердила тот факт, что четыре известные точки соприкосновения были не единственными: в частности, многие и сейчас еще помнят, как в 66 году норвежский траулер «Нордкапп» наткнулся в шестистах километрах к юго-западу от Хансена на дрейфующий баркас, в котором находились три скелета, а в герметическом ящике — судовой журнал танкера «Обан», унесенного Катаклизмом из середины Тихого океана. Каким-то чудом эта шлюпка так и не сгнула за 66 лет в морской пучине, но можно себе представить, сколько потерпевших бедствие земных кораблей навеки поглотил океан или джунгли Теллуса.

Затем, 18 мая 72 года, другой хансенский траулер выловил, в тридцати градусах северной широты и сорока западной долготы, странную рыбу, ранее не встречавшуюся среди теллусийских разновидностей. Рыбу отправили к Бевэну, который с изумлением узнал в ней целаканта. Это животное имело на Земле, в середине XX века, свой час славы. Но важнее всего было то — и сей факт поверг Бевэна в самое глубокое за всю его жизнь волнение, — что целакант имел на Земле лишь один район распространения, близ Коморских островов. Это означало, что и в этом регионе также произошел контакт между Землей и Теллусом, а ведь Коморские

острова находились как раз таки на экстраполированной траектории Катаклизма.

К несчастью, соответствующая точка на Теллусе также находилась посреди океана, так что искать этот заброшенный на Теллус фрагмент Земли не имело смысла: в этих местах перемешались лишь моря.

Но идея уже родилась и приняла определенную форму. После изучения вероятной траектории Катаклизма стало понятно, что существуют очень неплохие шансы обнаружить на Теллусе новый кусок Земли именно в Новом Эквадоре: «вероятная траектория» тянулась через этот обширный теллусийский континент на расстоянии в две тысячи километров. И соответствующий регион Земли также располагался на континенте: посреди Южной Америки.

Таковы были истоки миссии, порученной Федеральной академией наук «Любознательному» и вашему покорному слуге. Выйдя из Западного порта в декабре 73 года, мы должны были добраться до Нового Эквадора и обследовать побережье. Сухопутной части экспедиции под командованием моего друга Делькруа, старшего помощника капитана «Любознательного», предстояло вместе со мной пересечь весь континент по линии высчитанной траектории Катаклизма в поисках данных, свидетельствующих о том, что в этом регионе на Теллус перенеслись какие-то части Земли.

Эту программу мы выполнили полностью. И с потрясающим успехом. Нами был обнаружен даже не один, а два фрагмента Земли, занимающие в общей сложности около тысячи квадратных километров... Даже поверхностный осмотр не оставлял ни малейших сомнений в земной происхождении почвы в этих местах. Разрушение геологических пластов на периферии зон позволяло установить их границы со всей точностью. Земная растительность перемешалась с растительностью теллусийской и зачастую даже уже преобладала над ней настолько, что значительные пространства теллусийской почвы только земной растительностью теперь и были покрыты. Таким же образом обстояло дело и с фауной: большинство видов, от насекомых до млекопитающих

и птиц, когда-то водившихся в бассейне Амазонки, теперь были представлены и на Теллусе.

Следов цивилизации мы обнаружили гораздо меньше. Во-первых, за более чем 70 лет те редкие продукты человеческой промышленности, которые перенесли на Теллус, испытали на себе всю суровость климата Нового Эквадора. Во-вторых, данные фрагменты Земли были изъяты из малонаселенного региона Южной Америки: почти всю экономическую деятельность этих районов составляли несколько плантаций, на которых работал весьма ограниченный круг людей. На обнаруженной нами тысяче квадратных километров земной поверхности, вероятно, проживало всего лишь несколько сотен, а может, даже и десятков человек. Судя по всему, не многие из них пережили Катаклизм, да и те, лишившись всяческой связи с остальным цивилизованным миром, наверняка не смогли ничего противопоставить многочисленным опасностям, присущим жизни в экваториальном районе Теллуса.

Как бы то ни было, ни малейших следов живого или недавно жившего человека обнаружить там мы не смогли. Зато мы нашли остатки четырех цивилизованных поселений, едва заметных из-за разросшегося первобытного леса и почти полностью разрушенных. Развалины каменных строений, несколько фрагментов дорог, кузов автомобиля, части все еще узнаваемых механизмов, с полсотни метров железной дороги — этим наши «трофеи» в данном регионе и ограничились.

Самую волнующую находку мы сделали в естественной пещере на северном берегу континента, примерно в трехстах километрах от ближайшей земной зоны: два человеческих скелета, лежавших на камнях у все еще поддающихся распознаванию остатков очага. Вход в пещеру закрывала настоящая стена: возведенная, вероятно, именно этими двумя несчастными, она защищала их усыпальницу от набегов хищных животных, разрастания диких кустарников и губительных последствий ненастной погоды. Также мы обнаружили в этом убежище кое-какое, уже порядком заржавевшее оружие и различные части прочей экипировки. Одиссею

этих двух человек несложно было восстановить в воображении: покинув земную зону, не оставлявшую им ни единого шанса на выживание, они двинулись на север в надежде найти более гостеприимные районы и — как знать? — возможно, и других выживших, как и они сами, после Катаклизма. Их надежды рухнули в тот день, когда они вышли к берегу океана, непреодолимой для них преграде. Мы не смели даже представить себе, какую жизнь они вели на этом унылом берегу в ожидании смерти (от голода, истощения, болезни?), которая, вероятно, к счастью не заставила себя ждать слишком долго...

Рядом с одним из скелетов мы нашли пластиковый футляр, содержащий записную книжку с пожелтевшими, но относительно неплохо сохранившимися листками. Эти страницы были покрыты легко поддающимся расшифровке почерком, но язык — вероятнее всего, португальский — был незнаком ни одному из членов нашей экспедиции. Мы захватили эту реликвию с собой, чтобы отдать на перевод: то небольшое, что нам удалось понять, указывало на то, что это — дневник двух несчастных.

Но с практической точки зрения наши открытия представляли совершенно иной интерес: открывались великолепные перспективы для экономики нашей молодой нации. Мы на Теллусе всегда страдали от недостатка текстиля. У нас не было ни одного пригодного для использования земного растения, а стада, возникшие от тех нескольких баранов, которые у нас имелись с самого начала, давали не достаточно шерсти для удовлетворения наших нужд.

В первое время мы замещали этот дефицит широким использованием мехов, затем, продолжая неуклонно развивать поголовье овец, попытались использовать различные теллусийские растения, но большого успеха не добились. Наилучших результатов мы достигли в секторе синтетического текстиля, но и они не были блестящими. Наша химическая промышленность была совсем еще юной: нам пришлось создавать ее практически из ничего.

Относительно каучука стояла та же проблема, но она представлялась даже еще более острой. Здесь мы не име-

ли вообще никаких природных ресурсов, и первой задачей нашей зарождающейся химической промышленности стало производство каучука, от отсутствия которого мы страдали во всех сферах деятельности, так как небольшие запасы, прибывшие с Земли, у нас быстро исчерпались. Результаты не были прекрасными: наш синтетический каучук получался довольно-таки плохого качества, хотя, с горем пополам, нам и удавалось обеспечивать себя необходимым его количеством.

Однако самым практичным аспектом наших открытий в Новом Эквадоре было то, что на южноамериканских плантациях, заброшенных на Теллус, мы обнаружили хлопчатник и гевею. Разумеется, эти плантации уже пребывали в заброшенном состоянии, но одно то, что теперь мы располагали столь ценными растениями, позволяло нам смотреть в будущее с гораздо большим оптимизмом. К этому добавлялась и еще одна находка: кофейные деревья. Для старейших из теллусийцев аромат земного кофе являлся теперь не более чем детским воспоминанием. Ни одному из многочисленных продуктов замещения, которые были испробованы, так и не удалось победить в заочном соперничестве с настоящим кофе. Можно было даже не сомневаться в том, что это последнее открытие будет с радостью встречено всем населением Объединенных Государств Теллуса.

Свой доклад я закончил пожеланием о том, чтобы в Новом Эквадоре как можно скорее было основана колония, которая смогла бы заняться широким развитием этих культур. Климат там, конечно же, суровый, но с имеющимися в нашем распоряжении техническими средствами — вполне сносный. Фауна континента не слишком опасна; фактически, гораздо менее опасна, нежели та, которой заселены другие экваториальные регионы. Со времени нашего первого сражения с гидрами мы научились полностью истреблять — при необходимости — самые вредоносные виды. Подводя итог, я заметил, что достаточно большая, хорошо организованная и снабжаемая метрополией всем необходимым колония была бы вполне жизнеспособна и принесла бы неоценимую пользу.

Эвакуация

Выйдя из Академии, я обнаружил Луиса Кэбота за рулем министерского «форда». Пока я отвечал на вопросы, следовавшие после моего выступления, он успел сделать свой доклад Бенсону, и теперь мне оставалось лишь занять свое место рядом с ним. Кэбот тут же дал по газам и пролетел по улицам Униона со скоростью, которая, как я полагал, была позволительна лишь автомобилю президента.

Когда мы проехали за ворота аэропорта, лопасти вертолета уже вращались. Менее чем через десять минут после отъезда от Дворца наук мы уже летели вдоль течения Дордони на 500-метровой высоте.

Полет выдался коротким и содержательным. В половине четвертого мы приземлились в Северном порту, чтобы доставить мэру какое-то имевшееся у Кэбота при себе послание. Расположенный у подножия холмов, где рассредоточились армейские палатки и автомобили, городок, объезжаемый военными патрулями, казалось, находился на осадном положении. На взлетной площадке стояло с дюжину самолетов, готовых взмыть в воздух по первому же сигналу тревоги. Ни одного ссви я не заметил. Вероятно, все они попрятались по домам.

Севернее простирались унылые теллусийские болота. Мы пролетели над единственной дорогой, что вела к Деревне Землян. Вдоль дороги располагались редкие жилища ссви: после полного истребления гидр этот регион совершенно безопасен, но способен прокормить лишь горстку охотников и рыбаков. На место назначения мы прибыли в 16 ч 50 мин и, прежде чем сесть, смогли полюбоваться восхитительным закатом Гелиоса над морем.

За время полета Луис Кэбот ввел меня в курс последних развитий кризиса. День 14 июля, в общем и целом, выдался спокойным. Сосредоточение войск вызвало на западном побережье скорее удивление, нежели беспокойство. Сектор Волшебного озера был почти изолирован армией. Тревож-

ные слухи еще не распространились по этой части страны. У границы, от Везера до Неведомых гор, тоже было спокойно.

Но ночью в Унион пришла весть об ожесточенном сражении черных и красных ссви в самом сердце Бссерских гор. На первый взгляд, все указывало на то, что наши нынешние союзники хотят испортить наши отношения с нашими будущими союзниками. И с первых же часов следующего дня к нашим постам на Везере начали прибывать многочисленные беженцы: фермеры, устроившиеся на территории ссви, или геологи-разведчики, которые заявляли, что больше не чувствуют себя в безопасности в районе горы Тьмы.

Все донесения действительно свидетельствовали о том, что ссви также разыгрывают карту запугивания: на перемещение наших войск они ответили объявлением мобилизации и распустили слух о том, что в Больё-Шахтерском убиты несколько их соплеменников. Один из техников, которых мы им предоставили, смог покинуть Ссвивиль и утверждал, что их небольшой военный завод работает на полную мощность.

В общем, федеральное правительство было решительно настроено как можно скорее завершить переговоры со ссви. Бенсон, введенный в курс моего доклада Кэботом, намеревался обнародовать его утром 16 июля и одновременно с этим объявить о плане передачи Деревни Землян ссви и возможном союзе со сслвирами. Он надеялся, что эта искусная смесь хороших и плохих новостей успокоит умы, а официальное разъяснение положит конец распространению слухов. Что касается красных ссви, то к ним он намеревался немедленно отправить миссию, чтобы прямо на месте обсудить с ними обустройство выхода к морю.

Наш вертолет сел на площадку, специально оборудованную рядом со старой Обсерваторией. Там уже находилось несколько военных вертолетов. Нас встречал какой-то лейтенант инженерных войск, который сразу же заявил, что он и его взвод — в нашем полном распоряжении и готовы приступить к вывозу всего, что представляет археологический интерес.

В заброшенной Деревне уже работали специалисты армейской географической службы. Нас предупредили, что Жак

Сабатье, помощник Бенсона, прибывший за пару часов до нас вместе с «Любознательным», ожидает нас во временном кабинете, который был ему выделен. С ним были капитан судна и мой друг Делькруа.

Вечером у нас состоялось небольшое совещание, на котором мы разработали план ближайших действий. Сабатье и Луис Кэбот хотели как можно скорее провести всеобщую эвакуацию земного анклава нашими собственными силами. Все, что можно было увезти наземным путем, необходимо было поместить в грузовики инженерных войск, остальное предстояло забрать «Любознательному». К счастью, портовые сооружения поддерживались в хорошем состоянии, что должно было упростить нам задачу.

Наконец, часов в восемь, уже немного отупевший от всех событий этого дня, я попросил проводить меня в отведенное мне спартанское жилище и, рухнув на кровать, тут же уснул.

На следующий день, 16 июля, я впрягся в работу.

* * * * *

О следующих нескольких днях я сохранил лишь смутные воспоминания. Вместе с Кэботом, которого я быстро начал называть просто Луисом, и Сантосом (лейтенантом инженерных войск), я проехал триста квадратных километров территории и осмотрел каждый участок земли, копаясь в руинах и гудах древнего мусора в поисках мельчайшего обломка, представляющего важность для науки. То был изнуряющий труд, так как обязательно нужно было просмотреть абсолютно все и без предубеждений: даже холмы, окружавшие деревню, могли сохранить интересные следы человеческой деятельности. И всякий раз, когда мы встречали Сабатье, он проявлял озабоченность нашей медлительностью в работе и умолял нас заканчивать поскорее, — так ему не терпелось предоставить ссви доступ в Деревню. Он ежедневно получал от Бенсона все более и более настойчивые указания, да и тревожных новостей тоже хватало.

Развернутой правительством кампании в прессе все же удалось снизить градус напряжения в обществе, и план уступки земной территории ссви вызвал гораздо меньшее

недовольство, чем ожидалось. Но вот красные ссви сгорали от нетерпения. Они крайне негативно восприняли новость о прибытии в Унион на официальные (хотя мы их и не афишировали) переговоры делегации сслвилов и систематически совершали провокационные вылазки на территории своих врагов черных ссви в надежде испортить отношения между последними и людьми. В то же время их посланники не переставали обвинять нас в том, что мы намеренно затягиваем передачу Деревни Землян в их руки.

Как бы то ни было, с «переездом» мы управились весьма быстро: на инвентаризацию и погрузку в грузовики или на корвет всего того, что решено было забрать с собой, у нас ушло меньше недели. Впрочем, уже через два дня после моего прибытия мы приняли делегацию техников-ссви, которым было поручено осмотреть их будущее поселение.

Наши с ними отношения были довольно-таки холодными. Тщетно я пытался угадать их чувства — не по их лицам, всегда бесстрастным, но по тем нескольким разговорам, которые у нас с ними состоялись, — мне почему-то казалось, что они не должны быть слишком уж рады порученному им заданию. Действительно, за редкими исключениями, все техники-ссви в те годы оканчивали наши школы и Кобальтовский университет: их культура была нашей культурой, и, если они возвращались к своим соплеменникам, вместо того чтобы остаться среди нас, то скорее из верности своему племени и чтобы поспособствовать развитию цивилизации ссви, нежели по собственному желанию.

В Ссвивиле они образовывали закрытое, замкнутое в себе общество, конечно, признавая авторитет вождей племени, но, вероятно, сожалея о том, что политика этих вождей зачастую отражает воинственные стремления так и не продвинувшихся по пути цивилизации, в общей своей массе, ссви.

Как-то раз я намекнул Сабатье, что федеральное правительство могло бы попытаться заключить с цивилизованными ссви союз против остальных.

— Не слишком-то на это рассчитывайте, — ответил он. — Если, на беду, нам придется применить силу, большинство из них пойдут против нас. Мало того, что их племенная ло-

яльность неоспорима, так как раз им-то больше других и не терпится поскорее получить выход к морю. Они полагают, что за счет максимально быстрого повышения технического и культурного уровня племен им удастся создать из своего народа нацию, способную мирно сосуществовать с нами на условиях равноправия. Все, что возможно, мы уже сделали: пошли на уступки цивилизованным ссви, дабы побудить их умерить воинственный пыл их первобытных соплеменников. Стало быть, в каком-то смысле эти ссви — наши союзники, и мы должны сделать все возможное для того, чтобы остаться с ними в добрых отношениях.

Я должен сказать, что в этом плане сначала все развивалось самым удовлетворительным образом. Но конфликт разразился внезапно и неожиданно — в тот момент, когда мы уже думали, что все на той же положительной ноте и закончится.

Утром 23 июля в кабинет Сабатье, где в тот момент случайно находился и я, ворвался Клисс, глава делегации ссви. До этого дня я и подумать не мог, что ссви способны впадать в ярость, но тут вдруг увидел, что их обычно незыблемые черты в подобных случаях могут становиться поразительно человеческими. Отрывистым голосом, на перемежавшемся свистом французском, уже не стараясь, как это было ему присуще, правильно выговаривать каждое слово, он обвинил нас в подлой двуличности, раз двадцать повторив, что мы не сдержали данного слова и сознательно нарушили самые священные обязательства. Такой поток слов со стороны ссви был столь невероятным, что Сабатье на добрые две минуты утратил свое дипломатическое хладнокровие.

Наконец мы поняли, Клисс только что вернулся из порта, где обнаружил команду «Любознательного» и саперов инженерных войск демонтирующими оборудование. Сабатье и я изумленно переглянулись: честно говоря, мы всегда думали, что наша эвакуация из земной зоны влечет за собой также и демонтаж оборудования и портовых сооружений. Ссви же, судя по всему, напротив, полагали, что все это мы оставим им в подарок. В той спешке, с которой велась пере-

говоры, никому — ни с одной стороны, ни с другой — не пришло в голову уточнить этот момент.

Толковав это Клиссу ценой титанических усилий, мы его немного успокоили, после чего запрыгнули в машину и помчались в порт. Сабатье отдал приказ остановить работы по демонтажу и тотчас же связался по радио с Унионом. Бенсон поддержал наше решение прервать погрузочные операции и пообещал прислать инструкции в самое ближайшее время.

Началось странное и гнетущее ожидание. Деревню покинули последние моторизованные конвои. Оставшиеся войска (инженерно-саперный взвод и экипаж «Любознательного») были рассредоточены вокруг порта. Техники-сски по-прежнему безвылазно сидели в выделенных им жилищах, отказываясь идти на малейший контакт с нами. На земной анклав опустился покров тишины и праздности, внезапно пришедших на смену пережитой нами недели лихорадочной активности.

Шли часы за часами, а мы все никак не получали обещанных инструкций. Это было удивительно, так как мы думали, что правительство без колебаний оставит сски все портовые сооружения и коммуникации: раз уж мы отсюда съезжали, нам они теперь были без особой надобности, тогда как для сски и их развивающейся промышленности, наоборот, представляли огромную важность.

Часов после трех-четырёх мы уже были как на иголках. Из информации, распространяемой «Радио-Унион», мы узнали, что накануне несколько сотен красных и черных сски сошлись в битве километрах в шестидесяти к югу от Новой Америки, то есть в самом сердце ссливпских земель.

Бенсон позвонил уже с наступлением ночи и приказал нам подождать еще немного, так как относительно порта все еще не было принято какого-либо решения. Но он сообщил также, что федеральное правительство только что дало сски разрешение на вход в земной анклав, что, по его словам, должно было успокоить их на то время, пока вопрос портовых сооружений обсуждается.

Прошло еще несколько часов. Соль опустился неподалеку от Гелиоса. Ни одной из лун видно не было: стояла кромеш-

ная тьма. Я вернулся на «Любознательный», в свою бывшую каюту, но как следует выспаться не сумел, так как посреди ночи Поль Делькруа поднял меня с кровати и потащил на палубу: над портом и его освещенной зоной горы усеялись десятками ярких точек. Мы всё еще смотрели на них, когда со всех сторон вспыхнули новые огни: костры лагерей ссви.

Остаток ночи мы провели в созерцании этих пляшущих вдалеке язычков пламени. С восходом солнца мы увидели тысячи красных кентавров, галопом несущихся по склону горы, что возвышалась над портом.

глава 5 Вкесс

Бородатый и косматый радист вышел из своей каюты и протянул Сабатье листок с цифрами:

— Сообщение из Униона, мсье. Должно быть, чертовски важное, раз уж они потрудились его закодировать.

Секретарь министерства внешних сношений схватил листок с отнюдь не дипломатической поспешностью и столь же поспешно сбежал по лестнице, что вела в кают-компанию. Мы с Полом все еще обзоревали горы в бинокль, когда, через несколько минут, он снова поднялся на палубу, на сей раз уже вместе с капитаном. Одного взгляда на них нам хватило, чтобы догадаться, что новости вовсе не радужные. Когда мы с ним остались наедине, он согласился ответить на наши вопросы, хотя и с большой неохотой.

— Мне не разрешено передавать вам полный текст сообщения, но, полагаю, я все же могу ввести вас в курс дела. К тому же, все это не сможет долго оставаться в секрете, да и я уверен, что уж вы-то болтать не станете. Все обстоит крайне плохо. Произошло чрезвычайно жестокое столкновение — то самое, о котором вчера вечером говорили по радио. Красные ссви предприняли настоящую боевую операцию против одной из наиболее значительных деревень сслвилов. Похоже, успехом операцию не увенчалась; красные

сски понесли очень большие потери и теперь возлагают ответственность за этот провал на нас. Судя по всему, черные сски, один бог знает как, обзавелись огнестрельным оружием: нас обвиняют в том, что это мы его предоставили. Короче говоря, с полудня вчерашнего дня все переговоры прерваны. Правительство попыталось уладить проблему, позволив сски беспрепятственно проходить в «земной» анклав: безрезультатно. Всё, чего мы добились, так это договоренности о том, что в Ссвивиль отправится делегация, которая займется исследованием дела о применении огнестрельного оружия. Вероятно, она уже там.

— Ну и что тогда делаем *мы*?

— Ничего. Остаемся на наших позициях. Пока мы удерживаем порт и его объекты, все козыри в наших руках. Если уйдем, лишимся этих рычагов воздействия, и тогда сски могут окончательно распоясаться.

— Очаровательно! — воскликнул Поль. — А они там, в Унионе, знают, что мы тут фактически в осаде? Их там, вверху, как минимум пять тысяч!

Он указал рукой на линию хребтов, возвышавшихся над нами. Сабатье успокоил его:

— Знают, не волнуйтесь. Я еще ночью, как только загорелись костры, сообщил им. Унион не думает, что они посмеют на нас напасть: к счастью, все не так еще плохо. К тому же нам обещали воздушную поддержку — исключительно для того, чтобы немного их припугнуть.

Действительно, несмотря на угрожающее присутствие сски, день прошел спокойно. Мы максимально сосредоточили наши незначительные силы и заняли только лишь причалы и портовый пирс. Инженерно-саперный взвод забаррикадировал все проходы туда и нес бдительную охрану под защитой наведенных на гору орудий корвета. Погода была ясной: мы могли в малейших деталях наблюдать за лагерями сски и передвижениями их обитателей.

То уже не были противники, которыми можно было бы пренебречь. Эти примитивные каменотесы, с коими имел дело еще мой прадед, теперь все были вооружены ружьями и умели ими пользоваться, да и их неукротимая отвага ни-

куда не делась. Многие, молодежато гарцуя, проносились мимо наших аванпостов, издавая знаменитый боевой клич, известный нам лишь из рассказов родителей. При каждом из этих яростных выпадов я мысленно молился о том, чтобы никто из наших людей не вышел из себя. Один-единственный выстрел мог все погубить.

Эти зрелищные демонстрации, впрочем, прикрывали другую, не менее тревожную деятельность: на склонах, обращенных к порту, были вырыты линии траншей, соединяющие настоящие маленькие форты, тщательно выстроенные из земли и бревен. За семьдесят пять лет общения с нами ссви многому научились в плане тактики. Кроме того, в этих фортах вполне могли располагаться пулеметы: мы знали, что один из ссвивильских заводов уже приступил к их производству.

В середине дня мы с Луисом Кэботом спустились на берег, чтобы попытаться восстановить связь с технической миссией ссви. Мы полагали, что, если мы сможем возобновить переговоры — и пока они будут продолжаться, — опасность вооруженного конфликта в нашем секторе будет исключена.

Пока мы шли по пирсу, Луис насвистывал старый американский мотив, который показался мне отнюдь не лишенным актуальности: речь там шла о легендарном Дэниеле Буне* и его подвигах в борьбе с индейцами.

— В принципе, — заметил я Луису, — нынешняя обстановка для вас не такая уж и непривычная — тут вы, вероятно, чувствуете себя в шкуре ваших предков.

Он улыбнулся в свою трехдневную бороду:

— Мои предки принадлежали к высшему свету Бостона. Они никогда не якшались с такими людьми, как Дэн Бун... Вот со стороны Барвиля, то есть по материнской линии, все обстояло иначе: в их роду джентльмены не считали для себя зазорным водиться со всяким сбродом. Впрочем, вы правы: эти истории о первопроходцах в такой мере вошли в наш фольклор, что, имея дело со ссви, мы чувствуем себя вполне

* Дэниел Бун (1734–1820) — американский первопоселенец и охотник, чьи приключения сделали его одним из первых народных героев Соединенных Штатов Америки.

уверенно. К счастью, в то время наши индейцы были не столь ершистыми и многочисленными... Да и оружейного завода у них не было.

Это был камень в мой огород, потому что широкий доступ в школы и Университет ссви имели только лишь в Новой Франции. Да и то только лишь давление идеалистов, главным образом — из «французской» части общества, заставило федеральное правительство поддержать — крайне неохотно — план индустриализации территории ссви. Не удержавшись, я бросил в ответ:

— Они еще и алкоголь любили. О ссви этого сказать нельзя.

Луис вынес удар стойко, «по-спортивному», и перевел разговор на другую тему. К тому же, мы уже подходили к аванпостам. Лейтенант Сантос находился как раз там. «Временное» строение, сооруженное сорок пятью годами ранее во время первой эвакуации Деревни Землян, стало его командным пунктом. По другую сторону от наших баррикад высились с полдюжины разрушенных домов, составлявших агломерацию порта. Старое, более или менее приведенное в порядок альпийское шале, располагавшееся пятьюдесятью метрами выше, на северном склоне долины, служило резиденцией техникам-ссви. На мгновение я попытался представить, как бы опешил от всего этого какой-нибудь крестьянин былых времен, доведись ему увидеть свой край сегодня. Но в конце концов я пришел к выводу, что, если не считать ссви, и повернись он спиной к морю, крестьянин ничуть бы не удивился. Теллусийская растительность почти отсутствовала, и перед глазами у нас был по-настоящему «земной» пейзаж: тихий уголок Альп Верхнего Прованса, с его лугами, реками, деревьями и птицами.

На обочине старого, разбитого щебеночного шоссе стоял древний межевой столб, который мы не успели убрать. На верхушке его все еще виднелись следы желтой краски, да и надпись черными буквами была вполне разборчивой: «N 550 Карпантра, 89 км».

Позади, на склоне, несли вахту ссви.

Лейтенант Сантос был оптимистичен:

— Говорите всё что хотите. С тех пор, как мы живем с ними в мире, мы привыкли считать их союзниками, и они нас, вероятно, тоже. Они сейчас просто играют, пытаются напугать нас.

Его голос потонул в реве двухдвигательного реактивного самолета, внезапно возникшего над горными вершинами. Самолет сделал три круга над гаванью, взмахнул крыльями в знак дружбы, набрал высоту и исчез на востоке. Сантос указал на небо, где остался только легкий инверсионный след:

— Это мы тоже так играем, чтобы напугать *их*?

— Опасная игра.

Он разгладил свои короткие черные усы.

— Возможно. Но не волнуйтесь: я не только приглядываю за ссви, но и слежу за тем, чтобы мои люди не очень-то расслаблялись.

Увидев нас за линией баррикад, к нам подошел часовой ссви: мы выразили желание нанести визит технической миссии. Не став нам в этом препятствовать, он подозвал одного из своих товарищей и попросил его сопроводить нас.

К нашему удивлению — и удовлетворению, — как только мы подошли к шале, Клисс вышел встретить нас: такой любезности мы не ждали. Он тут же поинтересовался:

— Ну что, у вас есть инструкции?

Наш отрицательный ответ его явно разочаровал. Несмотря на общеизвестную невозмутимость ссви, Клисс выглядел озабоченным. Несколько минут разговора позволили нам понять, что вопрос о портовых сооружениях уже отошел для него на второй план, точнее сказать, ему не терпелось урегулировать этот вопрос до того, как произошло бы что-то еще.

Я намекнул о недавнем сражении между черными и красными ссви: он не только был в курсе, но и, похоже, располагал гораздо более полной информацией об этой стычке и его последствиях, чем мы. Он не стал от нас скрывать, что находится на радиосвязи со Ссвивилем, и даже предложил предоставить нам недостающие сведения. Вскоре мы поняли, почему: до сих пор, чтобы получить столь необходимый им доступ к морю, эволюционировавшие ссви полностью поддерживали ту воинственную политику, которую вели против

нас их племенные вожди, но это новое дело было настолько серьезным, что теперь они боялись оказаться окруженными и втянутыми в войну на уничтожение, которая навсегда разрушит их надежды.

Факты, какими нам их изложил Клисс, были следующими. 22 июля колонна из десяти тысяч вооруженных ружьями ссви, проникавших на территорию сслвилов на протяжении нескольких дней, напала на крупный город под названием Вкесс. Эта агломерация была в каком-то смысле провинциальной столицей их наследственных врагов, и те отступили в город после тщетных попыток противостоять вторжению за счет своего примитивного вооружения.

Сомкнутым строем ссви атаковали рудиментарные укрепления Вкесса... чтобы попасть под огонь мощной артиллерии: за несколько минут колонна потеряла треть своего боевого состава. Выжившие в один голос утверждали, что одновременно вспыхнули и небо, и земля.

Ссви тотчас же отступили, и их командиры поспешно отправили посланников в Большой Совет племен в Ссвивиле.

Клисс рассказал нам все это, похоже, ничуть не сомневаясь в правдивости этой истории. Он без всякого смущения признал, что вторжение на территорию сслвилов носило обдуманно провокационный характер, и у нас даже сложилось впечатление, что поражение, нанесенное его согражданам, оставило его равнодушным, даже довольным. Но он с яростным негодованием заклеил поведение «людей», виновных в том, что они предоставили сслвилам современное оружие, нарушив обещание, данное семьдесят лет тому назад.

В ответ мы заметили, что все эти рассказы о тяжелой артиллерии явно преувеличены. Разбитые наголову, бойцы ссви, вне всякого сомнения, приукрасили свой рассказ, чтобы выставить поражение почетным. Мы были готовы признать, что какое-то легкое вооружение могло попасть в руки сслвилов в результате боевых действий или рейдов, но любое преднамеренное предоставление оружия было исключено. Чтобы у сслвилов имелась хоть одна самая заваливающая пушка — такого просто быть не могло!

Тогда Клисс спросил, как мы объясним прибытие в Ссвивиль прошлой ночью нескольких сотен раненых, изрешеченных осколками, с оторванными конечностями, зачастую даже сильно обгоревших, — их было столько, что больничных коек на всех не хватило.

— Если вы мне не верите, я могу сопроводить вас туда — увидите всё собственными глазами.

Мы с Луисом переглянулись. Судя по всему, уязвимым местом были теперь не мы, а Ссвивиль. С другой стороны, моя работа в качестве археолога была завершена: я мог считать себя свободным от своей миссии. Предложение Клисса мне даже пришлось по душе.

Луис ответил на мой безмолвный вопрос:

— Поезжайте, если хотите. Я бы и сам охотно составил вам компанию, но прежде должен спросить разрешения.

Клисс выразил глубокое удовлетворение: очевидно, он был не совсем уверен в беспристрастности официальной комиссии по расследованию, направленной в Ссвивиль федеральным правительством. Мысль о том, чтобы ввести в нее еще и независимого наблюдателя из числа людей улыбалась ему гораздо больше. С тех пор, как нам довелось когда-то поработать вместе, он не скрывал своего уважения ко мне, и мне пришлось подавить улыбку при воспоминании о его недавней вспышке ярости.

Тепло попрощавшись с ним, я вернулся на «Любознательный», чтобы в который уже раз собрать сумку.

глава 6

Расследование

Поездка до Ссвивиля выдалась долгой, но спокойной. Луис добился от Бенсона разрешения сопровождать меня. Лейтенант Сантос предоставил в наше распоряжение служебный автомобиль, оснащенный пулеметом и небольшой приемо-передающей радиостанцией, и вечером мы выехали из Деревни Землян по южной дороге в сопровождении десят-

ка ссви, которые гарцевали вокруг нас, удерживаясь рядом с машиной без видимых усилий.

Ввиду того, что мы с Луисом поочередно сменяли за рулем выделенного нам Сантосом шофера, останавливались мы лишь на минимально необходимое время. Километров через четыреста мы покинули дорогу, ведущую в Больё-Шахтерский, и, огибая холмы, направились на восток, к долине верхней Дордони. Мы находились в самом сердце территории ссви, но покрытая битумом дорогу по качеству была вполне сопоставима с нашими.

Наше прибытие в Ссвивиль после полудня 25-го числа вызвало определенное любопытство у обитателей небольшой человеческой агломерации, располагавшейся в пригороде столицы ссви. Проживавшие там специалисты и техники вот уже несколько дней были отрезаны от Федерации, и наш автомобиль вскоре встал посреди жаждавшей новостей толпы, забросавшей нас вопросами. Это пришлось не по вкусу нашему эскорту, который попытался нас освободить — по правде сказать, без грубости, но и без особой почтительности.

Наконец мы достигли собственно города ссви, в котором царило необычайное оживление. В те годы, с человеческой точки зрения, то было довольно-таки банальное поселение, состоящее из зданий, скопированных с наших и всего лишь адаптированных к физическому строению их жильцов. Практически все дома были одноэтажными: будучи существами четвероногими, ссви не слишком-то любят лестницы.

Клисс советовал нам отправиться напрямик в больницу и пообщаться там с одним из его друзей, неким Хоссаи, заведующим хирургическим отделением. Наш эскорт согласился подождать нас у входа в здание, но его капитан отказался покидать нас даже на секунду и настоял на том, чтобы пройти внутрь вместе с нами.

Мое рекомендательное письмо обеспечило нам прекрасный прием. Казалось, Хоссаи жаждет показать нам раненых и вещественные доказательства, которые, по его словам, бесспорно устанавливали факт использования сслвицами тяжелой артиллерии. Он утверждал, что следственная комиссия, присланная федеральным правительством, уже приступила

к работе и была крайне впечатлена представленными ей свидетельствами. Мы решили сначала взглянуть на все собственными глазами и лишь затем войти в контакт с официальной миссией.

Обход раненых выдался тяжким, но малоубедительным. Большинство ран могло быть вызвано холодным оружием или пулями. Что нас удивило, так это большое число обгоревших.

Затем нас провели в зал, где были собраны различные осколки и пули, извлеченные из ран. Мы были вынуждены признать, что некоторые из них сильно напоминают осколки снарядов и гранат. Но самые поразительные вещественные доказательства, как нам было сказано, находились в руках федеральных следователей, уже приступивших к их изучению. Мы изъявили желание составить компанию нашим коллегам-людям.

По правде говоря, те встретили нас отнюдь не с раскрытыми объятиями. Их миссия была деликатной, полной дипломатических трудностей, и мы казались им любителями, ведущими некую подозрительную игру под патронажем ссви. Принадлежность Луиса к кабинету министров Бенсона их, впрочем, немного успокоила. В конечном счете они согласились принять нас в свой круг и позволить нам поучаствовать в их дискуссии. Ссви были очень корректны и покинули нас, позволив нам самим разобраться с проблемой.

* * * * *

Как нам показалось, комиссия была глубоко потрясена увиденным. Никто, естественно, не верил в версию ссви, согласно которой артиллерию сслвидам умышленно поставило федеральное правительство. Чего нельзя было отрицать, так это того, что сслвицы эффективно использовали гораздо более мощное оружие, нежели обычные ружья или пулеметы. Обнаруженные осколки сами по себе говорили о многом, но были еще и другие предметы, которые нам и показали.

Прежде всего, это были два неразорвавшихся снаряда, которые подобрали на поле боя и привезли в Ссвивиль. Ни Луис, ни я в этом ничего не понимали, но один из входив-

ших в делегацию офицеров просветил нас: это, вне всякого сомнения, были минометные мины.

Имелся там и другой снаряд (весом около двадцати килограммов), о природе которого можно было лишь догадываться: ни по форме, ни по размерам он не походил ни на один из известных нам, что, впрочем, не делало его менее устрашающим. Этот предмет, судя по всему, можно было разобрать на части, но до сих пор никто так и не рискнул это сделать.

Нансен, председатель комиссии, резюмировал для нас ситуацию:

— Я должен признать, что сслвипы, один Бог знает как, заполучили в свое распоряжение минометы. Но еще более непонятным мне представляется то, что, похоже, они обладают оружием, точная природа которого нам не известна, и, так как оно сошло не с наших конвейеров, изготовить его было по силам лишь самим ссви. Все указывает на то, что мы имеем дело с провокацией, ссви же и организованной, но верится в это с трудом.

— Боюсь, нам все же придется это признать, — заметил какой-то офицер.

— Я не думаю, господин Нансен, что здесь имела место провокация со стороны ссви, — вмешался Луис. — Это было бы глупо с их стороны, а они отнюдь не глупы. Зачем бы им понадобилось предъявлять нам «улику», призванную доказать, что это мы поставили оружие сслвипам, если мы сами не знаем, что это за предмет, и убеждены в том, что он был изготовлен не нами?

Аргумент, похоже, попал в цель: секунд десять — пятнадцать в зале царил тишина. Нарушил ее уже я:

— Уж простите великодушно мне этот вопрос профана, но вы абсолютно уверены, что этот предмет произвели не мы? В конце концов, наша промышленность в достаточной мере развита для того, чтобы некоторые виды оружия могли изготавливаться втайне.

— На этот счет у нас нет ни малейших сомнений, мсье Бурна, уж вы мне поверьте, — невесело усмехнулся какой-то капитан. — Разумеется, определенные виды оружия могут производиться и втайне, но только не оружие неизвестного

для нас типа. Здесь присутствуют специалисты всех армейских подразделений, и никто из них никогда не видел ничего подобного. К тому же, на этом предмете есть надпись, которую вы, возможно, не заметили, когда осматривали его. Она скрыта ребордой вот этой вот пластины коричневого цвета. Мы попытались дешифровать ее, воспользовавшись лупой: там есть несколько цифр, которые нам удалось разобрать. Они образуют числа 447 и 2 055. Но другие знаки ни на что не похожи. На мой взгляд, это письменность, которую ссви разработали без нашего ведома.

Я встал и подошел к странному предмету. Капитан пальцем указал мне на вереницу крошечных буковок, тянувшихся вдоль реборды пластины. Я наклонился и взял протянутую мне лупу: надпись стала более отчетливой, и я задержал дыхание... Это было невероятно! Мои пальцы, сжимавшие ручку лупы, дрожали. Мне никак не удавалось отвести взгляд от выгравированных на металле знаков. Когда я наконец распрямился, то своей бледностью и отразившимся на моем лице удивлением, вероятно, впечатлил присутствующих до такой степени, что на меня уставилось с дюжину пар встревоженных глаз. Отдышавшись, я наконец смог выдать из себя:

— Господа, это — кириллица. Она, эта надпись, — на русском.

глава 7

Призрак

Это заявление не произвело ожидаемого мною эффекта. Мне пришлось объяснить, что Россия была одним из государств Земли, и что там использовали алфавит, отличный от нашего. Лишь тогда членам Комиссии стало ясно значение нашего открытия. Столпившись вокруг меня, они попросили перевести надпись.

К сожалению, эта задача оказалась мне не по силам: мое знание русского языка ограничивалось буквами алфавита. Так я осознал, что в моем археологическом образовании

присутствуют прискорбные лакуны. Более того, я не знал вообще никого на Теллусе, способного перевести с русского языка. Разумеется, в Федеральной библиотеке хватало книг, но с ними еще нужно было ознакомиться.

Некоторые члены комиссии уже делали поспешные выводы:

— Выходит, есть русские, которых забросило на Теллус во времена Катаклизма. Возможно, в каком-нибудь уголке планеты им удалось выжить. Нужно немедленно организовать исследовательскую экспедицию!

— Вероятно, далеко искать и не придется, ибо у сслвилов на руках материал, доставшийся им именно от русских.

— Такого просто быть не может! Сслвиловы — наши ближайшие соседи, — запротестовал какой-то американец. — Вся их территория нам известна, мы летаем над ней практически ежедневно. Если бы русская колония выжила, мы бы уже давно ее обнаружили.

— Значит, они умерли! Но, безусловно, остались какие-то следы и важное оборудование, которое следовало бы собрать и тщательнейшим образом изучить.

Президент Нансен пролил на этот энтузиазм холодную воду:

— Господа, думаю, для себя мы этот вопрос слегка прояснили, но боюсь, все это трудно будет объяснить ссви. Да и поверят ли они нам вообще? Они вполне могут заявить, что эти русские — не более чем плод нашего воображения.

Мы все уже собирались выступить против этого пессимистичного, но, возможно, несмотря ни на что, оправданного заявления, когда дверь внезапно открылась. Вошедшего в зал ссви часом ранее мне представил Хоссаи: это был Валик, начальник научной службы армии ссви, которой Большой Совет поручил провести расследование «Дела».

Без единого слова он прошел к столу и вручил президенту довольно-таки большой конверт, заявив лишь следующее:

— Полагаю, господа, вам будет интересно ознакомиться с этими документами.

Профессор Нансен извлек из конверта несколько машинописных листов и принялся читать, впрочем, дальше первых строк не зашел. Повернувшись к сидевшему рядом со мной физику Комиссии, он промолвил:

— Похоже, это в большей степени касается вас, мсье Картье. Не соблаговолите ли ознакомиться, а затем сказать нам, что вы обо всем этом думаете?

Картье взял бумаги, взглянул на них, с крайне удивленным, но скептическим видом нахмурил брови и сразу же погрузился в чтение первой страницы. Все увидели, сколь бледным он стал. Приподняв листок, он по диагонали пробежался глазами по столбцам цифр, которыми были покрыты следующие страницы, затем вскинул голову и несколько секунд смотрел на нас молча. Наконец, странным спокойным голосом он объявил, указав взглядом на все еще лежавший на столе «предмет»:

— Думаю, вам лучше поместить этот предмет в какой-нибудь контейнер с толстыми свинцовыми стенками. Всех, кто приближался к нему, необходимо поместить под медицинское наблюдение. Как только мы наверняка установим природу и интенсивность исходящего от него излучения, станет понятно, насколько опасно находиться с ней рядом. Я сейчас же свяжусь с Унионом и попрошу выслать нам необходимое для распознавания и измерения оборудование.

Затем, повернувшись к Валику, он спросил:

— Но как, черт возьми, вам вообще пришла в голову мысль провести тесты на радиоактивность?

Ссви пожал плечами — вполне человеческий жест, редко встречавшийся у его сверстников. Лицо его озарила слабая улыбка.

— Совершенно случайно, естественно. Один из наших физиков-ядерщиков входил в команду, которая изучала вещественные доказательства, собранные на поле боя. По привычке он носил на шее небольшой дозиметр, с которым он никогда не расстается в стенах своей лаборатории. И утром он немало удивился, увидев, что индикатор сменил цвет на красный, то есть всего за одну ночь работы превысил максимально допустимую *недельную* дозу. Остальное вы и сами можете себе представить.

— Но тогда почему вы позволили *нам* осмотреть и потрогать этот предмет, если сами только что измерили его радиоактивность?

Физик ссви снова едва заметно улыбнулся и спокойно ответил:

— Так мы смогли убедиться, что вы действительно не знали, что это такое.

От изумления мы все потеряли дар речи. За этим, до-вольно-таки циничным ответом витал всеми уже забытый, но вот снова появившийся «призрак». Зловещее слово было произнесено. Все семьдесят пять лет своего существования теллусийское Человечество полагало радиоактивность далекой, почти воображаемой опасностью, ограниченной несколькими физическими лабораториями. С самого начала это Человечество прекрасно понимало, что когда-нибудь, вероятно, оно тоже, в свою очередь, вступит в ядерную эру, но источники энергии были многочисленны и обильны; никакой внешней угрозы не ощущалось. Атомное ядро оставалось объектом исследований, а его распад — лабораторным явлением.

И вот демон оказался на свободе: перед нами возвышался адский предмет, пагубный для всего живого.

В комнату, толкая тележку с чем-то тяжелым, вошли другие ссви. В полной тишине на наших глазах «предмет» был помещен в свинцовый контейнер, а затем под надежной охраной отправлен в подвалы Института физики. Как только за его эскортом закрылась дверь, Валик обратился к нашей — «человеческой» — части Комиссии:

— Господа, у этого открытия есть по крайней мере один плюс, и плюс этот заключается в том, что оно нас примирило. Мы позволили вам самим осмотреть предмет, о радиоактивности которого нам уже было известно. Ваше поведение не оставляет ни малейших сомнений: вы не знали, какую опасность он представляет. У нас больше нет к вам недоверия. Я сейчас же сообщу об этом Большому Совету племен. Уверен, что отношения между нашими двумя народами снова примут характер взаимного доверия и дружбы, каковой они всегда имели с момента вашего прибытия на эту планету. Но, и вы, думаю, со мной согласитесь, теперь мы столкнулись с ужасной опасностью. Когда мы, ученые и техники ссви, сообщим нашему правительству о результатах этого рассле-

дования, когда мы покажем нашим Старейшинам страшную угрозу, нависшую над всеми живыми существами Теллуса, Большой Совет, вне всякого сомнения, будет единодушен в том, что между нашими двумя расами должен быть заключен самый тесный союз для борьбы против неизвестного нам врага, принесшего в этот мир самый ужасный и самый коварный из всех возможных видов оружия. Мы должны уничтожить этого врага и наказать предателей, которые стали его союзниками.

Этот слабо завуалированный намек на потомственных врагов ссви — сслвилов — мы оставили без внимания. Возникновение на Теллусе атомного оружия было слишком серьезным фактом: было и в самом деле необходимо объединить все силы планеты, чтобы противостоять этой опасности. Вопрос об ответственности черных ссви в этом деле встанет лишь гораздо позднее. Федеральная комиссия по расследованию незамедлительно телеграфировала правительству отчет и решила провести совместную встречу с учеными-ссви для разработки плана необходимых мер.

Теперь уже было очевидно, что в ходе битвы при Вкессе сслвиловы использовали артиллерию, в частности, минометы, но также и тактическое ядерное оружие ближнего действия. Меня, как археолога, попросили поделиться с Комиссией всеми моими познаниями в этой области. Познания эти были скудными. Я детально изучил основные черты земной политики на протяжении лет, предшествовавших Катаклизму, но военный аспект показался мне малоинтересным. Конечно, я читал что-то о ядерном оружии ограниченной разрушительной силы, но ничего не знал о его строении или области применения. Однако же представлялось вполне вероятным, что многочисленные ожоговые раны бойцов ссви были вызваны именно этими «ядерными гранатами».

Наиболее правдоподобной гипотезой казалась такая: во время Катаклизма фрагмент Земли был заброшен в неизвестный район Теллуса. Возможно, то был фрагмент советской территории или, по крайней мере, место, где хранилось оружие русского происхождения.

Происшедшее затем оставалось загадкой: удалось ли кому-нибудь выжить? Живы ли эти люди сейчас? На эти вопросы ответа ни у кого не было. В самом «благоприятном» случае можно было надеяться, что ссвипы случайно наткнулись на склад оружия, каким-то образом узнали, как его применять, и решили его использовать, когда вторжение ссви вынудило их отступить к стенам их столицы.

Но и в таком случае положение выглядело отнюдь не блестящим: страшной разрушительной мощности снаряды, причем в неизвестном количестве, оказались в руках агрессивных дикарей, совершенно не догадывающихся об опасности, которую они, эти снаряды, представляли для всей планеты. Мы же, в свою очередь, не только не располагали этим оружием, но даже не знали, как его произвести. С другой стороны, нам было известно, что у США с их двумястами миллионами жителей и всей их промышленной мощью на создание первой бомбы ушли многие годы. А нас, людей, на Теллусе было менее трехсот тысяч!

К тому же, это была лишь самая «благоприятная» гипотеза: вполне могло оказаться и так, что за ссвипами стоят люди, потомки выживших после Катаклизма. Чем они руководствовались, вооружая черных ссви, оставалось непонятным, но такой вариант все же был возможен, и это делало будущее еще более мрачным.

Один из членов Комиссии, инженер по связи - кажется, его фамилия была Кеннеди, - предложил проверить наши предположения следующим образом: можно было изучить траекторию Катаклизма, определенную посредством гипергеодезических линий Хои, — вдруг они как-то укажут на географическое происхождение ядерного оружия. В Ссвивиле имелась вся необходимая документация: смешанная команда математиков — людей и ссви — приступила к работе. Заседание было закрыто: всем нужно было поесть и немного передохнуть, так как давно уже наступила ночь.

Могу представить, какую суматоху вызвал отчет Комиссии по расследованию, когда он достиг Униона! С самого начала вечера, когда мы всё еще заседали, и на протяжении всей ночи, федеральное правительство и Комиссия обменивались

непрерывной серией срочных и сверхсекретных сообщений. Между двумя столицами установлен настоящий воздушный мост, по которому в Ссвивиль перебрасывали ученых, техников и дипломатов. В аэропорту, на взлетно-посадочной полосе, беспрестанно шла разгрузка ящиков с научным оборудованием из Института ядерной физики университета Униона.

Еще только едва рассвело, когда меня вырвал из беспокойного сна Луис Кэбот. Он только что доставил из аэропорта своего шефа, Бенсона, прибывшего ночью, и узнал от него последние новости.

Кризис ссви практически завершился. Люди эвакуировали Деревню Землян, оставив портовые объекты нетронутыми. Теперь, когда перспектива союза между Конфедерацией и сслвицами выглядела если и не окончательно закрывшейся, то, по крайней мере, уже весьма отдаленной, Большой Совет Племен проявлял по отношению к нам самые дружеские чувства. Войска, сосредоточенные в секторе Волшебного озера и на Везере, уже начали разделяться и уходить к югу. У южной границы Новой Америки царил небывалая активность: федеральное правительство распорядилось провести над сслвипиской территорией интенсивную разведку.

Ходили слухи о совместной операции людей и ссви, направленной на поиск возможных выживших русских, к тридцатому градусу широты, но Бенсоном эта новость подтверждена не была. Луис полагал, что сначала правительство попытается получить от сслвилов сведения о происхождении их ядерного оружия мирными способами, и в этом я был с ним согласен.

Зазвонил телефон: нас обоих вызывали на заседание Комиссии, на котором должны были присутствовать представители Большого Совета Племен и находившиеся в Ссвивиле федеральные министры.

Сперва был заслушан доклад группы математиков, всю ночь работавших над гипергеодезическими линиями Хои. Результат их исследований оказался крайне неутешительным: траектория земного Катаклизма проходила вдалеке от территории Советского Союза. Однако она слегка коснулась берегов Китая и пересекла Румынию: наличие запасов ядер-

ного оружия в этих двух странах выглядело весьма правдоподобным. Но соответствующие точки на Теллусе в обоих случаях находились в открытом море, так что если запасы оружия когда-то и существовали, то теперь покоились на глубине в несколько тысяч метров. Впрочем, оставалась еще возможность того, что это оружие было обнаружено на борту какого-нибудь самолета, скорее даже корабля или подводной лодки. В общем, далеко нас эта информация не продвинула.

Я заметил, что обнаруженная на русской «ядерной гранате» надпись может заключать в себе ценную информацию, вследствие чего необходимо перевести ее как можно быстрее. Поскольку эту работу можно было осуществить только лишь в Унионе, необходимо было отправить туда копию надписи.

Затем слово взял Картье, физик. Благодаря прибывшим ночью приборам были проведены анализ и измерение интенсивности радиации гранаты. Согласно первым результатам, эта радиация была не слишком опасной, но Картье не скрывал своего негодования по поводу того, что ссви позволили нам осмотреть и потрогать радиоактивный, как им уже было известно, предмет. О продолжении осмотра не могло быть и речи: тут нужно было какое-нибудь устройство, которое позволило бы безопасно приблизиться к гранате и сфотографировать ее.

Присутствующие единодушно признали, что в данный момент мы еще не располагаем всем необходимым для серьезного научного изучения проблемы. Я полагал, что на этом заседание будет завершено, но Киксен, самый пожилой представитель ссви — он-то и председательствовал на собрании, — настоял на незамедлительном рассмотрении политических аспектов. Большому Совету, по его словам, хотелось бы сейчас же разработать совместно с федеральным правительством общую оборонную политику и определить общую же стратегию поведения в отношении сслвинов. Он предложил Комиссии преобразоваться в консультативный научно-технический комитет.

У присутствующих федеральных министров это предложение не вызвало ни малейшего энтузиазма. Заявив, что им

необходимо связаться с президентом, они попросили о приостановке заседания, в чем им пошли навстречу.

Я уже покидал комнату, болтая с Луисом, когда Бенсон зна́ком дал нам понять, что хочет с нами поговорить. Мы последовали за ним в небольшую больничную палату, которую он превратил в свою штаб-квартиру.

— Мсье Бурна, я перейду прямо к делу, потому что у нас очень мало времени. Я желаю поручить вам новое задание, но хотел бы прояснить, что выбор исключительно за вами — вы вправе сказать мне как «да», так и «нет». Вы великолепно справились с эвакуацией Деревни Землян, выполнив чрезвычайно эффективную работу в рекордно короткие сроки. Правительство крайне признательно вам за это, и нам было бы неудобно настаивать на том, чтобы вы отказались от вполне заслуженного отпуска. Но поскольку нам все еще нужны услуги археолога, а вы только что блестяще себя зарекомендовали, мы были бы рады, если бы вы все же согласились выполнить эту новую миссию. Само собой разумеется, если вы решите отклонить наше предложение, вам придется взять на себя обязательство нигде и никому не разглашать то, что я вам сейчас скажу.

Я кивнул и ответил, что, раз уж я *уже* в этом деле, то хотел бы участвовать в нем до конца, и что мысленно я уже почти готов ответить согласием.

— Что ж, — сказал Бенсон, — как вы и сами уже могли в этом убедиться, ссви слишком уж торопятся. Мы не хотим оказаться втянутыми ими в военную операцию против сслвинов, но, похоже, именно к этому сводятся все их усилия в последние часы и дни. Нам нужно как можно скорее найти *мирное* решение данного конфликта: перед лицом ядерной угрозы мы не можем позволить себе терять ни минуты. В общем, правительство решило этим же вечером направить к сслвицам сверхсекретную миссию, целью которой будет мирным путем, по возможности — в процессе переговоров, получить информацию о происхождении оружия. Разумеется, ссви не должны узнать об этих наших переговорах с их потомственными врагами. Ссви не остановятся ни перед чем, чтобы провалить их, эти переговоры, тем более что, имея

полный карт-бланш, наши посланники вправе будут обещать ссвипам самые широкие уступки с нашей стороны, — если и не в обмен на само оружие, то хотя бы в обмен на нужную нам информацию. Естественно, в такую делегацию должен входить и археолог, а вы уже доказали, сколь полезным можете быть в делах подобного рода. Итак, что скажете? Миссия вылетит из Униона самолетом ближе к концу дня.

глава 8

Луис Шерлок Холмс

Нас, пассажиров, в двухмоторном армейском самолете «Стоун 504», было шестеро. Прежде всего — неразлучный со мной Луис Кэбот, вместе с Сабатье, заместителем Бенсона, представлявший дипломатическую часть миссии. Кроме того, мы с удивлением обнаружили на борту лейтенанта Сантоса, который, будучи специалистом по взрывным устройствам, по договоренности с его начальством был подхвачен вертолетом прямо с дороги на Больё, где он осуществлял общий надзор за отъездом последних грузовиков. Помимо них в сокращенный до минимума состав нашей экспедиции вошли Ромсдаль, заместитель директора Института ядерной физики Униона, и переводчик Бернар Колен. Нас должны были сбросить на парашютах над Вкессом, маленькой ссвипской столицей, где армия ссви была встречена орудийными залпами и ядерными «гранатами». С собой у нас был радиопередатчик: по окончании переговоров, каким бы ни был результат, нас должен был забрать вертолет. Прежде я никогда не прыгал с парашютом и потому приближения часа X ожидал с трепетом.

Гелиос уже закатился, а Соль находился чуть выше линии горизонта, когда пилот объявил, что мы вот-вот окажемся прямо над Вкессом. Наклонившись к иллюминатору, я сумел различить в красноватых сумерках лишь простиравшуюся на многие километры вокруг покрытую травой холмистую местность, усеянную крапинками небольших рощиц. Где-то вдали черным пятном выделялась опушка леса. Самолет заложил

крутой вираж: вцепившись в сиденье, я увидел, как под левым крылом промелькнуло несколько уединенно стоящих хижин, затем заметил извилины какой-то дороги или тропы. Наконец, в окружении испещренных башнями крепостных стен, показался сам городок, напоминавший четырехугольник со сторонами длиной около километра. Как следует Вкесс я рассмотреть не успел, так как штурман был уже среди нас. Он открыл дверцу самолета. Сабатье подошел к дверце первым, позволил штурману проверить, в надлежащем ли состоянии находится его амуниция, помахал нам рукой в знак ободрения и без малейших колебаний прыгнул. Луис последовал за ним, но, по правде говоря, только лишь после энергичного толчка в спину. Настал мой черед: все прошло очень быстро благодаря твердой руке штурмана, не давшего мне времени задуматься об ужасе пустоты.

Я обнаружил себя парящим во мраке. Прямо подо мной распускался белый купол парашюта, вероятно, как я решил, принадлежавшего Луису. Сабатье я уже не видел. Справа от меня спускался кто-то еще из моих спутников. Мой собственный парашют скрывал от меня большую часть неба надо мною.

Я услышал, как затихает шум двигателей удаляющегося самолета, и отчаянно начал припоминать, что нужно делать, чтобы приземлиться, не переломав конечности.

Возможно, мне и удалось бы все это вспомнить, если бы Теллус не возник передо мной столь быстро. Но еще прежде, чем я смог прокрутить в голове советы инструктора, я обнаружил, что лежу на спине, утаскиваемый в сторону парашютом, но, однако же, целый и невредимый.

Мне удалось отцепить парашют, встать на ноги среди высокой травы и оглядеться. В трехстах метрах от меня Сабатье, как и было условлено, светил электрическим фонариком, указывая всем место сбора. Я увидел, как поднялся с земли прыгнувший последним Сантос. Радиопередатчик все еще опускался, уносимый к городу легким западным бризом. Три других моих спутника, которых разбросало по равнине, уже направлялись к нам.

Какой-то гул, сопровождаемый приглушенным шумом га-лопа, заставил меня снова повернуть голову к стенам Вкесса: за-

ходящий Соль отбрасывал на них красноватые отблески. Одни из ворот открылись, пропустив многочисленный отряд сслви-пов, устремившихся к нам с пронзительным боевым кличем.

В течение нескольких смертельных секунд я был вполне убежден, что пришел мой последний час. Мне показалось, что я перестал дышать. На бегу я отчаянно сжимал в руке пистолет, которым едва умел пользоваться. Черные кентавры стягивали вокруг нас плотное кольцо. И все же мы успели перегруппироваться вокруг Сабатье, который теперь размахивал белым флагом, — я очень надеялся, что осаждающие знают значение этого символа. В десяти метрах от нас сслви-пы остановились, выставив вперед копья. Наш переводчик заговорил.

Не понимая из сказанного им ни единого слова, я заранее знал суть его речи. Мы сообщали, что «человеческим» правительством нам поручена крайне важная миссия и просили о незамедлительной встрече с самыми представительными сслви-пскими вождями.

Наши собеседники, или, скорее, тот, кто им командовал, несомненно, слышал о шедших между нами и сслви-пами переговоров, потому что никаких возражений он не выразил, а просто-напросто приказал нам следовать за ним в город, убрав оружие, и предупредил, что первый из нас, кто хотя бы потянется за пистолетом, будет убит без предупреждения.

Под таким-то надежным эскортом мы и вошли во Вкесс. По пути мы, естественно, во всех деталях рассмотрели вооружение наших хозяев, но не обнаружили ни малейших следов ни огнестрельного оружия, ни *a fortiori** ядерного.

Довольно-таки плотная толпа, высыпавшая на крепостную стену при нашем подходе, помешала нам разглядеть, каким образом защищен сам город, да и факелы с масляными лампами, освещавшие тот тут, то там улицы, плохо справлялись с продолжавшей сгущаться тьмой. Через неразрывный лабиринт строений всех размеров нас провели в весьма просторную хижину, где, как нам было заявлено, мы могли провести ночь.

* Тем более (лат.)

Первым же делом мы установили радиосвязь с Унионом и объявили об удовлетворительном начале нашей миссии... Взамен нам были переданы две важные новости.

Во-первых, надпись на «ядерной гранате» была наконец сфотографирована, передана в Унион и расшифрована. Бенсон сам зачитал нам перевод: «Модель U.N. 447 P.R. 2055 — Изготовлено в Твери «Российской атомной промышленной компанией».

Он дал нам пару минут на то, чтобы обдумать услышанное.

Мы обменялись грустными размышлениями: этот текст, к сожалению, не давал нам ровным счетом ничего. Меня, впрочем, что-то определенно смущало, словно тут была какая-то странность, но мне никак не удавалось понять, какая именно, и потому я ничего не сказал своим спутникам. К тому же Бенсон уже снова говорил по радио:

— Как вы и сами видите, на первый взгляд, эта надпись не сообщила нам ничего нового. И все же мы передали ее профессору Бевэну. Угадайте, Бурна, что он обнаружил?

Сабатье передал мне микрофон, но я замылся с ответом, так как и сам не знал, что же такого подсказывает мне интуиция. Бенсон продолжал:

— Всего-навсего то, что города «Тверь» не существует. Его нет ни на одной из карт Центральной библиотеки Униона.

— Черт! Впрочем, полагаю, у Бевэна не слишком много времени ушло на то, чтобы обнаружить эту бессмыслицу.

Но беспокоило меня не это. Было что-то еще... Но что?.. Я все еще не мог понять, что именно... Бенсон продолжал:

— И потом, по словам профессора Бевэна, название «Российская атомная промышленная компания» является странным. Он считает, что существование такой компании, называющей себя «российской» в своем корпоративном названии, противоречило бы советской ортодоксальности.

— Черт возьми, — воскликнул я. Разумеется, тут что-то было не так, но я все еще не мог сформулировать эту несуразность... Естественно, Бевэн сразу же ее заметил!

— Очевидное объяснение: мы имеем дело с подделкой, — сказал Бенсон. — Хотя, по правде говоря, я не вижу, кто мог

бы быть заинтересован в разработке столь сложной махинации... И тем более не понимаю, как, потрудившись сделать поддельную надпись на русском языке, этот «кто-то» мог невольно совершить столь грубые ошибки...

— К тому же, я думаю, в Университете Униона проще найти карту Советского Союза, чем грамматический справочник или русский словарь!

— И даже если это не подделка, — заметил Бенсон, — как можно объяснить такие несуразности в подлинной надписи!

— Простите мое невежество, дорогой коллега, — вмешался в спор Луис, — но разве на момент Катаклизма, забросившего наших предков на Теллус, международная ситуация на Земле не была весьма напряженной? Кажется, я помню, что это ситуация обозначалась как «холодная война», и что секретные службы великих держав вели между собой ожесточенную борьбу. Думаю, они бы не отступили перед столь удобными методами, как изготовление или использование подделок. Эта «ядерная граната» с ее надписью вполне вписалась бы в общий контекст, разве нет? Это называлось бы «провокацией», так ведь?

Я восхищенно присвистнул.

— А что, друг мой, интересная мысль! Я не и знал, что вы столь подкованы в «земной» археологии...

— Просто люблю предания и легенды. Этот интерес ко всему былому, как вы и сами знаете, у меня от предков.

Бенсон резко положил конец этому обмену комплиментами:

— Извините, что прерываю вас. Теория Кэбота, конечно, интересна, но, думаю, вы и сами осознаёте, что она мало на чем основана. Впрочем, за неимением лучшего, нам придется пока удовольствоваться ею. Я доложу о ней профессору Бевэну, который выскажет свое мнение. Пока же я должен сообщить вам следующее. Мы только что узнали, что сегодня днем на территорию сслвинов вторглась мощная колонна ссви. Вечером она была обнаружена нашей воздушной разведкой...

— Проклятье! — сказал Сабатье. — Но что они делают здесь? Неужели той трепки, которую они получили во Вкессе, им было мало?

— Все не так очевидно. Эта экспедиция несколько отличается от предыдущих: похоже, пока она не ищет битвы. Вместо того чтобы опустошать край, она на полной скорости движется прямо на юг, словно желает быстро достичь какой-то четко определенной цели. Может, у ссви есть представление, где ссLiverpool прячут свое секретное оружие? Нам известно, что Совет Красных Племен еще несколько лет назад организовал службу разведки. Возможно, этой службе удалось разговорить пленников...

— Очаровательная перспектива! И, разумеется, вся эта информация никуда вами не передавалась?

— Конечно же нет. Но это взаимно. Да и чего вы хотите? В отношениях с союзниками нам еще далеко до бывлой искренности...

— Что досадно, — сказал Сабатье, — так это то, что мы рискуем оказаться на пути этой колонны ссви. А поскольку наше присутствие здесь секретно, это может поставить нас в неловкое положение.

— Именно поэтому президент и решил поднять по тревоге отряд быстрого реагирования. Если вам потребуется помощь, он вмешается... Надеюсь, все же до этого не дойдет, но будьте бдительны. И спокойной ночи.

Так как ничего другого нам пока и не оставалось, мы последовали этому совету, и, как и мои спутники, я улегся спать прямо на земляной пол.

* * * * *

Нас разбудил ссLiverpool, немного знавший английский. Совет Племен намеревался собраться в некоем тайном месте для встречи с нами, и нас должны были сопроводить туда с завязанными глазами.

Когда мы поинтересовались, сколь большое расстояние предстоит преодолеть, нам было отвечено, что воины возьмут нас на свои спины, — это, мол, позволит нам достичь места, где будет заседать Совет, без малейшей усталости и в полном неведении о проделанном пути.

Сабатье принял это предложение, потребовав, правда, чтобы захватили также и наше оборудование. Он заявил,

что радио нам необходимо для связи с начальством и успешного проведения переговоров. После долгого спора ссливп согласился.

Я сохранил об этой поездке мучительные воспоминания. На досуге мне уже доводилось кататься верхом, но должен заметить, что идущая галопом лошадь — раз в десять более удобное верховое животное, нежели ссливп. Добавьте сюда повязку на глазах (из весьма любопытной ткани с цветочным орнаментом, вероятно, доставшейся ссливам в результате разграбления какой-то фермы в Новой Америке) и крайне специфический запах прогорклого масла, шедший от воина, за торс которого я вынужден был хвататься, помножьте все это на добрые два часа, которые длились наше путешествие, и вы получите представление о том, сколь приятной была эта поездка.

Впрочем, ближе к полудню она все же завершилась. Каждый из нас по нескольку раз менял «коня», потому что при таком адском темпе — даже несмотря на их выносливость — ни один ссливп не мог в одиночку нести нас так долго. По прибытии мы отправили правительству сообщение, в котором указали, чем мы сейчас занимаемся.

Унион, в свою очередь, сообщил нам, что колонна ссви продвигается на ссливпскую территорию все глубже и глубже. Бенсон казался обеспокоенным: даже в лучшем случае в любой момент могло разразиться ожесточенное сражение, в худшем же мы могли оказаться в самом его пекле. Так или иначе, переговоры нам это отнюдь не облегчило бы.

Остановился наш эскорт на поляне посреди очень густого леса. Неподалеку протекала бурная река, и я решил, что мы, должно быть, находимся в холмистой местности, вероятно, в предгорьях Неведомых гор. К сожалению, верхушки деревьев полностью закрывали возможные вершины, которые мы могли бы заметить и распознать.

Пока, помятые и усталые, мы утоляли свой голод консервами, наш переводчик-ссливп, так нас и не покинувший, сообщил нам, что Совет сейчас же нас примет.

Не успели мы подкрепиться, как нам пришлось следовать по довольно-таки широкой тропе, змеившейся через весь

лес. Судя по всему, то была наезженная дорога: земля на ней была избита и утоптана копытами множества проходивших здесь сслвилов.

Ромсдаль и Сабатье возглавляли шествие; переводчик Колен шел у них по пятам. Затем следовали Луис и я; лейтенант — в арьергарде, и уже за ним — наш эскорт.

Мы шли уже, наверное, минут десять, когда Луис внезапно, казалось, споткнулся, зацепился за меня, и мы оба оказались на земле, в ногах у Сантоса, взглянувшего на нас с некоторой иронией. Это произошло так быстро и почти так естественно, что в первый момент я ничего даже не заподозрил. Мы продолжили наш марш-бросок, когда я почувствовал, как мой спутник сунул мне в руку маленький, но легко узнаваемый по простому прикосновению предмет. Мы тогда переговаривались по-французски. Ничуть не меняя тона своего голоса, Луис вдруг резко сменил тему и спросил:

— Что вы скажете об этом, *mon cher*? Я только что поднял ее с дороги, благодаря той небольшой мизансцене, в которую мне, без вашего ведома, пришлось вас вовлечь. Интересно, не правда ли?

Несколько секунд я молчал, незаметно, не глядя на нее, ощупывая и вертя между пальцами переданную мне сгоревшую спичку.

Луис пояснил свою мысль:

— Разумеется, эта спичка не может принадлежать ни одному из нас. Сантос идет позади, а если бы ее зажгли и бросили прямо у наших ног Сабатье, Ромсдаль или Колен, мы бы это заметили. С другой стороны, всем прекрасно известно, что сслвиловы по-прежнему разжигают огонь самым примитивным образом.

Меня его слова не убедили.

— Они могли разжиться этими спичками, помимо кучи других вещей, разграбив какую-нибудь американскую ферму.

— Может быть... Но я поднял с дороги не только ее.

Его голос оставался бесстрастным, но в голубых глазах заплескали озорные искорки.

— Чем дальше, тем лучше, мой дорогой Шерлок Холмс. И могу я узнать, что же?

— Разумеется, мой дорогой Ватсон. Тем более что и тут мне хотелось бы знать ваше мнение.

Он небрежно взял меня под руку и в то же время сунул мне в ладонь довольно-таки плотную бумажку, смятую в комок. Я тщательно развернул ее уже в кармане. Даже на ощупь оказалось несложно распознать упаковку от пачки сигарет.

— Это уже более убедительно, — сказал я. — Не думаю, что кто-нибудь когда-либо видел курящего сслви́па. Сейчас попробую быстренько на нее взглянуть.

Наш проводник, не оборачиваясь, двигался во главе колонны. Что до нашего эскорта, то он закрывал марш и ничего из того, что я делал, при условии, что это было незаметно, видеть не мог. Я вытащил руку из кармана и в течение нескольких секунд осматривал бумажку на своей ладони, затем сомкнул руку в кулак, стараясь имитировать беззаботность движений моего спутника. Весь дрожа от охватившего меня волнения, я все же постарался как можно спокойнее произнести:

— Поздравляю, мой дорогой Холмс! Думаю, мы у цели. Надписи на этой пачке — на русском языке. Вы ведь об этом уже догадались, не так ли?

— Элементарно, мой дорогой Ватсон!

И Луис принялся набивать трубку, которую достал из кармана.

глава 9

Определение местоположения

Большой Совет сслви́пских племен без какой-либо помпы заседал посреди обширной поляны.

Я уже не помню деталей той предоставленной нам долгой аудиенции. По правде говоря, сначала все сводилось к обмену дипломатическими любезностями; каждая из сторон старалась, не раскрывая своих намерений, угадать, что известно противнику и к чему он ведет. Не обладая какими-то особыми способностями в этой области, я слушал крайне рассеянно, больше размышляя о странной находке Луиса.

В конечном счете Сабатье все же пришлось раскрыть карты. Федеральному правительству, заявил он, известно, что в руках сслвилов находится чрезвычайно мощное оружие, уже использованное в битве при Вкессе. Разумеется, черные племена вправе защищать себя от агрессоров любыми возможными способами, но они должны знать, что некоторые из этих видов оружия представляют смертельную опасность для всех живых существ Теллуса.

— Какие у вас есть доказательства в поддержку этих утверждений? — прервал его один из старейших вождей.

— Никаких. Но вы должны доверять нашей науке — науке людей, — и если мы говорим вам, что оружие, находящееся сейчас в распоряжении сслвилов, больше всего опасно для них самих, значит, так оно и есть. Если вы передадите его нам, мы его уничтожим, и ужасная опасность, которую оно представляет, исчезнет. Тогда мы будем готовы заключить с черными племенами чрезвычайно выгодный для них договор.

После продолжительной дискуссии между собой вожди заявили, что готовы передать нам оружие, но лишь после заключения договора. Это оружие действительно представляет в данный момент их последнее средство против повторяющихся агрессивных действий ссви, чья армия только что вторглась на сслвиловские территории.

И тогда, на мой взгляд, Сабатье совершил психологическую ошибку.

— Соглашайтесь, — заявил он прямо. — Ссви — наши союзники, но мы хотим мира, и если вы примете наши условия, за счет определенного давления на них мы сможем добиться того, чтобы они прекратили свою агрессивную политику.

Сформулированное таким образом, это предложение не могло не задеть гордость сслвилов:

— Черные племена не боятся своих красных врагов, — высокомерно произнес один из членов Совета. — Мы сумеем оказать им «теплый» прием. А оружие мы передадим вам лишь после заключения союза.

С этого момента тон постепенно повышался. Переводчикам приходилось обдумывать каждое слово, чтобы

не допустить неясности мыслей. Сабатье утверждал, что Человеческое правительство не может довольствоваться обещаниями и сохранять нейтралитет, пока сслипы будут уничтожать ссви, подвергая смертельной опасности всех жителей Теллуса. Он требовал немедленной, еще до каких-либо переговоров, передачи нам оружия, и так как Большой Совет отвечал категорическим отказом, ситуация выглядела тупиковой.

Разыгрывая свою последнюю карту, наш официальный представитель заявил, что, раз уж все обстоит именно так, переговоры можно считать завершенными, - пусть, мол, снова все решит оружие. Внешне ничуть не взволнованные, сслипы ответили, что на следующее утро нас под эскортом доставят обратно во Вкесс.

То был полнейший провал нашей миссии. Вернувшись на поляну, где мы завтракали, мы обнаружили там несколько возведенных в наше отсутствие хижин, что позволило нам уединиться для частного разговора.

Обескураженный Сабатье не понимал, чем вызвана подобная непреклонность сслипов:

— Вероятно, они чувствуют себя невероятно сильными, раз заняли такую позицию.

— Возможно, это потому, что они уверены в поддержке некой группы людей, — заметил Луис.

Он сообщил нашим спутникам о своем открытии, которое, конечно же, произвело сенсацию.

Во время аудиенции мы все внимательно разглядывали два десятка членов Большого Совета и с полсотни их охранников: снаряжение сслипов показалось нам совершенно обычным. Ничто не указывало на наличие у этих примитивных существ современного оружия.

Пачка сигарет свидетельствовала об ином: сслипы не только состояли в контакте с некими людьми русского - как мы уже подозревали — происхождения, но теперь у нас на руках имелось еще и доказательство того, что как минимум один из этих людей несколько дней тому назад был все еще жив и проходил через лес той же тропой, что и мы. Этот человек закурил сигарету и небрежно выбросил пустую пачку.

Об этом новом факте нужно было срочно доложить правительству.

Сантос включил радиосвязь и почти тут же установил контакт с Унионом. Он настоял на том, что должен поговорить лично с Бенсоном. Секретарь по внешним связям, должно быть, был где-то рядом, ибо подошел к микрофону уже через пару минут.

— Ну, что там у вас? — спросил он. — У нас новостей не так-то и много. Приступили к изучению ядерной гранаты. Вероятно, удастся ее разобрать, но это ужасно деликатная работа, требующая таких предосторожностей, что быстро это сделано не будет. Кстати, могу успокоить Бурна и Кэбота: полученная ими доза радиации безопасна для человека. Некоторым членам комиссии по расследованию, к сожалению, повезло чуть меньше — слишком уж долго они оставались в непосредственной близости от снаряда. Впрочем, мы все равно надеемся поставить их на ноги... Но вот наступление ссви беспокоит нас все больше и больше. По данным нашей воздушной разведки, основная часть их сил направляется на юго-запад через Неведомые горы. Если вы сейчас, как вам кажется, именно в этом районе, они вполне могут неожиданно напасть на вас. Кроме того, они, похоже, действительно знают, куда направляются. Нужно успеть раньше них.

— К сожалению, мы плохо начали!

И Сабатье рассказал ему о нашей неутешительной аудиенции, а также о находке, сделанной Луисом. Бенсона эта находка сильно заинтересовала. Но провал переговоров привел его в отчаяние.

— Нет сомнений: вы обнаружили путеводную нить. Нам нужно как можно больше сведений об этих русских. И попытайтесь войти с ними в контакт, пусть даже, как это можно предположить, они — союзники черных племен. Лишь бы только это не привело к войне с ссвицами!.. Мы никак не можем позволить им использовать ядерное оружие, когда и где им вздумается. Но мы не можем допустить и того, чтобы это оружие попало в руки ссви. Я сейчас же доложу президенту и генералу О'Харе.

— Что вы намерены делать?

— Постараемся извлечь из вторжения ссви выгоду. До сих пор ссвипы практически не сопротивлялись, но вскоре непременно вступят в сражение. Если нам удастся узнать, где русские, мы могли бы попытаться похитить их, воспользовавшись суматохой. Пары десантных взводов и нескольких вертолетов, думаю, будет достаточно.

— Да, — сказал Сантос, — если повезет, это может сработать...

— Проблема в том, — продолжал Сабатье, — что мы не знаем, где конкретно найти этих русских. Это не единственный недостаток нашего плана, но недостаток весьма серьезный.

— Они, вероятно, недалеко отсюда, — заметил Луис. — По крайней мере, некоторые из них.

— Но мы ведь и сами не знаем, где мы сейчас!..

— Может, — предложил Бенсон, — вам удастся вытянуть какую-нибудь информацию из окружающих вас ссвивов? Аккуратно их расспросив...

Сабатье с сомнением скривил губы, как нельзя лучше передав наш общий скептицизм по этому поводу. Но к микрофону уже подскочил Сантос:

— Простите, мистер Бенсон, но я уверен, что армия легко может определить нашу позицию, если уже это не сделала. Там есть рядом с вами какой-нибудь специалист по телекоммуникациям?

— Вероятно, даже несколько, — ответил Бенсон. — Мы расположились в зданиях гражданской авиации. Именно благодаря их радиоустановкам мы с вами и общаемся. Но к чему вы ведете?

— Мистер Бенсон, — произнес Сантос с улыбкой, — вы еще не забыли, что такое радиопеленгование?

Мы отчетливо услышали в динамике весьма эмоциональное восклицание, вырвавшееся, вероятно, у одного из окружающих Бенсона радистов. Затем последовал оживленный разговор, из которого до нас долетали лишь неразборчивые и приглушенные отзвуки.

Сантос воспользовался этим, чтобы пояснить свое намерение. Впрочем, Луису и Ромсдалю его объяснения были

уже ни к чему: «черт побери!» одного и физиономия другого выражали одну и ту же досаду — и как, мол, мне не пришло это в голову раньше, чем лейтенанту?

— Используемые нами короткие волны, — сказал Сантос, — распространяются, естественно, по прямой линии, и с помощью вращающейся антенны легко определить, откуда они приходят. Две приемные станции, достаточно удаленные одна от другой, могут определять — каждая со своей стороны, — в каком направлении находится станция-передатчик. Если прочертить на карте, исходя от этих приемников, соответствующие этим направлениям прямые, их пересечение и покажет положение передатчика. Как правило, для более точных результатов используют три приемника. Это обычный способ в управлении воздушным движением, когда нет радара для определения положения самолета. Его следует применить и для того, чтобы узнать, где сейчас находимся мы. У армии в любом случае имеется вся необходимая аппаратура. Впрочем, можно провести небольшой эксперимент. Смотрите.

Лейтенант произвел какие-то манипуляции с несколькими кнопками нашего передатчика, вместе с тем поясняя:

— Так уж вышло, что этот радиопередатчик нам предоставила авиабаза Униона. Он — многочастотный; есть, в том числе, и частота управления заходом на посадку. Я выйду на связь на этой волне и, держу пари, они тут же определят наше положение. Теперь нужно выбрать какой-нибудь сносный позывной... Бурна, Кэбот, вы позволите мне использовать ваши инициалы?

И даже прежде чем мы дали на то свое согласие, он произнес в микрофон:

— «Браво-Кока» вызывает управление посадкой Униона. «Браво Кока» вызывает управление посадкой Униона. Как слышно, прием?

Из динамика послышался гнусавый голос:

— «Браво-Кока», это «Унион». Слышу вас превосходно. Говорите.

— «Унион». Это «Браво-Кока». Передаю для пеленгации. Один, два, три, четыре...

Он остановился на семнадцати, заявив: «Конец передачи». Почти сразу же голос объявил:

— «Браво-Кока». Это «Унион». Ваше местоположение: 35 градусов 10 минут северной широты, 4 градуса 06 минут восточной долготы. Повторяю: 35 градусов 10 минут северной широты, 4 градуса 06 минут восточной долготы. Предупреждение. Предупреждение. Вы пролетаете над зоной, запрещенной для навигации. Будьте осторожны, «Браво-Кока». Сслви́пская территория запрещена для гражданских полетов. Повторяю...

Сантос прервал прием с торжествующей улыбкой и вернулся на ту частоту, на которой мы только что общались с Бенсоном. Тот, видимо, уже получил от техников все необходимые объяснения. Послышался его взволнованный голос:

— Алло, алло, это Бенсон. Сабатье, вы меня слышите? Ответьте, Сабатье. Куда вы запропалились? Ответьте.

— Алло, Бенсон, это Ж. С. Я вас слушаю. Сантос производил для нас небольшую демонстрацию. Говорите.

— Слушайте внимательно. Сантос прав. Мы сможем определить вашу позицию. Вам нужно только передавать, а мы...

— Это лишнее, мистер Бенсон, — отрезал Сантос. — Все уже сделано. Скажите генералу О'Харе, что мы находимся на 35°10' северной широты и 4°6' восточной долготы. И передайте диспетчерам управления посадкой Униона, чтоб не сильно беспокоились за «Браво-Коку».

глава 10 Операция «Браво-Кока»

Стемнело. После трех часов вполне заслуженного отдыха мы возобновили прослушивание Униона. Бенсон, уже переговоривший с военными, сообщил нам, что над районом, в котором мы сейчас находимся, была проведена воздушная разведка. На нижних склонах Неведомых гор лес перемежался с обширными прогалинами: многие из них, обнаруженные по указанным нами координатам, были усеяны бесчислен-

ными кострами, свидетельствующими о большом скоплении сслвилов в радиусе нескольких километров.

— Из Униона вот-вот вылетит боевая группа, — добавил Бенсон. — Она будет сброшена неподалеку от лагеря сслвилов и сразу же свяжется с вами по радио. Ее цель — попытаться определить местоположение русских, скрытно защищать вас и, если между черными и красными племенами разразится битва, забрать вас и, по возможности, захватить еще и сколько-то русских. Пока же сслвиловы ни в коем случае не должны узнать о присутствии этих десантников.

Мы снова легли, правда, не все: двое из нас неизменно находились рядом с радиоприемником. Прошел еще час. Уже приближался рассвет, когда настал черед дежурить нам с Сантосом. Лишь крик какого-нибудь животного изредка нарушал рокотание леса. Сслвиловы из нашего эскорта давно уже перестали болтать у костра: за исключением часовых, неподвижно стоявших на краях поляны и перед нашими хижинами, все они спали.

Внезапно Сантос сжал мою руку. Я прислушался: среди потрескивания горящих углей и шума ветра можно было различить гул моторов. Постепенно нарастая, гул этот в итоге привлек внимание часовых, которые, придя в волнение, теперь вглядывались в небо. Вероятно, они уже определили природу этого шума, но самолеты оставались невидимыми. Наконец гул угас, затерявшись среди ночных звуков.

— Первая фаза завершена, — шепнул мне Сантос. — Теперь в дело вступаем мы.

Спустя две или три минуты из нашего приемника, настроенного на минимальную громкость, донесся новый неизвестный нам голос:

— Капитан Морьер вызывает «Браво-Коку». Морьер вызывает «Браво-Коку». Ответьте.

Мы обменялись ироничными улыбками. Небольшая шутка Сантоса в адрес управления посадкой Униона приносила плоды. Закодированный позывной, которым он воспользовался, сохранился за ним: мы так и остались «Браво-Кокой». Лейтенант взял микрофон:

— «Браво-Кока» слушает. Говорите.

— Это Морьер. Мы сейчас примерно в трех километрах к югу от лагерных костров. Откройте ненадолго передачу, чтобы мы смогли уточнить вашу позицию.

Сантос начал отсчет, как он уже делал, затем перешел на прием.

— Порядок, — сказал капитан. — Вы сейчас в направлении 030 с нашей позиции. Теперь мы осмотрим окрестности. Не выключайте приемник.

Через двадцать пять минут он снова вышел на связь. В голосе его звучало сдержанное ликование:

— Алло, «Браво-Кока»? Мы заметили человека, на первый взгляд совершенно свободно передвигавшегося по лагерю сслвилов. Это ведь не один из вас, а?

— Ответ отрицательный, мы все сейчас в одной хижине.

— Значит, это один из русских! Прекрасно. Будем держать его под наблюдением.

Тем временем наши спутники проснулись. Сантос сходил выглянуть за дверь. У сслвилов все было спокойно.

— Вот-вот взойдет Гелиос, — сказал лейтенант, — и нас отвезут обратно во Вкесс. Нужно предупредить десантников, что вскоре мы снимемся с лагеря.

* * * * *

С рассветом в лагере возобновилась оживленная деятельность. Крупные отряды пересекали поляну, в то время как воины нашего эскорта суетились у огня, на котором готовился их завтрак. Не успели мы тоже, в свою очередь, распределить между собою консервы, как в нашу хижину ворвался один из сслвилов. Это оказался тот самый, что уже служил нам переводчиком. На своем ломаном английском он заявил, что, ввиду угрозы неминуемой атаки, черные племена поднялись по тревоге, а дорога на Вкесс отрезана группами ссви.

Он добавил, что Большой Совет, волнуясь за нашу безопасность, решил перевести нас в другое место.

За те пару минут, что были нам предоставлены, мы успели лишь кое-как погрузить снаряжение на спины некоторых из воинов эскорта. Предупредить о развитии ситуации Унион

или десантников не представлялось возможным. Надеюсь, что наш отъезд не останется незамеченным боевой группой, мы постарались сделать его как можно более шумным.

С завязанными глазами нас снова подняли на сслвилов, служивших нам верховыми животными, и началась поездка верхом «вслепую».

Наш путь пролегал через лес, что вынуждало эскорт замедлять ход — к нашему глубочайшему облегчению. Никто не сказал ни слова: не видя, где кто из нас располагается, мы едва ли могли попытаться поговорить друг с другом. Начав же перекрикиваться, мы неизбежно оказались бы услышанными сслвилами (из которых как минимум один понимал по-английски), чего нам совсем не хотелось.

Минуты, а затем и часы, текли бесконечно: я не имел ни малейшего представления о времени, и, вероятно, несколько раз даже засыпал, — и это с учетом не самой удобной для сна позы!

Часов в девять сслвилов сделали остановку: нам развязали глаза, чтобы мы смогли подкрепиться. Затем мучительное путешествие продолжилось. Я дремал, прокручивая в голове мрачные мысли.

Из состояния задумчивости меня вывел отдаленный выстрел. Моя «лошадка» так дернулась, что едва не сбросила меня на землю. Рядом выругался по-испански Сантос, и я понял, что ему повезло меньше. Караван остановился, чтобы поднять лейтенанта обратно в седло.

Раздался второй выстрел, затем третий. Сслвилов вокруг нас принялись о чем-то оживленно спорить, но короткий приказ восстановил тишину. Продвижение возобновилось в том же темпе, однако я чувствовал, что все напряженно прислушиваются. Где-то вдали снова поднялся шум, на фоне которого слышались новые выстрелы.

Я начал незаметно стягивать с глаз повязку.

Уже непрерывно звучали крики и выстрелы. Раздались два более глухих взрыва. Чуть левее от меня прозвучал голос Луиса:

- Сантос, что это было?
- Вероятно, гранаты.

Мой сслвип остановился. Гул сражения нарастал. Выстрелы следовали один за другим, становясь все более и более частыми, а затем перешли в бесперебойную очередь.

— Пулеметы, — сказал лейтенант.

Я все еще отчаянно пытался сдвинуть повязку. Затем почувствовал, как мне что-то сунули левый карман. Запустив туда руку, я обнаружил крошечный перочинный ножик. Я тут же его узнал: то был своего рода брелок, который я несколько раз замечал висевшим на ключах Луиса.

Шум сражения приближался. Чей-то голос прошептал мне на ухо:

— Прodelай в повязке дырки.

Нож был таким маленьким, что лег на мою ладонь совершенно свободно — и незаметно для сслвипов. Открыв лезвие, я притворился, что протираю глаза: так я смог прорезать закрывающую глаза повязку. Благодаря сражению, отвлекшему внимание сслвипов, этот маневр остался незамеченным и позволил мне немного оглядеться. Луис, как я и предполагал, ехал слева от меня. Справа располагался один из сслвипов. Перед нами находились два вооруженных воина, еще чуть дальше я заметил фигуры Сабатье и Сантоса. Этим пределы моей видимости ограничивались, а обернуться и посмотреть назад, не вызывая подозрений, я, конечно же, не мог.

Я возвратил нож в карман Луиса. Почти тотчас же, по отрывистому приказу, наша колонна снова двинулась в путь очень быстрым темпом: то был галоп, замедлявшийся лишь на поворотах змеившейся по лесу дороги.

На некотором расстоянии слева от нас продолжалась ожесточенная битва. Автоматные очереди, перемежавшиеся разрывами гранат, смешивались с криками воинов. Но что это были за воины? С кем сражались сслвипы? Мне очень хотелось верить, что со ссви, и все же меня снедала тревога: вдруг это были десантники?

Внезапно из прилегавшей к дороге чащи выскочил кентавр. Это был черный воин. Он прокричал несколько слов и снова исчез в кустах. Мне показалось, что наш эскорт еще больше ускорил ход, да и тропа начала расширяться.

Наконец мы достигли довольно-таки широкой поляны, где пересекались различные пути. Слева от нас галопом несся отряд ссвилов, и наши остановились, чтобы пропустить их. Их было десятка два, стремительно промчавшихся перед нами. Наша колонна последовала за ними, и мне пришлось ухватиться за торс моей «лошадки». Позади нас с все тем же ожесточением продолжалась битва, но шум ее затихал. Дважды мы натыкались на многочисленные группы вооруженных до зубов ссвилов, вероятно, шедших в бой.

Наконец мне показалось, что мы покинули зону боевых действий. Ничего больше не было слышно, и наш эскорт скакал теперь в более размеренном темпе. Лес вроде как постепенно редел, местность становилась очень неровной. Мы поднимались в гору.

Вследствие узости тропы Колен случайно очутился рядом со мной. Луи передал ему через меня нож, и наш переводчик тоже смог проделать дырочки в закрывавшей глаза повязке. Я спросил у него, понял ли он из разговоров ссвилов, что происходит?

— Мне удалось уловить отдельные фразы, — сказал он, — но не очень-то и много. Несомненно одно: это была атака ссви. Судя по всему, их колонна разделилась на две части: пока одна группа шла к главному лагерю ссвилов, другая двинулась в обход и таким образом оказалась на нашем пути.

— Если только они не специально устроили засаду.

— В принципе, это возможно, — сказал Луис. — Мы знаем, что русские, по крайней мере — один из них, были в лагере ссвилов. Большой Совет, должно быть, решил эвакуировать их вместе с нами. А ссви, если вдруг им стало об этом известно, могли попытаться захватить русских.

— В любом случае я чувствую облегчение. Я опасался столкновения с десанниками.

— Ха! Как же, десанники! — пробормотал Колен. — Один Бог знает, где они могут быть. Вероятно, они даже не заметили нашего отъезда...

Во время этого разговора мы вошли в совершенно безлесную зону. Теперь мы продвигались среди хаотически расположенных камней, где между скал изредка встречались

деревья. Мы поднимались к перевалу, открывавшемуся слева в горном хребте. Стоявший высоко в небе Гелиос нещадно палил, и нашему эскорту приходилось несладко.

Вдруг где-то вдалеке перед нами раздался крики. Подняв глаза, я различил сквозь повязку силуэты отряда сслвилов, выделявшиеся на фоне неба на вершине хребта. Они размахивали руками, и двое из них галопом спустились к нам, тогда как другие поскакали в сторону перевала.

Авангард нашей колонны устремился в том же направлении, в то время как мы остановились. Луис схватил меня за руку:

— Там, вверху, за камнями, прячутся люди! Смотри, справа от вон того кривого дерева!

Я и в самом деле увидел две человеческие фигуры, крадущиеся полупригнувшись между скалами. Они на секунду исчезли, потом снова появились уже немного дальше. Крики сслвилов усилились. Третий человек возник на вершине скалы, но в его направлении тут же посыпался град стрел и дротиков, и, пошатнувшись, он скатился вниз.

Беглецы были теперь скрыты от нас неровностью местности. На вершине перевала, смыкая кольцо окружения, появилась новая группа сслвилов. Все преследователи двигались к ложнине, где исчезли трое мужчин: теперь они уже не стреляли.

— Они уверены, что русским деваться некуда, — прошептал Луис. — Хотят взять их живыми.

Действительно, продолжая издавать боевой клич, сслвиловы также спустились в ложнину. Спустя пару минут они опять появились, толкая перед собой своих пленных — на первый взгляд даже не раненных. Затем их закинули на спины трех воинов. Та часть нашего эскорта, которая присоединилась к преследованию, вернулась к нам. Остальные вместе с пленниками спустились и исчезли справа от нас в долине.

Наш караван продолжил свой путь к перевалу. Наши товарищи, по-прежнему с плотными повязками на глазах, ничего не видели, но Колен, Луис и я уже всю шепотом переговаривались. У нас не было ни малейших сомнений относительно личности замеченных беглецов, поведение

которых указывало скорее на то, что русские были вовсе не союзниками ссльвилов, а их пленниками.

Достигнув перевала, наша колонна начала спускаться по другому склону. Примерно через полчаса мы снова уже шли по дну каменистой долины. Изнуренные жарой и усталостью, мы даже перестали переговариваться. Я дремал на моей «лошадке».

Внезапно меня разбудила автоматная очередь. Перевозивший меня воин рухнул; сам я едва успел вытянуть руки, чтобы смягчить падение. Упав на покрытую галькой поверхность, я инстинктивно вжался в землю. Повязка чуть сдвинулась, и я тут же сорвал: теперь уже было не до уловов и хитростей.

Часть нашего эскорта уже устремилась на штурм вражеских линий: под градом пуль ссльвиловы шли в атаку со стрелами и дротиками. Треть из них полегла сразу, но остальные заняли позицию: устроившие эту засаду ссви были разбиты наголову.

Но были и другие: пока наша колонна перегруппировывалась, зазвучали новые выстрелы, чуть более отдаленные. Нам пришлось как попало укрываться среди скал: казалось, ссви удерживают все вершины.

Мы все сняли повязки, и наш переводчик-ссльвил не стал к этому придирааться. Он уже отдавал приказы воинам, организовывая оборону своего кое-как укрепленного лагеря. Раздав самые неотложные указания, он повернулся к нам и без лишних вступлений заявил, что его позиция безнадежна, что его отряд будет защищать нас до конца, но мы неизбежно попадем в руки ссви. Не поможет даже имеющееся у нас с собой огнестрельное оружие: ссви слишком много, а мы практически окружены.

Сабатье повернулся к Сантосу:

— Вы наш военный эксперт: как думаете, мы можем выбраться?

— Точно нет, если останемся здесь. Мы в ловушке. Но мы можем попытаться из нее выбраться — при условии, что разделимся. Если образуем несколько небольших групп, возможно, некоторым из нас и удастся уйти.

Сслви́п кивнул. Похоже, такой расклад пришелся ему по душе. В любом случае, пояснил он на ломаном английском, он уже не может гарантировать нашу безопасность, как ему было это приказано. Предложение Сантоса было последним шансом как для нас, так и для него самого. Если бы мы, со своей стороны, пожелали отделиться, он бы и сам разделил свой отряд, чтобы попытаться прорваться.

План был немедленно приведен в исполнение. Увы, мы не могли позволить нашему оборудованию, особенно радиоприемнику и реальным доказательствам, попасть в руки ссви. Пришлось погрузить все на наши спины. Впрочем, к счастью, подобная вероятность была предусмотрена изначально, так что с этим проблем не возникло. В общем, погрузив на себя максимум снаряжения, вооружившись пистолетами и автоматами, мы без лишних церемоний распрощались с нашим эскортом. Впрочем, я не мог не пожелать удачи командиру сслви́пов, ведущего себя по отношению к нам в целом весьма корректно.

Мы решили попробовать подняться на хребет справа, вернувшись немного обратно. Шедший первым Сантос начал осторожно продвигаться, при малейшей возможности используя укрытия, предлагаемые крупными скальными обломками, коими были усеяны склоны. Прыгая, ползая, перебегая от одной каменной глыбы к другой, мы гуськом следовали за ним. Стрельба спорадически продолжалась. Время от времени пуля вырывала камень или поднимала пыль под нашими ногами, но ссви, казалось, не обращали на нас особого внимания. Находившиеся слишком далеко, чтобы видеть нас как следует, после провала засады они, вероятно, были заняты перегруппировкой и замыканием кольца оцепления.

Эта передышка позволила нам подняться на середину склона и укрыться в узкой расселине. После того как мы скинули с себя тяжелое снаряжение, которое дальше решили тянуть за собой на веревке, шествие, на правах самого опытного альпиниста, возглавил Ромсдаль. Мы поднимались за ним по вертикали, используя те выступы и углубления, которые он нам указывал. Несмотря на трудность восхождения, мы чувствовали себя уже гораздо спокойнее, так как заметить

нас едва ли было возможно. Мы остановились, чтобы немного передохнуть.

— Тут не смогут пройти ни ссви, ни сслвипы, — заметил Луис.

— Что лишь доказывает, что мы правильно сделали, покинув наших телохранителей.

— К сожалению, впереди — самое трудное. Одному только Богу известно, что нас ждет наверху.

— И все я же предпочитаю играть активную роль, — сказал Сантос. — Эта игра в жмурки посреди битвы мне совсем не нравилась. И потом, мы достаточно хорошо вооружены, чтобы прорвать кольцо оцепления, если ссви, которые нам встречаются, окажется не слишком много.

Подъем продолжился. Наконец Ромсдаль выбрался на узкую платформу, метрах в пятидесяти от вершины. Пока мы затаскивали на платформу свое снаряжение, наш проводник осмотрел окрестности в бинокль. Путь казался свободным: он зна́ком подозвал нас к себе.

Лежа ничком на скале, мы смогли рассмотреть всю расстилавшуюся внизу, под нами, равнину. Где-то на юго-востоке шла оживленная ружейная перестрелка, но в силу своего удаленного местоположения мы не могли различить что-то еще, кроме передвигающихся по скалам точек. Вся линия хребтов перед нами, судя по всему, была в руках ссви, которых мы могли видеть гарцующими небольшими — по двое и трое — группками.

Завершить подъем мы решили в рассеянном порядке, в двадцати метрах друг от друга. Необходимо было как можно быстрее достичь вершины, прорваться сквозь позиции, вероятно, занимавших вершину ссви и перегруппироваться как можно ниже на другом склоне.

Я располагался в центре нашей линии, Луис и Ромсдаль — слева от меня, Сантос — справа.

Первые метры были преодолены без проблем: должно быть, с вершины горного хребта нас не было видно. Но вскоре склон сделался пологим, и мы оказались практически на открытой местности. Где-то далеко справа зазвучали выстрелы. На бегу я заметил, как Сантос распластался на

земле и расстрелял одного из ссви почти в упор, опорожнив в него всю обойму. Другой ссви, внезапно появившийся на вершине, уже целился в меня из ружья. Совершив резкий зигзаг, я рухнул в песок, выпустив наугад восемь пуль из пистолета и, разумеется, промахнулся. Перезарядить ни я, ни Сантос не успели. Ссви бросился на меня. Я все еще был на коленях, когда он упал, скошенный автоматной очередью, выпущенной уж и не знаю откуда и кем.

Следующие мгновения я помню смутно. Луис и Ромсдаль достигли вершины раньше меня и исчезли на другой стороне. Я, вероятно, укрылся за какой-то скалой. Со всех сторон строчили автоматы, ссви выкрикивали свой боевой клич. Внезапно я увидел, как возникший рядом со мной Сантос выдернул чеку и швырнул прямо перед нами гранату. Она взорвалась.

— С этой стороны путь свободен, Бурна, давайте этим воспользуемся!

Сорвавшись с места, я побежал вниз по склону, лейтенант неся следом. Мы нашли Луиса и Ромсдаля забившимися в какую-то расселину.

— Чуть ниже — целая группа ссви, — сказал норвежец. — Они там хорошо окопались. Пройти будет непросто. Где Колен и Сабатье?

— До вершины так и не добрались. Но держатся неплохо... Слышите?

Действительно, чуть выше и позади нас продолжалась стрельба, очень насыщенная.

— Попробуем их вытащить, — сказал Сантос. — Следуйте за мной.

Он побежал по прямой, не забирая ни вверх, ни вниз. Когда мы припустили следом, снизу грянули не слишком меткие выстрелы: с дюжину ссви уже карабкались к нам так быстро, как только могли. Сантос начал подниматься по склону, когда слева от нас вдруг прозвучал боевой клич ссви: взявшиеся непонятно откуда, на нас летели десятка два кентавров. Сантос повернулся, но тут же скатился в песок, выронив оружие. Ромсдаль рухнул почти одновременно с ним. Я опорожнил всю обойму в первого нападавшего, но

тут подоспели и остальные. Я вскинул руку, защищаясь, но получил такой удар прикладом по голове, что у меня едва не треснул череп.

глава 11

Василий Александрович Руденко

В сознание я пришел очень медленно. Жутко болела голова, в висках стучало. Дышал я с трудом. Из всех своих конечностей я чувствовал лишь левую руку, в которой то тут, то там ощущались тупые покалывания. Вокруг себя я слышал смутный шум голосов, из которого не мог ничего разобрать.

Наконец я открыл глаза и обнаружил, что лежу на земле под ярким солнцем. Прикрыв веки, я попытался собрать мысли, воспоминания. Вероятно, я угодил в руки ссви. Однако голоса, которые я слышал, несомненно, были человеческими.

Сделав над собой усилие, я попытался распрямиться, но так и не смог. Всё вокруг кружилось. И все же, защитив рукой глаза от солнца, кое-что разглядеть я сумел. Рядом со мной стоял какой-то мужчина. Он хлопнул меня по плечу:

— Ну что, мсье Бурна, вам уже немного лучше? Рад познакомиться. Ваш прадед был близким другом моего. Меня зовут Жак Морьер.

— Очень приятно, — машинально сказал я.

Я попытался подняться на ноги.

— Лежите, прошу вас. После такого удара вам лучше бы какое-то время не вставать.

Щуря глаза, я ошеломленно смотрел перед собой, в голове крутились тысячи мыслей. Фамилия «Морьер», которой, услышав ее по радио, я не уделил особого внимания, теперь вызвала в моем оцепеневшем мозгу кучу семейных воспоминаний, связанных с восхитительными рассказами, очаровавшими меня в детские годы, с эпопеей первых поселенцев Теллуса.

Капитан, коренастый и улыбчивый, унаследовал от прадеда статную, широкоплечую фигуру. Но белокурыми во-

лосами и голубыми глазами он, вероятно, был обязан своим норвежским предкам.

— Вам и вашим друзьям сильно повезло, — сказал он. — Мы подоспели в самый последний момент. Не так ли, мсье Сабатье?

Глава нашей делегации только-только подошел вместе с Коленом и Луисом. Он согласно кивнул:

— Да уж, ситуация была хуже некуда! Ссви уже вязали нас, словно сосиски, когда прибыли ваши десантники. Никогда еще пулеметный огонь не доставлял мне такого удовольствия...

— Хотел бы я знать, что случилось, — сказал я. — А где Ромсдаль и Сантос?

— Они чувствуют себя вполне удовлетворительно, не волнуйтесь. Лейтенанту пуля прошила плечо, а вашему выдающемуся коллеге угодила в икру стрела. Это неприятно, но не смертельно. Они уже пришли в сознание. Ими занимается врач, вон за той большой скалой.

— А ссви?

— Ну, должен сказать, их осталось не так уж и много... Бойцы они знатные. Не оставляют ни раненых, ни пленных. Вот только здесь они были в численном меньшинстве, так что хребет мы очистили довольно-таки быстро.

— Но могут появиться и другие.

— Да мы долго тут торчать и не будем. Вы как, в состоянии идти самостоятельно? Обопритесь на меня.

Я с трудом поднялся на ноги. Левая рука, сильно болевшая, висела плетью, но, похоже, я ничего не сломал. Правой рукой я приобнял капитана и при его поддержке прошел с десятков метров. За скалой мы обнаружили Ромсдаля и Сантоса, а также двух раненных десантников, лежавших на носилках. Восемь человек их, эти носилки, подняли, и мы начали спускаться к долине в кольце окруживших нас с автоматами наготове оставшихся бойцов боевой группы.

— Видите ли, — сказал Морьер, — мы не знали, что вы переехали — были слишком заняты наблюдением за замеченным нами русским. На рассвете, или чуть раньше, за ним пришла группа сслвилов. Затем мы обнаружили, что у него

есть еще и два спутника. И все трое, под солидным эскортом, ушли через лес... С нами на хвосте, разумеется.

— А мы примерно в это же, судя по всему, время, — отметил Сабатье, — вынуждены были сняться с лагеря.

— Вероятно. Но мы этого не знали, так как шли вслед за русскими. И ни за что на свете я не пожелал бы их упустить. Признáюсь, в тот момент я несколько пренебрег вами... Впрочем, мы и русских едва не упустили, так как часов в девять утра сслвипы угодили в засаду. Не довольствуясь лобовой атакой на сслвилов, ссви совершили обходной маневр. В лесу их было полным-полно.

— Мы и в самом деле слышали отголоски этого боя. Вы в нем участвовали?

— Да нет, воздержались: сначала я решил посмотреть, как пойдут дела. Нам и самим пришлось применить парочку тонких хитростей, чтобы остаться необнаруженными, но в этом мы преуспели. В конечном счете сслвидам, пусть и не без потерь, удалось пройти, и мы снова двинулись следом. А чуть дальше их путь пересекся с чьим-то еще.

— Вероятно, с нашим, — сказал я. — Именно тогда русские и попытались сбежать.

Капитан вытаращил на меня глаза. Луис пересказал сцену, свидетелями которой нам довелось стать.

— Что ж, это в какой-то мере всё меняет, не так ли? Мы ведь полагали, что русские являются союзниками сслвилов. Теперь это уже под сомнением. Выходит, они могли быть и их пленниками...

— Нам это все равно ничего не дает, — заметил Луис. — Вы ведь потеряли их след...

— Потеряли их след? Да никогда в жизни! — воскликнул Морьер. — Я прекрасно знаю, где они сейчас!

— И что ж вы тогда всё еще тут?

— Уж вам-то на что жаловаться? Вам повезло даже больше, чем вы думаете, потому что, когда мы вас освобождали, мы не знали, что это именно вы.

— Подождите-ка! Я как-то за вами не поспеваю...

— Когда след русских смешался с другим, — пояснил капитан, — вас рядом не было, и потому никто не мог сказать

нам, что этот второй след принадлежит вам. Так как вскоре два этих следа снова разошлись, и, поскольку мы не знали, какой из них нужный, то есть куда пошли русские, я разделил отряд на две части. Моя группа, не зная этого, пошла по вашим стопам, а группа лейтенанта Робертса двинулась по следу русских.

— И если бы не эта счастливая случайность, вы бы не подоспели как раз вовремя, чтобы освободить нас?

— Так точно. Но Робертс остается со мною на связи. Русские и их эскорт укрылись в пещерах, не так уж и далеко отсюда. Туда мы сейчас и отправимся.

За время этого разговора мы без происшествий достигли дна долины, после чего продвинулись на два или три километра к югу. Несколько раз разведчики, которые прикрывали нас издалека, продвигаясь вдоль хребтов, поднимали тревогу, и тогда нам приходилось прятаться, но выявленные ими группы черных или красных ссви всякий раз проходили в стороне от нас.

Гелиос и Соль уже начали заходить, когда внезапно на нашем пути вырос часовой. Морьер окликнул его:

— Ну, Гомес, что нового?

— Ничего, мой капитан. Они всё еще там. Лейтенант ждет вас.

Появился второй десантник, который провел нас вдоль бокового оврага к скалам с бесчисленными пещерами. Раненые были перенесены в одну из них. Лейтенант Робертс, рыжеволосый верзила, вышел из другой.

— С момента моего последнего сообщения они не перемещались. Укрылись в полудюжине гротов, метрах в пятистах отсюда, выставив снаружи лишь трех часовых. Это место — настоящий лабиринт: все пещеры так или иначе сообщаются одна с другой.

— Черт! Тогда совершенно необходимо застать их врасплох. Сколько их там?

— Сложно сказать. Мы ни разу не видели их всех вместе. Если судить по следам, то я бы сказал, от двадцати до тридцати ссвилов. Но может оказаться и гораздо больше. Именно поэтому я и решил без вас не атаковать — лишние бойцы не помешают.

— В любом случае придется применить газ, — сказал Морьер. — Это единственный способ совладать с ними.

— Вне всякого сомнения. Эта подземная сеть столь обширна, что бесполезно даже надеяться обнаружить все входы и выходы.

— Только помните, — вмешался Сабатье, — что они нужны нам живыми, эти русские. Постарайтесь их не покалечить!

— Потому-то мы и применим газ: запустим его ровно столько, чтобы спокойно усыпить и русских, и их надзирателей. Это безвредно и тихо. Они и опомниться не успеют.

— Пока что, — сказал Робертс, — я установил кордон наблюдения в радиусе ста метров от этих часовых. Если хотите, мы можем его и стянуть.

Морьер ответил после некоторого раздумья.

— Сначала укрепите кольцо оцепления. Расположите людей через каждые двадцать — двадцать пять метров, чтобы никто не смог ускользнуть. Тут есть какая-нибудь возвышенность, с которой мы смогли бы руководить операцией?

— Разумеется.

— Хорошо. Мы разместимся там с десятком человек резерва. Остальных хватит на то, чтобы образовать четыре группы из трех или четырех человек, чтобы обшарить пещеры. Уилсон, Лаваль, Бьорнсен и Шарнье возглавят эти группы. Пусть наденут противогазы и забросят по две газовые гранаты в каждую из пещер, ни одной не пропуская. Это, конечно, расточительство, но рисковать мы не можем. Пусть останутся, когда будут метрах в двадцати метрах от часовых, и дадут нам отмашку — тогда-то мы и бросим резерв на штурм.

— Слушаюсь!

— И, конечно же, соблюдать абсолютную тишину!

— Есть, соблюдать абсолютную тишину!

Лейтенант удалился, чтобы отдать указания, Морьер же повернулся к нам:

— А вы, господа? Если еще не слишком пресытились битвами, можете присоединиться.

— Я, конечно же, хотел бы увидеть, что произойдет, — воскликнул Луис. — А ты, Жан?

Я указал ему на мою неподвижную левую руку.

— Я тоже, но только как зритель, а не как боец...

Робертс вернулся с «резервом», и мы последовали за ним через скалистый лабиринт. Затем он заставил нас взобраться на скалу. Мы прошли кордон оцепления, и наше продвижение стало чрезвычайно осторожным. Наконец наш проводник достиг края нового оврага и жестом предложил нам приблизиться к нему ползком: где-то совсем рядом находились сслви́пы.

Осторожно выглянув из-за скалы, я заметил несших вахту часовых. Один неподвижно стоял у входа в занятые пещеры. Два других патрулировали овраг.

— Сначала нужно попытаться разобраться с этими двумя, — сказал Морьер.

В полной тишине мы прождали минут десять, в то время как группы десантников заходили во все пещеры от краев к центру, забрасывая каждую из них гранатами с усыпляющим газом, но ни одного из сслви́пов так и не встретив.

Наконец Робертс, тихим голосом поддерживавший радиосвязь со своими десантниками, подал нам знак, что первая фаза операции завершена. Далее в действие вступил резерв: спустившись на дно оврага более ловко, чем кошки, люди Морьера застали врасплох и нейтрализовали патрульных. Это было сделано столь тихо, что третий часовой ничего не заподозрил до тех пор, пока у его ног не разорвалась газовая граната.

Прежде чем рухнуть, сслви́п лишь издал приглушенный вскрик. Овраг уже кишел десантниками. Уже через несколько секунд во все пещеры было брошено еще по паре гранат. Затем наши люди отступили в укрытие, где стали дожидаться ответных реакций.

Их почти не последовало. Со своего наблюдательного поста я увидел, как у входа в один из гротов возникли два воина, но тут же упали, пораженные газом. Короткая пулеметная очередь справа от нас на корню оборвала попытку выхода из другой пещеры. Еще несколько гранат совершенно успокоили осажденных. Снова воцарились тишина и спокойствие.

Через минуту десантники, всё еще в противогазах, осторожно, с оружием в руках, углубились в пещеры, но уже

вскоре вышли с ликующим видом. Сняв маску противогаза, один из них прокричал:

— Они все в нокауте, капитан: всё в порядке! Мы нашли у них трех парней. Помогите нам их вытащить!

Со всех сторон раздались крики радости, повсюду возникли десантники. Морьер отдал по радио команду собраться группам и организовать вокруг только что занятой нами позиции надежную сеть защиты. Затем мы занялись работой по очистке пещер от ссвивов.

Уже больше не переживая за судьбу «наших русских», я внезапно почувствовал себя совершенно разбитым болью и истощенным. Рука и голова так болели, что я решил немного передохнуть в сторонке. Я был такой не один: к нам снова присоединились санитары, доставив наших раненых. Дипломатическая делегация, направленная на Большой Совет Черных Племен в полном составе легла на песок в тени огромного утеса.

Когда капитан появился снова, в руках у него была большая кожаную фляга, которую он вручил Сабатье:

— Вот, держите. Полагаю, это поможет вам восстановить-ся. Это скин, алкогольный напиток — часть нашей добычи. Не знал, что ссвивы к нему пристрастились.

— Вероятно, это следствие их грабительских набегов в Новой Америке, — предположил Луис, беря флягу.

Пока мы поочередно делали по глотку скина, Морьер описал ситуацию:

— Что ж, господа, вот что мы имеем... Ни одному ссвиву не удалось ускользнуть, так что у нас тридцать два пленных. Они все еще находятся под влиянием газа, но вскоре придут в сознание, что создаст для нас серьезную проблему охраны и перемещения. Пока что мы ограничились тем, что просто их разоружили, надежно связали и собрали в одном месте, чтобы легче было за ними присматривать. Учитывая, что у каждого из пленных две пары ног, пара рук и в среднем сто двадцать килограммов веса, сами понимаете: нам пришлось потрудиться. Небольшую передышку мои люди вполне заслужили.

— А русские?

— А вы вообще уверены, что они — русские? Впрочем, будет видно. Мы вытащили их из пещеры, но заняться ими еще не успели. Они мало-помалу приходят в себя. Я как раз и хотел пригласить вас присутствовать при их пробуждении и первом допросе.

Сабатье встал.

— Пойдемте. Надеюсь, они знают и еще какой-нибудь язык, кроме русского, иначе диалог может оказаться сложным...

Мы направились за ним и Морьером. Сантос и Ромсдаль настояли на том, чтобы сопровождать нас прямо на своих носилках. Лейтенант сказал:

— Только вот что, капитан: долго нам здесь оставаться нельзя — на нас в любой момент может налететь армия сслипов или же ссви. С другой стороны, не хотелось бы и пытаться вернуться в Новую Америку пешком...

— Ну разумеется! До ближайшей границы минимум сто километров. Нет, мы сможем выбраться отсюда только вертолетом. Я уже предупредил генерала О'Хару. Он казался вполне удовлетворенным, если не сказать больше, и распорядился срочно проработать вопрос нашего возвращения на родину.

Беседа так, мы вышли на открытое пространство, покрытое песком и усыпанное обломками горной породы. Окружал его настоящий пояс крупных валунов. Десантники несли там бдительную охрану, нацелив автоматы на сслипов, собранных в центре и все еще по большей части находившихся без сознания.

Гелиос уже опустился к горизонту: в том единственном уголке, куда еще проникали его лучи, двое парней Морьера оказывали первую помощь «русским». До сих пор я видел этих трех чужаков только издали, во время их попытки побега, теперь же смог рассмотреть как следует. Их вид был как минимум удивительным.

Они были высокие и светловолосые, но их длинные волосы и косматые бороды свидетельствовали о том, что они на протяжении многих недель не видели ни ножниц, ни бритв. Их одежда, ужасно изношенная, была грубо зашита и залатана кусками кожи. Тем не менее на ней еще можно было

различить признаки униформы: жесткие погоны и металлические пуговицы. Брюк они не носили, но были в достаточно длинных шортах серого цвета и легких хлопчатобумажных куртках, тоже серых. Двое из них были босые, у третьего на ногах были низкие кожаные ботинки, у которых от подошв осталось одно лишь воспоминание. Он носил также портупею и пояс, на котором висела пустая кобура.

— Вы нашли при них какие-нибудь бумаги или документы? — спросил Сабатье.

— Нет, сэр, абсолютно ничего такого, — сказал один из десантников. — В их карманах были только обычные личные безделушки.

Он показал нам с дюжину различных предметов, разложенных на плоском камне: трубку, две небольшие связки ключей, карандаш без грифеля, совершенно «пустую» зажигалку, два грязных, изорванных носовых платка, две смятые, почти пустые пачки сигарет и все еще полный коробок спичек. Я указал Луису на русские надписи. Он кивнул: сигареты были той же марки, что и найденная накануне пачка.

— Вот и доказательство того, — сказал, — что они — русские.

Кроме того, там были еще карманный калькулятор, который показался мне гораздо более совершенным, чем те, что остались нам со времен Катаклизма — он был с дисплеем и множеством кнопок, — а также наручные часы, которые с любопытством осмотрел Сабатье. Они все еще шли, и циферблат был разделен на двенадцать часов, как это некогда было принято на Земле, а не на десять, как заведено у нас на Теллусе.

— Прекрасные механические часы, — сказал я. — Семьдесят пять лет прошло, а они все еще работают...

— Да еще и с автоподзаводом, — заметил Луис. — Нигде не вижу заводной головки...

— Возможно, они работают на батарейках... как тогдашние калькуляторы, — предположил Сабатье.

— А где они брали запасные все это время? Мы их не производим, насколько мне известно.

— Что ж, это доказывает, что они располагают не менее, а может, даже и более развитой, чем наша, промышленностью... Честно говоря, мне эта мысль не слишком нравится...

Один из незнакомцев слегка пошевелился. Мы обошли вокруг него. Он захлопал ресницами, протер глаза, затем сел из положения лежа. Он смотрел на нас с озадаченным видом.

— Раз уж никто не знает русский, можно попробовать английский.

Сабатье наклонился к мужчине и медленно, по слогам, спросил:

— *Do you speak English?*

Вместо ответа незнакомец, продолжавший смотреть на нас с ошеломленным видом, помотал головой в знак отрицания. Лежавший на носилках Сантос предложил свои услуги на испанском языке, но тут зашевелился другой русский — тот, что был в ботинках. Похоже, он быстрее пришел в себя. Он сел и посмотрел на нас, вскинув брови, затем повернулся к своему спутнику. Тот вопросительным тоном произнес какую-то короткую фразу. Внезапно мужчина в ботинках вскочил на ноги, радостно вскрикнул и бросился обнимать Сабатье, тыкаясь бородой и всклокоченными волосами в его лицо. Когда русский наконец от него отстранился, то бросился к своему товарищу и вынудил его встать, излив на него целый поток слов. Между тем и третий пришел в сознание: остолебевший, он слушал речь человека в ботинках. В конечном счете русские снова бросились нас обнимать, переходя от одного к другому с одним и тем же энтузиазмом. То была минута полнейшего замешательства. Всем девятерым из нас, включая Морьера, двух фельдшеров и даже Сантоса и Ромсдаля на их носилках, пришлось испытать на себе трогательные излияния чувств трех этих парней.

Наконец, мало-помалу, все успокоились. Мы разглядывали друг друга, запыхавшиеся, но улыбающиеся. Сабатье снова спросил, обращаясь на сей раз уже ко всем трем русским:

— *Do you speak English?*

— *Yes*, — сказал тот, что был в ботинках.

— Что ж, — заметил Сабатье по-французски, — это облегчит дело.

— Но я говорю также и по-французски.

Все рассмеялись. Человек в ботинках внезапно встал по стойке «смирно», щелкнул каблуками и на безупречном французском языке объявил:

— Лейтенант Василий Александрович Руденко, командир легкого разведчика «Смоленск». Но вы, конечно же, и так знаете, кто я, — как, разумеется, знаете, и кто мои спутники. Это сержанты Николай Первухин и Сергей Киров.

Все мы немало удивились. Сабатье возразил:

— Вы ошибаетесь, лейтенант. У нас не было ни малейшего представления о вашей личности. Но позвольте тогда нам тоже представиться. Меня зовут Жак Сабатье, а это капитан Морьер, который...

— Вы хотите сказать, — промолвил Руденко, — что обнаружили нас случайно? Но это невероятно! На такой огромной планете!.. И как так вышло, что до вас не дошли наши сигналы бедствия?

Сабатье жестом остановил его.

— Уверяю вас, лейтенант, мы никогда о вас даже не слышали. Более того, нам очень хотелось бы знать, как вы здесь очутились. Всего несколько дней тому назад мы и не подозревали, что на Теллусе есть другие люди.

— На Теллусе? Ах да, вероятно, так вы называете эту планету? Что ж, в таком случае нам безумно повезло, что вы нашли нас и вырвали из рук этих дикарей!

Он перевел взгляд на лежавших на песке ссвивов, некоторые из которых уже шевелились под пристальным взглядом их охранников.

— Должен заметить, что обращались они с нами вовсе не плохо, вот только более полугода таскали нас за собой через лес, так что мы уже начали отчаиваться.

— Но откуда вы тут взялись? — воскликнул Морьер.

Русский посмотрел на него с удивлением. Он выглядел даже задетым.

— Странно, что вы не слышали о «Смоленске». Я думал, наше исчезновение наделало немало шума: как-никак мы

были первыми, кто совершил «великий прыжок»! Как подумая о церемониях, сопровождавших наш вылет... На Красной площади собралось около миллиона человек!

Мне показалось, что мое сердце перестало биться. Остальные смотрели на Руденко с недоверчивым видом, совершенно его не понимая. Я воскликнул:

— На Красной площади? Вы сказали — *на Красной площади?*

— Ну да — на Красной площади, — сказал русский. — А что вас так удивляет?

Глубоко вздохнув, я постарался придать своего голосу самый спокойный тон:

— Так вы прибыли с Земли?

— Ну разумеется! — ответил Руденко. — Откуда еще, по-вашему, мы должны были прибыть?

— Когда конкретно вы вылетели?

— 23 октября 2059 года.

Снова повисла гнетущая тишина. Нам всем нужно было переварить эту новость... Трое русских смотрели на нас без единого слова, явно заинтригованные. Мне и самому казалось, что я вижу сон, переживаю мечту археолога. Земля! Земля, потерянная в глубине времени и пространства. Планета-мать, с которой наше теллусийское Человечество, как мы полагали, разошлось навсегда. Я вспомнил отчаяние, которое иногда читал в глазах моего прадеда, когда он говорил о своей юности, о жизни до Катаклизма. Как мне хотелось, чтобы он был еще жив и стоял в этот момент рядом со мной! Прерванная связь возобновилась. Эти русские прилетели с Земли, с которой отбыли всего девять месяцев тому назад!

Торжественным, немного дрожащим голосом Сабатье произнес:

— Лейтенант Руденко, теллусийское Человечество приветствует вас. Простите нам наше волнение. Мы никогда не думали, даже не мечтали, что когда-нибудь до нас долетят люди с Земли!

Русский выглядел еще более заинтригованным.

— Не понимаю, — сказал он. — Вы говорите так, будто сами вы — не земляне. Но вы знаете земные языки. Вы

не можете быть родом отсюда... Вы должны были прибыть с Земли...

Он на какое-то время умолк. Мы смотрели на него, не говоря ни слова. Затем он вдруг сказал:

— Но тогда, выходит, вы прибыли на эту планету еще до нас... И давно?..

Я ощутил на себе его взгляд.

— Семьдесят пять лет тому назад, — сказал я.

— Космическое Столкновение!

Он буквально выкрикнул эти два слова, а затем повторил:

— Космическое Столкновение! Ну да, Космическое Столкновение, естественно!

Слова полились из него настоящим потоком. Руденко пришел в такое волнение, что звук «р» сделался у него раскатистым:

— Вы хотите сказать, что некоторые части Земли были перенесены на эту планету? И кому-то удалось выжить? И вы — потомки этих людей? Черников и Керенский предполагали такую возможность, но никто в нее всерьез не верил.

— Именно так. Вы совершенно правы.

— Восхитительно! Действительно восхитительно! Господа, мы должны выпить за эту историческую встречу.

Рассмеявшись, Колен протянул ему скиновую водку. Руденко торжественно отпил два глотка, поморщился и передал флягу своим товарищам, которые слушали весь этот разговор с открытым ртом, вероятно, мало что из него поняв. Пока они выпивали, лейтенант по-русски пересказал им его, судя по всему, во всех подробностях, ибо и на их лицах отразились те же эмоции, которые только что испытал сам Руденко. Фляга вернулась к Луису, затем начала переходить из рук в руки.

Подошел десантник и, отдав честь Морьеру, сказал:

— Капитан, Унион сообщает, что за нами только что вылетели шесть тяжелых вертолетов. Они должны быть здесь через двадцать пять минут.

— Шесть вертолетов! — воскликнул русский. — А вы не так уж и плохо устроились, господа Выжившие!

— О, — с улыбкой ответил Морьер, — это лишь четверть нашего транспортного флота!

глава 12 Новости с Ареса

Один за другим благополучно приземлились вертолеты, и десантники не без труда погрузили в них тридцать два пленных сслви́па. Наша делегация, вместе с Морьером и тремя русскими, поднялась в последний аппарат. Разговор, под непрерывным огнем взаимных вопросов, проходил в таком живом ритме, что мы даже удивились тому, сколь быстро оказались в Унионе.

Руденко рассказал нам об обстоятельствах вынужденной посадки «Смоленска» на Теллус. Серьезно поврежденный, корабль приземлился на опушке леса. Спустя несколько часов появилась группа из примерно тридцати сслви́пов, которые без малейшего предупреждения пошли в атаку. Атака эта была легко отбита благодаря имевшемуся на борту огнестрельному оружию, но это лишь дало экипажу передышку. На следующий день русские вновь оказались в осаде.

Разумеется, Руденко и его спутники не могли надеяться на то, что им удастся удерживать позицию бесконечно. О присутствии на планете других людей они не знали и потому не могли рассчитывать на скорую помощь.

В общем, они решили прекратить всяческое сопротивление, предварительно выведя из строя то, что оставалось от двигателей, а также переносное оружие, — естественно, им не хотелось, чтобы оно попало в руки дикарей. Но они не сочли необходимым поступить так же с артиллерией корабля и ядерным вооружением, ибо были убеждены, что сслви́пы никогда не смогут понять, как ими пользоваться, и даже не заподозрят, что имеют дело со смертоносным оружием.

В этом они сильно недооценили интеллект черных ссви.

Итак, экипаж «Смоленска» добровольно сдался в плен. Пока корабль подвергался разграблению, похитители утащили русских в лес вслед за собой. Их одиссея длилась полгода, и на протяжении всего этого времени сслви́пы тщательно скрывали от них сам факт существования теллусийского Человечества.

Когда накануне они впервые услышали выстрелы, то решили, что им на выручку наконец-то прибыла вторая земная экспедиция. Тогда-то они и попытались сбежать. Пойманные своими надзирателями, они были уведены подальше от места битвы и спрятаны в глубине лабиринта пещер. Помещенные под тщательное наблюдение, они уже не могли помышлять о побеге: можно себе представить их отчаяние! Затем разорвались газовые гранаты, и они оказались среди нас.

Руденко понятия не имел, что стало с обломками корабля и собранной дикарями на нем добычей. Только от нас он узнал, сколь прискорбным образом сслюпы использовали артиллерию и ядерное оружие. Убитый горем, он глубоко упрекал себя за то, что не принял мер предосторожности по обезвреживанию «гранат», несмотря на риск облучения, который эта операция подразумевала. Луис рассказал ему, что одна из этих «гранат», подобранная на поле боя близ Вкесса, была доставлена в Ссвивиль и исследована Комиссией по расследованию, которая обнаружила ее радиоактивность.

Руденко был очень удивлен.

— Это оружие защищено оболочкой, которая не пропускает никакую радиацию: с ним можно обращаться совершенно безопасно. Вероятно, дикари нашли способ снять эту защиту, что автоматически обезвреживает гранату. Наверное, поэтому она и не взорвалась...

Этот разговор напомнил мне о загадке, решение которой так мною и не было найдено.

— Мы все хотели бы, Василий, чтобы вы просветили нас насчет одного географического пункта.

— Без проблем.

— Где находится город Тверь?

Лейтенант, казалось, даже удивился:

— В России, естественно. Примерно в ста пятидесяти километрах к северо-западу от Москвы... Но почему...

— Потому что его нет ни на одной из наших карт СССР.

— Ни на одной из ваших карт... О, понятно!

Громко рассмеявшись, он хлопнул меня по плечу:

— Но СССР больше не существует, друг мой! Советского Союза нет уже несколько десятилетий!

От изумления у меня аж челюсть отвисла. Даже если бы он заявил нам об исчезновении Соединенных Штатов и Франции, я и то удивился бы меньше. Археолог никак не может ожидать, что объект его исследования возьмет и вот, запросто, исчезнет, а политические структуры старой доброй Земли были для меня прочно закреплены в неизменном прошлом. Представить, что СССР может исчезнуть!.. Это было немыслимо.

Но Руденко стоял на своем:

— Очевидно, вы никогда не слышали ни о Горбачеве и перестройке, ни о президенте Борисе Ельцине... Все это уже настолько старо для меня, что я с трудом понимаю ваше удивление... И Тверь тогда называлась «Калинин», если мне не изменяет память. Но, естественно, всем городам, которые переименовали коммунисты, были возвращены их старые, существовавшие до 1917 года, названия. А почему вас интересует Тверь?

— Из-за надписи на ядерной гранате, — сказал Сабатье. — Подождите. Я покажу вам текст: он нас заинтриговал.

Он открыл свой бумажник, вытащил из него листок и протянул русскому. Тот прочитал:

— Модель U.N. 447 P.R. 2055 — Изготовлено в Твери «Российской атомной промышленной компанией». В этом нет ничего загадочного. U.N. означает «Организация Объединенных Наций». U.N. 447 P.R. является официальным международным обозначением для того типа гранат, который может разрешить только ООН. 2055 — это год изготовления. А «Российская атомная промышленная компания» — один из крупнейших в нашей стране производителей атомной энергии. У них заводы повсюду, в частности — в Твери. Но вы, конечно же, не могли этого знать... Все так сильно изменилось!

Я вздохнул:

— И куда мы только движемся, если археологи должны быть в курсе современных реалий!

Когда мы приземлились на территории военной базы Униона, стояла уже кромешная ночь: лишь тонкий полумесяц Селены виднелся чуть выше линии горизонта. Но взлетно-посадочную полосу освещали мощные прожекторы, и ожидавшая нас там группа солдат тут же взяла на себя

ответственность за пленных сслипов, которых, в ожидании принятия решения об их судьбе, следовало доставить в отведенную им резиденцию.

Сияющие от радости Бенсон и генерал О'Хара лично почтили нас своим присутствием. Морьера тепло поздравили с успехом его миссии, и все отправились в резиденцию президента, где должен был состояться Тайный Совет: необходимо было верно оценить ситуацию, определить политику и решить, следует ли обнародовать «Сенсационную Новость».

Собрание длилось большую часть ночи. Сабатье, Колен, Луис и я уже едва держались на ногах. Морьер и русские выглядели не многим лучше. Этот Тайный Совет был настолько тайным, что у меня сложилось впечатление, будто на нем присутствовала половина населения Униона: я обнаружил там своего «патрона», профессора Бевэна, а также многих известных ученых, с которыми в той или иной степени был знаком. Были на совете и все эксперты Комиссии по расследованию, с которой я сотрудничал в Ссвивиле, и, разумеется, члены правительства.

Я даже не стану пытаться подробно рассказать об этом бесконечном заседании. Большая его часть была посвящена получению от русских связного отчета о том, что произошло на Земле после Катаклизма, и событиях, из-за которых они угодили в руки сслипов. Наши гости, пожелали узнать основные вехи истории теллусийского Человечества. Когда началось обсуждение того, какую следует принять политику, я уже практически спал наяву.

Я вышел с собрания столь уставшим, что нашел в себе силы лишь вернуться на одной из машин канцелярии президента в дом моего дядюшки. Как был, в одежде, я бросился на кровать и проспал до следующего дня.

Проснувшись, я обнаружил на кровати стопку газет, которые там оставил для меня дядя. «Унион-Матен» вышла с таким заголовком на всю ширину страницы:

ЗЕМЛЯНЕ НА ТЕЛЛУСЕ

На территории сслипов приземлился русский звездолет

Что до «Унион-Геральд», то она объявляла:

РЕЙД ЗЕМЛЯН НА ТЕЛЛУС

Прошлой ночью в Унион были доставлены русские космонавты

Это были специальные вчерашние выпуски, вышедшие сразу же после ночного собрания. Они ограничивались тем, что приводили официальное коммюнике, текст которого был составлен секретариатом президента:

*«Военная операция, проведенная на основании раз-
личной информации, полученной Федеральной службой
безопасности, позволила освободить вчера группу из
трех русских космонавтов, угодивших в руки сслвинов.
Эти три человека составляли экипаж разведыватель-
ного космического корабля, вылетевшего с Земли в про-
шлом году. Вынужденные приземлиться на сслвиновской
территории в результате аварийной ситуации, они
ничего не знали о существовании теллусийского Чело-
вечества. Все трое пребывают в полном здравии. Ночью
их приняли в Унионе президент и члены правительства.*

*Из заявлений русских следует, что проблема связи
между Землей и Теллусом практически решена. Завтра
совет министров соберется для изучения мер, которые
необходимо будет предпринять в связи с создавшейся
таким образом новой ситуацией. После заседания со-
вета секретарь по внешним связям проведет пресс-
конференцию».*

Я встал, наспех умылся и привел себя в порядок. Дядю Анри я обнаружил расхаживающим взад и вперед по столовой, где меня ждал плотный завтрак.

— Наконец-то проснулся наш великий человек! — воскликнул он. — Я и не думал, что герои могут так уставать. Ешь, но вместе с тем старайся и говорить. Не могу ждать больше ни минуты!

— С чего ты взял, что я вел себя как герой? — спросил я, присаживаясь к столу.

— Да вся пресса об этом твердит, так что нет смысла изобращать из себя скромнягу! Твое фото — на первой странице.

Он протянул мне только что вышедший выпуск газеты «Матен». Намазывая маслом гренки, я смог лицезреть лица шести членов «Миссии Сабатье» и Морьера. Не хватало лишь пятидесяти десантников капитана: журналисты, вероятно, еще не успели выяснить их личности, но то был лишь вопрос времени.

Я быстро просмотрел заголовки и подзаголовки. Со вчерашнего дня не было опубликовано ни одного официального коммюнике, и однако же на первой полосе красовался полный рассказ о налете Морьера на сслвилов.

— Интересно, где они всё это раскопали, — сказал я. — В принципе, до пресс-конференции Бенсона никто ничего не должен был раскрывать.

— Слишком много людей посвящено в тайну, малыш. В деле такого масштаба журналисты ради информации готовы поджарить ступни собственной матери. И не только они. Вот взгляни на меня, например: да я тебя придушу, если будешь молчать!

— Черт возьми! Тогда уж ты точно ничего не узнаешь!..

— Хватит болтать. Я тебя слушаю. О своей поездке к сслвилам можешь не рассказывать: всё это есть в газетах, хотя, по правде сказать, никто так и не смог объяснить, что ты там делал...

— Государственная тайна, *top secret*, как говорится... Вижу, хотя бы это никуда не ушло...

— Да на это я плевать хотел! Меня ничуть не волнует, собирал ли ты там грибы или охотился на тигрозавра. Меня интересует лишь то, что вам рассказали русские.

— Говорю же: государственная тайна. Так что я об этом — молчок!

— Не глупи! В газете уже есть три четверти информации. Посмотри сам на второй странице. Мне нужна лишь последняя, четвертая. В любом случае до завтрашнего утра журналисты раскопают всю историю.

Вероятно, в этом он был прав. Суть рассказа Руденко уже фигурировала в колонках «Матен». И все же я удостоверился, что про ядерное оружие в газеты ничто не просочилось. К счастью, этот секрет так и остался секретом, и это было

самое главное. Слава богу, репортеры, вероятно, не додумались задать правильные вопросы. Я уступил:

— Ладно, Торквемада. Расскажу. Спрашивай.

— Торкве... — кто? — пробормотал дядя.

— Никто. Есть такая шутка у археологов. Давай, я слушаю.

— Вопрос номер один: что произошло на Земле во время Катаклизма? Газета об этом умалчивает. Твой прадед утверждал, что на Землю перенесся кусок — или куски — Теллуса. Брюстер был того же мнения. Это верно?

— По правде говоря, Руденко выдал нам не так уж и много подробностей. Какие-то части Теллуса действительно были разбросаны у них то тут, то там, но я не знаю, где именно. В целом, Катаклизм проявился в виде страшного и гигантского землетрясения. Земляне называют его «Космическим Столкновением». Было несколько миллионов жертв, в частности в Соединенных Штатах и в Румынии, где излилась добрая часть теллусийских океанов. Появились и отдельные представители теллусийской флоры и фауны, но им не удалось выжить в конкуренции с земными видами. Вот гидр в некоторых зоопарках, похоже, все еще можно увидеть.

— Это больше, чем их осталось здесь, — с отвращением сказал мой дядя. — Слава богу, мы тут полностью избавились от этой заразы. Но как они совладали с ними на Земле? Прибегли, как и мы, к бактериологической войне?

— Не имею ни малейшего представления, — сказал я, пожимая плечами.

— Ладно, — сказал дядя. — Вопрос номер два: из того, что ты только что сказал, следует, что у землян было все необходимое для того, чтобы определить, как это сделали мы, причины Катаклизма. Ты знаешь, что лет пятнадцать тому назад я много работал с Хои. Выходит, земляне тоже разработали теорию, аналогичную теории Менара, Хои и Брюстера?

— Да. Руденко подробно изложил нам этот вопрос. К сожалению, я мало что понял. Он говорил о некоем законе Никитина, который управляет «движениями» пространства-времени в пятом измерении. Еще он упоминал гипергеоде-

зическую сеть Хои, которую он называет «кривыми Уокера и Мартена». Земляне находились в более благоприятном, чем мы, положении, так как могли совершать космические исследования. Они не только рассчитали теоретическую «траекторию» Катаклизма на Земле и удостоверились, что она полностью соответствует действительности, но и экстраполировали ее на всю Солнечную систему и сразу же начали проверять на месте.

— Великолепно! А потом?

— Вот тут-то и становится интересно. Они заметили, что, согласно их закону Никитина, точки соприкосновения между пространственно-временным континуумом Земли и таким же континуумом Теллуса перемещаются очень медленно. После первых верификаций, примерно в 2015 году, они обнаружили, что «зона гиперкапания», как они ее называют, располагалась чуть дальше орбиты Урана. С тех пор эта область, разумеется, переместилась, но, по словам Руденко, в настоящее время она находится всего лишь в шести миллиардах километров от Солнца, то есть ближе, чем афелий Плутона. Более того, похоже, расчеты показывают, что еще несколько тысячелетий эта зона продолжит удаляться крайне медленно. Порой она, вероятно, даже приближается.

— И потому контакт между нашей вселенной и вселенной Солнечной системы будет доступен землянам, если можно так выразиться, еще очень долго.

— Точно. Ты и сам видишь, какие практические последствия это влечет за собой. Занятно, но совершить прыжок в неизвестность земляне осмелились лишь через тридцать с лишним лет. Правда, у них и не было особой причины для посещения нашей вселенной, так как о нашем существовании они не знали. Они довольствовались тем, что посылали снаряды через «космические дыры», как они называют точки соприкосновения, и констатировали, что эти снаряды исчезают в соответствии с теорией. Лишь в начале прошлого года они начали набирать добровольцев для совершения «великого перехода». Так и были выбраны Руденко и два его спутника. Но даже если эти русские не вернуться, вскоре, вероятно, за ними последуют и другие.

— Да, именно на это и намекает «Геральд». Итак, ваш лейтенант и его помощники бросились со своим аппаратом в «космическую дыру»... И где они оказались?

— Руденко предоставил нам точные координаты в теллусийской системе. Это немного за пределами орбиты Соля. Они вынырнули посреди космоса и взяли курс на Соль: по пути они осмотрели три его спутника, но никаких следов жизни на них не обнаружили.

— В газете говорится, что они обследовали также и Арес, и именно там их космический корабль потрянуло.

— Так и было.

— Давай же, черт возьми, выкладывай!

— Я бы предпочел ничего не говорить.

— Что значат все эти твои внезапные недомолвки? Ты же знаешь, что Арес всегда мне был чрезвычайно интересен, — неспроста же я два года работал с Хои, пытаюсь расшифровать книгу с острова Тайны.

— То, что русские наблюдали на Аресе, довольно тревожно. Я на самом деле не знаю, вправе ли я об этом рассказывать. Да и потом, на днях об этом все равно станет известно, потому что нам в любом случае придется посмотреть фактам в лицо и действовать соответственно. Но я бы предпочел пока об этом не говорить.

Дядя, похоже, был весьма впечатлен взятым мною тоном.

— Что ж, если это так серьезно, оставь свой секрет при себе. Но сам же понимаешь, я не стал бы кричать об этом на улице.

Я пожал плечами.

— Я и так сказал тебе слишком много. Но уж лучше выложить тебе факты, чем позволить тебе что-то домысливать. Когда «Смоленск» приблизился к Аресу, направляясь внутрь системы, Руденко и его люди увидели — нам это и самим уже известно, — что на этой планете есть материки, моря и облака, а также насыщенная кислородом атмосфера. Все это показалось им крайне многообещающим, и они решили провести углубленное исследование. К тому же, до них постоянно доходили какие-то радиосигналы. Конечно же, расшифровать их они не могли, но получали их на целом

ряде частот. Некоторые из этих сообщений повторялись на нескольких различных длинах волн. Короче говоря, все указывало на наличие некоего вида разумной жизни.

— Как интересно! Жаль, что наш радиотелескоп в Больё еще не закончен!

— Это еще не все. Оказавшись в непосредственной близости от планеты, они обнаружили, что вокруг нее вращаются искусственные спутники.

— Все лучше и лучше!

— В общем, они решили опуститься на Арес. Но едва они начали входить в атмосферу, их радар зафиксировал предмет, устремившийся к ним с огромной скоростью. Они пытались уйти в сторону, но, несомненно, то был управляемый или дистанционно управляемый аппарат. Короче, эта штука взорвалась рядом с ними, вывела из строя один из двигателей, разворотила их навигационные устройства и едва не вспорола кабину. Если бы не космические скафандры, они бы так там и остались из-за недостатка воздуха.

— Черт возьми!

— Руденко считает, что они спаслись лишь чудом. Уже не в состоянии управлять кораблем, они обратились в бегство с единственным остававшимся двигателем. Им неслыханно повезло, что Теллус и Арес находились в то время в противостоянии. Они увидели Теллус и в буквальном смысле позволили себе упасть на поверхность планеты. Их торможение было катастрофическим: они уже и не думали, что останутся в живых, когда достигнут поверхности.

— А затем их захватили ссвипы и полгода держали у себя в плену... Похоже, эти парни были на волосок от гибели!

— Можно сказать и так!

Об обстоятельствах этого пленения я предпочел не распространяться: дядя мог бы начать задавать мне вопросы, на которые я отвечать не желал.

— Что ж, — сказал он, — это весьма тревожные новости о наших соседях с Ареса... Мне совсем не нравится перспектива когда-нибудь оказаться с ними с глазу на глаз в космосе или еще где-либо. С этой точки зрения нам повезло, что мы можем восстановить связь с Землей.

Пресс-конференция

Весь день я бездельничал. Стояла чудесная погода, и я чувствовал себя восхитительно расслабленным. Прокручивая в голове бурную череду событий, в которые я оказался замешанным, я находил в бездействии особое удовольствие. К тому же мне казалось невероятным, что с 14 июля прошло всего шестнадцать дней. Наконец-то я смог позволить себе отдых — как мне казалось, вполне заслуженный.

Днем ко мне заскочил Луис, более мохнатый, чем когда-либо. Его десятидневная борода уже начала принимать надлежащий вид. До сих пор я полагал, что он пренебрегает бритвой из-за нашей кочевой жизни, но в этот день он признался, что для него это дело принципа — бриться лишь по воскресеньям... Была еще только среда.

— Видишь ли, в прошедшее воскресенье мы были слишком заняты спасением собственной шкуры, и я об этом как-то забыл. Придется подождать еще четверо суток...

Он тоже решил какое-то время побездельничать, так как Бенсон предоставил ему выходной в награду за надежную и верную службу. Перейдя по мосту на другой берег Дронны, мы пошли прогуляться в парк, располагавшийся неподалеку от реки. Народу там было мало, так как Унион всегда пустеет с приближением августа месяца.

Несмотря на нашу решимость говорить о чем-нибудь другом, вскоре мы все равно вспомнили о главном событии дня. Утром Луис был в министерстве, где узнал свежую информацию о намерениях правительства. Естественно, больше всего наших политиков беспокоила проблема гранат.

По словам Руденко, почти весь запас ядерного оружия, находившегося на «Смоленске», взорвался во время его неудачной попытки приземления на Арес: уцелело всего лишь десятка два гранат. С учетом тех, которые имелись у нас, и тех, которые были использованы в битве при Вкессе, у сслвилов их вполне могло оставаться еще штук пятнадцать. В каком-то смысле это была утешительная новость, так как теперь

мы знали, что, каким бы страшным это оружие ни было, эти дикари располагают ограниченным его запасом.

— Сабатье полагает, что правительство намерено сообщить все эти сведения ссви, — сказал мне Луис. — Цивилизованные ссви прекрасно осознают, какую опасность это оружие представляет для всей теллусийской жизни: вероятно, они попытаются склонить Совет Племен к подписанию мирного договора между Унионом и сслвидами, одним из условий которого станет возврат сслвидами их запаса гранат.

— Такое решение мне представляется здравым, учитывая тот факт, что иначе нас ждет тотальная война против сслвилов, а там и война ядерная. Вот только согласятся ли сслвицы вернуть оружие? В конце концов, их позиция очень сильна...

— Сабатье думает, что согласятся. Если помнишь, во время нашей встречи они и так уже были к этому готовы.

— Да, но только после заключения мирного договора. А в нем-то мы им и отказали.

— Согласен. Но теперь мы знаем, что их ядерный запас крайне ограничен, так что можем позволить себе сначала подписать договор, а потом уже востребовать с них оружие.

— Но что, если подписав договор, сслвицы откажутся возвращать гранаты?

— Это не в их характере: они всегда держат данное слово. Да и потом, в таком случае договор автоматически аннулируется. А для них это было бы чрезвычайно выгодное соглашение. Тем более, они и сами понимают, что их запас оружия ограничен и в случае войны в итоге они все равно проиграют.

— Полагаю, в этом ты прав. К тому же, я убежден в том, что сслвицы искренне хотят мира.

— Я тоже так думаю. В противном случае их нынешняя политика не имела бы никакого смысла. Этот договор и есть та цель, к которой они стремятся с самого начала кризиса, и они на все готовы ради ее достижения. Теперь, оглядываясь назад, я вижу всю эту картину в уже более ясном свете. Я уверен, что они обратились к нам с требованием заключить с ними союз именно потому, что волей судьбы их руках оказались заложники и мощное оружие, — иначе это было бы просто невероятное совпадение. Скорее всего, они давно

уже желали этого альянса, но пленение русских дало им то, чего им не доставало для начала переговоров. Не случайно ссвипы открыли их именно после падения «Смоленска».

— По-твоему, они рассчитывали использовать это оружие и этих заложников в качестве средства шантажа или разменной монеты?

— Это же очевидно. Кроме того, для них это была гарантия на случай недобросовестности или даже злонамеренности с нашей стороны.

— Выходит, они плохо нас знают, так как мы хотим мира не меньше, чем они, а может, даже и больше.

— Возможно, дружище. Но так уж вышло, что заложников мы отбили у них силой, а оружие вынуждены требовать в обмен на мирное соглашение.

— Да, из-за ссви, и только из-за них...

— Хм... Я в этом не так уверен. В любом случае, это доказывает, что если нас ссвипы знают плохо, то наших дорогих союзников — очень даже хорошо, и этот элемент в своих расчетах они учли.

В этот момент наше внимание привлекли громкие крики и шумные возгласы одобрения: мы находились метрах в ста от Министерства внешних сношений. Я взглянул на часы:

— Вот-вот начнется пресс-конференция Бенсона. Сходим?

— Почему бы и нет? Может, узнаем что-то новое.

* * * * *

Перед крыльцом здания собралась небольшая толпа. Приветствия и аплодисменты были адресованы не столько секретарю, сколько трем сопровождавшим его мужчинам. Я узнал наших друзей Руденко, Первухина и Кирова, впервые появившихся на публике.

Скромно держась в задних рядах собравшихся, мы увидели, как они фотографируются во всех ракурсах, вместе и по отдельности. Луис отметил, что они сменили свои лохмотья на гражданские костюмы, одевшись по последней кобальтовой моде, но сохранили прежние прически и бороды, хотя у нас с такими уже давно никто не ходил.

— Может, это какой-то обет, — сказал я, — и они побреются и постригутся, как только вернутся на Землю? Или ты уже успел приобщить их к своему культу воскресного бритья?

— Нет, старина. Но, кажется, Руденко говорил — уже и не помню, по какому поводу, — что европейцы сейчас носят длинные волосы и густые бороды.

— Вот как? Полагаю, что если мы вернемся сейчас на нашу славную родную планету, то обнаружим там массу поразительных деталей подобного рода.

— Может, вы уже наконец замолчите? — проворчал один из наших соседей. — Если самим не интересно, дайте хоть другим послушать.

Луис подавил безмолвный смешок. Бенсон как раз таки взял слово. Он начал с того, что представил всех троих русских, после чего вкратце рассказал об их одиссее, умолчав о случившемся на Аресе и боекомплекте «Смоленска». Затем он сказал, что готов ответить на вопросы журналистов.

Открыл огонь Гарри Уилкинс, репортер «Геральда», которого я знал в лицо:

— Мсье Бенсон, «Смоленск» подлежит восстановлению? И если да, намерен ли лейтенант Руденко вернуться на Землю?

Ответил ему сам Василий:

— К сожалению, ничего конкретного по этому поводу я вам сказать пока не могу. Вследствие вынужденной посадки наш аппарат получил весьма серьезные повреждения, да и дикари за эти полгода, вероятно, что-то с него сняли. Сначала нужно будет его отыскать, затем — внимательно осмотреть. Впрочем, я полагаю, что Теллус обладает достаточным промышленным потенциалом для его ремонта и даже восстановления.

Эстафету подхватил представитель «Республиканского Кобальта»:

— Как думаете, за вами могут отправить с Земли спасательную экспедицию?

— Такая вероятность существует, — сказал Руденко. — В день нашего отлета адмирал Накамура заверил меня, что наш рейд — это всего лишь первый шаг. Когда нам пришлось

оставить «Смоленск», мы запустили автоматический сигнал бедствия, — вот только боюсь, что дикари могли разбить или повредить передатчик. Вероятно, именно поэтому вам так и не удалось этот сигнал уловить.

Затем несколько американских журналистов и один норвежский задали вопросы, сути которых я уже не помню. Впрочем, ничего нового из ответов Бенсона и Руденко я не узнал. Корреспондент газеты «Пробуждение Понт-о-Ссви» спросил, намерено ли правительство запустить программу космических исследований, которые позволили бы нам отправиться навстречу землянам. Бенсон напустил на себя загадочный вид и ответил отрицательно в манере, которая могла означать «может, и да». Последний вопрос пришел от Влесски, репортера «Ссвивиль-Суар», ссви, вращавшегося в литературных кругах Кобальта и недавно опубликовавшего примечательную серию заметок о цивилизованных ссви:

— Если допустить, что контактов, а как следствие — и космических полетов, между Землей и Теллусом станет больше, намерено ли федеральное правительство оставить контроль над космосом исключительно за людьми, или же оно согласится приобщить к этому и народ ссви?

Этот прямой вопрос создал осязаемое напряжение. Бенсон, будучи опытным дипломатом, вышел из затруднительного положения за счет туманных успокаивающих заверений, действительных в течение неопределенного периода времени. Но проблема была обозначена. На мой взгляд, она имела лишь одно решение: рано или поздно Человечеству пришлось бы согласиться полностью разделить со ссви всех цветов господство над Теллусом и окружающим пространством. К сожалению, большинство наших сограждан еще не были готовы принять эту идею. Впрочем, и недавнее поведение ссви вызывало обоснованные сомнения в их нынешней способности осуществлять это господство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Арес

глава 14

Послания

Я намеревался отдохнуть на Волшебном озере, но после пережитых приключений мне захотелось провести отпуск в более экзотическом климате, поэтому я сел на пассажирский самолет, раз в неделю летавший по маршруту, связывавшему Ссвивиль с Южными территориями, с промежуточной посадкой в Нью-Вашингтоне.

Я был не единственным туристом, так как за последние годы южное побережье материка стало чрезвычайно популярным местом отдыха. Ссви из Города катапульт, одними из первых заключившие союз с Унионом, также приступили к модернизации своего края, обеспечив в этом регионе полнейшую безопасность для многочисленных людей, проводивших там свои отпуска. Природа, практически девственная, была там восхитительной, климат — теплым и мягким, к тому же, опасные животные давно покинули эту прибрежную зону, ставшую, на их взгляд, слишком людной.

В самой южной точке материка располагался небольшой городок. То был Кап, конечная станция воздушной линии. Там же находилось и наше торговое представительство, отвечавшее за коммерческие связи с южными ссви. Какое-то

туристическое агентство сдавало напрокат парусники: я отправился в морской круиз.

То не было плавание в открытом море, так как я все же не настоящий моряк. Я переплывал от бухточки к бухточке, читая и предаваясь мечтаниям: на протяжении трех недель я был самым счастливым обитателем Теллуса.

Время от времени я слушал новости, передаваемые «Радио-Унион». Планета вращалась спокойно, никоим образом во мне не нуждаясь. Ссви, частично удовлетворенные, во избежание ядерной войны, как мы и предполагали, смирились с союзом между людьми и ссвицами, удвоив свои усилия по индустриализации. Земную Деревню, по слухам, было не узнать: наши старые Альпы давно уже не знали подобной активности. Полным ходом шло строительство первого корабля ссви.

Наши сограждане тоже не бездействовали. В Унион прибыли ссвицкие полпреды, и 5 августа стартовала экспедиция, которую возглавил Руденко. Она надеялась приступить к восстановлению «Смоленска», обломки которого удалось отыскать благодаря кропотливым воздушным поискам, проводившимся с конца июля.

Вернувшись в Нью-Вашингтон вечером 23 августа, я сел на поезд до Кобальта, чтобы провести несколько дней в семейном кругу.

Я всегда с удовольствием возвращался к обстановке моего детства, тем более что город сильно изменился с тех пор, как я ходил в школу. Теперь это был сорокатысячный центр, беспрестанно разрастающийся, а наш дом, когда-то стоявший на краю агломерации, вместе с десятками других отныне входил в состав ближнего пригорода.

Я с удивлением обнаружил дома почти всю семью — оказывается, на уикенд к нам, вместе с женой и детьми, приехал мой дядя Клод, который был астрофизиком. В настоящее время он проживал в Больё-Горном, где руководил строительством радиотелескопа.

То было веселое собрание, но, должен признаться, я чувствовал себя немного не в своей тарелке. Проведя долгие месяцы вдали от дома, я был не в курсе даже самых незна-

чительных сплетен и новостей, из которых обычно и состоят семейные разговоры. За столом, разумеется, речь в основном шла как раз таки о моих путешествиях и приключениях, но, пусть о них-то мне и было что рассказать, я ощущал себя занятой зверюшкой, выставленной напоказ для восхищения толпы. К счастью, малоинтересные темы в конце концов себя исчерпали, и в воскресенье утром зародилась первая дискуссия (речь шла о культурном вкладе ссви в человеческую цивилизацию), в которой я почувствовал себя вполне непринужденно.

В конце этой беседы мой дядя Клод отвел меня в сторонку и сказал:

— Если после завтрака у тебя, Жан, найдется минутка, я бы хотел кое-что тебе показать.

Его тон меня заинтриговал. Как только все было съедено, я утащил его в сад. Дядя сразу же перешел к главному:

— Полагаю, ты знаешь, что случилось, когда «Смоленск» попытался приземлиться на Арес.

— Естественно. Но я думал, что это все еще конфиденциальная информация. Ты сам-то откуда об этом узнал?

Клод пожал плечами.

— Правительство предоставило нам кое-какие сведения, фактически, только необходимый их минимум. Но, сам понимаешь: проявив немного ловкости, задав тут и там нужные вопросы, заполнив пустоты здравыми гипотезами, всегда можно прийти к мнению, которое будет недалеко от истины. Первые подозрения у меня появились 30 июля, когда министр исследований лично позвонил из Униона, чтобы попросить меня максимально ускорить ход работ по строительству радиотелескопа. По плану его должны были запустить в эксплуатацию лишь в январе следующего года, и половина нашего персонала уже готовилась уйти в отпуск. В ответ на мои робкие возражения мне было сказано, что мне предоставляется полный карт-бланш в плане привлечения дополнительной рабочей силы, что в мое распоряжение поступят армейские техники, и что у меня не будет никаких проблем с финансированием. Каждые два дня я должен был отчитываться о ходе работ. Ты и сам не хуже меня знаешь,

сколько административных и бюджетных трудностей возникает при реализации любого мало-мальски амбициозного исследовательского проекта, так что, думаю, согласишься с тем, что у меня не могло не возникнуть вопросов, — тем более, что все работы должны были осуществляться в обстановке максимально возможной секретности!

Я кивнул: любой исследователь насторожился бы, получив столь необычные инструкции.

— Спустя две недели, — продолжил Клод, — я сообщил в министерство, что мы готовы провести серию предварительных испытаний. Мне было рекомендовано при проведении этих испытаний провести прослушивание в направлении Ареса. Мне и так уже было понятно, что происходит нечто необычное, — рекомендации министерства лишь усилили мои подозрения.

17-го числа мы привели рефлектор в действие и принялись изучать условия приема сигнала на некоторых частотах. Даже с учетом несовершенства этих первых настроек, фоновый шум был необычайно громким. А потом, примерно через час работы, представь себе, приборы выдали целую серию отчетливо различимых, несмотря на всю их слабость, сигналов. Мы получали их минут десять, затем они исчезли.

Начиная с этого момента, всякий раз, когда мы занимались прослушиванием, мы принимали подобного рода сигналы. Зачастую они прерывистые и, как правило, длятся не более двух часов подряд. Качество приема достаточно хорошее для того, чтобы их можно было четко отделить от фонового шума.

За шесть дней работы мы обнаружили уже восемь частот, на которых Арес шлет нам такие послания. Естественно, мы попытались их дешифровать, но ничего не вышло. Судя по всему, это свидетельствует о том, что данные послания предназначены не для нас. При прослушивании через наушники они представляют собой последовательность низких звуков, абсолютно лишенных какого-либо значения.

Я кивнул.

— Да, именно такие сигналы уловил «Смоленск» при полете к Аресу. В этом нет ничего неожиданного, но, полагаю,

ты уже послал записи в унионскую шифровальную службу. Быть может, они с этим справятся лучше, чем вы.

— Разумеется, послал. Мне кажется, именно поэтому меня и попросили запустить радиотелескоп в эксплуатацию на два с половиной месяца раньше запланированного срока. Они надеются, что это поможет перевести послания наших агрессивных соседей.

— Наверное. Если исходить из того, как они приняли «Смоленск», я бы предпочел не видеть, как они высаживаются здесь без предупреждения!

— Да, но постой, Жан... Я еще не все тебе рассказал. Лучшее поберег на конец. То, что я скажу тебе сейчас, я узнал всего лишь три дня тому назад. И, насколько мне известно, кроме меня, в курсе лишь правительство и два моих техника. Тебе я говорю об этом потому, что ты уже посвящен в государственные тайны.

— Ну, ты же и знаешь, что я сейчас отошел от дел. Потерял связь с ними около месяца тому назад и не собираюсь ее возобновлять.

— Уверен? Что ж, в таком случае ты, вероятно, будешь сильно удивлен... Но я возвращаюсь к моей истории. В четверг утром я распорядился проверить новый — дециметровый — диапазон. Сначала, за исключением более слабого, чем обычного, фоновых шума, ничего не было: обычный космический уровень. А затем вдруг — серия чрезвычайно четких и быстрых сигналов: последовательность коротких и длинных импульсов. Я говорю «коротких и длинных» лишь фигурально: короткие длились 50 микросекунд, длинные — 150, с интервалами между ними в 400 микросекунд. Такая скорость почти превосходит наши возможности записи — если бы не наши записывающие устройства, мы бы и вовсе ничего не уловили. Вся передача длилась всего полминуты!

— Но это ведь похоже на азбуку Морзе! — воскликнул я.

— Именно так, дружище: это и есть азбука Морзе! Не обязательно и в радиосвязи разбираться, чтобы понять это. Это послание содержало около двадцати или тридцати тысяч знаков. Целая речь! Естественно, мы попытались перевести хоть какие-то фрагменты, но все закодировано: это лишь по-

следовательность цифр, между которыми порой возникают отдельные группы букв без видимого значения.

— Короче говоря, еще одна работа для шифровальной службы.

— Работа, которую мы еще только начали им подкидывать — эти передачи продолжаются. Только в один лишь четверг мы приняли три подобных: в общей сложности около ста тысяч знаков.

— Что ж... Так как, насколько я знаю, ни один теллусийский радиопередатчик не способен передавать сотни слов в минуту...

— И так как эти сигналы, бесспорно, идут со стороны Ареса...

— Вывод очевиден: в нашу вселенную проникла какая-то другая земная экспедиция.

— Потому-то я и сказал, что, вероятно, вскоре твои услуги снова понадобятся.

глава 15 «Ирида»

Мне предоставили небольшую передышку. В конце августа я вернулся в Унион, где провел ноябрь и декабрь за составлением, дополнением и приведением в порядок своих различных отчетов об экспедиции «Любознательного», которые должны были лечь в основу моей диссертации. Я, конечно, вернулся к своим обязанностям ассистента профессора Бевэна, но так как земная археология интересовала не очень много студентов, мне вполне хватало времени и для занятия этими моими трудами. Впрочем, после прибытия русских моя дисциплина испытала небольшой всплеск популярности.

Хотя ничего и не было обнародовано, время от времени я получал от дяди новости о работе радиотелескопа в Боллѐ, который, будучи теперь уже полностью законченным, функционировал на полную мощность. Закодированные азбукой Морзе сообщения продолжали непрерывно поступать

дней десять, затем, в начале ноября, резко прекратились. Но и одних лишь принятых текстов хватило бы на целый том.

Руденко подтвердил их земное происхождение: такая передача за счет сверхбыстрых импульсов была у них обычным явлением. Это требовало значительного количества автоматического оборудования и электроники, но заметно увеличило пропускную способность и дальность действия передатчика на заданной частоте... К сожалению, шифровальщики все еще никак не могли расшифровать эти сообщения, и в этом плане русский лейтенант помочь им не мог: после прибытия на Теллус, за мгновения до пленения, он, как и должен был сделать, уничтожил все свои коды и аппаратуру для декодирования.

* * * * *

Все с некоторым беспокойством спрашивали себя, *что* земная экспедиция делала в окрестностях Ареса, почему она внезапно прекратила свои передачи и, опять же, почему так и не появилась близ Теллуса.

Руденко и его экспедиционная группа вернулись крайне разочарованными. Состояние разрушенного «Смоленска» было столь плачевным, что починить звездолет не представлялось возможным. Впрочем, элементы одного ядерного реактора, питающего двигатели, удалось собрать и доставить в расположенный неподалеку от Нью-Вашингтона, на правом берегу Дронны, город Хром.

Благодаря указаниям Руденко и с помощью наших лучших специалистов-физиков там теперь пытались построить копию двигателей земного аппарата. То был проект «Ирида» — такое обнадеживающее имя посланницы богов, казалось, идеально подходило будущему теллусийскому космическому кораблю.

К сожалению, Руденко и его товарищи были, главным образом, пилотами и обладали лишь минимумом необходимых знаний в создании тяги для движения в космосе. Земляне, как мы теперь знаем, отказались от примитивных и дорогостоящих ракет. Все их межпланетные корабли использовали дифференциальную центробежную тягу, принцип которой восходит к 2015 году. Очень сложная теория этого типа двигателей и первые применения в космической навигации

датировались периодом 2025–2030 годов, и наши физики совершенно ничего об этом не знали.

К счастью, Руденко смог восстановить еще и один из бортовых компьютеров, по-видимому, не пострадавший. Я не был знаком с этими аппаратами, и единственным, который я когда-либо видел, была старая машина из бывшей обсерватории Деревни Землян, занявшая теперь место в музее Униона. Со времен Катаклизма мы мало продвинулись в этой области, и я наивно полагал, что компьютеры предназначены лишь для сложных вычислений. Руденко провел нас по пути «кибернетической революции», которой Земля была охвачена в конце двадцатого века. Так я узнал, что с этими машинами можно делать почти все что угодно. Часть банков данных, доставленных со «Смоленске», оказалась невредимой: то была ценная документация. Кроме того, Руденко показал мне, что представляет собой переносной микрокомпьютер: он нашел два среди обломков своего корабля и больше с ними не расставался.

В конце января распространился слух, что прошли испытания двигателей — увы, безуспешно. Поговаривали, что экспериментальный аппарат отказался подниматься, а затем развалился на части; к счастью, обошлось без жертв. Второе испытание, на сей раз — официальное, состоялось в марте. Результат оказался менее катастрофичным, но аппарат все равно не смог взлететь.

В феврале я защитил диссертацию, но это не изменило размеренного хода моей жизни, разделенной между моими исследованиями в федеральных архивах и студентами университета.

12 апреля газеты триумфально провозгласили, что первый теллусийский космический двигатель наконец-то заработал как следует. На фотографиях был изображен странный, ошеломляющих форм аппарат, парящий без видимой материальной поддержки в нескольких метрах над водами Дронны. На первой странице приводился разговор с Джоном Трэвисом: руководитель проекта «Ирида» заявлял, что чрезвычайно доволен проведенными накануне испытаниями, и анонсировал скорое начало работ по строительству звездолета... В точности копировать небольшой «Смоленск» наши ученые не

собирались: нам нужен был аппарат, способный перевозить многочисленный экипаж, даже если ради этого пришлось бы пожертвовать скоростью и вооружением. Завершалась беседа с Трэвисом такими его словами:

«Ирида», когда мы ее построим, будет весить около трехсот тонн и сможет перевозить от тридцати до сорока членов экипажа и пассажиров. В крайнем случае, если к тому времени земляне сами сюда не явятся, она сможет долететь и до Земли, но это будет очень долгое путешествие».

Несколько дней спустя, когда я болтал с профессором Бевэном в его кабинете, он прямо сказал мне:

— Думали ли вы в последнее время, мой дорогой Жан, о дальнейших перспективах земной археологии?

Я улыбнулся.

— Они не кажутся мне такими уж мрачными. Недавние события, несомненно, оживили чувства наших сограждан к родной планете.

— Сам я не совсем разделяю ваше мнение. Лично мне кажется, что это умирающая дисциплина. Я говорю вам это, старина, потому что я не хочу видеть, как вы упорно продолжаете идти по пути, который ведет в никуда.

— Но, мсье, в этом году у нас вдвое больше студентов, чем в прошлом!

— Все это ненадолго. Да и потом, подумайте сами: их интересует именно Земля — Земля нынешняя, — а не та, которую знали мы: семидесятипятилетней давности. Пока что они не видят разницы. Но как только регулярные контакты будут восстановлены, наша земная археология представится им такой, какая она и есть на самом деле: сверхспециализированной областью современной истории. Нет, Бурна, Земля больше не является предметом археологии.

— Хорошо, — сказал я, смеясь. — Допускаю, что в этом вы правы. Но что я-то могу с этим сделать? Мне что, стать сантехником? Немного поздновато.

— Нет, старина. Не сантехником. Террологом.

— Террологом?

— Согласен: такое название — своего рода этимологический гибрид. Но «геолог» уже занят, так что у меня нет вы-

бора. Земная археология мертва, но знание нынешней Земли сегодня как никогда необходимо. Оставьте Историю, Бурна, и вы станете одним из тех специалистов, которые нам вот-вот будут нужны. К тому же я уверен, что в вашем возрасте вы не планируете оставаться долгие годы моим помощником, да и сам я еще на что-то сгожусь. На продвижение — разве что вы займете мое место — вам тоже рассчитывать не следует: унионская кафедра земной археологии останется на Теллусе одной-единственной, уж вы мне поверьте, — теперь в этом нет ни малейших сомнений. Зато могу поспорить, что не пройдет и года, как нам станут нужны преподаватели террологии.

— Возможно, вы и правы. Мне нужно об этом подумать, — сказал я, хотя и чувствовал, что он почти уже меня убедил.

— Долго не тяните, старина. Вы уже располагаете многочисленными и глубокими знаниями о Земле двадцатого века. У вас на руках все козыри для того, чтобы вступить в контакт с Землей уже 2060 года. Не упустите этот шанс.

— Что вы имеете в виду?

— Вы вылетаете на «Ириде», Бурна.

* * * * *

Мой патрон продумал все до мелочей. До сих пор я с интересом следил за работами по строительству корабля, мечтая о потрясающих путешествиях, в которые этот звездолет отправится, но все же никогда всерьез не помышлял оказаться на его борту. В последовавшие за этим разговором дни я несколько раз с удивлением ловил себя на том, что уже живу предвкушением звездных приключений.

А потом, как-то утром, я нашел в своей почте приглашение на аудиенцию. Оно поступило из Секретариата по внешним связям. Слегка заинтригованный, я явился туда в назначенный час: меня направили напрямиком в кабинет Бенсона, который принял меня после менее чем десяти минут ожидания.

— Мой дорогой Бурна, — сказал он мне без лишних слов, — как вам известно, цель первой экспедиции «Ириды» еще не определена. Не исключено, что это будет Земля, и в этом случае нам, очевидно, понадобится специалист, хо-

рошо разбирающийся в земных вопросах. В последние несколько дней профессор Бевэн несколько раз намекал мне на то, что вы очень хотите принять участие в этой экспедиции.

Я был так удивлен, что на какое-то время утратил дар речи. Бенсон продолжал:

— Естественно, вы знаете, что количество мест на борту нашего корабля будет очень ограничено, и я не стану от вас скрывать, что, если бы вашу кандидатуру предложил кто-то другой, она была бы отклонена. Однако, учитывая настойчивость профессора Бевэна и те услуги, которые вы оказали нам ранее, правительство не сочло возможным ответить вам отказом.

Бенсон казался абсолютно искренним, и даже сегодня я так и не знаю, был ли он в сговоре с моим боссом или же нас обоих разыграли. Так или иначе, выхода у меня уже не было: ловушка захлопнулась.

— В общем, мсье Бурна, я имею удовольствие объявить, что теперь вы — член команды «Ириды» в качестве заместителя капитана по связям с Землей.

Я почувствовал себя обязанным сказать несколько слов благодарности. Бенсон, вероятно, отнес нерешительность моего тона на счет моего волнения. Проводив меня до двери, он добавил:

— Как вы понимаете, мы пока не можем установить точную дату отлета. Вероятно, все это произойдет ближе к концу года. В любом случае у вас будет достаточно времени для подготовки к этой миссии.

Вот так я и стал астронавтом.

* * * * *

Несколько дней спустя я случайно встретил Луиса в Большом театре, где играли первую пьесу Влесски «Когда появляется ссви», довольно язвительную сатиру на обычное отношение людей к ссви. Крепко пожав мне руку, он воскликнул:

— Добро пожаловать в компанию астронавтов, дорогой друг!

— А, так ты в курсе?

— У патрона нет от меня секретов. Да и потом, я тоже в числе приглашенных.

— Да, это правда: я тут узнал, что в последнее время ты много работал над теорией дифференциального центростремительного движения.

— Верно. Но на «Ириду», представь себе, меня берут отнюдь не на этом основании. Что ты хочешь, фундаментальная наука не оплачивается! Нет, я буду «дипломатическим советником», старина.

В начале мая газеты опубликовали вероятный список членов экипажа. Руденко, согласившемуся отдать служению Теллусу свой опыт и знание, было доверено командование космическим кораблем. Два русских сержанта также вошли в состав экспедиции. С удивлением и радостью я обнаружил в списке фамилию Морьера: поскольку фотографии каждого астронавта сопровождала краткая биографическая справка, я узнал, что капитан десантников обязан назначением «начальником службы безопасности экспедиции» своей второй специальности — шифровальщика.

Ближе к середине июня, как-то вечером, открыв почту, я обнаружил в ней приглашение посетить строительную площадку «Ириды».

В следующую субботу, едва рассвело, я отправился в Хром с Луисом Кэботом. Стояла чудесная погода, благоприятствующая туризму*, и мы поехали по дороге, что идет вдоль правого берега Дронны, — дороге более сложной для вождения, но и гораздо более красивой. К тому же, это позволило нам обогнуть собственно Хром и попасть напрямик на верфи, сооруженные в двух километрах вниз по течению.

Корректная, но весьма многочисленная охрана руководила парковкой двухсот или трехсот избранных гостей. Нас провели в просторный зал, где выстроились в ряд богато сервированные столы, и пока все это «избранное общество» трапезничало, главные руководители проекта «Ирида» встречали гостей у входа, оказывая им самый радушный прием.

Луис представил меня своим коллегам, и так я познакомился с элитой теллусийской теоретической физики: раз-

* В данном случае слово «туризм» означает факт путешествия ради удовольствия вдали от обычных мест проживания (*Примеч. переводчика*).

говаривая то с одними, то с другими, я открыл для себя своего друга в совершенно новом аспекте. Все эти выдающиеся ученые испытывали в отношении Луиса почтительное восхищение.

— Заметки, которые он делает на досуге, — сказал мне один из них, — являются неисчерпаемыми кладями идей, которые он даже не удосуживается использовать. Мне всегда казалось, что он смотрит на науку просто как на приятное времяпрепровождение. Но с первых же дней проекта «Ирида» он совершенно изменился: мы никогда еще не видели, чтобы он работал столь усердно. Его вклад в теорию центробежных двигателей — это нечто удивительное!

— Как?! — сказал мне другой. — Вы ничего не знали о политической деятельности Луиса Кэбота? Это просто невероятно! Да будет вам известно, что он лидер и, фактически, почти единственный член Теллусийской роялистской партии? Суть его программы заключается в том, чтобы каждый год, 21 января, отмечать юбилейной мессой смерть Людовика XVI...

— Но официально же он американец, насколько мне известно?

— Полноте! На такие мелочи ему наплевать...

Открывая для себя эти важные факты, я не сводил глаз с друга, который расхаживал по залу взад и вперед, чувствуя себя в толпе очень комфортно. Как и всегда по субботам, он был уже сильно небрит, но целовал руки дамам и любезно демонстрировал весь свой арсенал средств безукоризненного «дипломатического советника».

Целая плеяда умов не менее блестящих, хотя и более сдержанных, окружила профессора Видаля, почтенного старика, почти не появлявшегося на публике. Это был один из немногих еще не отошедших в мир иной современников Катаклизма. Его радость от того, что наши отношения с Землей возобновились, была трогательной.

Морьер, разумеется, тоже был там. Пока мы болтали, он увлек меня в угол зала, где был выставлен макет звездолета. Некий морской офицер с трубкой в зубах и окладистой черной бородой что-то объяснял группе гостей.

— Кажется, вы не знакомы с лейтенантом Баркли, нашим помощником капитана, — сказал Морьер. — Стив, позвольте представить вам мсье Бурна.

— Приятно познакомиться, — ответил американец на безупречном французском. — Ваш друг Делькруа много мне о вас рассказывал. Вы ведь были вместе на «Любознательном», не так ли?

— Стив — довольно необычный человек, — сказал Морьер. — Вся его морская карьера прошла на подводных лодках.

— Скорее — на одной подводной лодке. Вам ведь прекрасно известно, мсье Бурна, что в состав теллусийского флота входит лишь один подводный аппарат.

— «Наутилус»?

— Именно: лабораторная подводная лодка, построенная специально для Океанографического института.

— Иными словами, вы — научный исследователь?

Лейтенант напустил на себя обиженный вид.

— Нет, мсье Бурна. Я — прежде всего моряк. Научными исследованиями занимаются мои пассажиры.

— Именно поэтому, — сказал Морьер, — он и был назначен помощником капитана «Ириды». Ничто, похоже, не напоминает звездолет в большей мере, чем подводная лодка!

— То есть, — объяснил Баркли, попыхивая трубкой, — выбраться на свежий воздух из космического корабля не менее затруднительно, чем из субмарины. Но вот и *brain-trust**: полагаю, сейчас начнутся церемонии.

«Мозговым центром» оказался Джон Трэвис и несколько сопровождавших его инженеров. Как только воцарилась тишина, директор проекта «Ирида» взял слово:

— Дамы и господа, вы все, конечно же, знаете Пьера Этранжа, будущего главного инженера на борту нашего звездолета. Именно он и будет сегодня вашим гидом. Желаю вам интересной экскурсии... И смотрите — не повредите наше детище!

Эта суперкороткая речь была встречена шквалом аплодисментов и смеха. Этранж, невысокий светловолосый мужчина лет сорока, возглавил караван, направившийся к верфи. Я последовал за всеми в компании Морьера и Баркли.

* Группа экспертов; мозговой центр (англ.).

Я мало что понял из тех технических деталей, которыми нас завалили, но был крайне удивлен видом нашего звездолета, и, думаю, не я один. Хотя я и знал, что в нем установлен отнюдь не ракетный двигатель, все же я более или менее сознательно ожидал увидеть нечто удлинненной формы, стоящее вертикально, носовой частью к небу.

Однако «Ирида» оказалась плоским, чуть более длинным, нежели широким кораблем, который строго горизонтально покоился на большом лоткообразном держателе из металлических брусьев. Ее еще не до конца собранный корпус завершался метрах в десяти или пятнадцати от земли прозрачным куполом. В металлической обшивке зияли многочисленные отверстия, некоторые из которых достигали пары метров.

— Они необходимы, — объяснил наш гид, — для отделки внутренних помещений.

Я также узнал, что аппарат должен приводиться в движение тремя дифференциальными центробежными двигателями (ДЦД на жаргоне конструкторов), каждый из которых способен развить тягу в четыре меганьютона, что обеспечит звездолету максимальное ускорение примерно в 4 g, позволяя ему взлетать или садиться на Теллусе с одним-единственным двигателем.

— Дополнительной трудностью при строительстве стало то, — отметил Этранж, — что у нас нет ядерного реактора, способного обеспечить ДЦД достаточной мощностью. Как вы знаете, реактор унионского Института физики Униона является лишь экспериментальной моделью, так что нам очень повезло, что удалось повторно собрать элементы одного из термоядерных реакторов «Смоленска» и восстановить его: мощность этого реактора достигает почти 500 мегаватт!

Восхищенный ропот приветствовал это число. Я тоже, как и другие, выразил свое восхищение, хотя и не знал, является ли это оно заслуженным. Баркли шепнул мне:

— К вашему сведению: турбины «Любознательного» развивают менее семи мегаватт.

— Это, конечно, весьма существенно, — продолжал Этранж, — и сами бы мы не смогли произвести реактор такой мощности при столь малом его весе и размерах, но нужно

понимать, что для космического корабля в триста тонн эти пятьсот мегаватт составляют довольно-таки слабую мощность. При непрерывной работе «Ирида» сможет себе позволить лишь незначительные ускорения, и 4 g, о которых я только что говорил, в действительности не могут поддерживаться очень долго. «Смоленск», при гораздо меньшем весе, располагал несколькими подобными реакторами...

Затем мы поднялись в звездолет, но эта часть визита была, в общем-то, лишена интереса, так как внутренняя отделка только лишь началась: было почти невозможно понять, какой будет жизнь на корабле. Тем не менее у меня сложилось впечатление, что помещения, предназначенные для двигателей и оборудования, были самыми красивыми, тогда как в жилых отсеках все было сведено к строгому минимуму.

* * * * *

Прошли июль и август. События прошлого года мало-помалу стирались из памяти. Я часто видел Руденко, как, впрочем, и других членов будущего экипажа «Ириды», и присутствие русского на Теллусе больше не вызывало ни малейшего любопытства: мы совершенно привыкли видеть землянина живущим среди нас. Газеты регулярно следили за ходом строительства корабля, и общественное мнение уже начинало приходить в возбуждение в ожидании «великого отлета».

По приглашению дяди я провел несколько августовских дней в Больё-Горном, где осмотрел устройство работавшего уже год радиотелескопа. Я мог полюбоваться управляемым параболическим рефлектором диаметром тридцать метров, который и засек исходящие с Ареса передачи, и первыми элементами интерферометра, возводимого для исследования Соля.

Я уже неделю был в Кобальте у родителей, где проводил остатки отпуска, когда как-то вечером Клод позвонил мне по телефону: сообщения на «морзянке» возобновились. Похоже, это был все тот же не поддающийся расшифровке код, но в человеческом происхождении этих сигналов сомнений быть не могло. Как и в прошлом году, земляне прогуливались в окрестностях Ареса, хотя, впрочем, возможно, они оттуда и не улетали.

И все же между этими передачами и прошлогодними имелась заметная разница. Технически, разумеется, то была все та же передача нескольких сотен знаков в секунду, но сами сообщения стали более короткие и не столь многочисленными. Поражала их регулярность: они повторялись каждые восемь часов и двадцать восемь минут. Сам бы я не придал этому факту, не показавшемуся мне примечательным, особого значения, но мой дядя обратил мое внимание на то, что теллусийские восемь часов и двадцать восемь минут в точности соответствуют двадцати четырем земным часам (то есть одним земным суткам). Это стало для нас дополнительным — если такие вообще были необходимы — доказательством земного происхождения этих передач.

— Это свидетельствует еще и о том, — заметил ему я, — что эти передачи предназначены для Земли. Не вижу, как еще можно было бы объяснить эти равномерность и временной интервал: несомненно, на Земле есть приемник, который слушает передачу ежедневно в один и тот же час...

— Верно, — сказал дядя. — Но тогда почему они не используют передатчик, постоянно направленный к Земле? К чему это пустое расточительство мощности с передачей по всем направлениям? Зачем позволять нам принимать сообщения, предназначенные не для нас?

— Не знаю. Но нам неизвестно, в каких условиях происходит переход из одного континуума в другой. Есть ли вообще какой-то смысл у «направления» Земли, когда все происходит в нашей вселенной?

— А вот это хороший вопрос, Жан. Я об этом подумаю.

* * * * *

С тех пор поспешность, с которой шла подготовка к экспедиции, больше напоминала ажиотаж. Раз уж земные корабли снова оказались в нашей вселенной, было решено, что первой целью «Ириды» станет Арес.

С конца ноября, вместе с другими членами экипажа, я смог бывать уже на почти готовом космическом судне. 18 декабря, в строжайшей тайне, Этранж взял на себя управление «Иридой», поднял ее в воздух и минут десять летал на

небольшой высоте над долиной Дронны, после чего благополучно посадил звездолет. Еще три недели напряженной работы ушли на исправление различных дефектов, выявленных при этом испытании.

9 января, с ограниченным экипажем на борту, звездолет покинул свою родную хромовскую взлетно-посадочную площадку, поднялся на пятьсот метров, облетел Кобальт и после безаварийного перелета на четыреста пятьдесят километров приземлился в аэропорту Униона. Посреди огромной толпы, я сам присутствовал при его прибытии в столицу: многие плакали от переполнявших их эмоций.

Три дня спустя я все еще был там и наблюдал новый взлет: поднимавшийся очень медленно, почти бесшумно и без малейшего видимого усилия, этот огромный корабль являл собой завораживающее зрелище. Когда под корпусом судна стала видна линия деревьев, что растут вдоль берега Дордони, присутствующие одобрительно зашумели: теллусийское Человечество действительно почувствовало, что наконец овладело Космосом.

На этот раз «Ирида» поднялась вертикально, с ускорением в 0,1 g, до двадцати тысяч метров, чуть более чем за двести секунд, после чего опустилась с той же скоростью. Все эти четыре минуты толпа хранила чуть ли не благоговейное молчание.

На следующий день Этранж наконец вывел корабль к границам атмосферы, но на высоте в двести километров выявились кое-какие недостатки в герметизации корпуса. Пришлось посвятить еще две недели окончательным доделкам.

30 января «Ирида» взлетела с ускорением 0,1 g и спустя четырнадцать часов, облетев Фебу, вернулась!

2 февраля я поднялся на борт звездолета.

глава 16

Арес

Тридцать шесть человек, теснящихся на ста восьмидесяти кубических метрах жилой площади: переведенная таким

образом в цифры, жизнь на «Ириде» не обещала особого комфорта. Не успел я забросить свой скудный багаж в тесноватую каюту, которую делил с Луисом и Морьером, как последний предложил:

— Пойдемте на мостик. Мы не пилоты, конечно, но вполне можем попристутствовать при отлете в качестве обычных зрителей.

Мостик, то есть командный пункт, разместившийся в возвышавшемся над кораблем прозрачном куполе, представлял собой единственный более-менее просторный отсек корабля.

Тем, кто находился в самой «Ириде», ее взлет едва ли мог показаться зрелищным. Урчание двигателей если и было более шумным, чем урчание автомобильного двигателя, то совсем не намного. Незначительное ускорение поддерживало на борту судна почти обычную силу тяжести. Вначале казалось, что поверхность Теллуса удаляется медленно, затем — все быстрее и быстрее. Через несколько минут небо практически потеряло всю свою окраску, но полюбоваться столь часто описываемым великолепием звезд на черном бархатном фоне я не смог: купол был недостаточно прозрачным, да и в любом случае, окружающее освещение командного пункта позволяло мало что увидеть снаружи.

Зато наше внимание привлекло другое зрелище: по левому и правому борту (как выражался Баркли) сияли Гелиос и Соль; над нами, красноватая со стороны Соля и сверкающая голубоватой белизной со стороны Гелиоса, висела Феба; наконец, прямо у нас под ногами, выглядывая из-за диска, теперь полностью видимого с Теллуса, находилась Артемида. Что касается Селены, то она представляла собой пурпурный диск, наполовину окруженный золотой каймой и расположенный на несколько градусов ниже Гелиоса. Руденко, несчастный землянин, которого его единственная луна и единственное же солнце не приучили к подобной феерии, от восхищения на какое-то время потерял дар речи.

Казалось, планета медленно опрокидывается под нами: «Ирида» уже начала выписывать длинную изогнутую траекторию, которая должна была вывести ее с другой стороны Теллуса поближе к Артемиде. Вскоре, перестав быть види-

мым сквозь облачную грядку, исчез за горизонтом северный материк. Поверхность экваториального материка от нас скрывал пояс туч.

На то, чтобы добраться до Артемиды и выйти на орбиту, у нас ушло двадцать девять часов. Все это время я старался как можно реже покидать купол, затемненным окнам которого едва удавалось смягчать сияние Гелиоса.

Это был последний вылет «Ириды» перед окончательным отбытием на Арес. Мы сделали несколько оборотов вокруг Артемиды, снимая поверхность огромного спутника на киноплёнку. Мы уже знали, что этот спутник обладает довольно плотной и облачной атмосферой. Даже со столь близкого расстояния детали не удавалось разобрать со всей четкостью: невозможно было выявить хоть какой-то намек на жизнь. К тому моменту, как Руденко подал сигнал к возвращению, мы собрали для астрономов крайне скудные данные.

«Ирида» опустилась на взлетно-посадочную площадку Униона (отныне именуемую «центральный астропортом Теллуса») в полдень 8 февраля: шесть дней, проведенные на борту, превратили нас в обученных астронавтов... По крайней мере, мы сами на это надеялись!

Последний общий технический осмотр корабля позволил нам взять три выходных дня. По приглашению Баркли высшее руководство отправилось провести эти последние каникулы в имении, которым американец располагал в Новой Франции, на берегу Везера. Отсутствовал лишь Этранж, которого задержала на корабле его работа.

Тогда-то я и познакомился поближе с семьей Баркли. Этот лейтенант-подводник был весьма примечательным персонажем. Сын американского инженера и французки, он состоял в далеких родственных связях с моей семьей, так как его мать, урожденная Соваж (как и моя прабабушка), была кузиной моей тети Мартины. Помимо обширных владений, он унаследовал от своих французских предков аристократические манеры и страсть к астрономии. Но в его жилах текла также и норвежская кровь — отсюда и любовь к морю и приключениям. По возвращении из очередного плавания он спешил на свои земли, чтобы вернуться там к жизни *gen-*

tleman-farmer. Наш теллусийский морской флот не слишком строго подходит к ношению униформы, и потому на борту он часто ходил в брюках для верховой езды и сапогах, что выглядело весьма живописно.

Его женой был некая Де Кермадек, чистая бретонка, дочь, внучка и правнучка моряков: ее прадед во времена Катаклизма командовал «Сюркуфом». Во время продолжительных отсутствий мужа она чрезвычайно эффективно управляла родовым имением, тоже немало времени проводя в седле.

Как ни странно (а может, то был результат далеких прародительских симпатий?), она буквально покорила Луи: все три эти дня наш математик-дипломат постоянно был гладко выбрит. Быть может, надеялся приобщить ее к делу роялистов... кто знает?

Я должен признаться, впрочем, что лично меня занимало нечто другое. Этому «нечто» было двадцать три года, у него было серо-зеленые глаза и светлые волосы. Это «нечто» звали Жаклин Баркли: то была младшая сестра лейтенанта. Она только что окончила исторический факультет и приступила к написанию диссертации о начальном периоде политической жизни на Теллусе. Можно сказать, я нашел в ней родственную душу!

Эти дни прошли как сон.

* * * * *

12 февраля «Ирида» взяла курс на Арес. Планета снова была в положении противостояния с Теллусом: путешествие длиной в восемьдесят шесть миллионов километров должно было продлиться тридцать два дня. Мы были полны решимости раскрыть тайну тех, не поддающихся расшифровке посланий на азбуке Морзе, которые с августа продолжали поступать к нам каждые восемь часов и двадцать восемь минут.

Я уже привык к прелестям навигации с незначительным ускорением: спустя несколько минут после вылета я покинул мостик, чтобы немного поспать в своем закутке-каюте.

Через четыре часа меня разбудил громкоговоритель, расположенный рядом с моей подушкой: Руденко объявлял, что мы переходим на космическую скорость. Мы находились

в 68 000 км от Теллуса: наше ускорение должно было уменьшаться до тех пор, пока скорость не стабилизировалась бы на уровне нашей крейсерской скорости тридцать километров в секунду. Легкое ощущение силы тяжести, которое я все еще испытывал, когда ложился спать, уже значительно уменьшилось*. Чувствуя, что меня немного тошнит, я снова уснул.

Бежали дни, очень монотонные для нас, пассажиров, чье единственное развлечение заключалось в том, чтобы «подняться» в командный пункт для созерцания Теллуса и его лун. Планета заметно удалялась: на четвертый день ее видимый диаметр был уже меньше одного градуса. Невооруженным глазом больше ничего уже различить было нельзя.

Чтобы ускорить свое обучение в качестве «терролога», я часто навещал наших трех русских, извлекая из них максимум информации о Земле. В остальное время я спал, болтал или пытался, как и все, поддерживать себя в этой невесомой среде в хорошей физической форме с помощью специальных упражнений.

Кроме того, в определенные часы мы слушали радиопередачи унионского «Космического центра», где специально для нас был установлен мощный передатчик. Таким образом мы получали те или иные новости общего или личного характера; иногда нам даже ретранслировали какой-нибудь спектакль. Кроме того, благодаря нашей направленной антенне, мы могли отвечать на сообщения, но мы знали, что по мере удаления эта возможность будет становиться для нас все менее и менее доступной. Достигнув окрестностей Ареса, мы все еще будем в состоянии принимать, но сами сможем передавать только для радиотелескопа в Больё.

* * * * *

Как-то раз я находился на палубе с Руденко и несколькими другими членами экипажа, когда прозвучал сигнал тревоги. Как обычно, это была лишь тренировка: отвечавший за поддержание корабля в надлежащем состоянии и безопасность Баркли развил поразительную активность. Морьер проворчал:

* Приближались к невесомости (*Примеч. переводчика*).

— Похоже, он и сейчас полагает, что находится на подводной лодке! Носится так, словно в любую секунду ожидает шторм или атаку гигантских кальмаров...

Именно в этот момент появился американец:

— Вероятно, вы преисполнены непоколебимой уверенности в своем парашюте, Морьер. В тот день, когда вы решите воспользоваться им здесь, я буду рад проводить вас к шлюзу. А пока же, господа, извините, но правила предписывают вам надевать космические скафандры в течение трех минут после сигнала тревоги.

— Ну, что я вам говорил! — воскликнул Морьер, смеясь. — Скафандры: это действительно подводная лодка!

— Смейтесь, господа, смейтесь, — сказал Руденко, — но я бесконечно восхищаюсь Баркли. Вы и представить себе не можете, как сильно «Ирида» отличается от звездолетов земного флота. Наши земные корабли представляют собой такое чудо робототехники и автоматики, что экипажу нет нужды постоянно думать о нормальном функционировании всех систем и безопасности. Мы полностью полагаемся на компьютеры. Лично я, в отличие от Стива, подобную неусыпную бдительность постоянно проявлять не смог бы!

Так проходили дни. Повторявшиеся по двадцать раз банальные шутки помогали преодолеть мелкие трения, порождаемые теснотой и скукой. Несмотря на беспокойство Баркли — или, возможно, благодаря его бдительности, — каких-либо серьезных инцидентов не происходило. Этранж и его команда сработали восхитительно: «Ирида» была хорошим кораблем. Инженер излучал радость: все его механизмы работали безупречно.

Наконец Арес стал не просто обычной очень яркой звездой: на двадцать третий день уже можно было различить невооруженным глазом видимый диаметр, тогда как Теллус постепенно уменьшался. Еще спустя шесть дней «Ирида» начала снижать скорость. Мы были менее чем в пяти миллионах километров от цели. Бортовые приборы позволяли нам разглядеть планету во всех деталях. Два ее крупных спутника казались полностью лишенными жизни, третий был чуть больше огромной скалы, но в разрывах облачной атмосферы

самого Ареса были видны как минимум два материка и обширные океаны.

Естественно, мы производили прослушивание во всех радиодиапазонах, в которых работали наши приемники. Казалось, пространство насыщено радиопередачами: это была какофония, невероятный концерт сигналов всех форм, к сожалению, непонятных. Сантиметровые волны были перегружены не меньше, однако нам несколько раз удалось обнаружить то, что мы сочли радиолокационными импульсами. Но в основном мы принимали земные сообщения, зашифрованные азбукой Морзе. Их периодичность осталась прежней, продолжительность составляла всё те же несколько секунд, но интенсивность стала поразительной: очевидно, передатчик находился где-то совсем близко.

«Ирида», наконец, остановилась на расстоянии около 100 000 километров от планеты: тяга двигателей идеально уравнивала притяжение Ареса, и мы вновь испытали слабое, но приятное ощущение силы тяжести, тогда как наш корабль оставался почти неподвижным в пространстве. Мы занялись наблюдением.

Руденко переживал примерно те же эмоции, которые испытал двумя годами ранее на «Смоленске». Бортовые документы с его старого корабля, к сожалению, были уничтожены, но отыскать уже открытые русскими искусственные спутники оказалось нетрудно. Они перемещались по самым разным орбитам, на самом разном расстоянии от планеты. Довольно быстро мы насчитали их двадцать, но, наверняка, были и другие. Естественно, они возникали лишь на экране радиолокатора, а в наших лучших оптических приборах представляли лишь в виде светящихся точек.

Вскоре один из этих спутников привлек наше внимание. Проходя по почти круговой орбите радиусом в 50 000 километров, при приближении к нам он выдавал чрезвычайно сильное радиолокационное эхо, — судя по всему, он был весьма крупный.

Наш командир слегка удивился:

— Странно. Не помню, чтобы видел этот большой спутник два года тому назад. Однако же он и сейчас вполне заметен, а тогда мы находились еще ближе к планете.

— Возможно, он самый младший в семье, — предположил Морьер. — Жители Ареса могли запустить его уже после вашего тут прохода.

Он и сам не подозревал, как близок к истине, и все же он ошибался.

Приближаясь к Аресу, мы, естественно, попытались определить точное происхождение передаваемых с помощью азбуки Морзе сигналов. При такой их интенсивности установить направление передатчика было проще простого, и мы заметили, что оно периодически меняется, как если бы источник вращался вокруг планеты.

Вскоре стало очевидно, что орбиты этого источника и большого спутника совпадают. Получалось, передачи шли оттуда: «новеньким» был спутник, размещенный тут несколькими месяцами ранее земной экспедицией. «Самым младшим» в семье оказался лжебрат!

— Давайте взглянем на него поближе, — предложил Луис.

— Что-то мне не сильно этого хочется, — проворчал Руденко. — Мы полагаем, что это земной спутник, но можем и ошибаться. И если это спутник Ареса, то предыдущего приема мне вполне хватило. Чудо, которое спасло нас на борту «Смоленска», может не повториться. Мы не знаем, какова дальнобойность тех снарядов, которыми могут по нам ударить, так что лучше сохранять комфортный запас безопасности.

— Как далеко вы были от Ареса, когда ваш аппарат был поражен?

— Насколько я помню, примерно в десяти тысячах километров.

— У меня есть для вас предложение, — сказал Морьер. — Позвольте мне взять шлюпку и двух добровольцев. Я подойду к спутнику на расстояние, достаточное для удобного его осмотра. «Ирида» же так и останется в 40 000 километров от планеты.

— А вы справитесь с управлением шлюпкой?

— Благодаря нашему другу Баркли мы все теперь — искусные штурманы. И это я еще даже не вспоминаю аварийно-спасательные тренировки, которыми он нас изнурял! Я мог бы провести ее с закрытыми глазами.

Крошечный спасательный корабль, который мы назвали «шлюпкой», в случае аварии мог взять на борт с десятков человек и самостоятельно сесть на поверхность ближайшей планеты. Но в открытом космосе, благодаря высокой маневренности, шлюпка становилась идеальным разведывательным аппаратом. Морьер и два его спутника отправились на ней к спутнику. Мы отслеживали его продвижение по радио, но он захватил с собой и телевизионную камеру, чтобы послать нам изображения спутника крупным планом. На то, чтобы достичь точки, в которой он хотел расположиться в ожидании прохождения своей «цели», у него ушло минут сорок.

Мы, со своей стороны, следили за развитием событий из командного пункта «Ириды», залитого красным светом Соля. Когда радар шлюпки засек приближение спутника, я разговаривал с Баркли. Тут же наступила тишина. Но Морьер, столь многословный прежде, теперь был весь в действии: до нас лишь долетали короткие приказы, которые он отдавал своим людям. Необходимо было изменить траекторию движения шлюпки таким образом, чтобы она пошла параллельно орбите спутника. Руденко записывал эти курсы и скорости на консоли бортового компьютера, и я видел, как он с довольным видом кивает: судя по всему, слова десантника о том, что он легко сумеет управлять шлюпкой, не расходились с делом.

После еще одной серии поправок Морьер заявил, что удовлетворен.

— Отлично, теперь можно и взглянуть. Джонс, продолжай наблюдать за радаром: предупредишь меня, если мы уйдем слишком далеко в сторону. Дэвис, лови камеру и начинай снимать спутник. О'кей, вот так... Эй, вы, на борту... как там картинка?

Наши взгляды переместились на группу мониторов, расположенных над экранами управления приборной панели. Один из них показывал нам Арес в естественных цветах, другие — Гелиос и Соль в ложных цветах. Но тот, который был подключен к камере Морьера, пока что демонстрировал нам лишь фон черного неба, на котором были видны несколько ярких точек.

— Картинка вроде та, — сказал капитан. — Но спутник совсем не видно. Вы все еще слишком далеко. Попробуйте увеличить изображение.

— Нет смысла: это ничего не даст. Командир, вы позволите мне приблизиться до тысячи метров?

— Разрешаю до тысячи метров.

— Понял вас. Сейчас сделаем.

Морьер выпустил новую серию «векторов» для Джонса, и вскоре мы увидели на экране, что одна из ярких точек начала увеличиваться в размерах. Она приняла неправильную форму, но, несмотря на все попытки увеличения, различить какие-либо детали нам никак не удавалось.

— Мы всё еще слишком далеко, — сказал Морьер. — Позвольте мне подойти до двухсот метров.

Руденко несколько секунд помолчал, затем кивнул.

— О'кей, Морьер, давайте. В конце концов, если это земной спутник, полагаю, система самообороны настроена на срабатывание лишь в случае приближения к нему менее чем на сто метров.

На этот раз картинка стала намного более четкой: мы отчетливо увидели огромные панели солнечных элементов, отходящих лучами от внушительных размеров центрального ядра, утыканного антеннами и прочей не поддающейся распознавания аппаратурой. Весь этот комплекс делал полный оборот вокруг собственной оси менее чем за минуту. Командир воскликнул:

— Спутник-маяк наблюдения типа U.N. 820. Это классическая модель для наблюдения за враждебной окружающей средой и связи на очень больших расстояниях. Он весь автоматический и может работать на солнечной энергии, хотя есть и плутониевый источник энергии. Четыре года тому назад я сам разместил подобный неподалеку от Титана.

— Что ж, вот мы всё и прояснили, — заметил Луис. — Земляне прилетали сюда для его установки в конце августа прошлого года. Судя по всему, его предназначение — следить за Аресом и держать их в курсе всего, что там происходит.

глава 17 К Земле?

По всему выходило, что земляне улетели, оставив спутник наблюдения, который должен был информировать их о происходящем.

— Давайте зададим ему работу, — предложил Баркли. — Мы здесь, так пусть они это узнают!

— Мы столько крутились вокруг него, что он и так уже должен был нас увидеть, — заметил Луис. — Вероятно, он уже сообщил на Землю об этом важном событии.

— Нужно быть настойчивее, — сказал капитан. — Да и потом, он вряд ли нас опознал. Давайте подготовим сообщение и передадим по радиосвязи: будем надеяться, что спутник перехватит его и ретранслирует.

Написание текста заняло у нас некоторое время. Я забыл детали, но смысл был следующий:

«Легкий разведчик «Смоленск» был уничтожен на поверхности второй планеты. Экипаж цел и невредим. Он обнаружил выживших после Космического Столкновения. Срочно желаем восстановить связь с Землей».

Эти несколько строк, переведенные на русский, английский и французский языки, были записаны на ленту и непрерывно, на протяжении многих часов, передавались через микрофон, тогда как сами мы регулярно меняли частоту передачи.

Прошло три теллусийских дня, а мы так и не получили ответа. Мы даже никак не могли узнать, было ли вообще наше сообщение перехвачено спутником. Спрашивали мы себя и о том, как долго сообщение может идти до Земли. По словам Руденко, зона соприкосновения двух вселенных находилась для нас где-то в стороне Соля, примерно в шестистах — семистах миллионах километров, а для Солнечной системы — приблизительно в шести миллиардах километров от Солнца. В общей сложности это могло составить около семи миллиардов километров, и если законы распространения радиоволн не

изменились от контакта двух континуумов, то четверти теллусийского дня должно было бы хватить на путь в одну сторону и еще четверти — на путь обратно... Но многого ли стоили эти расчеты при таком количестве гипотез и неизвестных?

Мы не могли оставаться в ожидании бесконечно. И ладно, если бы мы могли тем временем исследовать Арес!.. Но это было слишком опасно. «Смоленск» уже попытался, а он, в сравнении с нами, располагал куда большими возможностями!

В общем, по прошествии этих трех дней нужно было что-то решать. Естественно, благодаря радиотелескопу в Больё, мы регулярно держали теллусийское правительство в курсе событий и спрашивали, какие будут инструкции. Насколько мне помнится, новые директивы Униона поступили 19 марта по теллусийскому календарю: отправив подробный отчет о наших открытиях, мы должны были отправиться в «великое путешествие» к Земле. Если бы мы не вернулись, Теллус, по крайней мере, смог бы извлечь пользу из нашего опыта и результатов. Подтверждение получения отчета пришло очень быстро — вместе с пожеланиями удачи от всего теллусийского населения.

«Ирида» направилась к границам нашей системы.

Как я уже говорил, «зона гиперкапания» двух вселенных находилась близ орбиты Соля с внешней ее стороны. К счастью, эта звезда находилась в то время далеко от той траектории, которой нам предстояло следовать. Мы могли избежать ее соседства, что многое для нас упрощало. Координаты зоны, отмеченные Руденко двумя годами ранее, конечно же, немного изменились, но, отталкиваясь от расстояния примерно в шестьсот пятьдесят миллионов километров — при постоянном ускорении и максимальной мощности, — мы высчитали, что все путешествие займет у нас около семидесяти дней. Затем нам потребовалось бы еще как минимум двести дней, чтобы достичь уже Земли, но мы надеялись на то, что еще гораздо раньше нам удастся связаться с земными форпостами Солнечной системы.

К счастью, такую возможность предусмотрели еще при отлете с Теллуса: «Ирида» была в достаточной мере обеспечена необходимыми резервами. Мы приняли меры для того,

чтобы как можно лучше справиться со скукой и монотонностью столь продолжительного путешествия. Возбуждение, царившее на борту, пока мы оставались в окрестностях Ареса, быстро сошло на нет. Теперь мы вели главным образом растительный образ жизни. Мы уже пресытились видами окружавшего нас космоса и всё реже и реже поднимались на мостик, оставляя командный пункт в полное распоряжение вахтенных. Их основная задача состояла в постоянном прослушивании радио, но, кроме как с Теллуса, до нас не доходило ни одного вразумительного сообщения.

Помимо приемов пищи и обязательных физических упражнений, я дремал или читал на своей койке. Луис и Морьер, мои соседи по каюте, также, как правило, находились рядом. Иногда случалось, что к нам заходил убить время тот или иной член экипажа, и тогда — на несколько минут или же часов — завязывалась вялая беседа.

* * * * *

Именно такого рода собрание проходило у нас в каюте на шестнадцатые сутки. Должно быть, мы находились уже в восьмидесяти или девяноста миллионах километров от Ареса. Перед нашей открытой дверью только что остановился Руденко: в любом другом месте его позу сочли бы акробатической, ибо он держался неподвижно, подтянув колени к подбородку и указательным пальцем цепляясь за верхнюю часть дверной коробки. Наше ускорение было столь слабым, что сила тяжести на борту была практически нулевой.

Командир, как обычно, стонал от невероятной медлительности «Ириды» в сравнении с изящными борзыми земного космического флота, некоторые из которых, по его словам, имели вдесятеро большую мощность и вдесятеро же меньшую массу.

— Это всё — из-за вас, — сказал я. — Если бы вам не взбрело в голову подойти слишком близко к Аресу, «Смоленском» и сейчас можно было бы пользоваться.

— Или, по крайней мере, — заметил Луис, вступая в игру, — мы смогли бы восстановить и другие два его реактора, что дало бы нам втрое бóльшую мощность.

— *Вчетверо* большую, — хмыкнул Руденко. — К сожалению, уцелел самый маленький.

— Вы не могли бы сменить тему? — проговорил Морьер, зевая. — Я уже слышал этот разговор раз двадцать, не меньше. Лучше скажите, Луис, как по-вашему, спутник Ареса упомянул о нашем визите в своем ежедневном отчете на Землю?

Вопрос этот был встречен взрывом смеха: эту тему мы обсуждали минимум дважды в день, — с учетом того, сколь медленно двигался наш звездолет, она у нас была самой пространенной. Ответ, как правило, был положительный: вероятнее всего, новость о нашем визите к спутнику уже действительно была передана на Землю. Но как земляне ее интерпретируют? И к чему это все приведет? Это была уже область гипотез. Ответить Морьеру никто не удосужился.

Полагаю, я уснул.

Я пришел в себя, когда расположенный в изголовье моей койки громкоговоритель воззвал:

— Командир, вы не могли бы подняться на мостик?

Это был голос Баркли. Руденко выглядел удивленным. Судя по всему, произошло нечто необычное, нарушившее ежедневную монотонность. Вместе с командиром на мостик поднялись и мы трое.

Баркли возился с радиоприемником. Он поднял голову и улыбнулся, увидев перед собой целую толпу.

— Похоже, развлечений на борту не так уж и много. Какой у вас сегодня эскорт, командир!..

— Ближе к делу, Стив! Ты не заставишь нас поверить, что вызвал Василия, чтобы спросить у него, который час!

Пропустив мимо ушей эту реплику Морьера, помощник командира запустил записывающее устройство:

— Послушайте, командир: тут последний час автоматического приема на частоте спутника.

— Там ничего быть не должно, — возразил Руденко. — Еще рано. Следующая передача должна пройти в 7:12, а сейчас только четыре часа...

— Я тоже так думал, но все же проверил ленту для очистки совести. И кое-что на ней было: послушайте сами.

Лента бежала на полной скорости, но аппарат молчал. Когда прокрутилась уже треть пленки, Баркли замедлил режим и зна́ком предложил нам прислушаться. Я затаил дыхание.

Тишину нарушало лишь мягкое урчание мотора. Наконец из динамика донесся голос, чистый и ясный... и непонятный. Но Руденко часто говорил на этом языке со своими соотечественниками: я узнал характерные звуки. Кроме того, по лицу русского можно было понять, какие его одолевают эмоции: сначала — удивление, затем — живейший интерес. Когда голос умолк, на лице командира «Ириды» отразилась некоторая растерянность.

После нескольких минут тишины сообщение возобновилось. Руденко не ослаблял своего внимания. Стоявший рядом со мной Луис пробормотал:

— Это повторение предыдущего.

Я посмотрел на него с удивлением:

— Так ты теперь понимаешь русский язык?

Он с улыбкой кивнул:

— Больше года брал уроки у Кирова. Ты и представить себе не можешь значение работ русских математиков! У нас в федеральной библиотеке имеется внушительное собрание русских научных периодических изданий предшествовавшей Катаклизму эпохи: никому еще не приходило в голову — а может, никто не отваживался — с ними ознакомиться.

Сообщение повторилось в третий и последний раз. В командный пункт только что вошел Этранж, вероятно, тоже предчувствуя, что есть какие-то новости. Баркли остановил магнитофон:

— Это всё. С тех пор больше ничего не было.

Посреди общего шума все взгляды обратились к капитану. Тот по-прежнему имел озабоченный вид.

— Наше радиосообщение дошло до Земли, — сказал он. — Им понадобилось какое-то время, чтобы решить, что делать. Вероятно, поэтому ответ пришел так поздно.

— Возможно, на то есть и технические причины, — заметил Луис. — Ничто не указывает на то, что необходимый радиопередатчик был включен и готов к работе.

— Да, это возможно. К сожалению, сообщение, которое мы послали от Ареса, было слишком коротким. Мы не упомянули в нем наше местоположение и ничего не сказали об «Ириде», — лишь отметили, что «Смоленск» разбился на второй планете.

— Значит, земляне думают, что мы все еще там?

— Именно. Судя по всему, спутник не упомянул о нашем визите или же не идентифицировал нас как источник сообщения. В ответе землян сообщается, что экспедиция только что вылетела с базы на Сатурне в направлении второй планеты этой системы, то есть Теллуса.

— Это-то и досадно! Мы рискуем пересечься в пути, не заметив друг друга...

— Как пить дать, — сказал Баркли. — Тем более что мы никак не можем сообщить им, что мы уже на пути к Земле. Наше радио так далеко не передает.

— Мы могли бы ретранслировать через спутник Ареса, — предложил Морьер.

Баркли покачал головой в знак отрицания.

— Мы уже слишком далеко от Ареса, и у нас нет ни малейшей возможности узнать, получит ли спутник наши сообщения.

— В любом случае, — сказал я, — мы должны вернуться к Аресу. Когда окажемся там, посмотрим, сможем ли мы связаться с экспедицией через спутник или нам придется возвратиться на Теллус.

— Этранж, сколько времени нам нужно для возвращения к Аресу?

Наш инженер пожал плечами:

— Если не брать в расчет собственное движение планет, в целом можно сказать, что мы удаляемся от Ареса на полном ходу вот уже шестнадцать дней. Нам нужно столько же времени, чтобы снизить скорость, затем еще тридцать два дня на возвращение к исходной точке... чуть меньше, если мы не станем замедляться у Ареса и продолжим двигаться напрямик к Теллусу.

— То есть дней сорок — пятьдесят до Ареса и семьдесят — восемьдесят до Теллуса?

— Василий, — спросил Баркли, — какой может быть скорость земной экспедиции? У вас есть об этом хоть малейшее представление? Как быстро они могут достичь Теллуса?

— Согласно сообщению, экспедиция планирует прибыть на Теллус примерно через девяносто дней, в чем нет ничего удивительного для земных аппаратов.

— Земных дней, — заметил я.

— Верно. Это примерно...

— Семьдесят пять теллусийских, — сказал я.

— Что ж, все понятно, — заключил Морьер. — Похоже, выбора у нас нет. Даже если мы возьмем сейчас курс на Теллус, нам сильно повезет, если мы доберемся туда раньше землян...

глава 18

Гости

Как только решение было принято, сообщение, отправленное на радиотелескоп, проинформировало об этом Унион, и атмосфера на «Ириде» радикальным образом изменилась. Вялость, охватившая нас, когда мы полагали, что отправились в очень долгое путешествие к Земле, сменилась возбуждением гонки.

Не могли же мы позволить земной экспедиции обойти нас на финишной прямой! «Ирида» и ее экипаж не могли отсутствовать в тот день, когда были бы восстановлены оборвавшиеся отношения с планетой-матерью: это было немислимо!

Словом, от Этранжа потребовали сделать все возможное для того, чтобы мы прибыли на Теллус первыми.

В начале гонки мы вряд ли могли что-то выиграть, так как наш корабль уже отдал всю свою мощность на пути сюда. По сути, нам понадобилось шестнадцать теллусийских дней, чтобы затормозить, а затем еще шестнадцать, чтобы вернуться к тому месту, где мы решили повернуть назад. Оттуда, однако, оставалось преодолеть еще сто шестьдесят миллионов километров, и наш инженер, с единодушного согласия экипажа,

безусловно, пошел на некоторый риск, доведя реактор почти до пределов безопасности. Если раньше это расстояние мы прошли за сорок восемь дней, то теперь ему удалось уложиться за тридцать шесть, и 13 июня «Ирида» приземлилась в астропорте Униона.

Наши сограждане с тревогой следили за нашим поспешным возвращением: всем хотелось, чтобы мы приехали вовремя. Нас приняли с большой помпой: службе порядку среди бурлящей толпы с трудом удалось уберечь нас от того, чтобы нас не сбросили в Дордонь вперемешку с пришедшими встречать «Ириду» министрами. Мы выиграли гонку!

Оказывается, земная экспедиция дала о себе знать незадолго до нашего прилета: в коротком сообщении на русском языке, ретранслированном спутником Ареса, просто сообщалось о проходе флота поблизости от третьей планеты.

* * * * *

Начались лихорадочные приготовления. Экипаж «Ириды», впрочем, в них не участвовал: все отправились отдыхать кто куда. Нанеся короткий визит родителям, я вернулся в дом моего дяди в Унионе и большую часть времени проводил с Жаклин Баркли. Мы вместе гуляли по городу или университетским садам. Однажды я завел ее на кафедру земной археологии, где профессор Бевэн распорядился открыть для меня лабораторию террологии. Масса документов, которыми мы располагали о Земле времен «до Катаклизма», произвела на нее сильное впечатление, но мы условились не говорить в эти несколько дней ни о моей работе, ни о ее диссертации.

Этот визит позволил мне констатировать, что волна активности, накрывшая всю страну, не пощадила и моего босса. Более того, он находился в эпицентре шторма, потому что все, что касалось Земли, проходило через него... А Теллус жил теперь лишь ожиданием встречи с землянами.

15 июня новое сообщение на русском языке, все так же ретранслированное спутником Ареса, сообщило нам о том, что эскадра состоит из четырех скоростных крейсеров и двенадцати кораблей сопровождения под командованием адмирала Эль-Фасси и, вероятно, достигнет «второй планеты» через

пять или шесть дней. На той же длине волны передатчик унионского «Космического центра» подтвердил получение и ответил на английском, французском, испанском, норвежском и русском языках, что мы готовы принять землян.

17-го числа мы получили вопросник на пяти вышеуказанных языках, адресованный «человеческому населению второй планеты». Нам было указано, что экспедиция находится в тридцати двух миллионах километров от нас и намеревается выйти на орбиту через три дня. Нас просили уточнить район нашего проживания, а также интересовались, есть ли у нас наземные сооружения, которые позволяют крейсерам приземлиться. Если же подобная инфраструктура отсутствует, каких размеров корабли мы можем принять?

Не успели мы вернуться, как правительство решило отправить «Ириду» навстречу земному флоту. Когда это сообщение дошло до Униона, все члены экипажа были снова призваны на борт. Даже не знаю, какой внезапный порыв заставил меня предложить позвонившему мне Баркли:

— Может, взять Жаклин?

К моему удивлению, он сразу же согласился.

В сущности, как я и сам вскоре понял, этому путешествию «Ириды» предстояло принять форму туристической экскурсии. Аппарат себя уже зарекомендовал, и это короткое вторжение в Космос было признано лишенным какой-либо опасности. По примеру некоторых официальных лиц, члены первоначального экипажа пригласили своих друзей и знакомых, так что, когда корабль вылетел утром 19-го числа, на борту собралась целая толпа. Трюмы и склады были превращены в (наскоро организованные) жилые отсеки, и я с трудом находил среди всего этого шумного сборища лица товарищей, с которыми провел в Космосе четыре месяца.

Если еще день назад сигналы земной экспедиции посылал только «Космический центр», то теперь и другие радиостанции, которые должны были уже оказаться в зоне приема, последовали его примеру. Все сообщали об отбытии «Ириды», указывали местоположение Униона, подтверждали, что наш астропорт сможет принять не только четыре крейсера, но и сопровождающие их корабли. Днем мы получили ответ

адмирала Эль-Фасси. Он был рад тому, что наконец смог установить контакт с «выжившими в Космическом Столкновении», и заявлял, что наша планета теперь находится под защитой «родины-матери», которая сделает все для того, чтобы «облегчить наши страдания».

Это сообщение, снова повторенное на пяти языках, вызвало среди теллусийского населения самые различные реакции. Впрочем, точно так же все обстояло и на борту «Ириды»: у нас не было впечатления, что нам нужна забота нашей материнской планеты.

Это ощущение нашло отражение в ответе, адресованном адмиралу президентом «от имени федерального правительства Объединенных Государств Теллуса». Выражая командующему земным флотом признательность за проявленную к нам доброжелательность, президент указывал, что официальными языками Теллуса являются французский и английский, и просил его оказать теплый прием делегации, вылетевшей навстречу землянам.

Так обстояли дела, когда 20-го числа, около часа пополудни, Руденко объявил нам, что видит несколько крейсеров. Мы находились тогда в каких-нибудь трехстах тысячах километров от Теллуса. Все бросились в смотровой купол: мне посчастливилось в тот момент уже быть на командном пункте. Телеэкраны показывали четыре светящиеся точки, медленно перемещающиеся в сомкнутом боевом порядке по звездному ковру. Но прошло добрых минут, прежде чем мы смогли различить малейшие детали.

«Ирида» тем временем выполнила серию перемещений, в результате чего встала на курс, параллельный курсу флагманского крейсера. Тот наконец вроде бы остановился. Похоже, мы находились от него на расстоянии более полутора километров, и, однако же, его размеры, ошеломляли. Корму огромного вытянутого корабля озаряли лучи Гелиоса: если бы не бесчисленные светящиеся иллюминаторы и не красноватый свет Соля, подчеркивающий его контуры, нос судна был бы невидимым.

Мы увидели, как от крейсера отошло крошечное суденышко: Руденко объявил, что к нам сейчас пристыкуется шлюпка,

которая доставит на борт крейсера теллусийскую делегацию. Членов этой делегации, в которую входил и я, попросили надеть скафандры и собраться перед дверью шлюза левого борта.

В общем, я покинул Жаклин, оставив ее на попечение брата, поскольку именно он принял на себя командование «Иридой» в отсутствие Руденко, который, конечно же, должен был первым подняться на борт земного корабля, чтобы представить рапорт адмиралу. Нас в шлюзе оказалось семеро: трое русских, Сабатье, представляющий министерство иностранных дел, Лоуренс, глава администрации президента, полковник Райт, помощник генерала О'Хара и я, терролог.

Шлюпка мягко пристала к нам. Я ожидал, что почувствую и услышу, как ее корпус соприкоснется с корпусом «Ириды». Вместо этого в десяти метрах от нас просто открылась внешняя дверь шлюза: с другой стороны пропасти возникла человеческая фигура в скафандре, жестом предложившая нам перейти на борт маленького суденышка.

Подавая пример, Руденко прыгнул первым. Слава Богу, мы были обвязаны веревкой: не знаю, хватило ли бы мне смелости в противном случае броситься через эту полнейшую пустоту... После несколько жесткого приземления я обнаружил себя в противоположном шлюзе.

Когда, оказавшись уже в шлюпке, мы получили возможность снять скафандры, нас приветствовал элегантный офицер-землянин. Его английский, как мне показалось, звучал несколько странно.

— Майор Йен Макларен, — представился он. — Адмирал поручил мне передать вам его поздравления. Он ждет вас. Если вы не против, мы сразу же к нему и направимся.

Поблагодарив его, Лоуренс представил всю нашу делегацию. Землянин с большой теплотой поздравил нас с успешным строительством космического корабля: по его словам, он ожидал, что мы прибудем на более или менее переделанном и переименованном в «Ириду» «Смоленске», однако осмотр, пусть и поверхностный, убедительно показал, что «Смоленск» и «Ирида» имеют мало общего. Руденко подтвердил ему этот факт и рассыпался в комплиментах в адрес теллусийской промышленности.

Эти заявления произвели сильное впечатление на майора, чье удивление от нас не укрылось. Я уже начинал задаваться вопросом, какого рода потерпевших крушение людей, вернувшихся к земному варварству, ожидали обнаружить земляне на Теллусе.

На какое-то время воцарилась гнетущая тишина. У меня складывалось впечатление, что Макларен не знает, с какого конца к нам подойти. Впрочем, это было взаимно. Мы смотрели друг на друга как экзотические животные. Руденко разрядил ситуацию, спросив майора, не служил ли тот несколько лет тому назад на борту крейсера «Буэнос-Айрес». Макларен ответил утвердительно, и между ними завязалась оживленная беседа, из которой мы, естественно, были исключены.

Это позволило мне внимательно рассмотреть нашего собеседника и других членов земного экипажа.

Их униформа напоминала ту, которую носили трое русских, когда мы вызволили их из сслвицкого плена: серые хлопчатобумажные шорты и куртка, низкие кожаные ботинки. На правой стороне груди — овальная нашивка с пятью золотыми звездами на черном фоне, вероятно, отмечавшая их принадлежность к космическим силам. Кожаный ремень и погоны, также черные, дополняли этот суровый наряд. Четыре серебряные звезды на плечах Макларена указывали на его звание. Длинные волосы, зачесанные назад, густая рыжая борода и свирепые усы майора являли собой поразительный контраст с его строгой униформой.

На этом мне пришлось завершить осмотр: словно широко раскрывшаяся глотка, гигантское отверстие на боковой поверхности адмиральского крейсера поглотило нашу шлюпку. Через иллюминатор я увидел, что мы попали в своего рода ангар, в котором находилось несколько небольших судов, аналогичных нашему. Огромные прожекторы заливали ангар резким светом. Как только мы остановились, Макларен предложил нам покинуть шлюпку.

Мы проследовали мимо безупречного почетного караула, выстроившегося по обе стороны от импровизированной «дорожки». По пути я пожимал руки старшим офицерам — их было несметное множество. Нас стремительно провели по

растянувшимся на несколько километров узким проходам, о которых у меня остались лишь смутные воспоминания. В отсутствие силы тяжести эта пробежка по крейсеру выдалась не самой легкой: Сабатье, Лоуренс и полковник Райт, не проходившие той подготовки, какую довелось пройти мне, несколько раз натыкались на одушевленные и неодушевленные препятствия. Благодаря энергичному вмешательству трех русских, которым всегда удавалось остановить их вовремя, наши чиновники закончили эту гонку целыми и невредимыми, хотя и вызвали улыбки у офицеров-землян из нашего эскорта.

Наконец перед нами открылась дверь просторного кабинета, и нашим взорам предстал адмирал Эль-Фасси, невысокий, сухопарый, чернокожий, уже седеющий, весь усеянный золотом. Протягивая вперед руки, он сделал несколько шагов нам навстречу.

Именно в этот момент на борту снова установилась сила тяжести, все еще слабая, но достаточная. Это позволило нашей делегации принять более достойный вид.

Наш хозяин приветствовал нас в благородных и торжественных выражениях. Земной флот, сказал он, только что начал снижать скорость. Менее чем через два часа мы будем на Теллусе. Он рад познакомиться с доблестным народом, который, затерявшись в глубине пространства и времени, сумел сохранить цивилизацию, несмотря на ужасные трудности.

Лоуренс ответил ему в том же тоне. То был замечательный обмен напыщенными банальностями.

Затем адмирал, до сих пор говоривший по-английски, повернулся к Руденко и произнес пару фраз на русском. Лейтенант, стоя в положении «смирно», коротко ответил.

— Прекрасно, — сказал адмирал по-французски, — представьте мне рапорт позднее. Пока же я в долгу перед нашими гостями. Предлагаю вам, господа, проследовать за мной в смотровую башню. Зрелище нашей посадки, несомненно, будет весьма интересным: не окажите ли мне оказать честь и удовольствие составить мне там компанию?

Не дожидаясь ответа, он, по-прежнему в сопровождении пары десятков офицеров, зашагал впереди нас по новому лабиринту узких проходов.

— В любом случае, — заметил он через несколько мгновений, — будьте уверены, господа: мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам. Земля вас нашла — Земля вас теперь не оставит!

Я поймал на себе озадаченный взгляд Сабатье. В этом даже слишком открытом проявлении доброй воли, в этом сострадании к нам землян было нечто стеснительное. Но что мы могли сделать или сказать?

Вскоре нас, впрочем, провели в просторную смотровую башню, прозрачный купол которой венчал собой крейсер. Флотилия шла сомкнутым строем. Адмирал один за другим указывал нам плывущие в вакууме громадные корабли, выстроившиеся позади нас в идеально ровную колонну:

— Это «Будапешт». За ним идет «Мехико», чуть дальше — «Карачи». Мы сейчас на «Канберре», флагманском корабле.

— И все четыре — скоростные крейсера! — воскликнул полковник Райт. — Подобные мастодонты, однако, вовсе не легкие корабли...

— Что уж тогда говорить о «Конституции» или «Свободе»? — произнес адмирал с улыбкой. — Скорость не обязательно означает легкость. Тут следует учитывать соотношение мощности двигателя и массы судна. Все корабли «столичной» серии — скоростные крейсера. Их вооружением частично приходится жертвовать ради двигателей, что, впрочем, не мешает им иметь внушительную огневую мощь.

— Кстати, — сказал Лоуренс, — куда подевалась «Ирида»?

Действительно, с одной и с другой стороны от крейсеров двумя параллельными шеренгами продвигались двенадцать земных кораблей сопровождения, но «Ириды» нигде видно не было.

— Боюсь, — сказал адмирал, — мы оставили ваш аппарат далеко позади. Наше торможение слишком быстрое для него, потому что мы опускаемся напрямик на вашу планету. «Ириде» приходится идти по более длинной траектории.

— Черт! Пассажиры будут в ярости! Они рискуют пропустить почти всю посадку флотилии...

— К сожалению, они точно ее пропустят, — сказал Руденко, — но мы не можем просить адмирала ждать более восьми

часов, прежде чем приземлиться на Теллус, если он может сделать это менее чем за два...

Наш спуск был действительно очень быстрым. Мы не могли видеть планету, располагавшуюся прямо под нами, но Феба, отчетливо видимая, похоже, уже была выше нас. Сила тяжести внутри крейсера, постоянно увеличивающаяся, теперь казалась почти нормальной.

Небо вскоре стало темно-синим, тогда как звезды потускнели. Затем появился теллусийский горизонт. Мы прижались лбом к внутренней поверхности купола, вглядываясь в поверхность Теллуса, приближавшуюся с каждой минутой. Лично я, глядя на запад, все еще видел лишь океан, сверкающий под двумя солнцами: кругом не было ни одного облака. Соль с заметной скоростью опускался: через несколько минут мы уже наблюдали его закат.

Наконец появилось побережье. Суша, до сих пор скрытая корпусом крейсера, казалось, медленно поднималась на наших глазах. Чуть севернее сквозь туман пробивался дым.

— Это Западный порт, адмирал, — сказал Сабатье. — Наш самый крупный.

— Сколько в нем насчитывается жителей? — спросил офицер.

— Около двадцати пяти тысяч.

* * * * *

Осуществляя посадку по указаниям, которые давали по радио диспетчеры управления воздушным движением Униона, флот спускался точно в направлении столицы. Адмирал широким жестом указал на богатые возделываемые равнины Новой Америки, простиравшиеся у наших ног:

— Все это довольно трогательно. Видите ли, никогда прежде — за пределами Земли — мы не садились на действительно обитаемую планету. Конечно, на Марсе, Венере и на некоторых спутниках Юпитера и Сатурна есть человеческие колонии. Но они живут в изоляции, в искусственной среде, посреди существенно враждебной природы. Ни в одной из этих колоний и близко нет двадцати пяти тысяч жителей, хотя некоторые из них были основаны всего через несколько лет после вашего прибытия сюда.

— Следует признать, что мы тут, на Теллусе, процветали. Численность нашего населения увеличивалась...

Меня прервал возглас офицера. Он указывал на что-то слева от меня. Все взгляды устремились в ту сторону. Полковник Райт широко улыбнулся:

— Господа, поприветствовать вас подходит Вторая эскадра Воздушных сил Теллуса. Она будет сопровождать нас до места посадки.

Двенадцать реактивных летательных аппаратов пикировали в нашем направлении. Они принялись совершать маневры в виде больших кругов над земным флотом. На их крыльях была голубая кокарда с пятью белыми звездами Теллуса. Среди старших офицеров адмирала пробежал ропот удивления.

Вскоре к первой группе реактивных аппаратов присоединилась вторая. Мы приближались к Униону и, вероятно, были уже на высоте менее пяти километров. Внизу, под нами, простиралась долина Дордони. Появились несколько винтовых самолетов.

— Должен признать, мы не ожидали, что увидим показательные фигурные полеты, — сказал адмирал. — Для выживших в Космическом Столкновении у вас, похоже, процветающая промышленность. Но мне бы не хотелось, чтобы этот день омрачил какое-нибудь происшествие. Не опасно ли подходить так близко к нашим кораблям этим вашим аппаратам с несущими крыльями? Достаточно ли они управляемы?

— Не волнуйтесь, адмирал, за их штурвалами — лучшие наши пилоты.

Как раз в этот момент менее чем в двадцати метрах от нас возник вертолет, до сих пор скрытый корпусом крейсера. На кабине летчика ярко-красными буквами было выведено: «Унион-Геральд». Вертолет еще больше сблизился с нами, начал разворачиваться. Я увидел, что рядом с пилотом сидит телеоператор, спокойно делающий свою работу. Затем он дружески помахал нам рукой, аппарат резко ушел вниз и исчез.

Адмирал снова заговорил:

— Вижу, и пресса у вас процветает, так что я уже начинаю задаваться вопросом, действительно ли вам нужны мы и наша помощь... Ага! Командир корабля Экманн сообщает, что мы уже в тысяче метров над взлетно-посадочной площадкой Униона. Сам город виден по правому борту. Предлагаю вам покинуть купол и пройти вперед. Оттуда приземление будет видно гораздо лучше...

В носовой части крейсера располагалась смотровая кабина, гораздо меньших размеров: часть нашего эскорта вынуждена была покинуть нас. Сабатье принялся описывать земным офицерам окружающий пейзаж. Прямо перед нами виднелось место слияния Дронны и Дордони. Парки и официальные здания столицы нашей федерации были залиты мягким вечерним светом.

— Любопытно, — сказал лейтенант. — Я родился в Кутра́ и всегда думал, что Дронна впадает в Иль.

— Каприз нашей географии. В этом тоже, полагаю, — сказал Сабатье, взглянув на меня краешком глаза, — виноват предок нашего друга Бурна. Это ведь он, если не ошибаюсь, так назвал эти реки?

Мы быстро снижались. Город исчезал на юго-востоке, за деревьями. Уже была видна и вполне различима несметная толпа, сгрудившаяся у края взлетно-посадочной площадки. Напротив нас выстроились в линию самых разнообразных геометрических форм здания астропорта. Уже почти закатившийся Гелиос вырисовывал на поверхности земли огромные тени кораблей флота.

«Канберра» плавно опустилась на взлетно-посадочную площадку и замерла. Я увидел колонну машин, двигавшихся в нашем направлении.

— Думаю, можно уже выйти, — сказал адмирал. — Господа, если вы соблаговолите последовать за мной...

Главный шлюз был уже широко открыт, пандус опущен. Через эту монументальную дверь мы и сошли на теллусийскую землю. Грохотали пушки, но шум толпы практически перекрывал отзвуки залпов.

Из подъехавших нам на встречу грузовиков выгрузился армейский отряд, выстроился в две шеренги и взял на караул.

Перед нами остановился длинный президентский «форд», за ним — и другие официальные автомобили. Встречать адмирала вышел президент.

глава 19 Переговоры

Я не буду вдаваться в подробности торжеств, которые ознаменовали первый официальный визит земного флота на Теллус. Впрочем, у меня это и не вышло бы должным образом, потому что я посетил лишь ничтожную часть всех тех церемоний и празднеств, в которых более десяти дней участвовало почти все «человеческое» население планеты, а также значительная часть коренного населения.

Федеральное правительство действительно пожелало приобщить к этому историческому событию наших старых друзей, а также наших новых союзников. Внушительные делегации ссви и сслвипов принимали участие в приемах и праздниках: самые могущественные вожди племен являлись на них сами или присылали на них своих представителей. Без сомнения, черные и красные ссви смотрели друг на друга с небольшой враждебностью, но наша дипломатическая служба проявляла неустанную активность. Умело избегая ловушек и обходя капканы, она всегда относилась к черным и красным вождям абсолютно одинаково, но не упускала возможности выставить на первый план цивилизованных ссви и устроить для ученых и техников ссви встречи с их земными коллегами. «Радио-Унион» даже организовало незабываемые дебаты между теллусийскими писателями всех рас и сопровождавшими экспедицию земными журналистами. На празднествах отсутствовали лишь желтые ссви с южного материка, с которыми мы не поддерживали никаких отношений: последний и единственный посол, которого мы к ним направили — довольно-таки безрассудный этнолог — был съеден ими в 62-м году.

Все земные астронавты, в порядке очереди, покидали свои корабли и прогуливались по нашим равнинам и горам под

присмотром многочисленных гидов-добровольцев. Я сам участвовал в некоторых из этих туристических турне, включавших в себя посещение — с разрешения ссви — Деревни Землян (но этот последний след нашей родной планеты стал неузнаваемым), охоту на тигрозавра на сслвиписких землях, регаты на Волшебном озере, восхождение на гору Тьмы (на вершине которой мы расположили научную станцию) и, наконец, осмотр гидроэлектростанции, недавно завершенной ссви в верховьях Везера.

К концу первой недели июля земляне наверняка уже обладили минимумом необходимых знаний об Объединенных Государствах Теллуса и их проблемах: можно было переходить к серьезным разговорам, ибо следовало обсудить крайне серьезные дела.

Беседуя как-то раз на берегу Волшебного озера с майором Маклареном, я выразил ему свое удивление численностью земного флота.

— Не понимаю, зачем вам понадобилось прилетать сюда, столь явственно демонстрируя силу — ведь ваши четыре крейсера и двенадцать кораблей сопровождения представляют весьма значительную мощь, не так ли?

— Мы практически ничего о вас не знали, — ответил майор. — На самом деле, как вы, вероятно, заметили, мы полагаем, что имеем дело всего лишь с горсткой людей, выживших после Космического Столкновения, людей, лишенных всего, — потому мы и организовали настоящую экспедицию по оказанию помощи. Наши трюмы полны еды и припасов всех видов. Наши мастерские представляют промышленный потенциал, который мог бы оказать вам огромную помощь, если бы вам не удалось построить свою промышленность самостоятельно. Кстати, именно необходимость собрать этот мощный флот и задержала немного наш вылет: в противном случае мы бы отправились сюда в тот же день, когда получили сообщение Руденко.

— Это я понимаю, но к чему вся эта громадная военная машина? Разве транспортные корабли не были бы в этом случае более полезны? Подумайте о том, сколько места напрасно занимает ваше вооружение...

— Я мог бы сказать вам, что наши транспортные корабли не столь быстры, как крейсеры и корабли сопровождения, — сказал Макларен с улыбкой, — но это была бы лишь часть правды. На самом деле наша миссия носит двойной характер, но о другой ее стороне я пока не вправе распространяться. Подождите немного; уверен, вскоре всё будет обнародовано.

Я действительно знал, что президент уже несколько раз встречался с адмиралом Эль-Фасси с глазу на глаз, но ничего из их разговоров никуда не просачивалось. В конечном счете я узнал кое-что от Руденко. Со дня прибытия земного флота этот русский офицер теперь постоянно находился в окружении адмирала: полагаю, его, должно быть, считали ценным экспертом по теллусийским вопросам. Тем не менее мне доводилось с ним встречаться: как-то вечером, когда я назвал его ненадежным человеком и напомнил ему, что он также принадлежит и к теллусийским космическим силам, он вымученно улыбнулся:

— Вы даже представить себе не можете, мой дорогой Жан, в какие трудности меня ввергает эта двойная лояльность. Я более чем подозрительно выгляжу в глазах моих товарищей: они не понимают того упорства, с каким я защищаю вашу независимость.

Я вытаращил на него глаза.

— Нашу независимость? Но кто ей угрожает?

— Как вы наивны, Бурна! Земля, конечно же. Вам известно, каковы были первоначальные инструкции, полученные адмиралом? Слава Богу, они уже отменены, поэтому я могу открыть их вам.

— О, мне они известны. Предполагалось, что флот окажет помощь горстке голодных и несчастных выживших. Конечно, об этих приказах сообщалось: они абсурдны.

— Да, но что потом? Каким должен был стать второй этап операции?.. Ни за что не угадаете! После того как теллусийцев накормили и одели, адмирал должен был бы их репатриировать.

— Репатриировать? Но куда?

— На Землю, Жан, на Землю! И эти инструкции оставались в силе, даже когда оказалось, что люди Теллуса прекрас-

но приспособились к своей приемной планете. Просто дело оказалось более сложным, чем ожидалось: транспортировка трехсот тысяч человек с Теллуса на Землю не могла быть осуществлена за одну ночь и с помощью имеющихся средств. Но земной штаб принялся обдумывать проблему, как только получил основные данные. Он и сейчас бы занимался этим, если бы я не вмешался...

— Но это нелепо!

— Конечно — для вас. Но не для земной бюрократии. Несколько офицеров флота, находящихся на Теллусе, охотно меня поддержали. Но для Верховного командования, сидящего в своих кабинетах на Земле, мысль о том, что люди, насильно перемещенные планету, затерянную в глубинах Вселенной, могут пожелать там остаться, кажется абсурдной.

— Но мы здесь, на Теллусе, прекрасно себя чувствуем!

— Это то, чего они понять не в силах. Ступайте и скажите им сами! Но помните: ни одна планета Солнечной системы не является действительно пригодной для жизни. Для землянина идея проживания в течение длительного времени за пределами Земли внутренне неприятна: эта реакция запечатлена в его подсознании. К счастью, как я уже говорил, большинство офицеров адмирала поняли, что вы никогда не согласитесь оказаться вырванными с Теллуса. Нам удалось втолковать это чиновникам. Было решено, что вам позволят остаться здесь.

— Уф! Выходит, мы дешево отделались, — сказал я, смеясь. — Но признайте, Василий: все это было не очень серьезно. Не мог же адмирал насильно погрузить нас на корабли...

— О, с этим-то, как раз, как вы и сами знаете, проблем бы не возникло — как раз сила-то у земного флота есть! Но, так или иначе, я не думаю, что дошло бы до такой крайности... Нет. Отношения между Землей и Теллусом от этого бы только пострадали, а они и так уже довольно-таки напряженные...

— Полноте, дружище, что-то вы предаетесь мрачным мыслям! Более дружеских отношений и быть не может! Мы идем от праздника к радости...

— Только с виду. Как мне стало известно, встреча между вашим президентом и адмиралом выдалась весьма бурной.

— Естественно, если Эль-Фасси, как вы говорите, пытался убедить его позволить нас «репатриировать»...

— Да нет, это уже старая история. Об этом речи больше не идет. Теперь необходимо склонить вас к принятию проекта соглашения, призванного урегулировать будущие политические отношения между Землей и Теллусом.

— Вот как?!.. И что же этот проект предусматривает, раз уж вы прекрасно информированы?

— Строго говоря, адмирал со мной не откровенничает. По сути, официально мне никто никогда ничего не говорил. Но я имел достаточно бесед с самими разными людьми, чтобы на основе их намеков самостоятельно собрать картину происходящего. Если в общих чертах, то я думаю, что Организация Объединенных Наций предлагает Теллусу статус колонии: каждый из ваших штатов будет привязан к стране происхождения, а ваше федеральное правительство будет заменено губернатором и должностными лицами, назначенными ООН.

Я не поверил своим ушам.

— Но это немыслимо!

Руденко всплеснул руками в знак беспомощности.

— И однако же это то, что у нас там думают. По правде говоря, проект не такой уж и «свежий»: это перенос статуса марсианской и венерианской колоний. Администрация предпочитает придерживаться стандартных и проверенных методов. И в этом плане тоже Теллус ставит перед Объединенными Нациями совершенно новую проблему. Надеюсь, ваше — и вашего президента — упорство вынудят их искать какие-нибудь другие пути.

Больше ничего из этого разговора я не узнал. В последующие дни газеты упоминали о новых закрытых встречах между членами федерального правительства и старшими офицерами земного флота. Мало-помалу всем стало ясно, что идут тяжелые переговоры.

* * * * *

И затем вдруг, в один миг, секрет перестал быть секретом. Полагаю, произошел преднамеренный слив информации с теллусийской стороны с целью навязать адмиралу нашу

волю. Однажды утром Унион проснулся с душевным состоянием города, оккупированного врагом. «Новость» передавалась из уст в уста: «Они хотят аннексировать Теллус».

На улицах землян провожали неприязненными взглядами. На некоторых даже напали: случился обмен ударами и оскорблениями. Наши «гости» теперь выходили куда-либо только группами. Повсюду спонтанно появились плакаты кустарного производства с враждебными лозунгами.

Спустя три дня бурлила уже вся страна. В Кобальте три крупнейшие партии организовали массовый митинг «в защиту независимости Теллуса». В Нью-Вашингтоне на всех стенах висели афиши, воспроизводящие первые параграфы американской декларации независимости 1776 года.

Правительство сделало вид, что оно вне себя от такого общественного мнения. Не уставая призывать к спокойствию и принося свои извинения земному командованию, в действительности оно подливало масла в огонь искусно составленными коммюнике и обращениями.

В конце недели «захватчики» уже безвылазно жили в астропорте и больше не появлялись на публике. Полагаю, они уже начали в тот момент составлять для чиновников «планеты-матери» тревожную картину теллусийского общественного мнения. Но пока ничто еще не указывало на то, что земляне пойдут на уступки.

Действие, которое всё решило, пришло с той стороны, с какой мы его не ждали: на девятый день кризиса на Унион пошли ссви и сслвипы.

Полагаю, движение было спонтанным, но могло быть и так, что идея этой демонстрации силы исходила от министерства иностранных дел.

Как бы то ни было, когда «империалистические намерения» Земли стали общеизвестным фактом, наши старые союзники ссви и новые союзники сслвипы сильно встревожились. Привилегированный статус, которым они обладали в отношении нас, политическое равенство, которое мы им гарантировали, — все это оказалась бы под вопросом, если бы Объединенные Государства Теллуса исчезли. Вполне вероятно, что офис Бенсона представил ссви и сслвипам картину ситуации в наме-

ренно мрачных тонах. Придя в глубочайшее волнение, наши соседи решили помочь нам защитить независимость Теллуса. Парадоксальным образом примирившиеся, десятки тысяч хорошо вооруженных черных и красных ссви пересекли наши границы и встали лагерем вокруг унионского астропорта.

Настояв на встрече с адмиралом, их вожди прямо указали ему на то, что Теллус принадлежит его жителям всех рас, что эти жители намерены управлять им сами, и что этот вопрос никоим образом не должны решать одни лишь люди между собой. Они объявили о своей решимости держать флот в осаде до тех пор, пока Земля не откажется от плана сделать Теллус своей колонией.

Полагаю, эта манифестация стала решающей. До тех пор земляне, вероятно, полагали, что им удастся убедить нас, людей. В противном случае, возможно, они надеялись запугать нас — через демонстрацию силы, но без ее применения, — полагая, что мы отступим перед братоубийственной войной. Но они знали, какими грозными бойцами являются наши союзники, как знали и то, что те без колебаний пойдут на открытый конфликт. Идея войны на истребление против первобытного народа уже давно стала на Земле неприемлемой не только для общественного мнения, травмированного многовековыми колониальными авантюрами, но и для руководителей Организации Объединенных Наций и для таких людей, как адмирал Эль-Фасси.

Земное командование дало понять, что не может быть и речи о *навязывании* Теллусу статуса колонии, и что будущие отношения между нашими планетами будут решаться путем переговоров на основе равноправия. Уже на следующий день землян встречали на улицах Униона приветственными криками.

Таким образом, черные и красные ссви спасли Объединенные Государства Теллуса и, осознав общность интересов, примирились... на какое-то время.

* * * * *

Как-то утром, несколько дней спустя, я встретил у двери кафедры астрофизики университета своего дядю Клода. Он

приехал обсудить некоторые технические усовершенствования радиотелескопа. Естественно, я поинтересовался, продолжает ли аресийский спутник регулярно отправлять свои сообщения.

— Работает как часы. Поверь, во время кризиса он не простаивал: его передачи были даже более продолжительными, чем прежде, и гораздо более частыми. Флот явно нуждается в нем, хотя и сам может общаться с Землей напрямую. К тому же, вероятно, есть еще две ретрансляционные станции рядом с «зоной гиперкасания», с нашей стороны и со стороны Солнечной системы. Эти господа много болтают с планетой-матерью.

— И что же они говорят друг другу?

— Об этом, малыш Жан, я знаю не больше, чем ты, — и это касается как прямых передач, так и тех, которые проходят мимо спутника.

— Они все еще закодированные?

— Всегда один и тот же не поддающийся расшифровке код. Капитан Морьер, прекрасно тебе знакомый, на днях сказал мне, что со времен Катаклизма земляне достигли в криптографии огромных успехов. Похоже, это связано с развитием их компьютеров и развитием теории чисел. И все же наши специалисты-шифровальщики продолжают над этим работать.

— Но если флот может связываться с Землей напрямую, зачем ему продолжать использовать этот аресийский спутник?

Клод недоуменно пожал плечами: на этот вопрос, как и на многие другие, ответа у него в тот день не было.

25 июля, вернувшись вечером к своему дяде Анри, я с удивлением обнаружил, что он упаковывает чемодан.

— Куда-то уезжаете? Вот уж не знал...

Он приложил палец к губам:

— Сверхсекретная миссия. Но так как некогда ты оказал мне честь, раскрыв государственные тайны, я тоже готов поделиться с тобой информацией — разумеется, по секрету. Мне предстоит сопровождать адмирала на остров Тайны.

От удивления у меня, должно быть, округлились глаза.

— Конечно, нет ничего удивительного в том, что одна из главных теллусийских достопримечательностей могла заинтересовать землян, но я не вижу тут ничего, что требовало бы секретности. Разве что к прежним загадкам Острова добавились какие-то новые...

— Полностью с тобой согласен, Жан. О каких-то новых загадках мне ничего не известно, но, похоже, адмирал проявляет немалый интерес ко всему, что так или иначе касается реальных или предполагаемых жителей Ареса.

— И раз уж, как представляется, ваши с Хои исследования показывают, что неизвестные с острова Тайны явились с Ареса, тебя направляют на остров в качестве гида земного штаба?

— Точно. Ты поразительно проницателен! Кстати, буду с тобой откровенен: Хои тоже туда летит.

На следующий день один из кораблей сопровождения флота украдкой покинул Унион, унося на борту адмирала Эль-Фасси, горстку его офицеров и их теллусийских проводников. Вернулся он спустя двое суток. От дяди я узнал, что они тщательно и методично обследовали не только обломки звездолета с острова Тайны, но и Город катапульта и его храм, где хранятся мощи тех неизвестных, которые предположительно явились с Ареса.

Теперь я уже не сомневался в том, что земляне проявляют живейший интерес ко всему, что связано с соседней планетой. Через пару дней я поделился своими соображениями с Руденко.

— По-моему, адмирал готовит экспедицию на Арес: всё свидетельствует об этом.

— Такая вероятность действительно существует, — ответил русский, — хотя офицеры штаба и говорят со мной об этом лишь намеками.

— Но к чему вся эта скрытность? Это и для нас вопрос первостепенного интереса. К чему такая секретность?

На губах Руденко играла все та же ироничная и разочарованная улыбка, что и при нашей предыдущей беседе:

— Всё по той же причине, Жан. Они относятся к вам, теллусийцам, с подозрением. Они вас не понимают и боятся от вас неожиданных реакций. Думаю, кстати, что и ваш прези-

дент наверняка это понимает. Но пока Теллус не определится окончательно со своей политикой по отношению к Земле...

Тем не менее я никак не мог уяснить, каким образом отношения между Теллусом и Землей могли повлиять на проект экспедиции на Арес. Тем более, что о тайне становилось известно все большему числу людей: по улицам Униона уже ходили самые невероятные слухи. В университете план землян обсуждался так, как если бы был уже общеизвестным фактом. Понять суть проблемы мне помог профессор Бевин, гораздо лучший эксперт по истории Земли, чем я сам:

— Видите ли, Бурна, теллусийское Человечество всегда жило в мире с самим собой: оно, конечно, было вынуждено защищать свои границы от врагов, которые не были людьми, но, за исключением тех нескольких дней в 9-ом году, когда пришлось объявить боевую тревогу, у людей на Теллусе никогда и мысли не возникало о том, чтобы сражаться друг против друга.

— Нам слишком многое нужно было сделать для того, чтобы завоевать наше место на Теллусе. А если кто-то не был доволен, он мог всегда пойти и устроиться где-то еще.

— Совершенно верно. С другой стороны, войны и национализм, конфликты идеологий — для землян все это не такая уж и старая история. Вспомните то, что во времена Катаклизма на Земле называли «холодной войной». За этой «холодной войной» последовала, как мы теперь знаем, резкая и кровавая вспышка национализма. Лишь через несколько десятилетий удалось прийти к Великому Договору 2030 года! Лишь через тридцать лет в достаточной мере утвердился авторитет Организации Объединенных Наций и исчезли национальные вооруженные силы. Этим-то и объясняется, почему земляне относятся к нам с недоверием и осмотрительностью. Наш отказ войти в лоно планеты-матери и та враждебность, с которой мы отнеслись к подобной возможности, только усилили их осторожность. Судя по всему, они опасаются, что им придется столкнуться с теллусийским национализмом.

— Абсурд! Мы лишь хотим не допустить излишнего сближения и сохранить нашу автономию управления...

— Абсурд для нас, но не для них. Помните это старое слово — «колониализм»? Оно сохранило для них актуальность, особенно для африканцев вроде адмирала. Мы отказались стать земной колонией, поэтому они опасаются вспышки теллусийского национализма.

— В любом случае, я не понимаю, как это может повлиять на их планы экспедиции на Арес.

— Полноте, Жан, это же очевидно! Арес является частью нашей звездной системы: мы могли бы рассматривать эту планету как охотничий заповедник, входящий в нашу «сферу влияния», как говорили в прошлом веке.

Я пожал плечами. Профессор стоял на своем:

— Это не такая уж и древняя идея, Бурна. Кому, как не вам знать, с какой осторожностью, с какой деликатностью нам приходится договариваться со свви даже о малейших пустяках. Вам и самому доводилось сталкиваться с их недоверчивым национализмом. Вам прекрасно известно, что мы никогда не отправим на их территорию даже самую скромную делегацию хоть какого-либо значения, не будучи уверенными в их предварительном согласии.

— Но этот народ еще не вышел из детства! Большинство из них так и остались первобытными дикарями...

— Земляне тоже, Жан, — при равных условиях. С этой точки зрения, мы — более зрелые и мудрые, чем они, но они этого еще не осознают.

Между тем переговоры продолжались. В середине августа власти решили обнародовать то, что уже ни для кого не являлось секретом. Президент объявил, что собирается представить в федеральный парламент на ратификацию проект договора между Землей и Теллусом, договора, призванного определить будущие отношения двух планет. В виду того, что наша точка зрения превалировала, Теллус были готовы принять в ООН в ранге независимого государства. В отступление от Хартии нам разрешалось сохранить независимые вооруженные планетные и космические силы для всякого рода действий внутри нашей собственной звездной системы. Но любая экспедиция вне системы подлежала согласованию и должна была проходить под командованием Организации

Объединенных Наций. И наоборот, любая операция Объединенных Наций в нашей системе должна была обязательно получить согласие теллусийского федерального правительства.

Так как этот проект больше не вызывал возражений с нашей стороны, его принятие парламентом не вызывало сомнений. На следующий день, после очередной беседы с президентом, адмирал провел пресс-конференцию. Он официально объявил, что, с согласия теллусийского правительства, земной флот предпримет исследовательскую экспедицию на Арес.

По этому случаю адмирал изложил историю вопроса, которая побудила Объединенные Нации заинтересоваться нашим соседом.

* * * * *

Все началось с приключений Руденко и его спутников на борту «Смоленска»: привлеченные радиосигналами, идущими с Ареса, они попытались приблизиться к планете, встретили там крайне враждебный прием, и были вынуждены направить свой потерявший управление корабль на Теллус. До сих пор эти факты держались в секрете: наше общественное мнение пришло в шок, узнав, что наши соседи оказались столь агрессивными.

Затем адмирал указал, что в следующем году по следам Руденко направилась вторая экспедиция, более крупная. Также, и по тем же причинам, оказавшаяся неподалеку от Ареса, она пережила те же злоключения. Прямо на орбите был уничтожен один из легких кораблей, в который попала ядерная ракета. Решив не продолжать исследования в нашей системе, экспедиция вернулась в свою вселенную. Так подтвердилось то, что я узнал тогда от моего дяди: сигналы, перехваченные в августе 75-го года нашим радиотелескопом, шли от этой экспедиции.

Прошел год. В 2061 году по земному календарю в нашу вселенную был отправлен один-единственный корабль. Именно он вывел на орбиту спутник-маяк U.N. 820, который должен был передавать на Землю все наблюдения, сделанные им при движении вокруг Ареса. В то же время Объединен-

ные Нации готовили гораздо более мощную экспедицию, призванную найти разгадку тайны, высадившись на планету, несмотря на противодействие местных жителей. Этот флот был уже почти готов к отправке, когда мы отправили с «Ириды» сообщение, из которого земляне узнали о существовании теллусийского Человечества. Флот был вынужден на время отвлечься от его изначальной цели. Теперь же, когда проблема Теллуса была решена, он намеревался вернуться к выполнению своей основной миссии.

После представления доклада адмиралу, конечно же, пришлось ответить на многочисленные вопросы журналистов. Я помню лишь, что один из них спросил у него, не думает ли он, что звездолет, обломки которого были обнаружены на острове Тайны, и «пришельцы», научившие ссви металлургии, явились, как мы всегда и предполагали, с Ареса. У адмирала Эль-Фасси на это имелся крайне осторожный ответ: он посетил остров Тайны и Город катапульт и весьма впечатлен увиденным там, но ничто не позволяет делать однозначные выводы относительно происхождения таинственных незнакомцев. Если это была экспедиция на Теллус жителей Ареса, нужно еще объяснить, почему она не имела никакого продолжения.

С этого времени земной флот был приведен в полную боевую готовность. Пока он обновлял свои запасы, его подразделения, одни за другими, участвовали в маневрах. Для нас стало обычным явлением наблюдать, как один или два крейсера кружат на малой высоте вокруг Униона, позади или впереди которых летят шесть кораблей сопровождения, ведя учебный бой. Те, у кого была такая возможность, расположились неподалеку от астропорта, чтобы присутствовать при учениях по высадке десанта.

Было даже предпринято общее нападение на Артемиду. У нашего спутника действительно одно преимущество и в то же время странная особенность: он был необитаемым, но тем не менее располагал пригодной для дыхания атмосферой. Весь флот принял участие в этом сражении.

За счет интенсивной бомбардировки мы подготовили почву для решающего удара, после чего адмирал бросил свои

силы в атаку и «завладел» Артемидой всего за несколько часов. Естественно, с нами были пресса и телевидение, подробнейшим образом осветившие этот односторонний штурм. Все население высыпало на улицы поглазеть на это зрелище, потому что стояла ночь, и места падения снарядов земной артиллерии были хорошо видны даже в обычный бинокль. Я должен сказать, что многим становилось не по себе от мысли, что мы наблюдаем репетицию того, что может в скором времени произойти уже на обитаемой планете. Несмотря на откровенную агрессию, проявленную жителями Ареса, возможно, это был не лучший способ войти с ними в контакт.

Этот «военный подвиг», впрочем, дал неожиданный результат. Когда земляне высадились на нашем спутнике, они с удивлением обнаружили довольно многочисленные следы некоей древней цивилизации: были найдены развалины, на три четверти погребенные под землей, но все еще узнаваемые. К сожалению, не сохранилось ни костей, ни обработанных предметов, ни живописных изображений. Было невозможно составить представление о том, как могли выглядеть строители этих городов. Артемиды была во всех отношениях мертвой планетой, где даже растительная жизнь полностью исчезла. Но эта жизнь оставила в наследство планете весьма странный подарок: пригодную для дыхания атмосферу.

Вполне вероятно, что эта цивилизация погибла миллионы лет тому назад. Более того, мы знаем, что последующие экспедиции, которые обнаружили некоторые скудные следы промышленности и всего несколько почти стершихся надписей, по-видимому, подтвердили эти выводы.

Между тем было решено, что Теллус примет в экспедиции символическое участие: «Ирида» под командованием Стива Баркли — Руденко теперь вернулся в земные войска, — будет следить за операциями, никак, однако, в них не участвуя, так как располагает ничтожным вооружением.

Когда настал момент собирать экипаж, мне предложили стать его частью. Кандидатов было великое множество, и наш крошечный космический корабль просто не смог бы вместить всех. К счастью, адмирал предложил щедрое гостеприимство всем тем, кто не смог найти место на «Ириде»: тем самым

земляне пытались заручиться еще чуть бóльшим расположением теллусийцев. Всего в экспедицию вошло около ста жителей Теллуса, в том числе четырнадцать ссви.

Как и большинство «стариков», я предпочел пониженный комфорт и тесные помещения нашего небольшого судна тем удобствам, которые предлагали земные корабли. За несколькими исключениями, наша команда оказалась такой же, какой была во время первого путешествия. Одним из таких исключений была Жаклин. По правде сказать, я без особого энтузиазма воспринял идею ее участия в этой боевой операции. Конечно же, не из-за того, что имел что-то против женщин: после Катаклизма женщины проявили себя на Теллусе во всех отношениях равными мужчинам, и отважные жены пионеров Новой Америки стали живым доказательством этого. Но я уже питал к ней столь нежные чувства, что не смог бы без тревоги смотреть, как она подвергает себя опасностям, присущим экспедициям подобного рода.

Ее брату хотелось брать ее на борт не больше, чем мне. Он отказался. С типичным для их семьи упорством, Жаклин поступила на работу в «Нью-Вашингтон-Пост». Уверен, для этого ей пришлось подержать за значительное количество веревочек и задействовать все свои семейные связи. Газета уведомила Стива о том, что ее специальный корреспондент Джинн Бауэрс (Жаклин выбрала псевдоним, соответствующий ее собственным инициалам) вылетит на «Ириде», в самый последний момент: когда выяснилось, что эта журналистка — Жаклин Баркли, было уже слишком поздно.

Присутствие «Ириды» среди кораблей флота подняло довольно деликатную техническую проблему: мощность машин нашего корабля была намного ниже мощности земных судов. Эта мощность, однако, была увеличена путем замены нашего старого реактора (снятого со «Смоленска») на более мощный, предоставленный землянами. Арес находился тогда в соединении с Гелиосом, в результате чего, чтобы избежать Гелиоса, мы вынуждены сделать огромный крюк. Сама по себе, «Ирида» не могла добраться до Ареса менее чем за пятьдесят дней. Флот же, напротив, мог совершить это путешествие

за двенадцать дней: не могло быть и речи о том, чтобы вынуждать землян тащиться, словно улитка.

Адмирал решил эту проблему достаточно просто: по его указанию «Ириду» взял на буксир «Карачи». Подобная операция, чрезвычайно сложная, иногда осуществлялась на коротких дистанциях и на низкой скорости во время учений или реальных спасательных маневров. На столь большом расстоянии и значительной скорости ей предстояло пройти впервые, но капитан крейсера решил, что сможет провести ее успешно: в случае каких-либо осложнений, всегда можно было бы отцепить наше судно и позволить ему продолжать путь в одиночку.

В общем, с Теллуса «Ирида» вылетела сама. «Карачи» присоединился к ней, и пока оба корабля шли одним курсом уже за орбитой Фебы, держась друг от друга на одном и том же расстоянии, команда техников перекинула через десять километров вакуума, которые разделяли два судна, пять буксировочных тросов. Тщательнейшее согласование команд позволило звездолетам синхронизировать свои маневры. Тонкие тросы постепенно натягивались, когда крейсер сообщал нашему кораблю то дополнительное ускорение, которое было ему необходимо для того, чтобы не отставать от флота.

Экспедиция на Арес отправилась в путь: было 5 декабря 77 года.

глава 20 Штурм

27 декабря, после десяти дней, проведенных на орбите для наблюдения за планетой, сбора и корректировки последней информации, предоставленной спутником-маяком, адмирал Эль-Фасси приказал своим подразделениям начать первый этап операций.

Психологическое наступление уже началось. Начиная с 23-го числа передатчики флота изливали в направлении Ареса поток слов о мире и доброй воле. На всех языках

Земли мы призывали местных жителей отказаться от их враждебного к нам отношения и позволить нам прибыть на планету, пусть и хотя бы небольшой делегацией. По правде сказать, мы и не надеялись на то, что нас поняли таким образом, но нам нужен был какой-нибудь язык для передачи наших речей. Некоторые полагали, что самым эффективным средством может стать музыка, но никто и представить себе не мог, *что именно* «аресийцы» могут наверняка счесть «пацифистской» музыкой... Быть может, к тому же местные жители решили бы, что столь разговорчивые существа не могут иметь слишком агрессивных намерений... Кроме того, мы передавали сигналы математического характера, чтобы показать наше желание вступить в контакт и пообщаться с жителями планеты.

Так уж вышло, что эти усилия не увенчались успехом: несмотря на постоянное и внимательное прослушивание, с Ареса до нас не дошло никакого понятного сообщения.

Теперь мы обнаружили и насчитали 153 больших искусственных спутника, находившихся на самых различных орбитах.

Корабль сопровождения «Веста» осторожно подошел к одному из них и отправил в его направлении оборудованный детекторами и камерами дистанционно управляемый зонд. Несколько секунд спустя, когда аппарат находился в трех тысячах метров от спутника, короткая вспышка и треск счетчиков гамма-лучей дали остальному флоту понять, что спутник не позволил к себе приблизиться и располагает ядерным оружием.

Эксперимент был повторен раз десять на различных целях. Мы даже попытались одновременно отправить к одному и тому же спутнику сразу несколько зондов. Все они были безжалостно уничтожены ракетами с ядерным зарядом.

Затем корабли сопровождения пошли в атаку. Один из спутников был взят под совместный огонь четырех земных кораблей, дистанционно управляемые ракеты двигались по сходящимся на спутнике траекториям. Спутник успешно отбил... сначала. Уничтожая собственными ракетами те, которые пытались до него долететь, он долгое время оказы-

вал эффективное сопротивление. Но его огневая мощь была неизбежно ограничена, тогда как у флота боеприпасов было более чем достаточно. После десяти минут сражения мы увидели, как цель разрушилась в облаке газа.

Меня пригласили понаблюдать за ходом операций из смотрового купола «Будапешта», державшегося относительно далеко от планеты, но располагавшего превосходными оптическими приборами. Оттуда-то я и увидел, как наш противник уступает огневой мощи землян. Я искренне надеялся, что на уничтоженном нами спутнике не было экипажа. Капитан Фудзихара, служивший нам гидом и комментатором, заверил меня, что так оно, вероятнее всего, и было.

Я ожидал увидеть ту же тактику, которая применялась против других спутников, но адмирал решил иначе: судя по всему, на скорую победу он не рассчитывал. Кроме того, как объяснил наш наставник, противник без колебаний использует ядерное оружие, и мы не хотим идти на риск увидеть все планетное пространство заполненным радиоактивным газом и мусором.

Именно поэтому земной флот избрал другое построение. Корабли заняли боевые позиции по линии экватора, образуя вокруг Ареса огневой рубеж. С этой позиции почти все спутники находились под прямым наблюдением того или иного из судов. Капитан Фудзихара объявил нам, что сейчас мы увидим, как действуют лазеры.

Я слышал о «лазерах», но не очень хорошо представлял, что это такое. Это было открытие, сделанное незадолго до Катаклизма, и наши физики усовершенствовали его в лаборатории, но применялось оно не часто. Судя по всему, на Земле с этим дело обстояло иначе: в частности, военные превратили лазеры в грозное оружие. Нам пояснили, что все земные корабли оснащены очень мощными инфракрасными лазерами.

В общем, эти лазеры и были задействованы. Радар засекал спутник, параметры его орбиты вводились в управляющий компьютер лазера, тот наводился цель и стрелял по ней. Все это оставалось абсолютно невидимым для наблюдателей, в данном случае — для нас. Похоже, под воздействием инфракрасного излучения лазера температура спутников уве-

личилась настолько, что выходила за пределы того, что они могли выдерживать. Системы наведения их ракет выходили из строя и становились неопасными. В некоторых случаях, по словам капитана Фудзихары, спутник даже мог взорваться: раза два или три мы действительно это наблюдали. Но в целом это действие было не слишком зрелищным.

Все это продолжалось почти восемь часов... Наконец нам объявили, что все обнаруженные спутники выведены из строя. Действительно, к некоторым из них были отправлены зонды, которые смогли приблизиться, не вызвав ответных действий и без какого-либо для себя ущерба. За зондами последовали шлюпки, доставившие на места специалистов, которые подтвердили, что спутники в самом деле были автоматическими устройствами. Первая фаза атаки была завершена.

Затем земной флот соблюдал новое двухдневное перемирие, чтобы остаточные радиоактивные облака могли рассеяться в космосе. Вместе с тем мы продолжали вести пропаганду в эфире.

30 декабря на поверхность планеты была отправлена дистанционно управляемая шлюпка. Она без проблем прошла зону спутников, но когда достигла высоты восемьдесят километров, наши детекторы сообщили, что несколько снарядов только что вылетели с поверхности ей навстречу. На высоте тридцать километров шлюпка была уничтожена.

Аресийцы продолжали вести себя по отношению к нам враждебно: адмирал созвал военный совет. Необходимо было пойти на более серьезные риски и, вероятно, понести потери. Естественно, сам я на этом Совете не присутствовал, но много о нем слышал. Речь шла в том, чтобы определить требующую как можно меньше жертв стратегию, чтобы достичь поверхности Ареса и наконец войти в контакт с местными жителями. А против нас были бы ресурсы всей планеты. Но где находились эти скрытые ресурсы? Поверхность планеты, на протяжении нескольких дней исследованная радаром, была теперь достаточно хорошо известна, но нигде не было обнаружено ни малейшего следа «разумной» активности.

Тогда мы начали с определения *a priori* благоприятных мест для атаки: высокогорных районов или небольших изо-

лированных островов в обширных океанах. Имелись определенные шансы на то, что сосредоточение там защитных линий противника будет относительно низким.

Таким образом, были определены четыре цели: цепочка крошечных островов неподалеку от Южного полюса, очень высокое плато на одном из двух северных материков, зона, очевидно, покрытая песчаной пустыней на другом конце все того же северного материка, и прибрежная равнина, отделенная от южного материка мощным горным хребтом.

Было решено провести атаку одновременно на все эти точки. Но три из этих операций должны были стать только лишь демонстрациями. В принципе, настоящей целью был полярный архипелаг. Учитывая климат Ареса, намного более холодный, чем климат Теллуса, мы надеялись на то, что эти острова окажутся необитаемыми. Если бы только во время наступления не возникли какие-то новые исходные данные, именно там должно была пройти атака, и именно там мы рассчитывали закрепиться.

Последующие дни выдались для нас чрезвычайно томительными. Под нами разворачивалось ужасное и фантастическое зрелище, но участие в нем принимала лишь артиллерия флота, да и на большом удалении.

Наши дистанционно управляемые или самонаводящиеся ракеты сотнями погружались в атмосферу Ареса. Лишь немногие из них достигали поверхности. Огромное огневое заграждение поднималось с поверхности планеты им навстречу. Как-то раз меня пригласили понаблюдать за операциями с одного из постов управления огнем. Экраны радара были покрыты движущимися с высокой скоростью во всех направлениях яркими пятнами, среди которых нашим специалистам удавалось, тем не менее, распознавать наши собственные ракеты. Подавляющее большинство из них были перехвачены на высоте между двадцатью и пятьюдесятью километрами. Это не имело особого значения: большинство из них были ложными — приманками, предназначенными для привлечения огня противника, чтобы вынудить его расходовать боеприпасы.

Несмотря на поразительную чистоту атмосферы Ареса, мы напрасно надеялись увидеть что-нибудь с помощью

какого-нибудь оптического инструмента. С самого начала атаки выбранные нами цели покрывала густая масса радиоактивных облаков. Казалось, противнику совершенно безразлично это загрязнение: ядерные ракеты прилетали с самой планеты!

Майор Макларен, служивший мне в тот день гидом, показал зоны, из которых взлетали вражеские ракеты: обнаружить их было нетрудно. Большинство из этих зон были строго разграничены: было отчетливо видно, как различаются траектории удалявшихся от них снарядов.

— Это нам сильно поможет, — сказал я. — Несколько точных попаданий — и дорога открыта!

— Боюсь, вы слишком оптимистичны, — ответил шотландец с тем акцентом, к которому я все никак не мог привыкнуть. — Установки противника, вероятно, расположены под землей. Они даже не считают необходимым глушить наши радары! Кроме того — и я сожалею, уж поверьте, что приходится это признавать, — точность нашей собственной стрельбы не такая, какой ей следовало бы быть. Об их ракетах я, конечно же, не говорю, но многие из наших летят мимо цели. Это настоящий позор! Где традиции королевского флота? *My God!*

Несмотря на пессимизм Макларена, ситуация вскоре улучшилась. Каким бы малоэффективным он ни был, наш огонь за счет одной только своей интенсивности вынуждал противника тратить несметное количество боеприпасов в тех зонах, где он был атакован. К десятому дню наземная оборона, казалось, ослабла. Но, вопреки нашим ожиданиям, именно северные острова оказывали наиболее ожесточенное сопротивление. Южный континент, наоборот, казался все менее и менее хорошо защищенным. Наступил момент, когда на поверхность планеты упало уже почти 80% наших снарядов. Противостоявшие им ракеты вылетали теперь с баз, расположенных на северном континенте.

С внушительным эскортом из более или менее фиктивных баллистических ракет на прибрежную равнину, являвшуюся нашей целью номер четыре, была отправлена шлюпка, оснащенная приборами наблюдения. Третий эскорта была уничто-

жена в пути, но шлюпка достигла земли. Ее приборы начали передавать нам необходимые сведения.

Гравитация, температура, давление и состав атмосферы были удовлетворительными. С этой точки зрения ничто не препятствовало высадке людей на Арес и жизни там на свежем воздухе. Даже уровень радиоактивности на земле был низким: выпадение радиоактивных осадков на большой высоте не выглядело по-настоящему опасным, — точнее сказать, их последствия пока еще не ощущались.

И однако же на поверхности планеты не было ни малейшего следа органической жизни: несмотря на их неважное качество, изображения, передаваемые телевизионными камерами, предоставляли нам достаточную информацию. Они показывали голую, каменистую, слегка холмистую землю, над которой носились поднимаемые ветрами облака пыли. Небольшие возвышенности с порой неровными контурами могли быть руинами, но ничто не позволяло утверждать это наверняка.

Спустя двое суток, поскольку аресийцы не предпринимали никаких попыток атаковать или даже просто связаться с нашей шлюпкой, адмирал решил укрепить плацдарм. Три другие цели продолжали довольно успешно сопротивляться, но системы обороны южного континента, казалось, были действительно нейтрализованы.

Корабль сопровождения «Церера» предпринял осторожную высадку под защитой своего собственного вооружения и вооружения трех прикрывавших его крейсеров. Несколько неуверенных ракет поднялись ему навстречу и были уничтожены задолго до того, как смогли приблизиться к нему. Около полудня 13 января (по теллусийскому календарю) на поверхность Ареса ступили первые люди.

На следующий день настал черед «Карачи», сопровождаемого тремя небольшими кораблями. В крейсер попала ракета, но обошлось без серьезных повреждений. На планету высадились уже треть флота.

Тем временем остальные пытались погасить другие очаги сопротивления. Они уже заметно ослабли, но, возможно, просто пытались экономить боеприпасы.

Экипаж «Ириды» единодушно попросил разрешить ему присоединиться к десантному корпусу, и нашему звездолету позволили тоже приземлиться на прибрежной равнине южного континента. Наша высадка под защитой одного из кораблей сопровождения прошла без происшествий. Противник, очевидно, отказался от противодействия укреплению плацдарма.

По прибытии мы обнаружили небольшую, уже хорошо организованную базу. Артиллерия звездолетов прикрывала огнем все пространство над нами и вокруг нас в радиусе двухсот километров. Были вырыты глубокие укрытия. Несколько наземных транспортных средств облегчали перевозку в этом укрепленном лагере и проводили короткую разведку окрестностей благодаря наскоро обустроенной сети дорог, расширившейся изо дня в день.

База была построена на берегу океана. Днем, несмотря на удаленность от Гелиоса, там стояла жуткая жара, потому что мы находились на двадцать пятом градусе широты и в южном полушарии в самом разгаре было лето. Ночью, напротив, был ледяной холод.

Пейзаж был совершенно пустынным: камни, скалы, пыль насколько хватало глаз. К счастью, с высокой горной цепи, зубчатые контуры которой вырисовывались на южном горизонте, спускалось множество рек.

На следующий день после прибытия мы прогулялись вокруг лагеря в сопровождении нескольких опытных офицеров (они находились там уже три дня!), которые показали нам достопримечательности этих мест.

Нагромождения камней, изображения которых нам передавали телевизионные камеры, действительно походили на руины. Но в каком они были состоянии!.. Их возраст был, безусловно, несколько столетий. Вполне узнаваемыми выглядели лишь фундаменты и цоколи. Остальное было только кучей разбитых камней, из которой кое-где торчали обломки окислившегося металла. Впрочем, один из сопровождавших нас офицеров сказал нам, что он убежден: даже поверхностные раскопки обнаружат гораздо лучше сохранившиеся подземные залы, в которых, возможно, мы обнаружим ка-

кие-нибудь интересные ископаемые остатки, а может — как знать? — и произведенные местными жителями предметы в хорошем состоянии.

Весь комплекс этих развалин, расположенных на берегу реки в трех километрах от лагеря, представлял собой довольно важный населенный пункт: вероятнее всего, небольшой порт.

Нам также показали находившиеся чуть западнее две обширные зоны, примечательные природой их местности. Хотя земля там, как и везде, была покрыта толстым слоем пыли и мелкой галькой, она казалась словно остеклованной. Горная порода там выглядела расплавленной — такой она была твердой и блестящей. Каждая из этих зон, почти круглых, достигала около трех километров в диаметре.

— Мы обнаружили еще тринадцать таких же в радиусе двадцати километров, — заметил один из наших проводников. — Скорее всего, это последствия ядерных взрывов вблизи от поверхности земли.

— Я думал, мы не применяли ядерное оружие.

— Не мы, мистер Бурна, а кто-то еще... Эти взрывы очень старые. Достаточно увидеть, какой слой обломков покрывает землю...

В общем, в лагерь той ночью мы возвращались в довольно мрачном настроении. Чтобы сменить тему разговора, я спросил офицера, были ли обнаружены следы нынешней жизни.

— Ни малейших, хотя мы произвели воздушную разведку более чем на сто километров вперед... Разве что вы говорите о бактериях или вирусах... Эти тут, возможно, есть — даже скорее всего... Правда, мы принесли сюда и наши.

— Но где-то же они должны быть, эти аресийцы. Их сопротивление я назвал бы весьма ожесточенным!

— О, они, вероятно, где-то совсем близко! Даже здесь мы не можем чувствовать себя в полной безопасности: случается, прилетает какая-нибудь ракета.

— Но вы же, полагаю, уничтожаете их еще издали?

— Разумеется. Но летать без защиты на большой высоте не слишком-то благоразумно. Два дня назад один из наших аппаратов был сбит над морем на высоте три километра. Уж лучше выше пятисот метров не подниматься. Думаю, так низ-

ко они нас засечь не могут. Или же посылать дроны — беспилотные аппараты.

— А можно нам тоже поучаствовать в этой воздушной разведке? Я хотел бы быть первым, кто увидит аресийца.

Офицер рассмеялся:

— Не вы один, представьте себе! Эти странные типы уже начинают жутко раздражать нас своими дикими манерами... Но думаю, что да — наверное, мы сможем вас взять. — Губы его растянулись в двусмысленной улыбке. — Договор между Теллусом и Землей дает вам в этой экспедиции те же права и обязанности, что и нам. Если вам так уж хочется рискнуть своей шкурой...

В любом случае техники, как и целей, хватало. Почти весь ближайший участок местности все еще оставался неисследованным, несмотря на множество миссий, ежедневно вылетавших с базы. Мы намеревались обшарить малейшие уголки горного хребта в надежде обнаружить какое-нибудь туземное укрытие. Флот располагал несколькими сотнями легких летательных аппаратов, но им разрешалось взлетать только тогда, когда им могли обеспечить защиту.

Макларен, только что высадившийся с нами и больше уже нас не покидавший, каким-то ловким образом сумел найти подход к командованию. Для теллусийцев он зарезервировал три вылета, запланированные на следующий день. Единственным условием было, что каждой группой должен руководить опытный офицер.

Эти разведывательные патрули в основном были сформированы из двух двухместных аппаратов каждый. Макларен предложил мне войти в его группу. Жаклин сразу же решила, что тоже полетит. Майор уже знал, что с ней спорить бесполезно.

— У этих Баркли в жилах определенно течет гэльская кровь, — говорил он. — Англичане не могут быть такими упрямыми!

— Ну, уж бретонская-то у Жаклин точно присутствует, — ответил я, смеясь.

Оставалось найти четвертого товарища по команде. Луис выдвинул свою кандидатуру, и она была с радостью принята.

Следующее утро застало нас за работой на наспех устроенной площадке, которая служила летным полем. Аппараты только что были выведены из их укрытий, и я впервые смог осмотреть один из них.

Земляне называют их «тарелками». Это, скорее, воспоминание об одном мифе двадцатого века, но факт есть факт: дискообразная форма этих устройств вполне соответствует их прозвищу. Двигатель ДЦД расположен в центре, под «фонарем» кабины управления, а периферия, полностью прозрачная, образует круговую смотровую галерею. В отличие от космических кораблей, которые приводятся в движение ядерной энергией, двигатели ДЦД этих легких аппаратов запитываются от простых турбин, в которых сжигается смесь углеводородов, как в наших автомобильных двигателях. Это уменьшает вес и объем машин.

Дальность автономного полета не менее внушительна: тысяча километров без дозаправки, со скоростью двести километров в час — земной час. Но скорость набора высоты довольно ограничена уменьшенной мощностью двигателей.

Макларену и Луису пришлось сесть в один из аппаратов и оставить нам другой. Потребовалось не более четверти часа, чтобы объяснить нам чрезвычайно простую работу этих машин. Штурвал и две педали — ускорение и замедление — управляют горизонтальными движениями, как в автомобиле, а вертикальные движения регулируются рычагом, называемым просто «ручкой».

Майору удалось «выбить» для нас особое задание: разведку цепочки островов, которая отходит от северного континента в направлении континента южного. Ближайшие острова находились примерно в ста пятидесяти километрах от укрепленного лагеря. Прежде там никто не бывал, но мы должны были оставаться в районе, защищенном артиллерийской базой. Два других патруля следовали по бокам, в пятидесяти километрах справа и слева от нас, один, под командованием Баркли, — на запад, другой, во главе с Морьером, — на восток. Мы ни в коем случае не должны были подниматься более чем на пятьсот метров и должны были вернуться менее

чем через четыре земных часа — с момента нашего присоединения к флоту мы жили по земному времени и земным дням, что приводило к затруднениям.

— Но что будет, если мы сломаемся? — спросила Жаклин. — Придется возвращаться вплавь?

— Не беспокойтесь. Никаких проблем. «Тарелки» прекрасно плавают. Как пробки. Закройте отверстия купола — и вы непотопляемы.

Вылет прошел в идеальном порядке: сначала — патруль Баркли, потом — Макларен и Луис, затем — мы. Управляла аппаратом Жаклин. Я увидел, как мы медленно поднялись от земли, база уменьшалась в размерах. Следом взлетели две «тарелки» Морьера, направившиеся на северо-восток.

— Удачи, маленькие теллусийцы! — прозвучал у меня в наушниках голос диспетчера, устроившегося под большим куполом «Карачи». — Передавайте привет противнику!

Менее чем через час спокойного полета нашим взорам предстал первый остров. Стояла неизменно чудесная погода, море ослепительно сверкало под невозмутимым небом, чуть более темным, чем небо Теллуса. Благодаря кондиционеру жара внутри аппарата переносилась вполне терпимо.

Майор объявил по радио, что мы достигли нашей цели. Никто «Роджер» лаконично ответил нам. На бреющем полете мы прошли над плоской и каменистой землей, не представлявшей ни малейшего интереса. Макларен взял курс на второй остров, где на горизонте вырисовывались холмы. Это был более многообещающий аэродром истребительной авиации. Но и там мы обнаружили лишь пыльные и пустынные склоны. Вот только Жаклин указала мне на индикатор радиоактивности: покинув «белую» зону, стрелка замерла в «зеленой», соответствующей все еще безвредной, но ощутимой интенсивности.

— Я бы сильно удивился, если бы мы обнаружили здесь живых существ, — сказал я.

Тем не менее я внезапно увидел, как «тарелка» майора спикировала вниз и села. Жаклин отвела нашу аппарат в сторону. Луис спрыгнул на землю, и я понял причину этой остановки. В защищенном от ветра уголке росла скудная растительность. Это была трава темно-зеленого цвета, короткая

и болезненного вида. Ею было покрыто, быть может, метров десять квадратных. Я был восхищен остротой зрения Луиса, ибо это он заметил траву.

— Решительно, мой дорогой Холмс, от вашего внимания ничто не ускользает! Поздравляю: вы нашли первое аресийское растение!

— Вам решать, как мы его назовем, — сказала Жаклин. — Как насчет *Herba Sherlockensis*?

— Вижу, вам поиграть хочется, — сказал Луис, смеясь. — Тогда позвольте мне назвать его *Jacquelinensis* и подарить вам пучок.

Макларен, будучи человеком более серьезным, уже оторвал несколько побегов от скалы, за которую они цеплялись, и осторожно положил в одно из отделений грузового отсека своего аппарата.

— Полноте, *gentlemen*, и вы, мисс Баркли, не будем терять попусту время. На северо-западе мы видели горный пик, возвышающийся над горизонтом. Это, несомненно, какой-то крупный остров. Давайте осмотрим его — и возвращаемся.

Через минуту наш патруль снова был уже в воздухе. Жаклин уступила мне штурвал и смотрела на море с мрачным видом.

— Вся эта вода вызывает у меня желание искупаться, Жан. Я хотела захватить с собой купальник, но багажа разрешили взять так мало...

— Дело в том, что в межпланетной экспедиции купальный костюм не является предметом первой необходимости... Впрочем, можно было бы обойтись и без него. В конце концов, безлюдных мест тут предостаточно.

Так как она молчала, я обернулся. Она внимательно разглядывала в бинокль море чуть левее от нас.

— Что, увидела подводную лодку?

— Возможно.

— И под каким флагом она идет?

— Не смейся, Жан. Уверю тебя, там действительно над водой что-то есть. Похоже на блестящий шар на конце палки. По-видимому, от его верхней части отражается солнце. Он-то и привлек мое внимание.

— Черт, давай посмотрим!

Я начал делать поворот влево, одновременно отдав рычаг от себя для снижения. Краем глаза я увидел, что наше движение не ускользнуло от майора. Его «тарелка» тоже поворачивала.

Не прошло и минуты, как я остановил наш аппарат над замеченным Жаклин предметом: он вполне соответствовал ее описанию. Этакий отражающий шар, раскачивающийся по воле волн на верхушке мачты, нижний конец которой был погружен в воду. Все это выступало из воды на полметра, максимум — метр.

«Тарелка» Макларена остановилась рядом с нашей. Крыша ее купола открылась, и появился торс Луи:

— Что это? Майор говорит, что похоже на сигнальный буй. А что думаете вы, Жаклин, в чьих жилах течет кровь моряка?

— Это возможно, но неплохо бы рассмотреть с более близкого расстояния. Может, и просто обломки чего-то...

— Что ж, — сказал я, — давайте взглянем, так как это в любом случае первый найденный нами предмет местного производства. Самое время испытать плавательные способности «тарелок».

— Минутку, мсье Бурна. Прежде чем что-либо предпринимать, надо об этом доложить.

Он вызвал базу и в нескольких словах описал, что именно мы нашли. Затем сказал:

— Давайте сначала удостоверимся, что эта штука не взорвется прямо перед нами. Нам нужно немного отступить. Возьмете управление на себя, мистер Кэбот?

Луис исчез в куполе. Макларен, наоборот, из него появился — с карабином в руках. Пока наши «тарелки» удалялись метров на сто, майор зарядил свое оружие.

— Эй, — крикнула Жаклин, — вы что, собираетесь стрелять? Вы же всё разобьете!

— Не волнуйтесь, мадемуазель, я буду целиться в мачту. Она, безусловно, способна выдержать удар пули. Ну, а если нет — тем хуже! Но я хочу посмотреть, не взорвется ли эта странная штуковина от малейшего удара. Только тогда мы приблизимся... И то это будет очень рискованно.

Обе «тарелки» снова остановились. Луис опять выглянул из купола:

— А если это ядерная бомба?

Макларен пожал плечами:

— Интересная гипотеза, но это меня удивило бы... К чему ядерной бомбе плавать в открытом море? Впрочем, на всякий случай можете помолиться.

Он оперся на край купола и не спеша прицелился. Выстрел прозвучал, словно раскат грома. Я увидел, как мачта резко наклонилась, затем выпрямилась. Шар почти коснулся воды.

— Прекрасный выстрел, — сказала Жаклин тоном знатока.

— В любом случае, мы еще живы.

Второй выстрел застал меня врасплох. Снова мачта приняла удар пули и выпрямилась.

— Дважды в яблочко! Будете продолжать, майор?

Макларен уже перезаряжал карабин.

— Да, мисс Баркли. Еще пять или шесть выстрелов, и мы сможем перейти ко второму этапу.

Из следующих четыре выстрелов майор промазал только второй. Затем, на всякий случай, тщательно обстрелял воду вокруг цели. Ничего не случилось.

— Этот предмет кажется мне довольно безобидным. В конце концов, это может быть буй. Теперь я предлагаю вам другой вид спорта. В каждой «тарелке» есть длинная веревка. Мы сделаем скользящие петли, и посмотрим, кому первому удастся накинуть петлю на шар.

— Вызов принят, майор! Семья Баркли никого не боится в метании лассо!

Жаклин уже нырнула за мое сиденье и принялась шарить в ящике с инструментами. В мгновение ока она нашла веревку и завязала узел.

— Вперед, Жан, по газам!

Я вдавил в пол педаль акселератора. «Тарелка» устремилась к бую. Жаклин выпрыгнула из кабины и встала на правом боку аппарата, одной рукой держась за край купола, другой размахивая лассо.

— Немного левее. Отлично. Внимание... Стоп!

Я до предела сбросил скорость. «Тарелка» почти тут же остановилась. Я думал, что Жаклин подойдет к самому краю. Но нет! Широко улыбаясь, она по-прежнему стояла на месте,

зажав в кулаке веревку. Петля плавала по воде, описывая круг вокруг мачты.

К нам присоединился аппарат майора.

— Поздравляю, мисс Баркли!

— Да не с чем. По неподвижной цели попасть в десять раз легче, чем по движущейся лошади!

— Что ж, тогда будьте добры передать мне конец своей веревки. Привязав его к нашей, мы получим около сорока метров. Думаю, такое расстояние будет вполне безопасным.

Жаклин вернулась на место, и я отвел «тарелку» немного подальше, чтобы лучше видеть всю сцену. Закрепив веревку на своем аппарате, Макларен принялся осторожно за нее тянуть. Скользящая петля затянулась на мачте, которая в конечном счете наклонилась под тягой. Майор несколько раз сильно дернул, но безрезультатно: мачта держалась крепко. Луис медленно набрал высоту, чтобы оказаться прямо над бумом, затем попытался его приподнять. Вережка натянута так, что, казалось, вот-вот порвется, и «тарелке» удалось вытащить из воды остальную часть мачты. Затем примерно на полметра из воды выглянул покрытый ржавчиной конус — больше аппарат майора ничего вытянуть не смог. Луис, тем не менее, придал аппарату максимально возможную силу подъема: море никак не хотело отпускать оставшуюся добычу. Макларен сдался: конус и основание мачты исчезли под водой. Я подвел нашу «тарелку» так близко, чтобы нас было слышно.

— Ничего не поделаешь. Эта чертова штуковина ужасно тяжелая. В конце концов, возможно, это вовсе и не буй, а обломок чего-то. Раз уж не получается утащить все это целиком, попробуем распилить верхнюю часть мачты, чтобы отделить ее от шара.

— Можно было бы поднырнуть, чтобы взглянуть, что под ним...

— А что, это мысль, мисс Баркли! Возьмите-ка веревку и закрепите на буксировочном крюке. Мы сядем на воду. Вы же, мсье Бурна, оставайтесь в воздухе и будьте готовы помочь нам.

Жаклин уже заканчивала привязывать веревку к нашему аппарату, когда «тарелка» майора мягко приземлилась на

воду рядом с плавающим предметом. Макларен выбрался из купола и подошел к краю «тарелки», но дотянуться до мачты не сумел. Мы увидели, как он о чем-то коротко переговорил с Луисом, а затем их машина удалилась метров на пятьдесят. Мужчины откинули правый борт своей кабины и сбросили в воду некий желтый предмет, который быстро раздулся и принял форму надувной лодки.

— Решительно, Макларен все предвидел...

— У нас тоже есть такая, — сказала Жаклин. — Я видела ее только что, когда копалась в ящике...

Луис и майор быстро поплыли на веслах к бую или обломку крушения. Вскоре их лодка остановилась у самой мачты. Секунду-другую они внимательно рассматривали блестящий шар. Затем Луис разделся и нырнул. К сожалению, поверхность воды была не спокойной, и от неё отражалось много световых бликов, из-за чего мы не могли различить, что происходит на глубине. Луис вынырнул, отдышался и снова исчез.

— Подумать только, не я одна хотела искупаться! — пробормотала Жаклин.

Когда Луис снова вернулся к лодке, я увидел, как он машет Макларену — мол, ничего не выходит. Офицер пожал плечами и вытащил из лодки ножовку. Луис вернулся на борт, и они оба начали пилить мачту.

Море и небо были совершенно спокойны и пустынно. Лишь мягкий гул двух двигателей и визг пилы нарушали тишину. Во всем этом было нечто нереальное для столь враждебной планеты. Десятью метрами выше, наклонившись над краем кабины, Жаклин и я, вполголоса переговариваясь, смотрели, как эти двое работают.

глава 21

Крушение

Взрыва я не услышал. Я даже не успел что-либо увидеть — лишь ощутил сильнейший удар, и обнаружил, что барахтаюсь

в воде, сплевывая и пытаясь восстановить дыхание, метрах в трех от «буя». Спина горела в том месте, которым я соприкоснулся с поверхностью океана, и я не имел ни малейшего представления о том, что произошло.

Когда я смог держать глаза открытыми, первый взгляд показал, что Макларен все еще жив. Майор, цепляясь за мачту «буя», попытался убрать свои длинные мокрые волосы, которые закрывали лицо. Он бранился мало респектабельным образом на шотландском диалекте, который я плохо понимал.

— Жан, Жан! Ты в порядке?

Голос Жаклин позади меня. Мне сразу стало легче на сердце. Когда я обернулся, я увидел нашу «тарелку». Она плыла, но давала серьезный крен влево. Колпак, за который ухватилась Жаклин, почти весь ушел под воду. Я присоединился к ней за несколько гребков и попытался втиснуть себя на борт.

— Привет, мсье Бурна! Где Кэбот?

Это был майор, приближавшийся к нам мощными гребками. Ответили ему приглушенные звуки, шедшие справа. Я увидел перевернувшуюся надувную лодку, плававшую на воде метрах в пяти или шести от нас. Лодка дергалась от чьих-то беспорядочных движений. Внезапно она вернулась в исходное положение, и показалась ухмыляющаяся голова Луиса.

— Отлично. По крайней мере, все целы: уже неплохо, — сказал Макларен, присоединяясь к нам.

Мне удалось кое-как взобраться на «тарелку». С первого же взгляда внутрь я расстался с последними иллюзиями: воды там было почти столько же, сколько и снаружи, и уровень ее постоянно поднимался — море заливало кабину через все отверстия.

— Я думал, эти аппараты прекрасно держатся на поверхности...

— Она полна воды. Как, по-вашему, она должна плавать?

Майор последовал за мной. Запрыгнув в купол, он начал лихорадочно перебирать рычаги управления:

— Если бы еще двигатель работал! Мы могли бы поднять аппарат в воздух и опорожнить. Но всё — под водой!

Будто в подтверждение этих слов наш аппарат еще больше осел в воду. Я прыгнул в море, Макларен поступил так же. Толкая перед собой лодку, к нам уже подплывал Луис.

— Спасайся кто может! — прокричал он, смеясь. — Женщины — в первую очередь. Затем — экипаж; капитан — последним! Шлюпка выдержит всех.

Все забрались в лодку, за исключением Луиса. Он указал на нашу мокрую, прилипшую к телу одежду:

— Тысяча сожалений, но я не могу к вам присоединиться: боюсь оскорбить целомудрие дам. Если помните, я только что принял ванну и еще не успел одеться. Впрочем, не волнуйтесь: в морях Ареса нет ни рыб, ни хищников, ни еще кого-то. Я уже навел справки.

— Что ж, Жаклин, ты тоже, можно сказать, приняла ванну. И купальник не понадобился!

— К тому же, — продолжал Луис, — у этой лодки нет двигателя. Я заменю его — буду толкать.

Макларен, отжимавший бороду, усы и волосы, резко прервал свое занятие.

— *My God!* Толкать нас? И куда вы, мой дорогой Кэбот, намерены плыть?

— Как — куда? К нашей «тарелке», естественно. Она должна...

Глаза Луиса округлились. Я обернулся, Жаклин — тоже. Вторая «тарелка» — аппарат майора — исчезла. Там, где она плавала только что, в пятидесяти метрах от буя, ничего не было.

Словно для того, чтобы поставить окончательную точку в нашем приключении, первая «тарелка», наша, именно в этот момент ушла ко дну в мощном водовороте.

— Все это весьма досадно, — сказал Макларен. — Я подумал, Кэбот, вы уже видели, что наш аппарат исчез. По правде сказать, когда я вынырнул, это сразу же меня поразило.

— Но что случилось, майор?

— *I am awfully sorry**, мисс Баркли, но боюсь, я не могу вам ответить. Однако могу вам сказать, что наша «тарелка»

* Мне ужасно жаль (англ.).

взорвалась. Да, разлетелась на кусочки! Вот: видите этот плавающий кусок дерева... и вот, слева, прозрачную пластиковую пластину. Это обломки нашего аппарата.

— Так это взрывной волной нас всех бросило в воду?

— Может, виной тому взрывная волна. Может, еще что-то. Какой-нибудь проливной дождь, к примеру. Мне показалось, что шел дождь, когда я вынырнул на поверхность.

— И именно поэтому *наша* «тарелка» упала в море и была залита водой?..

— Возможно... Но какова причина всего этого?

— В любом случае, буй тут ни при чем. Смотрите, он все еще плавает там, целый и невредимый, — сказал Луис. — Словно насмехается над нами!

— Могу я спросить вас, дорогой майор, — сказала Жаклин, — есть ли у вас какие-то предложения относительно того, что нам делать теперь, когда мы потерпели крушение?

Макларен был занят тем, что раздевался и методично выкручивал, отжимая воду, одежду. Он пожал плечами:

— Просто ждать, пока за нами придет помощь. К сожалению, мои часы остановились, но полагаю, мы должны были вернуться на базу примерно часа через два. Возможно, там еще раньше поймут, что возникла проблема, когда вызовут нас по радио и обнаружат, что мы не отвечаем. В любом случае поиски начнутся самое позднее часа через три. Наше местоположение примерно известно, так как я сообщил координаты, прежде чем мы начали развлекаться с этим предметом. Помощь придет часов через пять-шесть, возможно, раньше.

— Извините, что противоречу вам, но есть небольшое затруднение, — произнес все еще барахтавшийся в воде Луис. — Я только что заметил, что наша надувная лодка медленно погружается: вероятно, где-то есть небольшая течь. Наверное, пробило при взрыве каким-нибудь осколком... Полагаю, вы сможете оставаться сухими не более часа.

— *Most interesting**, мой дорогой друг! Благодарю за информацию. Очевидно, нет смысла и дальше утруждать себя попытками высунуться...

* А вот это уже интересно (англ.).

— Как бы то ни было, — сказал я, — ситуация отнюдь не трагичная. Остров, который мы хотели осмотреть, должен быть в нескольких километрах: отсюда видна его вершина. Может, нам удастся добраться до него прежде, чем лодка тоже затонет.

Макларен встал, прикрыл глаза рукой, словно козырьком.

— Прекрасная мысль, мсье Бурна. *À vue de nez**, как говорят вы, французы, до берега километров шесть-семь. Выбравшись из лодки, чтобы ее облегчить, раздевшись, чтоб удобнее было плыть, поместив одежду в лодку и толкая лодку перед собой, мы, возможно, доберемся до берега, сохранив одежду сухой.

— Что-то для англичанина вы не очень-то любите море, — заметил Луис.

— Я шотландец, мсье Кэбот, и боюсь воды даже в моем виски.

— *God save the British Navy!*** — воскликнула Жаклин, прыгая в море.

* * * * *

О следующих часах двух и сказать-то особо нечего. Мы все четверо были хорошими пловцами и могли сэкономить силы, опираясь на лодку. Вода не была холодной, и наше приключение было больше похоже на вынужденное купание во время летней рыбалки.

И все же мы продвигаемся медленнее, чем полагали, — вероятно, из-за легкого встречного течения. Лодка заметно просела, и толкать ее становилось все труднее.

Мы имели лишь смутное представление о том, сколько прошло времени. Луис, однако же, помнил, что Соль в этот день должен был закатиться примерно через шесть часов после восхода Гелиоса, то есть приблизительно ко времени нашего возвращения на базу. Когда Соль исчез на западном горизонте, мы, судя по всему, плыли уже часа два. До берега было еще далеко.

* На глазок (*фр.*).

** Боже, храни британский флот! (*англ.*)

Вскоре лодка затонула.

Дальше стало гораздо труднее. Приходилось чаще отдыхать, и наше продвижение стало очень медленным. Мы уже проголодались и начинали страдать от холода. К счастью, все это происходило средь бела дня. Но земля, от которой мы были, вероятно, не более чем в двух километрах, казалась недоступной. Сначала мы плыли, разговаривая. Теперь мы старательно берегли дыхание.

Луису с трудом удалось привлечь наше внимание, когда он внезапно указал пальцем в небо чуть позади нас, где перемещались две серебристые точки:

— «Тарелки»! Вон там!

Мы замахали руками и закричали, как будто пилоты могли нас слышать. Увы! Они летели всего в двухстах метрах, но, вероятно, даже не предполагали, что мы можем находиться в воде. Если они и осматривали море, то в поисках наших «тарелок», которые считались непотопляемыми. Если бы только наше желтая лодка все еще была на плаву, возможно, это цветное пятно привлекло бы их внимание... Но мы были лишь четырьмя крошечными точками, затерявшимися среди волн.

Они дважды пролетели над нами, не замечая нас, и продолжили полет на юго-восток.

Вскоре появились еще четыре. Мы уже возобновили наше упорное плавание, сжав зубы, чтобы совладать с разочарованием и нараставшей тревогой. Теперь мы почти не поднимали глаза к небу. Жаклин, однако же, их заметила, и мы с удвоенными усилиями замахали руками, подняв снопы пены, которые, должно быть, казались им мелкими брызгами. «Тарелки» снова прошли мимо, не отклоняясь от курса.

Но на этот раз они направлялись на запад, к острову, от которого мы были теперь так близко, что могли видеть, как разбиваются о скалистый берег волны.

Подойдя к суше, четыре серебристые точки разделились. Две из них ушли направо и налево, очевидно, следуя вдоль берега. Две другие продолжили лететь напрямик в гористую внутреннюю часть острова. Мы провожали их глазами в слабой надежде добраться до острова прежде, чем они перестанут его облетать.

Внезапно я увидел, как вокруг двух «тарелок» прямо в небе возникли хлопья облаков. На миг сверкнуло пламя, появилась струйка черного дыма. Чуть позднее до нас дошло отдаленное эхо залпа.

— Проклятье!

— Что это было?

— Стреляет ПВО. Я ведь прав, майор?

— Так точно. Сам я никогда этих зенитных установок не видел, потому что это чисто планетарное оружие, но все соответствует описаниям, которые я читал о войнах прошлого века. В любом случае прежде против нас этот тип оружия никогда не использовался.

— Похоже, наших спасателей сбили.... Бедные парни!

— Внимание! Смотрите: возвращаются другие!

Две «тарелки», отправившиеся обследовать берег, снова появились, вероятно, привлеченные взрывами. Немного покружили, словно колеблясь. Вокруг них возникла, к счастью, их не задев, целая цепочка белых облаков от разрывов. Решив не продолжать облет острова, «тарелки» направились на юг. Мы в отчаянии провожали их взглядами до самого горизонта.

— Вот же попали в переделку!..

— Осталось потерпеть совсем немного, мсье Бурна. До берега уже всего лишь несколько сотен метров!

— И что мы там обнаружим?

— Прогноз действительно неутешительный, — сказал Луис. — Тут я с тобой согласен, но, черт возьми, все же это лучше, чем утонуть!

Нескончаемые усилия возобновились. К счастью, мы были уже почти у цели. Детали берега с каждой минутой проступали все более отчетливо. Мы приближались к каменистому мысу, о который разбивались огромные волны. О том, чтобы подплыть к нему, не могло быть и речи. Но справа открывалась, похоже, более спокойная бухта.

Мы миновали мыс. Был уже виден серый песок пляжа. Еще сто метров — и мы на месте. Мы уже перестали экономить силы — оставалось сделать последнее усилие. Я чувствовал себя на полном пределе сил, даже перед глазами все расплывалось.

Моя ступня коснулась дна. Я упал вперед и позволил волне подхватить меня. Луис подхватил меня под мышки, пытаясь вытащить на берег. Но, вероятно, он был не многим лучше меня: у него подкашивались ноги.

Слепящая вспышка. Голос майора:

— Оставайтесь в воде! *For God's sake!** Держите голову под водой!

Луис нырнул. Мне хватило присутствия духа, чтобы сделать глоток воздуха, прежде чем последовать его примеру.

Мощный гул наполнил мою голову. Под ногами затрясся песок. Я попытался задержать дыхание на максимально возможное время.

Казалось, вода вокруг испарилась. Меня обдало горячим ветром, чуть не оторвав от земли. Вода вернулась: огромная волна обрушилась на меня, отбросив на несколько метров вперед. Я покатился по песку с такой скоростью, что думал, обдеру всю кожу. Луис упал рядом со мной. Макларен и Жаклин шли к нам, словно пьяные. Невыносимый гул, ревущий и одновременно потрескивающий, наполнил мои уши.

— Не оставайтесь там! — прокричал майор. — Это ядерная бомба!

Немного отдышавшись, он добавил:

— Думаю, довольно далеко отсюда, но мы дешево отделались... Давайте укроемся в гротах. Могут быть и другие.

Я увидел, что в глубине пляжа открываются достаточно глубокие впадины, выдолбленные морем. Мне удалось встать и побежать, пошатываясь, к этим укрытиям. Одно из них расширялось внутри по краям. Все четверо мы нырнули в боковое углубление. Почти голые, обессиленные, покрытые ссадинами, мы повалились на сухой песок.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем мы смогли просто пошевелиться. Грохот бомбы прекратился, но поднялся сильный ветер. На пляж обрушивались гигантские волны. Некоторые из них доставали до входа в наше укрытие.

Земля снова содрогнулась. Затем до нас донесся приглушенный звук нового взрыва. Макларен сел:

* Ради Бога! (анг.)

— Еще один... На сей раз — очень далеко... Даже интересно, что...

Его прервал сухой, оглушительный треск — словно где-то рядом с нами ударила молния. Я распрямился. Жаклин приподнялась на локте:

— Боже небесный! Такое впечатление, что у меня больше нет кожи, — простонала она.

— Вам и правда досталось, мисс Баркли. Ваша спина вся изрубцована, словно по ней прошлись плетью с девятью хвостами. Но вы уж поверьте: это лучше, чем радиационные ожоги.

Грот осветила вспышка, и где-то надолго загрохотало.

— Это взрываются в воздухе летательные аппараты, — сказал майор. Вероятно, на очень большой высоте. Шумно... Но безвредно для нас.

Чуть позже пещера, казалось, заходила ходуном. От свода начали отваливаться куски скальной породы. Несколько минут стоял оглушительный шум. Земля дрожала почти беспрестанно. В наше укрытие, обдав нас, ворвалась волна. Затем еще одна. Третья остановился на пороге. Грохот постепенно умолк. В вернувшейся тишине яростный шум моря и ветра показался нам легким рокотом. Луис пришлось кричать, чтобы оказаться услышанным:

— Крушение, семь километров плавания и напоследок — ядерная бомбардировка. И все это в один день. Неплохо так нам досталось!

— Напоследок? Не уверен, что это всё, — проворчал майор.

Полагаю, в этом грохоте только я один его и услышал. Однако на сей раз его пессимизм не оправдался. Долгие минуты прошли без какого-либо нового взрыва. Мы хранили молчание.

Наконец я осторожно пробрался к выходу из пещеры. Все еще дул сильный ветер, и море бурлило, но в мире снова, казалось, воцарился покой. Небо было все таким же чистым. Высоко-высоко тянулась линия тонких, ярко окрашенных облаков. Я вернулся к моим спутникам.

— Занятно: я думал, от ядерных взрывов портится погода и начинаются проливные дожди.

— Так бывает не всегда, — сказал майор. — Это зависит от типа используемой бомбы. А также от местных условий,

ветра, выбрасываемого в атмосферу количества радиоактивной пыли. С этой точки зрения наши бомбы довольно чистые.

— Значит ли это, что полученные нами бомбы пришли от наших друзей?

— Вероятно, мсье Бурна. Судя по всему, это был ответ на агрессивные действия против «тарелок».

— Что ж, это радует! Мы терпим крушение, но нас не вылавливают, а забрасывают бомбами...

— И как, по-вашему, командование должно было узнать, что мы потерпели крушение именно здесь? Оно смогло понять лишь то, что остров находится в руках противника.

— Что возвращает нас, — сказал Луис, — к нашей личной проблеме. Предлагаю провести инвентаризацию наших запасов. Со мной все просто: у меня вообще ничего нет.

У нас дела обстояли не намного лучше. Если не считать нескольких влажных трусов и двух наручных часов, наполненных морской водой, мы были не богаче его.

— По крайней мере у нас есть кров, — сказал я, — который хоть как-то защитит нас от ветра и ночного холода.

— Кстати, который час?

Макларен осторожно вышел из пещеры и сделал несколько шагов по песку. Я увидел, как он смотрит на запад.

— Гелиос стоит довольно низко, — крикнул он. — Наверное, часа два пополудни.

Он вернулся к нам.

— Скала не очень высокая — и несложная для подъема. Чуть дальше, как мне показалось, есть довольно низкие холмы, которые затем поднимаются к горам.

— А сам остров насколько большой?

— Согласно сводным картам, которые мы составили по фотоснимкам, сделанным из космоса, если не ошибаюсь, что-то около пятидесяти километров в диаметре.

— Вы заметили какую-нибудь растительность?

Он покачал головой.

— Нет. Но я не успел осмотреть весь пейзаж, да и солнце светит прямо в глаза. Зато я видел плотные, вероятно, радиоактивные облака, которые поднимаются очень высоко над горами. Наверное, там и находится зона, подвергшаяся бомбардировке.

— А нам самим радиация не грозит? — спросила Жаклин.
— Откуда же мне знать, дорогая моя? — сказал Луис. — Счетчика у нас при себе нет.

— И все же думаю, что здесь мы защищены, — сказал Макларен, — потому что ветер дует с востока. В любом случае, ничего с этим мы сделать не можем. Проблема в другом — провести ли нам ночь здесь или сейчас же пойти дальше?

После непродолжительного спора было решено подождать до следующего утра. Мы были слишком уставшими, чтобы извлечь хоть какую-то пользу из двух оставшихся часов светлого времени суток. Уж лучше было остаться в пещере. К тому же майор заметил, что, если вылетевшие искать нас «тарелки» вернутся, то уж точно не вечером или же ночью.

Мы все растянулись на песке, и все же сон не спешил приходить. Конечно, мы были истощены, но желудки сводило от голода, да и после захода Гелиоса стало довольно холодно: дрожа, мы прижимались друг к другу на песке.

Темный период продлился недолго, поскольку вскоре появился Соль. Его лучи, падающие прямо на вход в пещеру, освещали наше убежище кровавым светом, лишенным всякого тепла, но достаточным для того, чтобы сделать наш сон еще более затруднительным.

И все же усталость в конечном счете нас одолела. Остаток ночи прошел уже чуть лучше, в коротких периодах дремоты, и утром, по крайней мере за час до восхода Гелиоса, мы были уже на ногах. Мы чувствовали себя плохо отдохнувшими, еще более голодными, чем когда-либо, все тело ломило. Заметив это, майор заставил нас выйти на пляж на зарядку, от которой мы немного согрелись.

Восходящее солнце придало нам сил. Поднимаясь по утесу, мы смогли продвигаться в глубь острова в надежде найти хотя бы пригодную для питья воду, быть может, нечто такое, что можно было бы использовать в качестве одежды, и — как знать? — может, даже и еду. Что касается вероятного присутствия враждебных туземцев, то мы предпочитали, отбросив всяческую научную любознательность, об этом даже не думать.

Мы шли уже около получаса среди низких пустынных холмов, когда наконец-то, пусть и хотя бы в виде узкой ре-

чушки, нам явилась вода. Наскоро вымывшись и освежившись, мы с радостью обнаружили, что вдоль берегов растет чахлая растительность (*Herba Sherlockensis*, сказала Жаклин, вызвав у нас улыбку), и решили пойти вверх по течению.

Гелиос поднимался все выше и выше. Вскоре стало ощущимо припекать. Пыль жгла нам глаза и горло. Мы были рады тому, что можем время от времени освежиться.

Местность стала более пересеченной. Случалось, что река проходила по дну узкой долины, и в этих укромных местах растительность была более пышной. Отбросив благоразумие, Луис сорвал несколько жестких листьев темно-зеленого цвета, как и все, что нам встречалось до сих пор из местной растительности, и принялся их жевать. Ему даже удалось проглотить их. Не знаю, насколько они показались ему сытными, но вроде бы никаких неудобств они ему не доставили.

Мы достигли довольно труднопроходимого склона, по которому река спускалась вереницей каскадов. Мы продвинулись, выписывая широкие зигзаги, к утесу, который надеялись обогнуть.

Внезапно я увидел, как метрах в трех метрах от меня разлетелся на кусочки камень. Когда я остановился, крайне удивленный, от скалы эхом разошелся звук выстрела. В мгновение ока мы попадали плашмя на землю. Подняв пыль метрах в десяти от нас, раздались еще два выстрела. Я в отчаянии осматривал пейзаж: ничто не двигалось.

Затем откуда-то справа до нас донесся едва слышный призывный крик, и раздался новый выстрел.

— Вон там, — сказала Жаклин. — На плато!

Чуть ниже нас простиралось обширное простреливаемое пространство, до сих пор скрытое от нас обломками скал. Наконец я увидел то, что заметила Жаклин: крошечную человеческую фигуру, которая бежала, размахивая руками.

— Похоже, какой-то человек, — сказал Макларен. — Друг или враг?

— Сейчас увидим. Я — туда.

И Луис встал и начал спускаться по склону в направлении незнакомца. После непродолжительного колебания мы последовали за ним.

Человек остановился, как только увидел, что мы бежим к нему. Подойдя ближе, я увидел, что на нем форма земных космических сил: это был друг. Сами мы, вероятно, выглядели не столь обнадеживающе, так как его оружие было наведено прямо на нас. Но в этом не было ничего удивительно: во главе нашей группы со всех ног мчался совершенно голый Луис, да и сами мы были едва одеты. Впрочем, было видно, что мы не вооружены. Незнакомец позволил нам подойти на расстояние голоса.

Макларен окликнул его по-английски. Человек немного расслабился, опустил оружие и ответил по-французски:

— Вы, вероятно, члены пропавшего вчера теллусийского патруля?

— Да, я — майор Макларен. А вы?

— Сержант Жубер. Мы вылетели на ваши поиски. Моя «тарелка» была сбита.

— Так это вы пролетели над нами вчера вечером? Мы видели, как упали две «тарелки»...

— Да, это были мы. К сожалению, вторая взорвалась в воздухе. Наша пострадала меньше. Мне удалось посадить ее без особых поломок. Напарник слегка ранен. Он остался в лагере. Хотите, я вас туда отведу?

— Будем весьма признательны. Может, у вас и из одежды найдется что-нибудь поприличнее?

— Посмотрим, что можно сделать... Следуйте за мной. Это метрах в пятистах или шестистах отсюда.

По пути сержант расспросил нас о нашей одиссее, сам, правда, мало что смог сообщить взамен. Его радио вышло из строя, и если провизией и оружием он был обеспечен чуть лучше нас, на какую-то помощь тоже рассчитывать мог едва ли.

— Командование, вероятно, считает нас погибшими, иначе вчера вечером нас вряд ли наградили бы ядерной бомбардировкой. Кстати, эта бомбардировка не сильно и улучшила наше положение: индикатор радиоактивности «тарелки» приближается к красному.

Мы нашли спутника Жубера, некоего Фавзи, лежащим в кабине «тарелки» в очень плохом состоянии. Аппарат скорее плохо, чем хорошо опустился прямо на краю утеса, воз-

вышающего метрах в ста над низиной, где мы выбрались на берег. При приземлении несчастный парень сломал руку. Казалось, он обрадовался возвращению напарника в многочисленной компании. Однако, когда мы немного утолили свой голод, от запасов продовольствия этих двух землян уже мало что осталось. Получив одеяла и кое-какую одежду, без которой могли обойтись наши «хозяева», мы приняли более цивилизованный облик. Затем Жубер произвел перед нами учет своих богатств.

Много времени это не заняло. «Тарелка», теперь уже совершенно неспособная передвигаться, являлась крайне ненадежным убежищем от непогоды. Радио больше не работало даже на обычный прием. Скучный запас еды и лекарств, плита, небольшой набор инструментов, резиновая лодка, надувная палатка и двадцать метров веревки составляли весь наш запас. Плюс, разумеется, бортовой пулемет, два карабина и масса боеприпасов.

Поскольку я весьма скептически отнесся к полезности этого арсенала, Луис напомнил нам, что остров занят врагом: свидетельством тому являлись две сбитые «тарелки».

— Не думаю, что нам грозит непосредственная опасность, — сказал Жубер. — Огонь средств ПВО, под который мы вчера попали, шел из района чуть западнее, за горами. Как раз эта зона и была целью атомной бомбардировки.

— По поводу бомбардировки я думаю, — сказал Макларен, — что это была не простая ответная операция. Вероятно, ее целью было разрушить оборонительные укрепления острова. А это может предвещать скорую высадку.

глава 22

Высадка

Майор оказался неплохим прорицателем. Вечер прошел без происшествий, но на всякий случай мы поочередно несли вахту на протяжении всей ночи. Луис разбудил нас всех незадолго до восхода Гелиоса:

— Подъем! Приближается флот!

На восточном горизонте появилось облако «тарелок», летящих низко, вероятно, чтобы обойти вражеские детекторы. Позади них вырисовывалась продолговатая масса звездного крейсера, корпус которого отсвечивал красным в лучах Соля. Его сопровождали четыре других корабля. Продвигаясь очень быстро, они оказались у берега менее чем через минуту. Вооружившийся биноклем Макларен сразу же их опознал:

— «Мехико», «Адонис», «Гермес», «Гектор» и «Юнона». Все они еще вчера были на орбите. Их спустили специально для нас! Вместе с «Карачи» и кораблями сопровождения с базы теперь на Аресе половина флота.

Мы не упустили ни одной детали впечатляющего зрелища. В то время как «тарелки» образовывали над поверхностью сеть наблюдения, простиравшуюся далеко за пределы зоны приземления, крупные боевые корабли опускались неподалеку от берега. Из них вышел поток машин. Майор комментировал для нас ход операций:

— Легкие разведывательные танки: как минимум три батальона. Это ведь Р 57, не так ли, сержант? Смотрите, как они устремились в глубь острова.

— А те, что выгружаются из крейсера?

— «Голиафы», полагаю. Тяжелая броня. Четыре независимые башни и ядерное вооружение. Будем сразу же занимать максимум территории.

— Но к чему наземная атака, да еще так далеко от противника? — спросил Луис. — Разве не проще было бы налететь с воздуха прямо на врага и занять позицию, застигнув его врасплох?

— Это если точно знать, где находится эта позиция и какая там система обороны. Ввиду отсутствия данных, было бы неблагоразумно рисковать крупными подразделениями, идя на прямой штурм. Уж лучше сначала обеспечить прочную базу операций, а затем прощупать вражеские порядки.

— Мне кажется, что для этого «тарелки» подошли бы лучше бронетехники.

— Нет, мисс Баркли, наоборот. «Тарелки» слишком уязвимы. Это легкие аппараты, лишённые всякой защиты и серьезного вооружения.

— Можно было бы попробовать, — встрял в разговор я, — тяжелые и бронированные «тарелки».

Макларен, на миг оторвавшись от бинокля, повернулся к нам с улыбкой:

— Полагаю, у вас есть такое старое французское выражение: «*stratèges du Café du Commerce*»*, не так ли? Нет, мистер Бурна, тяжелые «тарелки» делать нельзя, потому что тогда им понадобится атомный двигатель, и в таком случае это будут легкие разведчики вроде «Смоленска» вашего друга Руденко, совершенно непригодные для наблюдения на малой высоте от поверхности планеты.

Первые танки теперь уже были поближе к нам. Скоро они должны были дойти до подножия утеса, с которого мы их наблюдаем, и мы готовились сигнализировать о нашем присутствии. Именно в этот момент противник проявил первые ответные действия: произошла серия взрывов на большой высоте. Снаряды, выпущенные против флота, были только что уничтожены, в мы даже не успели увидеть ракеты «Мехико», выпущенные им навстречу.

— Хорошая контратака, — пробормотал майор. — *Yes, very nice.*

Его тон был тоном знатока.

И снова небо озарилось вспышками, за которыми, с большой задержкой, последовали взрывы. Корабль сопровождения «Гектор» внезапно исчез за густым черным облаком. Неподалеку от нас загорелся и взлетел на воздух танк.

— Проклятье!

— Это уже не так хорошо...

— Не беспокойтесь. Даже если флот будет время от времени пропускать удар, это не замедлит нашего продвижения. Обратите внимание, что противник теперь использует химические взрывчатые вещества. Впрочем, как и мы. В ближнем бою ядерные заряды слишком опасны для всех.

Непрерывный грохот небесных взрывов перекрывал теперь все прочие шумы. Танки по-прежнему продвигались,

* Иронич.: *stratège en chambre* [или *de brasserie, du Café du Commerce*] — кабинетный стратег, стратег из пивной, доморощенный стратег; невежда в военных делах.

хорошо защищенные огнем звездолетов. Четыре или пять вражеских снарядов все же преодолели защитный огонь. Два танка горели на равнине. Скала, на которой располагались мы, являла собой естественное препятствие, которое начали огибать земные колонны. Мы смогли увидеть, что передовые подразделения движутся к более пологим склонам, граничащим с южным берегом реки. Из крейсера появились новые машины. Даже невооруженным глазом было заметно, что у них совсем другие формы.

— А вот и землеройная техника, — сказал майор. — Вскоре начнется строительство укрепленного лагеря.

— Как по-вашему, где его разобьют?

— *Well**, мистер Кэбот, если хорошенько подумать...

Макларен окинул взглядом пейзаж.

— Вполне возможно, что прямо здесь. Тут интересная стратегическая позиция... Но она не единственная...

Его прервал крик Жаклин. Она указывала пальцем на горные хребты, возвышавшиеся над нами на западе: бесчисленные черные пятна с металлическими отблесками мчались вниз по склонам в нашем направлении. Майор схватил бинокль. Ему хватило одного взгляда.

— Друзья мои, а вот и армия Ареса. Смотрите внимательно! Наконец-то мы встретимся с противником лицом к лицу и узнаем, как он выглядит.

Атака противника развивалась с поразительной быстротой. Не прошло и минуты, как нападавшие оказались всего в трех километрах. Даже на таком расстоянии мы смогли невооруженным глазом во всех деталях рассмотреть силуэты их машин. Это были внушительные транспортные средства на гусеничном ходу, огромные и массивные, движущиеся с впечатляющей скоростью.

Мы инстинктивно бросились на землю. К счастью, обломки «тарелки», вероятно, были скрыты от них рельефом местности. Похоже, наше присутствие осталось незамеченным. На нас и правда можно было не обращать внимания. В едином порыве аресийские танки повернули на юго-восток навстречу земным колоннам.

* Ну. (англ.)

Наши разведывательные эскадроны заметили их и тут же открыли огонь. Их дистанционно управляемые ракеты творили чудеса: первая вражеская линия исчезла в облаке огня. Но ответ был в буквальном смысле молниеносным. Земной авангард словно окутало завесой ослепительного голубого света. В течение нескольких секунд ничего не происходило, затем наши танки будто бы загнулись, продвигаясь только рывками и наконец в один миг все вместе остановились.

Они продолжали выпускать по противнику залпы ракет, но те летели в неверных направлениях или взрывались сразу же.

Миновав наше первую, словно парализованную линию, силы противника, несмотря на понесенные потери, продолжили наступление к морю. Огонь танков «Голиаф», к которому вскоре присоединился и огонь звездолетов, наносил тяжелый урон: противника, казалось, это ничуть не заботило. Впрочем, его численное превосходство действительно было подавляющим. Мы в растерянности смотрели на склоны, буквально покрытые вражескими аппаратами: на вершине хребтов все еще появлялись новые их волны.

Впрочем, аресийские танки не стреляли. Быть может, их орудия были не слишком дальнобойными? Они подождали массового выхода на прибрежную равнину и, оказавшись всего в двухстах или трехстах метрах от наших тяжелых танков, снова выпустили эту завесу голубого света, который уже нейтрализовал эскадроны Р 57. Воздействие на «Голиафы» было таким же, но их огонь вызывал такое опустошение в рядах противника, что лишь немногим врагам удавалось подойти на расстояние выстрела.

На мгновение нам показалось, что аресийский штурм вот-вот разобьется о наши оборонительные порядки. Но постепенно «Голиафов становилось» все меньше, в то время как нападавшие извлекали выгоду из непрерывного подкрепления. Две или три «тарелки» пытались с малой высоты тревожить врага своим смехотворным вооружением: едва задетые голубыми лучами, они обрушились на поверхность планеты.

Макларена и Жубера, похоже, куда больше взволновала судьба этих аппаратов, чем гораздо более значительные потери, понесенными нашими бронетанковыми частями.

С болью в сердце мы наконец увидели, что земной флот начал отступать. Землеройные машины вернулись на корабли еще в начале боя. Под защитой последнего заслона из тяжелых танков на звездолеты погрузились оставшиеся боевые единицы. Корабли тотчас же взлетели, оставив под ударами врага с дюжину все еще пытавшихся оказать сопротивление «Голиафов». Спустя десять минут земные корабли исчезли на горизонте. На поле битвы, где все еще горели несколько вражеских машин, воцарилась тишина. Я был в полном отчаянии.

С идеальной согласованностью то, что осталось от танковой аресийской армии, развернулось и направилось обратно к горным хребтам. Мы наблюдали за этим отходом без единого слова. Меня удивило, что противник не воспользовался своим успехом, чтобы занять и укрепить прибрежную зону. Напротив, ни один из танков не остановился, ни один из бойцов не выбрался из кабины. Победоносные колонны исчезли там, откуда и пришли.

Слава Богу, они не обратили на нас ни малейшего внимания. Я встал. Вероятно, я выглядел бледным и расстроенным, потому что майор, дружески хлопнув меня по плечу, с веселым смешком сказал:

— Ну и видок у вас, мсье Бурна! Мы всего лишь проиграли первую партию. И наше преимущество теперь в том, что мы знаем противника уже лучше.

— Возможно... Но какой ценой!

— О, это не страшно. Принесли в жертву немного техники... Если бы этим проклятым «тарелкам» хватило благоразумия, чтобы держаться в стороне...

— Всегда найдутся горячие головы, — сказал Жубер. — Но, в общем и целом, урон не такой уж и большой. Мы потеряли несколько экипажей, но это послужит уроком для других.

— Несколько экипажей! — Луис выглядел немало возмущенным. — Да на поле боя осталось почти сто наших танков! Не говоря уже о том, *как* были брошены последние «Голиафы». Наши предки, господа, ценили человеческую жизнь в большей мере!

Макларен вытаращил на него глаза, затем громко расхохотался.

— *God bless you!* Но, дорогой мистер Кэбот, в наших танках никого не было! Неужели вы думаете, командование стало бы так рисковать людьми? Мы не имеем привычки бросать солдат на передовую в таком опасном деле. Как вы сами сказали, так поступали лишь наши предки.

Луис так и замер с раскрытым ртом. Я вмешался:

— Вы имеете в виду, майор, что все наши танки были машинами с дистанционным управлением?

— Ну конечно! Точнее — автономными машинами. Не так ли, Жубер?

Сержант кивнул. Настала моя очередь рассмеяться, правда, немного нервно. Луис и Жаклин вскоре присоединились к этому проявлению радости. Наше облегчение было настолько глубоким, что мы в один миг перешли от отчаяния к крайне неразумной эйфории. Макларен прервал наши излияния чувств:

— Что касается нас, то я с сожалением напоминаю вам, что наше положение остается непрочным. Наша надежда на спасение улетела вместе с флотом.

— Черт, а ведь правда!

Мы тут же прекратили смеяться.

— Может, есть шанс, — сказала Жаклин, — что радио какой-нибудь из сбитых «тарелок» все еще работает. Мы могли бы попытаться связаться с базой.

— Прекрасная мысль, мисс Баркли.

— Жаклин, ты гений. Шерлок сойдет с ума от зависти.

Луис улыбнулся:

— Вовсе нет, мой дорогой Ватсон. Дело в том, что я и сам собирався выдвинуть такое предложение.

Мы без промедления перешли к исполнению задуманного. Бедному Фавзи пришлось смириться с тем, чтобы вновь остаться одному охранять «тарелку». Мы взяли легкое стрелковое оружие, потому что на нашем пути нам могли повстречаться выжившие аресийцы, и все пятеро быстрым шагом

* Да благословит вас Бог! (англ.)

направились к полю боя. Я бы предпочел, чтобы Жаклин осталась позади, но она категорически отказалась: идея была ее; не могло быть и речи о том, чтобы она осталась в стороне от ее исполнения.

Нам потребовалось добрых полчаса, чтобы спуститься в низину. Мы сделали большой крюк, чтобы избежать обломков вражеских танков, которые все еще могли быть опасными.

Первая найденная нами «тарелка» теперь представляла собой лишь бесформенный каркас. Вторая была не намного лучше. Наконец мы подошли к гораздо менее поврежденному аппарату. Пилоту, вероятно, удалось совершить удачную посадку.

Оба члена экипажа неподвижно лежали на своих местах. Макларен без труда открыл кабину и наклонился к ним:

— Возможно, они и не мертвы... — Он быстро осмотрел пилота и его товарища, затем повернулся к нам. — Это крайне любопытно. У них нет никаких ран. Жубер, вы не можете мне вытащить их отсюда?

С помощью сержанта тела были опущены на землю. Мы уложили их рядом. Я поискал пульс, пока Луис, приложив ухо к груди, пытался уловить сердцебиение.

— Этот еще жив.

Я кивнул. Пульс был нитевидным, но ощутимым. Жаклин лихорадочно помогла мне снять форменную куртку и шорты: у мужчины не было видимых травм. Луис почесал затылок.

— Возможно, он только ударился, — сказала Жаклин.

— Он должен был прилично стукнуться, раз находится в таком состоянии. И никаких внешних следов.

— Может, это был удар током?

— Похоже на асфиксию, — внезапно сказал сержант. — У меня есть друг, переживший нечто подобное некоторое время тому назад. Кислородная система его костюма засохла: еще немного — и он бы погиб. Но вид у него был примерно такой же.

За неимением лучшего предположения, мы решили, сменяя один другого, попытаться привести пострадавшего в чувство посредством искусственного дыхания, и сильно

удивились, когда обнаружили, что пульс стал более явно выраженным. Это нас воодушевило, но лишь по прошествии, наверное, часа парень начал нормально дышать самостоятельно. Таким же образом мы попытались вернуть к жизни и его товарища — к сожалению, тщетно.

Тем временем Макларен обнаружил, что «тарелка», несмотря на ее жесткую посадку, находится в относительно хорошем рабочем состоянии. Радио работало. Весь сияя, он объявил нам, что сумел связаться с базой и что вскоре за нами вышлют поисковую группу.

Ободренный этими хорошими новостями, майор поднял «тарелку» в воздух и пролетел несколько метров над нашими головами, прежде чем посадил снова. Мы быстро перенесли в аппарат раненого, который постепенно приходил в себя. Жубер взял на себя управление, и «тарелка» взмыла вверх, направившись прямо к тому месту, которое мы уже называли «лагерем». Макларен рекомендовал сержанту лететь пониже, чтобы по возможности избежать вражеских детекторов.

Тем временем мы четверо двинулись обратно пешком, но на этот раз решили поближе рассмотреть те остовы машин, которые противник оставил на поле боя. Некоторые из них выглядели не слишком поврежденными: их осмотр мог оказаться опасным, но обещал быть также и крайне информативным. Майору, в частности, похоже, очень хотелось узнать побольше об удивительном оружии, на наших глазах парализовавшем земные танки.

Мы обсуждали между собой этот «голубой луч», и этот термин вызвал у меня смутные воспоминания. Вспомнил, с чем он может быть связан, не я, а Луис:

— Разве ссви из Города катапульт не рассказывают, что оружие их таинственных гостей стреляло голубым пламенем?

— Ну да, так и есть! Мой дядя Анри часто говорил мне об этом. В то время было много споров о природе этого оружия.

— И как — пришли к какому-нибудь выводу?

— Нет, Жаклин. Наиболее распространенное мнение сводилось к тому, что это некое ядерное оружие, а синее излучение — возможно, вторичный феномен, например, эффект Черенкова. Но были свои сторонники и у теории огнемета.

— В любом случае, — заметил Луис, — теперь у нас есть дополнительная подсказка, подтверждающая, что обломки корабля с острова Тайны имеют аресийское происхождение.

— Осталось найти трупы ростом два с половиной метра, с одним-единственным глазом посреди лба и длинными четырехпалыми руками...

Именно их мы и надеялись обнаружить, приближаясь к одному из брошенных аресийских танков.

Вблизи он выглядел поистине громадным. Во-первых, по своим размерам: в высоту он достигал не менее восьми метров, в ширину — тоже, в длину — метров пятнадцати. Даже «Голиафам», по словам Макларена, было далеко до таких размеров. Казалось, эта грозная машина была сделана, главным образом, из металла. Но некоторые ее части, похоже, сгорели, что указывало на органическое происхождение: возможно, пластик. Танк покоился на четырех огромных гусеничных блоках, при помощи которых он и двигался. Какой-то артиллерии видно не было: кузов машины был полностью лишен надстроек — над ним возвышался лишь продолговатый купол без отверстий.

Попавший в него спереди земной снаряд разворотил броню.

Макларен взглянул на индикатор радиоактивности, который он позаимствовал у «тарелки»: уровень радиоактивности окружающей среды по-прежнему был красным, но было не похоже, чтобы какая-то радиоактивность исходила от обломков аресийского танка. Поскольку никакой враждебности на борту не проявлялось, мы решили продолжить осмотр.

Вместе с майором я залез на гусеницы. По ним нам удалось продвинуться к краю зияющего отверстия, и мы влезли внутрь.

Этот визит нас ничего не дал. Впрочем, мы смогли осмотреть лишь небольшую часть корабля: ту, в которую можно было попасть через дыру в броне. То было нагромождение железяк и скрученных электрических, оплавленных или вырванных электрических проводов, функции которых невозможно было определить при беглом осмотре. На всей поверхности брони мы не смогли обнаружить никаких отверстий, через которые можно было бы проникнуть внутрь.

Несколько обескураженные, мы осмотрели и два других танка, почти так же хорошо (или плохо) сохранившиеся, как и первый, но ничего нового так и не узнали. Насколько мы могли судить, внутренняя часть этих машин была заполнена компактным комплектом оборудования. Ни малейших следов водителей этих танков мы не нашли.

— Вполне может так оказаться, — сказал майор, проворно прыгивая на землю, — что эти машины тоже роботы...

Луис хмыкнул:

— В конечном счете окажется, что эта ожесточенная битва была лишь сражением машин. А мы-то, бедные сострадательные души, оплакивали погибших!

— В любом случае, с этим твоим трупом с длинными руками ты сможешь...

Свою фразу я не закончил. Мы все четверо повернулись к утесам: оттуда, сверху, выпускал очередь за очередью по лагерю пулемет.

Не думаю, что мы обменялись хоть единым словом. Даже не сговариваясь, мы рванули туда со всех ног.

Вынужденные обогнуть скалу, к сожалению, мы добрались до вершины лишь через четверть часа. Какие только мысли не крутились у нас в голове! Лично я уже представлял осаждающую «тарелки» вопящую орду гигантских туземцев и несчастного Жубера, защищающего двух раненных товарищей пулеметным огнем.

Однако бой, если это вообще можно было назвать боем, длился недолго. Менее чем через минуту выстрелы прекратились. Но мы не замедлили шаг.

Наконец мы достигли предгорий и, выбрав самый прямой путь, устремились через овраг, засыпанный обломками горной породы. Вскоре нам пришлось замедлиться, чтобы перевести дыхание. Макларен шел первым, за ним Луис. Я — последним, вместе с Жаклин.

Когда чья-то сильная рука схватила меня за горло, в то время как другая рука, черная и мускулистая, меня бездвигала, я даже не успел вскрикнуть от ужаса. Что-то очень больно ударило меня по голове. Я почувствовал, как хватка нападавшего ослабла, и попытался высвободиться. Но,

сделавшись сероватым, мир вдруг закружился вокруг меня, и я провалился во мрак.

глава 23 Тилир

Я, вероятно, не долго был без сознания. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что крепко связан и лежу на носилках, которые раскачиваются влево и вправо в зависимости от хода двух носильщиков.

Несмотря на ноющий череп, соображал я ясно, и потому мне хватило одного взгляда, чтобы охватить декорации и занимавших переднюю часть сцены актеров.

Наконец-то мы установили контакт с аресийцами. Конечно, не так, как хотелось бы, но это точно были они. И они же оказались теми неизвестными с островами Тайны: одного вида окружавшей меня темной когорты оказалось достаточно, чтобы развеять все сомнения. Их огромные руки, единственный глаз циклопа, их гигантский рост — все соответствовало наскальным рисункам из Города катапульта. Короткая шерсть, черная как уголь, покрывала открытые части их тел, включая голову и лицо с совершенно человеческими широким ртом и носом; правда, над головой у них была «корона» из коротких подвижных придатков — орган, соответствующий, как я позже узнал, чрезвычайно чувствительному и деликатному стереофоническому слуху.

Их одежда состояла из короткой, тоже черной, туники, которая облегла контуры тела столь плотно, что была едва различима. Никакие украшения, никакие знаки отличия не нарушали строгость этого костюма, кроме позолоченной цепочки на шее некоторых из них. Я увидел, что на этой цепочке висел драгоценный камень, также позолоченный, в форме креста.

Обратив свой взгляд дальше, я обнаружил, что со мной путешествую и мои товарищи: связанные по рукам и ногам, на других носилках лежали Луис и Жаклин. Так как наш ка-

раван продвигался чуть ли не гуськом, на поворотах дороги я смог распознать далеко впереди Жубера, Фавзи, Макларена и неизвестного из «тарелки», которого мы вернули к жизни. Мы все были тщательно обездвижены.

Но мы могли разговаривать: наши похитители, сами совершенно безмолвные, не видели к этому никаких препятствий.

Из новостей, передававшихся от одного к другому по всему конвою, я узнал, что Жубер и его спутники были неожиданно атакованы, когда находились в своих «тарелках», и схвачены, успев лишь выпустить несколько очередей из пулемета, которые, похоже, даже никого не задели. Что касается Луиса, Жаклин и майора, то они, не успев даже пикнуть, угодили в ту же засаду, что и я.

Больше всего мы были раздражены тем, что наши похитители, похоже, даже не были вооружены. Они даже не удосужились захватить наше собственное оружие, так и оставив его, как я узнал позднее, валяться на месте похищения.

Мы уже какое-то время поднимались по склону горы и начали обсуждать между собой ближайшие перспективы, которые, как нам казалось, предлагало нам будущее, когда караван неожиданно остановился перед довольно широким отверстием у подножия утеса. Несколько аресийцев прошли внутрь и вышли со своеобразными фонарями, в которых плясали коптящие язычки пламени. Следуя за этим тусклым светом наш конвой углубился за ними под землю.

Мы несколько раз повернули в извилистых коридорах, затем снова остановились. И вдруг все осветилось. На потолке галереи сверкали большие люминесцентные панели. Наш эскорт погасил свои фонари, и мы продолжили наше подземное шествие.

Сначала нам пришлось пройти через вереницу хитроумных шлюзов, затем — через настоящий туннель с каменными стенами, высотой четыре или пять метров и такой же ширины: абсолютно прямоугольный, он уходил глубоко под землю. Луис полагал, что мы оказались во вражеской крепости, и, в принципе, я был готов с ним согласиться.

— Они тут неуязвимы и не обращают внимание на наши ядерные бомбы!

— Будем надеяться, — сказал я, — что мы сможем убедить их в наших чистых и мирных намерениях.

— Похоже, сейчас наши разглагольствования их мало интересуют.

Как долго длился этот спуск в ад, я сказать не могу. Но когда туннель наконец закончился более просторным залом, мы были уже уверены, что находимся метрах в ста или двухстах под землей.

Это был своего рода перекресток, от которого отходили многочисленные галереи, подобные той, которую мы только что прошли. Тут и там на стенах появлялись, естественно, совершенно непонятные надписи.

Мы прошли в новый коридор, вдоль которого тянулось в ряд множество дверей. Некоторые из них открывались, когда мы проходили мимо, и на пороге возникали аресийцы, привлеченные, похоже, обычным любопытством, так как они не сводили с нас глаз.

Наконец наш караван остановился у входа в довольно большую комнату. Нам помогли подняться с носилок, освободили от пут и мягко, но настойчиво втолкнули внутрь, после чего дверь за нами закрылась. Теперь нам оставалось лишь осмотреть нашу общую камеру.

Это было сделано быстро: строгая, с голыми стенами, она содержала лишь дюжину кроватей, впрочем, довольно удобных, покрытых неким пластиковым материалом. Эти кровати, возможно, узковатые для аресийцев среднего роста, нам показались достойными какого-нибудь восточного султана. Люминесцентная панель разливала по всей комнате приятный свет. В углу тихо шуршало вентиляционное устройство. Температура тоже была очень комфортной.

Мы с удовольствием обнаружили еще одну дверь, за которой располагалось то, что, видимо, было ванной комнатой. Это помещенное, задуманное специально для великанов, удивительным образом походило на свой земной или теллусийский эквивалент. Похоже, во вселенной есть только ограниченное количество устройств, которые могут служить кранами для человекоподобных существ.

Вскоре после нашего прибытия наружная дверь открылась, чтобы пропустить наш завтрак, который два аресийца

принесли в металлических контейнерах. Это была своего рода паста, очень густая, с приятным запахом. Дополняли меню какие-то фрукты бледно-розового цвета. Запить все это можно было водой, которой нам принесли очень много.

Мы были настолько голодны, что вопрос о том, является ли эта пища усваиваемой, показался чисто академическим. Нас не остановило даже отсутствие столовых приборов. Да и вообще этот завтрак всем нам пошел на пользу.

Нам плен продлился несколько дней, так что нам довелось съесть несколько подобных завтраков. Свет выключался через равные промежутки времени: эти подземные «ночи», вероятно, соответствовали реальным ночам.

Мы быстро убедились, что наша дверь надежно закрыта снаружи. Редкие охранники, которые нас посещали, были абсолютно безмолвными, поэтому мы были вынуждены убивать время лишь разговорами друг с другом. Это быстро стало однообразным. Все беседы вращались вокруг вероятной участи, уготовленной нам нашими похитителями. До сих пор они ни разу не подвергли нас дурному обращению. Они даже заметили, что Фавзи ранен и наложили шину на его сломанную руку, поэтому мы проявляли сдержанный оптимизм.

Кроме того, мы задавались вопросом, станет ли земной флот продолжать наступление. Наш новый товарищ, отзывавшийся на имя Криспи, в этом не сомневался. Адмирал, утверждал он, полон решимости любой ценой установить контакт с аресийцами, а для этого придется искать их на их территории.

Мы рассказали ему, как обнаружили его без сознания на поле битвы. Он не смог объяснить, что именно произошло — помнил лишь, что летел на своей «тарелке» слишком близко к линии вражеских танков. Его обдало голубым светом. Внезапно почувствовав себя плохо, испытывая что-то вроде головокружения, чувствуя в то же время, что ему трудно управлять аппаратом, он направил «тарелку» к поверхности планеты и, вероятно, потерял сознание уже при посадке.

Последовали нескончаемые дискуссии о природе и вероятных эффектах «голубого луча». Их-то мы и обсуждали, когда на шестой «день» дверь нашей камеры снова открылась.

Мы сразу поняли, что есть что-то новое. В коридоре толпилась куча аресийцев. Трое из них прошли в нашу тюрьму. Впрочем, они выглядели во всем похожими на тех, которых мы видели до сих пор.

Они молча наблюдали за нами несколько минут. Заговорят ли они наконец? Услышим ли мы наконец голос аресийца?

Немного поколебавшись — это было заметно, — один из них все же решился: с его губ сорвалась какая-то фраза, естественно, непонятная. Это было что-то вроде:

— Синн цехе хион?

Тон был явно вопросительный. Но, естественно, ввиду отсутствия переводчика, вопрос остался без ответа. Я собирался сказать несколько слов наугад на французском, когда аресиец вдруг выпалил:

— *Wie heissen Sie?*

Должен признаться, я его совсем не понял. Но позади меня приглушенно вскрикнул Жубер. Я обернулся.

— *My God! This fellow speaks german!** — пробормотал Макларен, вытаращив глаза.

Сержант высоким голосом произнес:

— *Sprechen Sie deutsch?*

Внезапно я осознал, что происходит. Остальные, впрочем, тоже. Нашему изумлению не было предела: аресиец только что говорил с нами по-немецки.

Последовал момент глубочайшего замешательства. Все заговорили одновременно. Никто не знал, что и думать. Аресийцы же замолчали и спокойно наблюдали за нами.

Майору пришлось применить весь свой авторитет, чтобы всех успокоить. Поскольку никто из теллусийцев, разумеется, не знал ни слова по-немецки, и, поскольку среди землян лишь Жубер прилично говорил на этом языке, сержант был назначен переводчиком. Он начал разговор от нашего имени.

Он заявил нам, что аресийцы говорят на очень правильном немецком, но с жутким акцентом. Похоже, они обрадовались, но ничуть не удивились тому, что мы теперь можем

* Боже мой! Этот парень говорит по-немецки!

понять друг друга, и с самого начала принялись заверять нас в своей доброжелательности.

У нас имелось к ним столько вопросов, что пришлось задавать их по порядку. Разумеется, мы пожелаали узнать, как так вышло — каким чудом, — что они знают один из земных языков. Эта загадка могла быть в крайнем случае объяснена нашими «пропагандистскими» программами, которые постоянно передавались в направлении Ареса радиостанциями флота с самого начала нашего вторжения. Но когда Жубер спросил об этом наших собеседников, выяснилось, что им об этих передачах ничего не известно.

— Что касается вашего языка, — добавил их представитель, — то в том, что мы его знаем, нет ничего удивительного, но это очень длинная история, которую мы расскажем вам в другой раз. Пока же лучше скажите, зачем вы явились на Тилир.

— На Тилир?

— Так мы называем нашу планету.

Жубер вкратце объяснил, что некоторые из нас прилетели с Земли, а другие жили на внутренней планете той же системы, что и Тилир — она называется Теллус, — и, зная, что Тилир обитаем, мы отправились в экспедицию для установления мирного (он сделал ударение на этом слове) контакта с его жителями.

— Слава Богу! Если все обстоит именно так, то добро пожаловать! Наш народ рад приветствовать вас. Наши и ваши лидеры должны как можно скорее встретиться! А пока же мы будем счастливы показать вам наш мир.

Таким образом, мы сразу же перешли из статуса заключенных в статус гостей. Наш переводчик, естественно, указал аресийцам или, вернее, тилирийцам на столь странную перемену в их поведении: ведь тот прием, который до сих пор оказывали здесь земному флоту, свидетельствовал, скорее, о крайне недружелюбном отношении к нам. Состоявшаяся совсем недавно ожесточенная битва стоила жизни многим людям.

— Увы, — ответили наши хозяева, — вы сражались не против нас, а против боевых машин наших предков. Сами

мы теперь — мирный народ, но чтобы прийти к этому, нам понадобился очень тяжелый урок, преподанный Божественным Провидением.

Должно быть, на наших лицах отразилось непонимание, так как аресиец продолжил:

— Когда-то, то есть сотни лет тому назад, наши предки были безумными и кровожадными. Они полностью отвернулись от Бога. Каждый из них искал лишь наслаждения и силы, и разные народы хотели того же. Войны с применением все более и более смертоносных средств разрушения опустошали нашу планету. Последняя была столь ужасной, что вся жизнь на поверхности стала невозможной, и немногим выжившим удалось укрыться под землей. Но оружие того времени было почти полностью автоматическим: подпитываемые неуязвимыми и неисчерпаемыми атомными электростанциями, подземные заводы продолжали его производить, и война длилась на большей части планеты в течение трех столетий. И все еще длится. В ней участвуют одни лишь машины. Но горе тем, кто рискнет появиться на поверхности в зоне боевых действий! Мы до сих пор не в силах остановить эту адскую битву. Мы не можем даже приблизиться к крепостям, построенным нашими предками.

Нетрудно представить, какой эффект произвели на нас эти откровения. Выходит, начиная со спутников и заканчивая громадными наземными танками, мы с самого начала сражались против многовековых роботов, тогда как жители Ареса, лишенные своей планеты, вели — уже если с ней и не смирившись, то постоянно преследуемые — жизнь троглодитов. Нам потребовалось какое-то время, чтобы уяснить это для себя, и нашим хозяевам несколько раз пришлось повторить свою историю. Мы были ошеломлены.

— Абсолютно необходимо предупредить адмирала, — сказал наконец Макларен. — Эта абсурдная кампания не может продолжаться. Жубер, спроси, есть ли у них радиопередатчики.

Сержант задал вопрос и перевел нам краткий ответ:

— Нет, майор. Каждый раз, когда они пытались установить передатчик на поверхности земли, они подвергались

массированной атаке. В итоге им пришлось отказаться от этой идеи.

— Черт! Тогда нам нужно вернуться к «тарелке» и воспользоваться бортовым радио. Впрочем, с момента нашего захвата флот, возможно, предпринял новую попытку высадки. Известно ли им что-либо об этом?

После краткого обмена вопросами и ответами на немецком языке, Жубер повернулся к нам:

— Новой высадки не было. Но и нашей «тарелки» там больше нет. Они говорят, что сразу после нашего захвата их наблюдатели видели, как прибыла группа земных кораблей, которая, естественно, нашла лагерь пустым и улетела, захватив оборудование. С тех пор бомбардировка возобновилась, и на поверхность планеты градом сыплются ядерные снаряды. Их наблюдатели даже не осмеливаются высунуться наружу: там страшная радиоактивность. Кроме того они говорят, что эта бомбардировка ничего не даст, потому что их крепости расположены глубоко под землей.

Тем временем тилирийцы совещались. Один из них снова взял слово. Сержант переводил по мере его выступления:

— Мы понимаем ваше желание предупредить ваших лидеров о том, что им не следует упорствовать в этой бесполезной битве с машинами, и мы можем помочь вам, если вы поедете с нами в Ворнис. Ворнис — одна из наших главных пещер, один из наших самых крупных городов, если так вам понятнее. Мы найдем там все необходимое для создания радиопередатчика, и мы готовы взять на себя риск поднять его на поверхность, чтобы вы смогли отправить сообщение.

— Прекрасная мысль! — заметил Луис. — Но как далеко отсюда до Ворниса?

Жубер перевел вопрос и ответ:

— Менее пятой части радиуса всей планеты. Но, похоже, туда можно добраться за два дня. Кроме того, они сообщают о нашем прибытии по телефону, и к моменту нашего прибытия сборка передатчика будет почти закончена.

— Не думаю, что у нас есть выбор, — сказал Макларен. — Если останемся здесь, можем прождать еще дольше, прежде чем удастся связаться с флотом.

— А если это ловушка? Все, что они рассказывают, может оказаться ложью...

Майор пожал плечами:

— Может быть... Посмотрим. В любом случае, терять нам нечего, потому что мы в их власти. Если бы они хотели помешать нам связаться с нашими, то вполне могли бы сделать это и отсюда.

В общем, в Ворнис мы отправились вместе с нашими хозяевами по подземной дороге уже с относительным к ним доверием.

По правде сказать, то была даже, скорее, железная дорога, или, если быть еще более точным, монорельс. Нас разместили в снабженной сиденьями довольно просторной кабине, подвешенной к металлическому рельсу, который, как нам сказали, служил одновременно и опорой, и направляющей, и вместе с тем снабжал транспортное средство электроэнергией. Спустя несколько секунд мы уже мчались с огромной скоростью по какому-то туннелю.

Тут уже мы узнали, что недра планеты изборозжены подземными туннелями подобного рода, единственным средством быстрого сообщения между различными обитаемыми центрами. Тилирийцы на протяжении многих веков строили эту сеть вдобавок к сети наземных дорог. Любая доставка осуществлялась на спинах людей или животных: самый маленький двигатель тут же засекала крепость-робот, и транспортное средство немедленно уничтожалось.

Именно поэтому, как нам сказали, мы могли спокойно ходить пешком, в то время как «тарелки» и десантные танки были атакованы, как только появились на острове.

— А морской транспорт?

На этот вопрос Луиса представитель тилирийцев ответил, что системы обнаружения распространяются также и на все морские и подводные прибрежные районы. Любая моторная лодка, приближающаяся к берегу, подвергалась атаке, так что местные жители давно уже практикуют малый каботаж за счет небольших парусников, способных оставаться невидимыми для радиолокационных и ультразвуковых детекторов.

— Так вот почему, — предположил Макларен, — мы потерпели крушение. На том расстоянии от острова, на котором мы находились, наша «тарелка», вероятно, не поддавалась обнаружению, пока летела на малой высоте, но как только она опустилась на воду, то активировала расположенные на берегу гидролокаторы.

Жубер перевел для тилирийцев историю наших морских злоключений. Они серьезно кивнули — удивительно человеческий жест!

— Должно быть, вы были торпедированы, — ответили они, — а обнаруженный вами плавающий объект, вероятно, был старым бакеном. Некоторые из них еще находятся в закрепленном положении неподалеку от берега или же просто дрейфуют.

— Этот был чертовски хорошо закреплен, — заметил Луис. — Помните, каких трудов нам стоило его приподнять?..

Во время этой двухдневной поездки мы говорили и на многие другие темы. У меня не было возможности оценить скорость нашего транспортного средства: позднее я узнал, что она приближается к восьмидесяти километрам в один земной час. Но нам приходилось часто останавливаться и пересаживаться, так как большинство этих тилирийских монорельсов — однопутные, что вынуждает использовать их лишь на коротких участках, притом что кабины попеременно циркулируют в обоих направлениях. Несмотря на эти ограничения, подобная планетная сеть подземных железных дорог была настоящим подвигом для той скромной промышленности, которой располагали тилирийцы.

Нас не переставал удивлять тот факт, что народ, лишенный поверхности своей планеты, таким образом сумел выжить и на протяжении многих веков поддерживать высокий уровень культуры и значительный промышленный потенциал.

На самом деле, как нам объяснили, еще до начала последней войны глубоко в шахтах или в обширных природных пещерах, было обустроено некоторое количество гигантских убежищ. Крошечная горстка выживших укрывалась в них вот уже несколько лет. Там у них имелось и оборудование,

необходимое для того, чтобы расширить свою территорию и продолжать жить там, если любое возвращение на поверхность окажется невозможным. Помимо важной культурной, научной и технической документации, тут были небольшие атомные электростанции, искусственные сельскохозяйственные культуры и даже домашний скот. Впрочем, первые дни были ужасно трудными, и несколько раз последние остатки цивилизации едва не погибли. Случались даже войны между выжившими.

В конце концов разум возобладал, во многом, похоже, благодаря одной из тилирийских религий. Ее приверженцы давно осудили опасность, угрожающую планете, и проповедовали возвращение к строгой жизни и безупречной нравственности. Когда произошла катастрофа, лишь они одни — или почти одни оказались к ней готовы. Относительно многочисленные среди выживших, они без особых проблем убедили других в том, что на Тилир в конце концов обрушилась кара божья, и что только верность их религии позволит спасти то, что еще можно спасти. Через несколько десятилетий, когда на поверхности все еще бушевала война, выжившие сформировали почти теократическое, с пуританскими нравами, общество, стремящееся к выживанию и завоеванию планеты в ожидании объявленного древними пророками Спасителя, приход которого совпадет с наступлением новой эры.

В практическом плане это общество оказалось чрезвычайно эффективным: каждый был готов пожертвовать собой ради соседа или общества. Работая не покладая рук для увеличения общего достояния, соотнося уровень рождаемости со средствами к существованию, тилирийцы постепенно колонизировали большую часть своих подземелий, тщательно избегая, конечно, зон, где располагались подземные крепости их предков. Общая численность населения, однако, все еще была меньше двадцати миллионов.

В последние примерно шестьдесят местных лет поверхность планеты в некоторых зонах снова стала доступной, при условии, что там не будут использоваться аппараты или конструкции, поддающиеся обнаружению роботами-крепостями или искусственными спутниками. Это исключало

любые значительные поселения и любые механические или электрические установки, поэтому промышленный потенциал, наряду с основной массой населения, остался под землей. Но сельское хозяйство и земледелие под открытым небом снова стали практиковаться. Столица, или, вернее, главный город Тилира (поскольку каждая община автономна в политическом плане), не без основания располагалась в северном полушарии, в одном из таких возвращенных к жизни районов. Оттуда-то и пришли наши собеседники, специалисты по человеческому языку.

— Нам известно, — сказали они нам, — что по всей планете возобновились боевые действия, но чем они вызваны, мы не знали. Сначала ваши атаки были сосредоточены на южном материке, практически необитаемом, потому что именно он больше всего пострадал от войны: именно поэтому, вероятно, он и оказал вам наименьшее сопротивление.

Потом ваша воздушная разведка продвинулась к окрестностям архипелага Бати, где у нас есть несколько уединенно стоящих деревень. Полученные нами отчеты сообщали о появлении на Тилире до сих пор не известных нам аппаратов. Тогда мы поняли, что планету атакует некий захватчик, пришедший из космоса. Мы укрепили нашу систему наблюдения, но не имели возможности как-либо связаться с вами. Затем вы попытались высадиться на острове Бати-Терн. Наши наблюдатели присутствовали при этой битве. Когда она закончилось, на поверхность выбрался один из патрулей и случайно наткнулся на вашу группу. Ему удалось вас захватить в плен. Вы сами можете представить, как мы удивились, когда распространились новость о том, что захватчики — люди! К сожалению, очень немногие тилирийцы способны говорить на вашем языке: нас тотчас же вызвали, но на то, чтобы сообщение дошло до нас и мы сами смогли добраться до вас, ушло несколько дней.

— Вот как! Стало быть, вы встречали людей еще до нас! — воскликнул Луис. — Может, наконец, вы объясните, когда и как это произошло?

— Охотно. Это случилось около пятнадцати наших лет тому назад. Один из ваших межпланетных аппаратов во вре-

мя исследовательского полета вошел в атмосферу Тилира. Естественно, произошло то, что и должно было произойти: аппарат был сбит. К счастью, ему удалось сесть в одной из тех зон, где мы только что снова заняли поверхность. Мы подобрали и выходили получивших ранения членов экипажа. На борту находилось два человека. Они остались жить среди нас, потому что их машина не подлежала восстановлению. Они-то и научили нас вашему языку.

— Они всё еще живы?

— Увы, нет! Последний умер пять лет тому назад. Как, однако, он был бы счастлив, если бы он дожился до вашего прибытия! Но Господь не пожелал этого...

Мы были ошеломлены. Кем могли быть эти двое, явившиеся на Арес почти на шестьдесят земных лет раньше нас? Это произошла вскоре после Катаклизма, когда звездолеты на Земле можно было пересчитать по пальцам. Именно этим, впрочем, и был занят Макларен:

— Посмотрим: с составлением полного списка возникнуть проблем не должно. Даже самый нерадивый кадет Космической Школы знает историю Завоевания наизусть... Сначала были «Циолковский», «Годдар» и «Жюль Верн». Затем, должно быть, «Уэллс» и «Фон Браун», если не ошибаюсь...

— Вероятно, это было немецкий аппарат, так как выжившие научили тилирийцев немецкому языку...

— Не обязательно, мистер Кэбот: на первых кораблях были представители всех национальностей. Фактически, первым чисто немецким аппаратом стал «Лейбниц», и им все еще можно полюбоваться в Лейпцигском музее космоса.

— Нужно искать аппарат, который так и не вернулся на Землю.

— Согласен, но таких, увы, хватает! Но только примерно с 2030 года, когда звездолетов стало великое множество. А если верить тому, что только что сказали тилирийцы, первые люди прибыли на Арес гораздо раньше.

— Возможно, они ошибаются насчет даты...

— Это маловероятно для события такой важности.

— Существует еще, — заметил Жубер, — возможность временного сдвига при переходе из нашей вселенной в вашу...

хотя сами мы ничего подобного не констатировали... Может быть и так, что временная шкала двух вселенных разнится.

— Не похоже! Со времени Катаклизма что на Теллусе, что на Земле прошло семьдесят семь лет.

Так или иначе — даже несмотря на замечательную память майора, — наши поиски оказались тщетными. В итоге мы оставили эту тему: определить, кем были эти немцы, оказалось невозможно.

Впрочем, на этом разговор не закончился: в голове у нас крутилось больше вопросов об истории Тилира, чем мы могли реально задать нашим хозяевам, да и тилирийцам было любопытно узнать побольше о Земле и Теллусе.

Наконец, на второй день, наше путешествие закончилось, когда наш «вагон» прибыл на «железнодорожный вокзал» Ворниса. В конце пути мы уже совершенно привыкли к этой подземной железной дороге. Жубер, будучи парижанином, назвал ее «метро», обнаружив у нее большое сходство с этим видом транспорта, возникшем полтора века тому назад и, похоже, все еще крайне популярном во многих земных городах.

При переходе из галерей метро в те, что представляли собой первые «улицы» Ворниса, мы практически не заметили изменений. Но внезапно мы оказались в восхитительной пещере. Слово «пещера», впрочем, плохо передает громадность, необъятность этого грандиозной полости, в которой комфортно проживала большая часть населения города. Свод, терявшийся в блеске люминесцентных поверхностей, почти полностью его покрывавших, был едва различим. У наших ног простирались широкие проспекты с шедшими по обе стороны от них домами, несколькими садами и даже двумя реками. Эти реки первоначально и образовывали данный подземный участок, но предприимчивые тилирийцы расширили и обустроили территорию, предложенную самой природой. Будь там еще и голубое небо, можно было бы решить, что ты находишься на поверхности планеты.

Несколько безмоторных транспортных средств ездили по улицам, но большинство жителей ходили по своим делам пешком. Наше появление вызвало немало любопытства. Наш эскорт помог нам пробиться сквозь толпу, и вскоре мы были

уже у входа в пятиэтажное здание, где работали техники, которым была поручена сборка нашего передатчика. Нас представили многим важным лицам, пришедшим специально для того, чтобы приветствовать нас, но я вынужден признать, что в этот момент нас, главным образом, интересовало, как продвигается сборка радиопередатчика.

Она была уже почти закончена, как нам и было обещано. Это оказался довольно большой аппарат, использующий лампы, потому что тилирийцы не освоили (или уже не знали) применение полупроводниковых радиодеталей. Луис и майор осмотрели элементы и заявили, что очень довольны: техника тилирийцев, похоже, в этой области была очень похожа на земную технику прошлого века... В отдаленной части города мы успешно произвели передачу на малое расстояние. Эксперимент по передаче информации на большое расстояние, под землей провести, очевидно, было невозможно; оставалось лишь транспортировать на поверхность сам аппарат, а также специальную антенну, которая должна была использоваться.

Но не могло идти речи о том, чтобы установить наш передатчик в непосредственной близости от населенного пункта: риски для населения были бы слишком серьезными. Тилирийцы остановили свой выбор на пустынном плато в пятистах километрах от Ворниса. Пока мы гуляли по городу в сопровождении наших гидов-переводчиков, незамедлительно занялись упаковкой оборудования.

Бродя по улицам, в общем и целом, мало чем отличавшимся от наших, за исключением разве что того, что все на них было огромным, мы не переставали забрасывать наших хозяев вопросами.

Насколько мне помнится, сначала разговор шел исключительно о радио. Тилирийцы настолько хорошо знали эту технику, что нам с трудом верилось, что они практически ею не пользуются. Кроме того, я заметил, что вся планета изливала в космос настоящий радиопоток: эти передачи без труда ловил даже наш радиотелескоп, расположенный в Болъё-Горном.

— Да это всё спутники и крепости-роботы, — ответил нам один из переводчиков. — Те, кто принадлежит к одному ла-

герю, находятся в постоянном контакте друг с другом и передают друг другу информацию. Таким образом на планете или в окружающем ее пространстве ничто не может произойти без того, чтобы об этом не стало всем известно.

— И вам тоже?

— Увы, нет: эти сообщения закодированы, и мы не умеем их расшифровывать. Наши предки унесли свои тайны с собой.

— К счастью для вас и для нас, они унесли не все свои тайны: тайна радио, например, вам известна.

— Вы правы в том, что благодаря книгам, которые они оставили нам или которые мы сами нашли, большая часть их науки была спасена. Но мы всё еще далеки от их технического уровня. Только представьте себе: у них были звездолеты!

Луис воскликнул:

— А ведь так и есть! Жан, корабль с острова Тайны!..

— Черт... я как-то о нем и забыл. Есть столько всего, что хочется узнать и увидеть...

И, при посредничестве Жубера, я принялся описывать открытия моего прадеда на острове Тайны и в Городе катапульта. Тилирийцы выслушали меня с большим интересом.

— Мы знали, что незадолго до начала последней войны великие державы отправили экспедиции исследовать ближайшие планеты, тем не менее мы так никогда и не узнали о результатах этих миссий. Некоторые, вероятно, вернулись. Собранные ими данные должны были быть переданы специалистам, но их так и не успели донести до широкой публики или опубликовать. Затем началась война, и вся эта информация была потеряна.

— Могло быть и так, что экспедиции вернулись уже после начала конфликта и нашли мир в руинах.

— Это возможно, — сказал тилириец. — В любом случае ваши свидетельства показывают, что, по крайней мере, одна из этих миссий — та, которая должна была исследовать Теллуса — так и не вернулась.

— Со звездолетом, вероятно, что-то произошло, и экипаж не смог вернуться на родину.

— По словам ссви из Города катапульта, выжившие в этой экспедиции еще долго сохраняли надежду на то, что за ними

прилетит спасательная группа. Они, вероятно, не знали, что война разрушила их планету.

Тилириец кивнул. Как бы эти существа ни отличались от нас, у них зачастую была поразительно человеческая мимика. Весь его вид выражал сострадание:

— До чего ж ужасная судьба была у этих несчастных! Оказаться брошенными той же чудовищной цивилизацией, которая и отправила их в такую даль! Слава Богу, рассказанное вами доказывает, что они перенесли это испытание с мужеством и достоинством.

Мы тогда даже и не подозревали, насколько он был прав, произнося это надгробное слово! Спустя несколько лет, как известно, Теллус посетила большая тилирийская делегация. Во время их пребывания в Унионе тилирийцам была показана священная книга из Города катапулт, написанная тремя потерпевшими кораблекрушение. Они сделали ее перевод, который многие теллусийцы, вероятно, имели возможность прочитать. Некоторые страницы достойны восхищения: у меня не раз наворачивались на глаза слезы. Старая тилирийская цивилизация, наверное, была чудовищной, но в чем ей не откажешь, так это в умении выбирать тех, кто отправлялся на штурм Вселенной.

Наш визит в Ворнис выдался довольно коротким. Вскоре нам сообщили, что все наше оборудование готово к отправке. Мы уже сгорали от нетерпения связаться с земным флотом: все, что мы видели и слышали, убедило нас в доброй воле тилирийцев, и мы хотели как можно скорее положить конец военным действиям.

Мы снова воспользовались услугами «метро» — на сей раз в сопровождении большой группы техников. После новой поездки, продлившейся около десяти земных часов, мы вышли на поверхность в абсолютно пустынном месте, где немедленно приступили к установке антенны, необходимой для связи с земным флотом с того расстояния, на котором он от нас находился. Сам передатчик был укрыт в подземной галерее.

Мы надеялись, что одна-единственная антенна, состоящая из достаточно малого количества металла, сможет избежать

детекторов — по крайней мере, до тех пор, пока не начнет передавать.

Эта надежда подтвердилась. Несколько часов спустя мы все столпились вокруг Макларена, примерно в десяти метрах под землей. Находившиеся рядом с нами тилирийские техники и официальные лица ждали передачи с не меньшей тревогой. Мы выбрали частоту передачи сигнала бедствия земного флота, на которой прослушивание было в принципе постоянным.

Майор взял микрофон и подал знак: один из инженеров опустил последний рубильник. Это стало началом передачи.

Эпилог

Я не стану распространяться о дальнейших событиях, которые, фактически, общеизвестны. Нам повезло установить контакт как минимум на минуту, но почти тут же на поверхность планеты градом начали сыпаться ракеты. Это первое общение, к счастью, закончилось раньше, чем хоть одна из ракет задела нашу антенну. В последующие часы мы неоднократно связывались со штабом флота, но, если память меня не подводит, нам пришлось шесть раз прерывать передачу для ремонта или полной замены наружного оборудования.

В конечном счете между базой землян и тилирийским постом с острова Бати-Терн была установлена система почтовой связи с использованием перемещающихся практически над самой водой летающих тарелок. Произошел обмен делегациями. Были разработаны основы «теллусийско-тилирийской конвенции», а также договора с Объединенными Нациями, гарантирующего Тилиру почти тот же статус, каким обладает Теллус, но сам я ни малейшего участия в этих переговорах не принимал. Как и мои товарищи, я снова стал крошечным винтиком двинувшейся в путь огромной машины, и мои личные воспоминания не представляют какого-либо общего интереса.

Тем не менее, оставалось еще усмирить Тилир, то есть уничтожить крепости-роботы, опустошавшие его поверх-

ность. Задачу упрощало то, что искусственные спутники уже были выведены из строя: армия землян получила тем самым относительную свободу передвижения.

Больше всего проблем им доставлял знаменитый «голубой луч», предназначенный для защиты ближних подступов к крепостям и беспрепятственно поражавший любую цель. С первых же радиоконтактов с тилирийцами наш штаб запросил у них информацию об этом оружии. Его действие оставалось для нас загадкой, и Луису, эксперту-физику, было поручено собрать о нем сведения.

Он переадресовал вопрос нашим переводчикам: те признались в своем неведении. Разумеется, они видели «голубой луч», так сказать, за работой, но то было оружие из далекого прошлого, и секрет его оказался утраченным. Впрочем, по слухам, некоторые тилирийские ученые все же знали принцип его функционирования, и Луис вступил в контакт с ними.

Мы уже вернулись в Ворнис, и я проводил друга до дверей учреждения, которое сами мы называли «Академией», так как не смогли подобрать другого слова, которым можно было бы передать название этого типично тилирийского социального института, своего рода монастыря, занимавшегося теоретическими исследованиями научного или философского характера. Он вышел из «Академии» весь сияя и тут же пустился в длинные объяснения, из которых в первый момент я ничего не смог разобрать. Но, по его словам, проблема нейтрализации «голубого луча» была практически решена.

В конце концов я понял, что голубой цвет луча имел, как мы и подозревали, лишь второстепенный эффект. Принцип действия этого оружия оказался поразительно простым, чем и было вызвано восторженное восхищение Луиса.

Все основывалось, как он сказал мне, на давно известном сходстве между молекулами азота и окиси углерода. Проектор «голубого луча» в действительности был прожектором мезонного излучения, энергия которого была отрегулирована ровно так, чтобы ослаблять ядерные силы в ядре атома азота и позволить перенос одного протона и одного нейтрона от одного ядра азота в молекуле к другому. Это, по словам Луиса, была реакция «резонанса», словно эти слова должны

были сразу же прояснить мне весь феномен... В общем, получалось так, что один из атомов азота превращался в кислород, а другой — в углерод, и молекула азота становилась молекулой окиси углерода, и все это — за счет чрезвычайно низкого расхода энергии. Как правило, химическая связь внутри молекулы даже не разрывалось. Воздействие на людей, как, впрочем, и на любое существо, дышащее в содержащей азот атмосфере, заключалось в мгновенной замене доли содержавшегося в легких азота окисью углерода, то есть угарным газом, что вызывало почти немедленную интоксикацию. Мы видели действие луча на поле боя и даже смогли привести в чувство одну из жертв, пилота Фавзи. На машины излучение воздействовало иным образом — более сложно и зачастую менее вредоносно. Но двигатели внутреннего сгорания, как и двигатели танков или летающих тарелок, не были созданы для функционирования в атмосфере, содержащей кислород и окись углерода: они быстро выходили из строя.

— Все это интересно, — сказал я, — но нам ничего не дает. Если уж ни люди, ни машины не могут противостоять «голубому лучу», как мы сможем взять эти крепости штурмом?

Луис улыбнулся и бросил мне одну из тех загадочных фраз, которые он так любил:

— Мой дорогой Жан, данная проблема давно уже была решена подводными ныряльщиками.

И действительно, не прошло и недели, как армия землян провела первую атаку на остров Бати-Терн в том самом месте, где раньше провалилась ее первая попытка высадки на берег. На сей раз командование, уже зная, чего ожидать, отказалось от использования дистанционно управляемых танков: всего за несколько часов, с незначительными потерями, позицию приступом взяла пехота. Она смогла проникнуть в крепость-робот и уничтожить там все оборудование.

На каждом из наших людей был герметичный костюм и дыхательная маска, подающая газовую смесь, в которой азот был заменен гелием.

Тем не менее кампания продлилась несколько месяцев, но в конце концов вся планета была очищена от этих чудовищных пережитков прошлого, и ее поверхность, вновь

ставшая пригодной для жизни, была возвращена ее законным наследникам.

Кое-что, впрочем, меня поражало. Как-то раз я заметил Луису:

— Интересно, почему тилирийцам за столько веков так и не пришло в голову воспользоваться столь простой уловкой, чтобы приблизиться к этим крепостям-роботам и нейтрализовать их?

— Представь себе, именно об этом я и спросил у них первым делом. Чего ты не знаешь, да и я не знал, так это того, что азот необходим им для жизни; они получают его напрямую из атмосферы в процессе дыхания, тогда как нам он достается через животные или растительные белки, которые мы едим. Как видишь, эти тилирийцы, столь похожие на нас в определенных аспектах, в других от нас заметно отличаются. Они не смогли бы жить долго, если бы дышали соединением кислорода и гелия.

Избавившись от этой висевшей над ними древней угрозы, тилирийцы принялись постепенно обживать на поверхности планеты. Конец их подземной жизни был ознаменован многочисленными восхитительными церемониями, на которые, разумеется, в качестве гостей были приглашены и их «освободители».

К нашему глубочайшему удивлению — после того факта, что тилирийцы знают немецкий язык, — мы обнаружили еще и то, что большинство из них — христиане! И тот, и другой феномены объяснялись одной и той же причиной: оба подобранных ими шестьдесятю годами ранее человека были немцами, но еще и католиками. Один из них даже был священником — иезуитом, насколько я понял. Похоже, по стечению обстоятельств (или же по воле Провидения) тилирийское население оказалось вполне готовым к обращению в христианство. Между их преобладающей традиционной религией и земным иудаизмом было крайне много общего, в частности, тревожное ожидание некоего Мессии, который добился бы для Человечества прощения за его прегрешения. Прибытие иезуита показалось тилирийцам не случайным происшествием, но предопределенным событием, а объяв-

ленный священником Спаситель — не только Спаситель земного Человечества, но всех Человечеств. Следует заметить, что теперь тилирийцы более чем когда-либо убеждены, что Спасение — как духовное, так и мирское — пришло к ним со стороны людей.

Одно из самых примечательных моих воспоминаний тех лет связано с великим празднованием Дня Благодарения, на котором, в огромной подземной базилике неподалеку от их столицы, мне довелось присутствовать. То была естественная пещера, слегка облагороженная тилирийцами. Со всех сторон поднимались необычайные группы сталагмитов, гроздьями свисали сталактиты, на которых играли лучи света продуманно расположенных прожекторов. Собравшиеся располагались на разных уровнях в зависимости от рельефа пещеры, порой даже под самым сводом на естественных воздушных платформах. И все эти многочисленные черные фигуры чего-то ждали в сосредоточенной тишине.

Медленной процессией, освещаемой свечами, служители культа спустились по напоминавшей горный карниз длинной тропе и дважды обошли подземный неф, прежде чем остановиться у алтаря. По мере их продвижения все больше и больше тилирийцев запевало гимн, и в конечном счете огромная базилика огласилась песнопением тысяч верующих. Слова, естественно, не понимал, но акустика была столь хорошей, а тилирийцы обладают столь близким к нам чувством музыки, что я чувствовал себя в полном единении с собравшимися и находился «под очарованием» до конца церемонии.

* * * * *

Спустя несколько дней я вылетел на «Канберре» к нашей планете вместе с основной частью тилирийской делегации. Малютку «Ириду» погрузили в трюм крейсера. Было 22 июля 78 года (2063 по земному календарю). Большое приключение, начавшееся почти ровно тремя годами ранее, завершилось.

Но я уже пристрастился к путешествиям, и террология, ставшая наукой, дополняющей дипломатию, часто предоставляла мне возможность покидать мою унионскую кафедру. В конце 78 года, вскоре после женитьбы на Жаклин, я вы-

летел вместе с ней уже на Землю, где мы провели несколько месяцев. Впоследствии я столько раз бывал на этой планете, что сейчас ощущаю себя землянином в той же мере, что и теллусийцем.

Несколько раз возвращался я и на Тилир. Планета разбивается с такой быстротой, что я не устаю восхищаться ее отважным и изобретательным населением. Всего за несколько лет поверхность Тилира обрела столь приятный для глаз вид, что ничем уже не напоминает былую пустыню.

* * * * *

И все же существовала, да и сейчас еще существует, тайна, которая наполняет меня беспокойством всякий раз, когда я о ней думаю. Откуда взялись эти два немца, которые первыми установили контакт с Тилиром? Я знаю, что по этому поводу Объединенными Нациями было проведено официальное расследование. Результат его так и не был обнародован... По правде сказать, открывшиеся факты отнюдь не успокаивают. Мне не очень понятно, почему было принято решение скрыть правду, или как минимум открыть ее лишь узкому кругу посвященных. Сам я в этих «Мемуарах» намерен изложить все то, что смог выяснить в частном порядке.

При помощи майора Макларена я провел на Земле тщательные исследования: до 2030 года, то есть в указанный тилирийцами, пусть даже и приблизительный, период, не пропал ни один космический корабль с немцами на борту.

Во время одного из моих пребываний на Тилире я смог посетить музей, в котором хранится все, что связано с этими таинственными гостями. Я видел зарисовки их звездолета: он ничем не напоминает корабли, производившиеся в то время, то есть до использования ДЦД, на Земле. Скорее, он похож на летающую тарелку, так как имеет чечевицеобразную форму. Но летающие тарелки не могут летать вне атмосферы.

К тому же, похоже, незадолго до смерти эти люди уничтожили все, что могло помочь как-то их идентифицировать, все, что могло указать на то, как именно они потерпели крушение над Тилиром. Они не оставили никаких записей личного характера. Они даже распорядились снять и разломать

на мельчайшие кусочки почти все имевшееся на их корабле оборудование, словно опасались, что оно угодит в недостойные руки.

Но я узнал и еще кое-что — нечто такое, что встревожило меня даже больше всего прочего. Эти двое были в звездолете не одни. Имелся и третий член экипажа, и вот он-то человеком не был. Он прожил пару лет и даже успел обучить своему языку нескольких тилирийцев. Наши переводчики знали этот язык не хуже, чем немецкий. Они даже полагали, что это тоже «человеческий» язык, и именно на нем обращались к нам сначала, во время нашего первого общения.

Похоже, этот «нечеловек» был гуманоидом с зеленой кожей и белыми волосами*. Он заявил, что когда-нибудь, возможно, явятся другие подобные ему.

Следует ли нам опасаться этого дня? Или все же ждать его с надеждой?

* См. романы Ф.Карсака «Пришельцы ниоткуда» и «Этот мир наш».

ПРЕДИСЛОВИЕ
К «БОРЬБЕ ЗА ОГОЊЪ»

PRÉFACE À LA
«GUERRE DU FEU»

1956

Стоял тоскливый денек, какие в детстве бывают у каждого, когда в окна стучит дождь, а самые спокойные «домашние» игры не приносят удовольствия. Мне было лет одиннадцать, я находился в гостях у друга, и мы не знали, чем заняться. Мой товарищ поднялся в комнату и вернулся со стопкой книг. Без особого энтузиазма я взял одну, открыл: то была «Борьба за огонь». «Уламры бежали в непроглядную ночь...» Незаметно для меня наступил вечер. Я был далеко, очень далеко, в пространстве и во времени, в суровых временах, на берегах Большой Реки. И когда, унеся книгу, я вернулся в тот вечер домой, мое призвание геолога и преисторика было уже определено, пусть я того еще и не знал*.

Как выглядит роман «Борьба за огонь» в глазах современной науки?*** Чтобы отдать ему полностью должное, прежде всего следует вспомнить, что это произведение, являющееся результатом работы воображения, впервые печаталось в 1908 году с продолжением в «Je sais tout» («Я знаю всё»), затем вышло книгой в 1911 году. В то время преистория давно уже установила, что первобытный человек жил с вымершими сегодня животными, хотя многие детали еще предстояло уточнить. Но хотя мы находим в «Борьбе за огонь» то, что можно подвергнуть критике, в романе по крайней мере нет тех жутких анахронизмов, когда в современных комиксах

* Судя по всему, дело было в 1931 г.

** Предисловие написано в 1956 г., современная наука, конечно же, ушла вперед.

доисторический человек сражается с динозаврами, гигантскими рептилиями, исчезнувшими с поверхности Земли за миллионы лет до появления предшественников Человека.

Чтобы верно расположить этот рассказ во времени, следует набросать — очень широкими мазками, не волнуйтесь — картину того, что известно (или, как полагают, известно) в современных геологии и преистории.

После так называемой «архейской» эры, о которой мы мало что знаем (кроме разве что того, что на нашей планете тогда уже существовала жизнь) и которая восходит к времени более чем 400 000 000 лет тому назад, наступила чрезвычайно долгая палеозойская эра, эра рыб, ракообразных и первых амфибий и рептилий. Во времена вторичной эры, мезозоя, изобилуют динозавры, порой громадных размеров, загадочным образом исчезнувшие до третичного периода, эры млекопитающих, которая началась примерно за 50 000 000 лет до нас. Четвертичный период отмечен важными событиями, ледниковыми эпохами и появлением человека. В зависимости от того, длинной или короткой хронологии придерживаются ученые, продолжительность этого периода оценивают в миллион лет либо в пятьсот тысяч лет. Каковы наиболее значимые события этого четвертичного периода, столь долгого по отношению к Истории, которая восходит едва ли ранее чем к 4000 лет до нашей эры, но столь короткого по отношению к жизни нашей планеты?

Начало его выдалось относительно теплым, с богатой фауной: слонами, последними мастодонтами, носорогами, первыми настоящими лошадьми. Люди? Можно ли назвать людьми те едва отделившиеся от остального животного мира создания, останки которых обнаружили в Южной Африке и которые известны как австралопитеки, то есть «южные обезьяны», а вовсе не «обезьяны австралийские», как решили некоторые журналисты? Возможно... Похоже, у них уже было понимание того, что такое «орудие».

Затем наступает первое охлаждение климата в ныне умеренных регионах, охлаждение, известное геологам под названием «гюнцского оледенения». Возможно, были и другие, более ранние, в самом начале четвертичного периода, но

здесь мы дискутировать об этом не будем. Это охлаждение, похоже, не оказало никакого влияния на фауну, не претерпевшую больших изменений. Ничто наверняка не указывает на присутствие в эту эпоху людей в Европе.

На тысячелетия вернулись теплые времена, за которыми последовало второе охлаждение климата, «миндельское оледенение». (Четыре большие классические оледенения носят свои названия Гюнц, Миндель, Рисс и Вюрм по притокам Дуная. Эти названия не являются, как иногда полагают, фамилиями геологов, их изучавших. Заметьте, что ради облегчения усилий памяти они расставлены в алфавитном порядке*.) На сей раз уже и в Европе мы имеем кое-какие следы человека. В Аббевиле (долина Соммы) в делювиях реки были обнаружены остатки их индустрии: оббитые с двух сторон грубые кремнёвые орудия, более или менее заостренные, иногда называемые «бифасами». Фауна по-прежнему почти та же. Эта индустрия называется шелльской.

Последовавшее в Европе межледниковье сопровождается культурой, которую мы знаем достаточно хорошо благодаря тысячам оставленных нам кремнёвых орудий: ашёльской культурой. Это по-прежнему оббитые с двух сторон орудия, «бифасы», но оббитые уже гораздо лучше и различных форм; к ним добавляются орудия, сделанные из отщепов кремня: скребки, остроконечники, пилы и т. д. Эта примитивная культура продолжается и в следующий ледниковый период, так называемое «рисское оледенение». Несколько видов животных исчезают: южный слон (на смену которому приходит прямобивневый лесной слон), этрусский носорог (его сменил носорог Мерка), махайрод — саблезубый тигр. Они исчезают в Западной Европе, но есть определенные причины полагать, что могли какое-то время сохраняться где-то еще.

В последнее межледниковье ашёльская культура продолжается. Появляются и развиваются и другие, отличные от нее культуры. А человек? Что ж, человек теперь — действительно человек, хотя множеством своих черт и отличный от нас: это неандерталец (по названию небольшой рейнской

* Имеется в виду латинский алфавит.

долины), которые зачастую представляют под преувеличенно обезьяноподобными чертами. Если вы хотите понять, как он выглядел, подумайте лучше об австралийцах (хотя те — никоим образом не неандертальцы), чем о горилле. Набор орудий человека теперь более сложный: разнообразные «бифасы», скребки, остроконечники, проколки, скрёбла, первые настоящие резцы.

Неандертальская раса продолжает существовать на протяжении последнего оледенения, «вюрмского», где она оставила нам так называемую «мустьерскую индустрию». Впрочем, мустьерских индустрий, довольно-таки отличных одни от других, существует несколько. Хотя ни гравюр, ни рисунков этой эпохи обнаружено не было, можно полагать, что у человека уже развивается художественный вкус: некоторые мустьерские местонахождения содержат мелки из двуокиси марганца — черного, красного цвета или из охры, — заостренные мелки, которые могли использоваться для нательных рисунков.

С началом последнего оледенения фауна радикально изменяется, и из Западной Европы исчезает прямобивневый лесной слон и носорог Мерка. Появляются мамонт с длинной шерстью, шерстистый носорог, северный олень. Климат очень холодный, «сибирский», но с интервалами более умеренного климата.

В уже достаточно продвинутый момент этого оледенения появляется нынешний человек, *Homo sapiens*. Откуда он взялся? Появлялся ли постепенно, в каком-то все еще неизвестном месте, откуда уже распространился по всей Земле? Или же зародился, достаточно внезапно, от неандертальца — в результате мутации? А может, он имеет какое-то иное происхождение? Этого мы не знаем и потому можем лишь строить гипотезы. Человеческие ископаемые весьма редки для этой эпохи, чему не следует удивляться: хотя люди хоронят умерших как минимум начиная с мустьерской эпохи, человеческий скелет, более хрупкий, чем кости животных, сохраняется редко. Да и людей на поверхности Земли было все еще не слишком много: на территории Франции эпохи шелльской культуры их, возможно, насчитывалось пятьсот

или тысяча; в эпоху мустьерской культуры — тысяч двадцать; во времена позднего палеолита — быть может, тысяч пятьдесят.

В любом случае, с появлением современного человека ритм прогресса ускоряется. Две культуры делят начало позднего палеолита: Перигор, характеризующийся, главным образом, кремнёвым «шательперонским ножом» с прямым режущим краем и притупленной согнутой спинкой, и ориньякская культура, для которой характерные особые формы скрёбл и более значительное развитие орудий из кости и слоновой кости: наконечников дротиков, проколов и т. д. Затем приходит солютрейская культура, с ее чудесными кремнёвыми остроконечниками в форме лаврового листа столь тонкой работы, что сравниться с нею позднее сумеют, но превзойти — никогда. Эта солютрейская культура, об истоках которой мы только-только начали догадываться, похоже, исчезает внезапно, и ее внезапное исчезновение — одна из многочисленных неразрешенных загадок преистории. Затем, наконец, приходит мадленская культура, с ее разнообразнейшим набором орудий из кости и рога оленя: дротиков, шил, лошил, зазубренных гарпунов, игл с ушком.

На протяжении всего палеолита человек — главным образом, охотник. Начиная с мустьерской культуры он живет, как правило, у входа в пещеры и под выступами скал (в укрытиях под скалами), где мы и сейчас находим под обломками горной породы следы его очагов вперемешку с орудиями и костями съеденных животных. Вероятно, он закрывал вход в пещеры шкурами, натянутыми на стволы деревьев. В укрытиях, должно быть, возводились палатки из шкур и хижины из веток. Жизнь, похоже, была достаточно неплохой: дичи было полным-полно, раса была сильной, оружие эффективным. Когда дичь начинала встречаться реже, племя снималось со стоянки и уходило к новым землям. Как проходил досуг племени, приходилось ли ему голодать, нам неизвестно. Серьезными трагедиями, должно быть, являлись эпидемии, которые могли выкосить целые племена: порой в укрытиях находят первоклассное оружие, чудесные предметы, порой брошенные, как на то указывает их расположение, вследствие

поспешного ухода. Иногда в какой-нибудь скальной выемке обнаруживается первобытное «сокровище», за которым его владелец так уже никогда и не вернулся. Все это навсегда забытые драмы, погребенные во мраке времен. Во время раскопок мустьерской стоянки нам довелось обнаружить трогательные следы: в слое, в других отношениях не содержавшем артефактов, — небольшой очаг, три покрасневших от огня камня, расположенных треугольником; между ними — тонкий черный пласт; рядом — три прекрасных скребка. Пришел человек, приготовил ужин и ушел, оставив, словно подпись, кое-какие орудия. И было это, возможно, пятьдесят тысяч лет тому назад.

В эпоху позднего палеолита появляется и развивается искусство: гравюры, рисунки и скульптуры в пещерах, галька и кости с выгравированными рисунками, декорированные костяные (или из слоновой кости) предметы. Большая часть этого искусства, должно быть, имела магическую цель, на что намекает тот факт, что многие рисунки находятся в глубине пещер, вдали от взглядов, в труднодоступных святилищах, и, сверх этого, еще и то, что они зачастую несут на себе следы чар: выгравированные стрелы, направленные в уязвимые точки тела животного, нарисованные руки, наложенные на этого животного: «Я, Горо, из Клана Медведя, забираю этого бизона. Моя стрела пронзит ему сердце!» Но некоторые другие произведения искусства, галька с гравировкой, декорированное оружие порой могли украшаться исключительно из любви к Искусству. Две цели, вероятно, нередко смешивались. Копьеметалка, украшенная горным бараном, была красивой, предметом гордости для ее владельца. И потом, возможно, это облегчало полет стрелы в направлении живого горного барана...

Климат снова меняется примерно за 8000–9000 лет до нашей эры. Мало-помалу он смягчается, на смену степи приходит лес. Нужно приспосабливаться или уходить. Лесная дичь редко живет стаями, в любом случае, никогда — крупными стадами, как лошади, бизоны или северные олени степи. Некоторые представители мустьерской культуры, возможно, последовали за оленем в его медленном пути на

север. Другие остались и приспособились. Крупные племена (возможно, до трехсот индивидов) разделились на небольшие семейные группы, от десяти до пятнадцати душ, ибо прокормить множество ртов продуктами лесной охоты было невозможно. Зачастили дожди, в изобилии появились улитки. Человек принялся их есть, зачастую — в огромных количествах: в некоторые укрытиях обнаружены метровые слои ракушек. Закончилось свободное время и безопасность, которую дает крупное племя. Нужно добывать пропитание. Вырождается изготовление орудий, исчезает искусство. В начале послеледниковой эпохи, во времена азийской культуры, существует галька, разрисованная геометрическими знаками. Затем — уже ничего, или почти ничего. Гарпуны, теперь изготавливаемые из рога оленя, исчезают и сменяются деревянным оружием, в которое вставлены крошечные треугольные или трапециевидные кремни. Наступают времена советеррской культуры, затем — тарденуазской. Именно в эту эпоху, в более благоприятных восточных регионах, на Среднем Востоке, человек достигает важнейшего прогресса: одомашнивания животных (возможно, начавшегося чуть раньше с одомашнивания собаки), изобретения гончарного искусства, затем — сельского хозяйства, позволившего людям снова объединяться в крупные племена. Постепенно этот прогресс достигает Западной Европы, где леса частично повалены, прорежены гарью. В какой-то мере это — эпоха озерных поселений, или, скорее, поселений на берегах озер. Наконец, и вновь с Востока, приходят металлы: сначала — бронза, затем — железо; частично в результате мирного распространения этих изобретений, то есть за счет торговли, частично — в результате боевых вторжений. Именно так к нам приходят кельты, «наши предки-галлы» и «накладываются» на более древних жителей, их не уничтожая. Но в Египте и Халдее человек еще несколько тысячелетий назад изобрел письменность; преистория Востока окончена.

Она продолжится в других местах — в Африке, частично в Азии, в Австралии и закончится в этих регионах лишь с контактом с великими цивилизациями: западной, индийской или китайской.

Куда в этой схеме следует поместить «Борьбу за огонь»? «Во времена, когда человек еще не изображал никаких фигур на камнях или рогах, быть может, сто тысяч лет тому назад», — говорит автор. Но рассказ указывает, что уламы уже принадлежали к *Homo sapiens*, пусть это и был тип еще слабо развитый. Стало быть, роман можно поместить в самый конец мустьерской культуры или же в начало позднего палеолита, ближе к Перигору I, если пользоваться терминологией нынешней преистории. Нам все еще не известно ни одного произведения искусства, которое можно было отнести к этому периоду. В эссе по преистории, названном «Завоеватели огня», Рони указывает на это очень отчетливо, приводя отрывок из «Борьбы за огонь». Вот, говорит он, «сцена, которую можно поместить у границ мустьерской и ориньякской культуры... Речь идет о расе, более прекрасной, чем средняя мустьерская раса, расе, которая в силу трудных обстоятельств вела жизнь гораздо более жалкую, чем того заслуживала». Но в границах абсолютной хронологии современная наука вынуждает нас поставить «Борьбу за огонь» всего за 35 000—40 000 лет до нас. Современный человек более близок к своим истокам, чем он полагал в начале века.

Что же думает об этой книге современная наука? Мнения на сей счет разделились. Полуученые, гордые своими слабыми знаниями, полагают ее «детской». Настоящие ученые, путающие чистую науку с выдумкой и применяющие к ним одни и те критерии суждения, волнуются из-за встречающихся в романе неточностей. Другие специалисты, и мы с гордостью относим себя к их числу, видят в этой книге — несмотря на некоторые общепризнанные неточности, — блестящую картину начального этапа позднего палеолита. Разумеется, с 1908 года преистория сделала значительный шаг вперед, и источники Рони, по многим пунктам восхитительные, кое-где устарели. Кроме того, пользуясь привилегией поэта, автор сосредоточил в одной эпопее изобретения, на которые должны были уйти многие тысячелетия. Далее мы рассмотрим те пункты, которые могли бы подвергнуться критике.

Начнем с сюжета. Можно ли считать неправдоподобным, что человек начального этапа позднего палеолита умел раз-

жигать огонь? Об этом нам ничего не известно. Разумеется, следы очагов встречаются и в более древних пластах. Но умели ли мустьерцы *разводить* огонь или только его *поддерживать*? Даже сегодня во многих диких племенах разведение огня — дело нелегкое. И ужасное наказание весталке, позволившей огню погаснуть в относительно более близкую к нам римскую эпоху, возможно, является лишь отдаленным отголоском — в период, технически гораздо более продвинутый — того страха потерять огонь, который, должно быть, постоянно преследовал первобытные племена. Так или иначе, Рони наделает племя ва секретом добывания огня.

Битва мамонтов с зубрами заставляет скрежетать зубами многих зоологов. Наука не знает подобных сражений в сомкнутых боевых порядках между травоядными животными. Хотя, возможно, и случались короткие встречи на повороте какой-нибудь лесной тропе. Впрочем, это не так уж и важно. Эти страницы прекрасны — и чрезвычайно выразительны.

Вооружение героев? Что ж, современная преистория опровергает наличие гарпунов: подобное оружие появилось значительно позже, в мадленский период. Но в начале века было достаточно неточное понимание об огромной продолжительности доисторических эпох. Топоры, некоторые «бифасы» мустьерской индустрии ашэльской традиции могли использоваться в этих целях, но это было несколькими тысячелетиями ранее. Другое оружие — дротики, рогатины, дубины — не вызывает возражений.

Одомашнивание, или скорее — союз с мамонтами, сильно опережает свое время, ибо первые признаки удачного одомашнивания животных относятся к послеледниковой эпохе. Но так ли оно невероятно? Сколько неудавшихся опытов человека, проведенных с опережением своего времени, мы так и не смогли отследить?

Что можно сказать о различных расах, повстречавшихся Нао в его путешествии? Люди-без-Плеч (то есть с узкими, отвислыми плечами) могут представлять собой первый опыт *Homo sapiens*, который провалился, достигнув уровня довольно-таки высокой культуры, или же просто ранее развившуюся ветвь. У Рони эти люди обладают тайной огня

и копьеметалок. Это последнее изобретение не представляется невероятным для начала позднего палеолита. Речь идет о более или менее длинной палке, обычно длиной 30–40 см, на одном из концов которой имеется крюк, к которому прикладывается наконечник дротика. При метании производилось то же движение рукой, какое совершает копьеметатель, но быстрое вращение, придаваемое в последний момент копьеметалке, значительно увеличивало дальность полета и силу «вхождения» в тело животного.

Кзаммы — племя, аналогичное уламрам, но только менее развитое. Красные карлики представляют собой расу небольшого роста; для людей кроманьонского типа, чей рост превышал 1 м 80 см, расы ростом примерно 1 м 55 см или 1 м 60 см могли показаться карликами, не обязательно являясь настоящими пигмеями. «Самый высокий из них приходился Нао по грудь». Если представить себе эскимосов (средний рост примерно 1 м 55 см), стоящих рядом с человеком почти двухметрового роста (а Нао был самым высоким из уламров), то мы как раз таки и получим от 35 до 40 см необходимой разницы. Некоторые ископаемые расы, как, например, шанселадский человек, едва ли были выше эскимосов, и пусть таковых не обнаружили соотносительно с той эпохой, в которую разворачивается «Борьба за огонь», человеческие останки того периода все еще столь редки, что никто не может утверждать: мол, подобных людей быть не могло.

Наконец, Люди-с-Синей-Шерстью. Вполне очевидно, что речь идет, собственно говоря, не о людях, но о крупных человекообразных обезьянах. В наши дни малайское слово «орангутан» означает «лесной человек».

Где конкретно разворачивается действие романа «Борьба за огонь»? На этот вопрос ответить весьма затруднительно. Здесь Рони снова воспользовался привилегией поэта, сосредоточив на неопределенной территории животные виды, которые могли существовать в разных местах. И все же описанная фауна наводит на мысль, что речь не может идти о Западной Европе, где в эту эпоху обитали холодолюбивые животные, в том числе северный олень, в романе не упомянутый. Вся совокупность факторов указывает на

юго-восток Европы, скорее даже — на север Индии. В начале века многие антропологи полагали, что современный человек пришел из Азии. Большая Река могла бы быть Евфратом, или — что более вероятно — Индом. Занятный факт: совсем недавно в Афганистане обнаружили следы доисторической культуры, схожей с нашей ориньякской. Так или иначе, Нао держит путь на восток. В рамках этой гипотезы Людьми-с-Синей-Шерстью могли бы быть какие-нибудь поздние представители гигантопитеков, обитавших в ранний четвертичный период в Китае, зона распространения которых — как в пространстве, так и по времени — все еще плохо определена. Мы не станем скрывать, что здесь идет о подтверждении *a posteriori*: в то время, когда Рони писал свою книгу, о существовании этих гигантских видов обезьян никто даже и не подозревал.

Таковы заслуживающие критики — в глазах современной науки — аспекты «Борьбы за огонь». Все прочее, учитывая сосредоточение во времени различных тысячелетий, не представляется нам таким уж невероятным. Впрочем, как бы то ни было, цепляться к Рони мы не видим смысла: его задачей было не написание учебника по преистории для студентов, но воспроизведение эпохи Первых Людей. И в этом он преуспел.

Получилась действительно настоящая эпопея, сравнимая, пусть она и в прозе, с «Легендой веков»*, одним из редких эпических произведений, написанных на французском языке. Эпопея, прежде всего, по сюжету, который представляет собой беспощадную борьбу человека с Природой, с другими враждебно настроенными людьми, наконец, борьбу с самими собой и безжалостную жестокость: «Двое из противников лежали, обратив к звездам свои застывшие лица; раненые, несмотря на страдания, притворялись мертвыми. Благоразумие и закон людей требовали того, чтобы он их прикончил. Нао подошел к тому, что был ранен бедро, и нацелился в него копьем: странное отвращение проникло в его сердце, гнев растворился в радости, и, опустив оружие, он положил конец

* Сборник стихотворений и поэм Виктора Гюго, состоящий из трех серий, последовательно вышедших в свет в 1859, 1877 и 1883 годах.

стонам раненого». Рассвет доброты, симпатии к противнику, врагу, который необязательно достоин презрения, рассвет, который и спустя сорок тысячелетий все еще не перешел в ясный день, — столь медленен реальный прогресс человечества.

Эпопея по уровню персонажей: Нао — герой, символ. В нем собраны все те, кто изобретает, все те, кто, не презирая глупо физическую силу, отдают преимущество силе ума, все те, кто размышляют в сумерках или глядя на звезды, спрашивая себя: «Кто зажигает эти бескрайние пространства, какие люди и звери живут за горой Неба?» Это одновременно и искатель приключений, и исследователь, которого любопытство всегда толкает «по ту сторону холмов», художник, который передает красоту Земли и существ, ученый, который наблюдает, думает, использует, приспособливает.

Наконец, эпопея по богатому, мощному стилю, по самой концепции произведения, в котором свистит космический ветер. Человек в то время не был изолирован от Космоса: он являлся и чувствовал себя частью оного. (Он, впрочем, и сейчас такой, что бы там ни думала «салонная литература».) «Пыл и страх жить» волков ничем не отличается от ощущений людей, и «мрачная легенда» одна и та же для всех живых существ. И тот, кто не чувствовал ясным весенним утром, в час, когда восходящее солнце освещает леса и покрытые росой луга, или же, на вершине горы, после тяжелого подъема и победы, «нечто такое в сердце, что еще плотнее соединяет его с Землей», не знал чистой радости жизни.

Закат цвета красной глины, долго маячащий в небе, прорезающий облака, сквозь которые уже показался тонкий серп луны, время, утекающее с речными водами, звезды, леденящие мрак, тучи, покрывающие Землю, — вся мощная поэзия планеты проходит в «Борьбе за огонь». Возможно, это смутило многих литературных критиков, более привычных к тщательному анализу чувств людей-насекомых, созданных и подпитываемых цивилизацией городов, поддерживаемых и удушаемых ею. Современный человек часто забывает о природе, пусть порой и смутно ощущает необходимость восстановить потерянный контакт с Землей — через альпинизм или туризм. Весь наш классический гуманизм

сосредоточен вокруг человека, полагающего себя самоцелью либо же видящего цель в отношениях с человеческим обществом. И однако же, хочет человек того или же нет, он является неотъемлемой частью Космоса, простирающегося на миллионы световых лет, Космоса, уже длящегося миллиарды лет. Человек — мерило всего, пусть будет так. Но для чего нужно мерило, которое применимо лишь к себе самому? В космической концепции произведений Рони-старшего, вероятно, можно найти зачатки нового гуманизма, который сочетается с науками о природе, гуманизма, более подходящего для нашего времени, планетных, а вскоре и межпланетных путешествий. Гуманизма, в котором, помимо всегда необходимого изучения отношений человека с собой самим и ему подобными, можно было найти и изучение отношений человека с Вселенной. Смешно, но даже сегодня считается действительно образованным человек, воспитанный на классической культуре, когда этот же самый человек принимает планету Венера за звезду*!

«Все те, кто имеют склонность и любовь к науке, испытывают особое удовольствие при чтении научных романов Жозефа-Анри Рони-старшего, ибо чувствуют, что этот великий писатель при желании мог бы стать и великим ученым», — писал в 1936 году в «Меркюре де Франс» знаменитый математик Эмиль Борель. Именно этот редкий синтез научного воображения и литературного дара и позволил Рони написать эту эпопею.

Мне остается лишь пожелать вам найти в этой книге всю ту радость, всю ту восторженность, которую она привнесла в мое отрочество, а может, и вам тоже отыскать в ней свое призвание человека науки. Вернемся, вслед за Рони, к «истокам веков». Можно представить уламов, идущих вдоль Большого Болота, меняющих места для охоты. Смеркается, разбит лагерь. В центре, пожирая ствол дерева, потрескивает костер, от прожариваемых кусков мяса исходит приятный запах. Дети играют в зарослях тростника, взрослые отдыхают, женщины присматривают за стряпней или первыми шагами

* Речь идет о выражении «утренняя звезда».

своих младшеньких. Подростки, гордые своей прибывающей силой, упражняются в метании дротиков. Сидя у костра, вождь и старейшины обсуждают завтрашний маршрут. Часовые бродят среди ив, бдительные, но спокойные: разве не им этот край принадлежит вот уже пять поколений? Конечно, на востоке есть и другое племя, которое нужно будет победить, чтобы завладеть его территорией, но оно еще как минимум в десяти днях хода. Тем не менее один из часовых останавливается, вглядывается в сгущающийся среди деревьев мрак. Он взмахивает рукой, испускает вопль, трагически прерванный, падает с копьем, вонзившимся ему в грудь. Раздается громоподобный боевой клич врага. Градом сыплются стрелы, с мягким звуком втыкаясь в болотистую почву или же с ужасным глухим шумом вгрызаясь в плоть. Захваченные врасплох, воины какие-то мгновения сражаются в беспорядке, затем объединяются вокруг вождя, в то время как женщины и дети, защищаемые самыми юными из мужчин, спешат укрыться в какой-то ложбине. Под первыми звездами уже идет рукопашная схватка: началась «Борьба за огонь».

* * * * *

Очень упрощенная таблица преистории в Западной Евразии и место в ней «доисторических романов» Жозефа-Анри Рони-старшего

Эта таблица, несомненно, очень упрощенная. В частности, индустрии послеледниковой эпохи очень разные в различных частях Западной Евразии, и ввиду того, что одни пункты сильно опережают другие, становятся важными хронологические сдвиги.

Вот «истоки» названий доисторических культур: шелльская — от города Шелль (департамент Сена и Марна). Ашэльская — от Сент-Ашэль, пригорода Амьена. Мустьерская — от Ле-Мустье (Дордонь). Ориньякская — от пещеры Ориньяк (Верхняя Гаронна). Перигорская — от Перигора. Солютрейская — от Сольютре, близ Масона (Сона и Луара). Мадленская — от укрытия под скалой Ла-Мадлен (Дордонь). Азильская — от названия пещеры Мас-д'Азиль (Аррьеж). Тарденуазская — по стоянке в окрестностях г. Фер-ан-Тарденуа (Эн).

ПЕРИОДЫ	ИНДУСТРИИ
1. Гюнцское оледенение	1. Первые человеческие индустрии (в Африке).
2. Первое межледниковье	2. Ранняя шелльская?
3. Миндельское оледенение	3. Шелльская (Аббевиль, долина Соммы).
4. Второе межледниковье	4. Ранняя ашёльская.
5. Рисское оледенение	5. Средняя ашёльская «домустьерская».
6. Третье межледниковье	6. Поздняя ашёльская. Ранняя мустьерская.
7. Вюрмское оледенение	7. Различные мустьерские. Ориньякская и перигорская. Солютрейская. Мадленская.
8. Послеледниковая эпоха	8. Азильская Тарденуазская. Неолит. Бронзовый век. Железный век.

ФАУНА	КЛИМАТ	НАБОР ОРУДИЙ
1. Последние мастодонты. Южный слон. Этруский носорог. Гиппопотам. Лошадь. Махайрод.	1. Холодный?	1. Грубо оббитая галька (в Африке).
2. Идентичная. За исключением мастодонтов.	2. Теплый.	2. Оббитая, заостренная галька. Африка. Возможно, Европа.
3. Идентичная	3. Холодный.	3. Бифасы = ручные рубила.
4. Почти идентичная.	4. Теплый.	4. Уже лучше оббитые бифасы. Скребки.
5. Прямобивневый лесной слон, носорог Мерка. Лошадь, бизон и т. д. Нет гиппопотама.	5. Холодный.	5. Оббитые бифасы. Кремнёвые скребки, ножи, пилы, остроконечники.
6. Идентичная. Гиппопотам.	6. Теплый.	6. Усовершенствование рубил. Тот же набор орудий из отщепов, что и выше, но лучше изготовленных.

7. Мамонт, шерстистый носорог, лошадь, бизон, северный олень и т. д.	7. Холодный, влажный. Очень холодный. Менее холодный. Очень холодный.	7. Ручные рубила гораздо меньшего размера. Скрепки, скрёбла, проколки, ножи, пилы и т. д. «БОРЬБА ЗА ОГОНЬ» — «ПЕЩЕРНЫЙ ЛЕВ» Перигорская культура: кремнёвые ножи. Ориньякская: особые скрёбла. Появление Искусства. Солютрейская: остроконечники в форме «лаврового листа» и остроконечники с выступом. Гарпуны из рога северного оленя. Максимальное развитие искусства. На протяжении всего позднего палеолита: скрёбла, резцы, проколки и т. д., костяные остроконечники «ВАМИРЭХ».
8. Исчезновение северного оленя, мамонта, носорога. Увеличение популяций оленя, дикого кабана. Улитки, современная фауна.	8. Умеренный, очень влажный. Умеренный. Нынешний, с некоторыми колебаниями. Нынешний.	8. Кремнёвые ножи. Гарпуны из рога оленя. Небольшие кремнёвые орудия геометрической формы. Одомашнивание собаки. Гончарные изделия, полированные топоры. Сельское хозяйство, одомашнивание животных. Первые металлические орудия. «ЭЙРИМАХ» - «ХЕЛЬГВОР С ГОЛУБОЙ РЕКИ». Железные орудия. Галльская культура. «АМБОР-ВОЛК».

Франсуа Борд,
 преподаватель преистории на факультете
 естественных наук университета Бордо,
 Париж, июнь 1956 г.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА
И ПРЕИСТОРИЯ

SCIENCE FICTION
ET PRÉHISTOIRE

1959

Новелл или романов, так или иначе касающихся далекого прошлого человечества, не слишком много в продукции научной фантастики, но они все же есть. Правда, зачастую они демонстрируют полнейшее незнание научных основ преистории, и любитель фантастики, который вскричал бы от боли и заломал себе руки от отчаяния при чтении истории, в которой Луна обладала бы атмосферой или же какой-нибудь звездолет перемещался бы быстрее света, спокойно, без малейшего удивления, «проглотил» бы не менее невероятные — пусть он того и не осознаёт — утверждения, вроде того, что человек существует вот уже двадцать или триста миллионов лет!*

Вот почему, специально для читателей «Сателлита», я в короткой статье постараюсь изложить все то, что известно на сей счет на данный момент, не углубляясь, естественно, в технические детали. Но прежде рассмотрим некоторые «до-исторические» темы в том виде, в каком они преподнесены французскими или зарубежными авторами.

По романам Жозефа-Анри Рони-старшего, знаменитым с полным на то основанием, я пройдусь быстро. Я уже высказал все хорошее, что думаю о «Борьбе за огонь» — с некоторыми необходимыми в данном случае научными оговорками, — в предисловии к изданию «Клуба лучшей книги». Это предисловие распространяется и на «Пещерного льва»,

* Рекс Гордон, «Первый на Марсе». Кстати, во всем прочем — прекрасный роман! (Примеч. Ф. Борда)

который является продолжением «Борьбы». Если в общих чертах, то автор воспользовался привилегией поэта собрать в харизматичном, символичном герое черты и качества, на развитие которых нужны были многие тысячелетия. «Вамирэх», с учетом того, когда он был написан, на удивление неплохо перенес «старение». Конечно, сначала раздражает несерьезный стиль, конечно, пресловутого «перерыва», отделяющего палеолит от неолита, не было вовсе, как не было и встречи последних носителей мадленской культуры с первыми представителями неолита. И, разумеется, следует делить все на два в знаменитую фразу: «Это было двадцать тысяч лет тому назад...», с которой начинается роман.

«Эйримах», несмотря на ошибки того же типа, неизбежные для того времени, красочно описывает сражения между поздними представителями неолита, задержавшимися в горах охотниками эпохи мезолита (это подтверждено для Пиренеев исследованиями моего друга Лапласа-Жоретша) и пришельцами с Востока: первыми представителями цивилизации Бронзового века. Тут тоже можно говорить обо все той же привилегии поэта... «Номай» — красивая короткая история об озерных людях. «Хельгвор с Голубой реки», пусть он и более поздний, мне нравится меньше, но Рони писал этот роман в момент «разрыва» преистории как науки, в то время, когда крупные труды, написанные учеными конца XIX века, уже устарели, а над другими капитальными трудами, уже скорректированными, работа все еще велась. Рони нельзя упрекать в том, что он не прочел технические заметки, разбросанные по многочисленным журналам.

«Сокровище снегов» использует классическую тему Затерянного Мира: где-то за полярным кругом выжило племя эпохи палеолита. В какой-то степени касаясь преистории, «Дикое приключение» основывается на выживании на Суматре подвига, отличного от людей, но, возможно, имеющего с ними общих далеких предков.

Макс Бегуэн, один из сыновей знаменитого преисторика-любителя графа Бегуэна, обнаружившего знаменитых глиняных бизонов в пещере Тюк д'Одубер (департамент Арьеж), оставил нам три прекрасных романа, касающихся истории

первобытного общества. В одном из них, «Глиняных бизонах», великолепно описана мадленская культура, — даже не знаю, к чему можно было бы в этом романе придаться. Пусть у него и нет мощи «Борьбы за огонь», все же уровень этого произведения — гораздо выше среднего. «Тизик и Катэ», история двух детей-мадленцев, — отличная книга для подростков, но и взрослые прочтут ее с удовольствием. «Когда воскрес мамонт» — чистая научная фантастика: группе биологов удастся вернуть к жизни сначала мамонта, замерзшего во льдах Сибири, а затем и людей эпохи палеолита. Неправдоподобным представляется разве состояние последних в момент обнаружения — уж больно хорошо они сохранились.

Современник Рони, Эдмон Арокур, опубликовал, насколько нам известно, лишь одно произведение, относящееся к преистории, роман «Даах, первый человек». Это великолепный философский роман, как и романы Рони, но в еще большей степени, объединяющий в одном и том же герое тысячи лет эволюции. В нем рассказывается о человеке, или скорее — предшественнике человека, самого раннего палеолита. Некоторые главы, в частности та, где повествуется о «больших дождях», надолго запомнятся читателю.

Чуть менее качественный, но тоже интересный роман Клода Анэ «La fin d'un monde». Как и в «Вамирэхе», в нем описан финальный этап мадленской культуры и тоже рассказывается история встречи последних мадленцев с первыми людьми эпохи неолита, встречи, приведшей к гибели мадленской культуры. Как видим, и тут в основе романа лежит устаревшая информация, пусть он и был написан в 1925 году.

Идем дальше и обнаруживаем роман «Ва'Гур, ясновидец» Фернана Мизора, весьма надуманный, и очень слабую, на наш взгляд, «Затерянную долину» Ноэля Роже.

Я лишь вскользь упомяну здесь романы Леона Ламбри («Миссия Руна по прозвищу Псих», «Рама, фея пещер»), весьма нескладно написанные по образцу романов Рони, «Племя с Лазурного озера» Мориса де Мулена, а также небольшие романы для «бойскаутов» и бесчисленные комиксы, в которых люди эпохи палеолита сражаются с тираннозаврами. Малюсенький анахронизм этак примерно в пятьдесят

миллионов лет! Впрочем, тут следует отметить, что некоторые из них и не претендуют на достоверность, будучи сугубо юмористическими, например, американский «Алле-оп» или французский «Аршибальд»!

В области философской притчи с научной фантастикой граничит прекрасный роман Веркора — «Люди или животные?», — вышедший несколько лет тому назад. Он тоже на тему Затерянного Мира: некая научная экспедиция находит в Новой Гвинее питекантропов. И хотя научно-фантастическая часть в романе вторична, ибо основная цель притчи — показать, что не существует никакого удовлетворительного определения «человека», научное описание тут на очень высоком уровне.

В «Науке и путешествиях», тогда еще еженедельном журнале, издавшем немало превосходной научной фантастики, вышел вполне «читабельный» роман Рене Тевенена «Первый человек», в котором также собрано, хотя и не в столь ярких описаниях, как у Рони или Арокура, множество изобретений на протяжении одной-единственной человеческой жизни.

За рубежом также выходили романы или новеллы, посвященные истории первобытного общества. Некоторые из них откровенно отвратительные, к примеру, «Вернулись трое» Дж. Лесли Митчелла, где мы видим трех наших современников в Атлантиде, предполагаемой родине кроманьонцев. Один из героев утверждает, что устраивал пикники в пещерах Кро-Маньона (это укрытие под скалой, в котором расположен отель) и пил там дрянное мозельское вино. Ну что за мысль — пить мозельское в Перигоре! Есть грехи, которые сами в себе несут свое наказание!

Более оригинальна новелла Лестера дель Рея «Жизнь прошла», где неандертальцы исчезают не от стрел кроманьонцев, но просто-напросто вследствие отказа от борьбы, ибо чувствуют превосходство последних. Рони, кстати, тоже в одном из романов говорил об «отказе от органической надежды».

В «Далеких воспоминаниях»** Пола Андерсона, на наш взгляд, одного из лучших современных фантастов, описана

* Рассказ печатался на французском в журнале «Фиксьон» под названием «Souvenir lointan» (Примеч. Ф. Борда). — Добавим: в переводе самого Франсиса Карсака.

недружелюбная встреча последних неандертальцев с крома-
ньонцами. Вероятно, так оно порой и было. За исключением
небольших деталей, вроде слишком преждевременного по-
явления лука или присутствия в тексте *Machairodus*, сабле-
зубого тигра, который к тому времени — по крайней мере,
в Европе — как вид уже вымер, с научной точки зрения рас-
сказ великолепен и чрезвычайно выразителен.

В рассказе «Эта земля останется свободной» Мюррей
Лейнстер рассказывает о контакте экспедиции с Антареса
с людьми эпохи позднего палеолита и о том, во что это вы-
лилось тридцать тысяч лет спустя.

Классический «Рассказ о каменном веке» Уэллса — един-
ственная, по нашему мнению, история, написанная на ан-
глийском языке, которую можно сравнить с «Борьбой за
огонь». Два представителя ашэльской культуры, мужчина
и женщина, изгнанные из племени, обретавшегося на берегах
Темзы четвертичного периода, в конечном счете возвращают-
ся в это племя победителями. С научной точки зрения упрек-
нуть автора практически не в чем: образование позволяло
Уэллсу, как и Рони, понимать естественные науки «изнутри».

Не менее великолепно, хотя и более символична по фор-
ме, повесть Джека Лондона «До Адама». В ней мы тоже, не-
смотря на анахронизм лука, находимся в раннем палеолите.

Неоднократно описывал первобытных людей Э. Райс Бер-
роуз. Из-под его пера выходили захватывающие приключен-
ческие истории, правда, соотносящиеся с настоящей преисто-
рией примерно так же, как Барсум — с Марсом астрономов!

«Предрассветные туманы» Чеда Оливера рассказывают
одиссею подростка, заброшенного, вследствие череды обстоя-
тельств, «машиной времени» в момент перехода среднего
палеолита в палеолит поздний. Хотя автор — антрополог
(в американском смысле этого слова) и отличный писатель-
фантаст, от этой его книги мы остались не в восторге.

Этот обзор, конечно же, отнюдь не исчерпывающий!
В нем мы упомянули лишь те произведения, которые нам
запомнились или которые мы сумели найти. Похоже, чрез-
вычайно богата произведениями подобного рода советская
фантастика, но, к несчастью для нас, русского языка мы не

знаем! На французский был переведен лишь один научно-фантастический роман, где герои находят в огромной пещере людей, находящихся на стадии палеолита, — «Плутония» В. Обручева, — но история первобытного общества в нем играет лишь вторичную роль.

Теперь — что касается фильмов... Тут нам сразу же вспоминается экстравагантный «Тумак, сын джунглей»* (кажется, именно так называется эта картина), где люди эпохи палеолита, поедающие мясо в сыром виде, сталкиваются сначала с динозаврами, а затем и с изысканными и улыбающимися представителями эпохи неолита! В топку такие ленты! Найдется ли какой-нибудь Джон Форд, которому хватит духу снять «Борьбу за огонь»?

Итак, где же у нас история первобытного общества в том, что касается достигнутых результатов?

Похоже, *неспециалисту* необходима определенная «фокусировка», учитывая тот факт, сколько ошибок делают прекрасные авторы, обезображивая чудесные во всем прочем новеллы или романы не меньше, чем когда портят их утверждением, что на Марс можно полететь на самолете. Чуть выше я цитировал роман «Первый на Марсе», в котором автор приписывает человечеству невероятную древность. В рассказе «Встреча на заре истории» Артур Кларк поступает не лучше, когда, описав явно мезолитическую культуру (по крайней мере, не ранее конца позднего палеолита), пишет: «У него за спиной мерно текла к морю река, извиваясь по плодородным равнинам, на которых еще более чем через тысячу веков потомки Йаана построят великий город и назовут его Вавилоном». Учитывая, что Вавилон датируется 3000 лет до нашей эры, тогда как конец палеолита — максимум 8000 лет, мы никак не получим кларковские 100 000 лет! Досадно, ибо рассказ замечательный.

Начнем с того, что сегодня уже очевидно (если это вообще могло подвергаться сомнению): человек не явился на нашу планету непонятно откуда, но на ней же *эволюционировал*.

* Имеется в виду американский фильм 1940 г. «Миллион лет до н. э.» («One million B. C.»).

Давайте быстренько посмотрим, что собой представляет история доисторических культур и ископаемых человеческих видов, насколько это позволяет установить, в общих чертах, сегодняшняя наука.

История начинается во мраке третичного периода, где, судя по всему, быстро отделяется ветвь, которой предстояло стать человеческой: последние находки, или скорее — свежие интерпретации одной старой находки, вкупе с новыми документально обоснованными данными (об ореопитеках) позволяют соотнести это «отделение» с эпохой позднего миоцена*. Впрочем, гоняющиеся за сенсациями журналисты не побоялись приписать такую древность... самому человеку! В действительности же речь идет о вполне обезьяньем виде, очень далеком предшественнике, в котором только лишь специалисты могут распознать гуманоидные** отличительные черты, но никоим образом не о человеке. На данный момент еще даже вообще нет уверенности в том, что человек произошел напрямую от этого вида, но он, этот вид, хотя бы дает нам представление о том, какими могли быть наши очень далекие предки.

В начале четвертичного периода, с первым, или первыми, оледенениями — так называемыми «дунайским» и «гюнцским»***, — все еще нет доказательств того, что предки человека проживали в Европе; таковыми начинают полагать лишь австралопитеков, род которых развивался в Южной Африке. «Австралопитек» означает «южная обезьяна», а вовсе не «австралийская», как мне доводилось где-то читать.

Странные создания, эти австралопитеки: вероятно, прямоходящие, как и люди, но с все еще обезьяноподобным

* Я напомним, что третичный период (сейчас это Палеоген и Неоген) разделяется на следующие отделы (эпохи): Эоцен, Оligоцен (Палеоген), Миоцен и Плиоцен (Неоген). Считается, что отделение человеческой ветви произошло в конце Плиоцена (*Примеч. Ф. Борда*).

** Следует заметить, что термин «гуманоид» используется только в научной фантастике, а в палеоантропологии говорят о «гоминидах», «гомининах» и роде *Ното* (*Примеч. редактора*).

*** Четыре большие классические оледенения носят свои названия Гюнц, Миндель, Рисс и Вюрм по притокам Дуная. Эти названия не являются, как иногда полагают, фамилиями геологов. Мы не считаем Пирей (город в Греции) человеком (*Примеч. Ф. Борда*).

черепом, хотя он и более развит, чем череп нынешних человекообразных обезьян (горилл, шимпанзе, гиббонов, орангутанов). Порой звучали утверждения, что им был известен огонь (этому, правда, нет никаких реальных доказательств), или что они изготавливали орудия труда: грубо сделанные орудия — более или менее оббитая, для получения острого края, галька — действительно были найдены рядом с их останками, но связаны ли одни с другими, и если да, то как, все еще непонятно. Нет полной уверенности и в том, что австралопитека можно считать нашим прямым предком. Он вполне может оказаться двоюродным прапрапрадедом!

Уже ближе к нам, но во все еще плохо датированной эпохе, располагаются питекантропы и синантропы, обнаруженные соответственно на острове Ява и в пещерах Чжоукоудяня, близ Пекина (Китай), причем первые питекантропы, судя всему, — самые древние. Если рядом с останками питекантропа не было обнаружено никаких орудий труда, с которыми их можно связать, то в случае синантропов дело обстоит иначе. В древней пещере с обрушенным сводом находятся отложения толщиной около 50 м, заполненные следами огня и кварцевыми орудиями. Если эти орудия и выглядят бесформенными, то в первую очередь, вероятно, из-за сырья, ибо жильный кварц (тот, из которого состоит часть речной гальки) очень труден для обработки. Те немногочисленные орудия, которые изготовлены не из кварца, уже свидетельствуют о довольно-таки высокой степени ловкости рук.

Открытие питекантропа — одна из занятнейших историй человеческой палеонтологии. Он был найден — словно по заказу, можно и так сказать — голландским, несмотря на его французского происхождения имя, врачом и антропологом Эженом Дюбуа. Будучи приверженцем эволюционистских теорий, этот Дюбуа счел себя обязанным обнаружить так называемое, «missing link», «недостающее звено» между обезьяной и человеком. В начале четвертичного периода на Яве, как известно, была богатая фауна, так что логично было предположить, что именно там это «недостающее звено» и находится. В общем, Дюбуа отправился на Яву и в слоях туфа на берегу реки Соло... нашел первого питекантропа!

Недавно аналогичный ископаемый вид был обнаружен близ алжирского Тернифина профессором Арамбуром из парижского Музея естественной истории. Примерно в одно время с питекантропами на Дальнем Востоке обитали гигантские ископаемые виды: мегантроп (огромный человек) и гигантопитек (огромная обезьяна). Гигантопитек был найден в 1934 и 1939 годах. В 1930 году, в своем романе «Рассадник чудовищ», Шарль Маге описывал (под тем же названием: гигантопитек) крупную человекообразную обезьяну, обладающую почти теми же характерными чертами, какие можно вообразить для настоящего ископаемого вида. В который уже раз научная фантастика обошла науку!

В Европе, если быть точным: в Германии, близ Гейдельберга, были обнаружены останки (знаменитая «мауэрская челюсть») человека, который, возможно, был современником питекантропа. Очень массивная, крупная, без подбородка, эта челюсть определенно принадлежала какому-то очень примитивному ископаемому виду человека. Возможно, она датируется периодом миндельского оледенения.

Начиная с предпоследнего оледенения — рисского, — мрак прошлого начинает рассеиваться. Мы уже многое знаем об индустриях этой эпохи, но по-прежнему относительно мало — о людях. Череп из немецкого Штайнхайма представляет, наряду с общими чертами подвида неандертальцев, которые мы вскоре увидим, и некоторые более современные особенности. Фрагменты, найденные в лондонском пригороде Сванскомб, интерпретируются по-разному: недостает лобной кости, которая в данном случае является определяющей. Как следствие, если некоторые антропологи полагают этот череп черепом предшественника современного человека, то другие обращают внимание на сходные черты, которые он имеет с соответствующими частями штейнгеймского черепа. Похоже, примерно той же эпохой датируется череп, обнаруженный в Фонтешеваде (Шаранта), ошибочно соотнесенный — на основе недостаточного анализа геологических данных — с последним межледниковым периодом. Внешне он был бы совершенно современным, но, к несчастью, сохранились лишь незначительные его фрагменты.

Черепá, обнаруженные в Саккопасторе (близ Рима) и немецком Эрингсдорфе, позволяют нам поместить в последний межледниковый период неандертальца, который занимает также и первую часть последнего оледенения — вюрмского. К этой последней эпохе можно отнести людей из Ла-Шапель-о-Сэн (департамент Коррез), Кины (Шаранта), Ла-Ферраси (Дордонь), Спи (Бельгия) и т. д. и т. п. Это невысокий человек с объемным черепом, иногда гораздо более крупным, чем череп современного человека, но сильно от него отличающимся: огромные надглазничные валики, низкий, скошенный назад лоб, выступ в форме шиньона в затылочной части черепа, отсутствующий (или едва выраженный) подбородок. Тело коренастое, мощное. Долгое время полагали, что он ходил полусогнувшись, но сегодня это утверждение подвергается большому сомнению — по крайней мере, в отношении некоторых из представленных выше экземпляров. Одно из наиболее впечатляющих открытий было сделано на горе Чирчео, в Италии, где был найден прекрасно сохранившийся череп, обложенный камнями и открыто лежавший на почве в пещере, вход в которую оставался закрытым с того самого времени.

Потом, ближе к середине последнего оледенения, в наших краях появляется современный человек, *Homo sapiens* (согласно его собственной классификации!), причем возникает уже несколько различных его рас. Сначала — человек из Комб-Капель (Дордонь), среднего роста, с все еще примитивными характерными признаками. Почти в то же время — человек из Гримальди (Италия), которого зачастую считают сегодня, несмотря на негроидные (я не говорю: негритянские) черты, одной из вариаций. Затем — самый известный из всех, человек из Кро-Маньона* (Дордонь).

Кроманьонец очень высок (средний рост выше 1 м 80 см) и внешне мало чем отличается от современного человека, за

* Воспользуюсь этим упоминанием, чтобы отметить, что знаменитая статуя, устоновленная на террасе Музея в Эйзи, Дордонь, изображает не кроманьонца, а неандертальца. Это, впрочем, скорее символично (Примеч. Ф. Борда).

исключением нескольких вторичных признаков; то тут, то там этот подвид, вероятно, сохранился до наших дней.

Затем, ближе к концу позднего палеолита, появляется шанселадский человек (его скелет обнаружен в пещере близ Перигё), которого некогда — похоже, ошибочно — сопоставляли с современными эскимосами. Невысокий, но крепкий, он — один из представителей мадленской культуры.

В дальнейшем человечество уже не претерпевает значительных физических изменений.

* * * * *

В какой среде эволюционировали эти различные виды людей, или предшественников современного человека, и каковы были их индустрии?

В антропоген теплые периоды — которые в наших краях зачастую были более теплыми, чем современный климат — чередовались с холодными периодами оледенения, чему пока нет внятного объяснения. В тропических странах влажные, дождливые периоды (принято соотносить их с эпохами оледенения, хотя полной уверенности в этом тоже пока еще нет) чередовались с сухими, межплювиальными периодами (их соотносят с межледниковьями).

О первых ледниковых эпохах нам известно крайне мало. Не похоже, что климат, пусть он и был холодным, тогда сильно влиял на животную жизнь. Фауна, богатая и разнообразная, во многом все еще походила на фауну третичного периода. С последними мастодонтами (животными из отряда хоботных, близкими родственниками слонов, но отличающимися от них по целому ряду признаков) сосуществуют первые настоящие слоны, в частности южный слон, огромное животное высотой до 4 м 15 см. Полорогие и оленивые представлены многими разновидностями — как, впрочем, и семейство лошадиных. В реках, заканчивая Темзой, живут гиппопотамы. В саванах обитает два вида носорогов — этрусский (названный так потому, что впервые он был обнаружен в Этрурии) и носорог Мерка. Довершают основные виды этой фауны крупный бобер, *Trogontherium*, и различные хищники. Среди хищников можно отметить пещерного льва, более

крупного, чем современный лев, и имевшего некоторые отличительные черты тигра, пантеру и особенно *Machairodus*, махайрода — саблезубого тигра. Этот последний — одно из самых необычных животных четвертичного периода: его сплюснутые саблевидные верхние клыки могли достигать девяти сантиметров в длину (вне челюсти, не считая корня). Подвижная нижняя челюсть могла полностью откидываться к шее, и обнажившиеся таким образом клыки, вероятно, играли роль кинжалов.

Вплоть до окончания рисского оледенения фауна все еще та же самая. Мастоdont исчез, южный слон уступил место *Palaeoloxodon antiquus*, прямобивневому лесному слону, еще более крупному. Гиппопотам удаляется из наших краев, но продолжает обитать на юге. Мало-помалу, еще как-то робко, появляется северный олень.

В последнее межледниковье гиппопотам снова доходит как минимум до долины Соммы. Северный олень уходит на север.

Последнее оледенение — вюрмское — вносит в фауну резкое и окончательное изменение. Исчезают *Palaeoloxodon antiquus* и носорог Мерка, которые еще какое-то время сохраняются в Италии и Испании. Гиппопотам начинает окончательно удаляться на юг, но еще некоторое время встречается в Италии. В массовом количестве прибывают северный олень и мамонт, который, несмотря на стойкий миф, ничуть не крупнее индийского слона, а также *Rhinoceros tichorhinus* — шерстистый носорог. Для этих двух последних животных характерна густая шерсть, о чем мы знаем прежде всего из рисунков, оставленных людьми эпохи палеолита, а затем и по замерзшим останкам, обнаруженным в Сибири. В Азии в то же время жил огромный зверь, близкий к носорогам, но с большим рогом на лбу, — *Elasmotherium*, эласмотерий. Быть может, отсюда пошла легенда о единороге?

На протяжении вюрмского оледенения климат во Франции остается явственно холодным, хотя и случаются периоды относительного потепления. Однако не следует путать нашу страну в эту эпоху с Аляской или Лапландией, ибо

есть одна существенная разница, — широта. Непохоже, чтобы к четвертичному периоду могла быть применима гипотеза о перемещении полюсов, и у нас здесь никогда не было долгих полярных ночей. Зима выдавалась очень холодной, весна — короткой, лето — вероятно, довольно-таки теплым.

Если в межледниковые периоды бо́льшая часть нашей территории, похоже, была покрыта лесом, то в ледниковые эпохи преобладает испещренная рошицами, проще говоря — купами деревьев, тогдашняя степь, вероятно, довольно схожая с североамериканской «прерией». В этой степи обитают огромные стада — северные олени, лошади, дикие быки, бизоны, причем в разные времена превалирует тот или иной вид. Если сегодня зубр живет небольшими группками в лесах Польши, то вполне вероятно, что такой образ жизни вторичен и вызван изменившимися условиями среды. В четвертичный период бизоны, судя по всему, сбивались в такие же большие стада, что и их американские кузены. Иногда приходят стайки сайгаков — антилоп с длинным, подвижным, с горбинкой носом. Основными видами хищников являются волки и лисы, но есть также и львы, пантеры и многочисленные медведи, бурые или пещерные.

* * * * *

Чем в это время занимались люди? В том, что касается наиболее древних периодов, нам об этом известно мало. В эпоху миндельского оледенения, быть может, чуть раньше, в долине Соммы проживали аббевильцы (от названия города Аббевиль, расположенного в долине Соммы), называемые также шелльцами (от названия города Шелль, департамент Сена и Марна). Их индустрия была очень грубой: крупные кремнёвые орудия (бифасы, или «ручные рубила»), оббитые ударами каменного отбойника миндалевидной формы отщепы, слегка отретушированные в форме скребков. Наши сведения о последовавшем межледниковом периоде также крайне скудны: были обнаружены лишь оставленные на земле орудия, которые в начале следующих оледенений были перемешены в результате так называемого феномена

«солифлюкции»^{*} и смешались с орудиями более поздних эпох. Если в эти периоды человек и проживал в пещерах или в укрытиях под скалами, то отложения, содержавшие эти индустрии, были разрушены или, за исключением незначительных следов, просто-напросто не найдены. Нам известны лишь индустрии лагерных стоянок на берегах рек.

Во время предпоследнего (рисского) оледенения человек занимает пещеры. В эту эпоху распространена индустрия средней ашэльской культуры (по названию «Сент-Ашэль», пригорода Амьена); раннеашэльская индустрия предыдущего межледникового периода нам практически не известна. Ручные рубила теперь оббиты — костяными или из рога оленя «отбойниками» — гораздо лучше! Набор орудий, изготовленных из отщепов, становится гораздо более разнообразным: наряду со скребками (уже различного типа) существуют кремнёвые остроконечники, ножи, пилы. Даже у самих рубил теперь различная форма, что связано, вероятно, с их различным применением, которое нам неизвестно. Рядом с этими носителями культуры среднего ашэля живут другие люди, не изготавливающие ручные рубила, но остальной набор их орудий мало отличается от среднего ашэля, — носители клектонской культуры (по названию английского города Клектон-он-Си). В старом клектонском торфе было обнаружено деревянное копьё.

Ашэльская культура, совершенствуясь, продолжается и в последнее межледниковье, и некоторые рубила становятся настоящими шедеврами — столь искусно они оббиты.

Во время последнего оледенения (в первой его части) человечество достигает стадии мустьерской культуры (по названию пещеры Ле-Мустье, департамент Дордонь). Существует, впрочем, несколько видов мустьерской культуры: мустьерская культура ашэльской традиции, идущая от ашэльской культуры; типичная мустьерская культура; мустьерская культура кинского типа, идущая, вероятно, от клектонской

^{*} В ледниковые эпохи почва промерзала вглубь весьма значительно. Весной верхние слои оттаивали и, пропитанные водой, сползали со склонов. Эти феномены солифлюкции имели огромное значение в четвертичный период.

культуры, и т. д. и т. п. Набор орудий состоит из различных скребков, остроконечников, пил, скрёбл, резцов, а в мустье ашёльской традиции — еще и рубил. Дерево, несомненно, тоже обрабатывалось, но деревянные орудия до нас не дошли — правда, известны некоторые костяные. Человек живет в укрытиях под скалами, у входа в пещеры, на плато, вероятно, в хижинах из веток или палатках из шкур.

Затем появляются, достаточно внезапно, современные люди, носители культур позднего палеолита. Сначала это древние перигорцы, затем современные: средние и поздние ориньякцы и перигорцы. Эти два племени, перигорцы и ориньякцы, похоже — если судить по их набору орудий, сильно отличающемуся один от другого, — жили без особых контактов. Если для ориньякцев характерны толстые кремнёвые скребки типа «карене» (фр. «caréné» означает «обтекаемый») и прекрасные костяные остроконечники самого разного типа в зависимости от момента их эволюции, то перигорцы в меньшей степени используют кость, не имеют толстых скребков и делают остроконечники из кремня.

Затем идет солютрейская культура, происхождение которой нам и сейчас неизвестно. Люди этой эпохи были искусными мастерами по оббивке кремня. Их чудесные остроконечники в форме «лаврового листа» порой достигают 30 см в длину, 12 см в ширину и 1 см в толщину! Они чрезвычайно умело оббиты с обеих сторон. Солютрейцы исчезают — на полном подъеме! — похоже, столь же загадочным (на данный момент) для нас образом, как и появились.

Затем, наконец, приходит мадленская культура — великая эпоха обработки кости с одной стороны и искусства — с другой. Мадленцы первыми начали изготавливать гарпуны из кости или оленьего рога, и хотя искусство взяло начало еще в ориньякско-перигорский период, мадлен — эпоха его высшего расцвета.

Как можно представить жизнь этих людей времен палеолита? Очевидно, что она очень сильно отличалась от нашей и даже от жизни классических народов Древности. Люди эпохи палеолита — главным образом охотники и рыбаки; вдобавок к этому в эпохи оледенения им приходится соби-

рать редкие плоды и ягоды. Ничто не указывает на развитие сельского хозяйства или животноводства. Максимум что можно представить, так это возможное наличие загонов для животных, дабы те всегда были под рукой. Охота, вероятно, существует во всех ее видах. Начиная с самых далеких эпох, как минимум — с рисского оледенения, человек, судя по всему, нападал на крупных млекопитающих, так как на местах стоянок то и дело обнаруживают кости и зубы носорогов и слонов. Вероятно, люди тогда рыли ямы — куда и падали эти толстокожие животные, — после чего спокойно, практически не подвергая себя опасности, их убивали. Для охоты на дичь средних размеров мустьерцы, должно быть, пользовались рогатинами или дротиками (как метательными орудиями). Охотники эпохи позднего палеолита располагают орудием уже гораздо большей дальности полета: дротиком, бросаемым при помощи копьеметалки. При метании производилось то же движение рукой, какое совершает копьеметатель, но быстрое вращение, придаваемое в последний момент копьеметалке, значительно увеличивало дальность полета и силу «вхождения» в тело животного. Что касается лука, то если в мадленскую эпоху (а может, и раньше) его наличие представляется *возможным*, то о том, что он существовал в следующий период — мезолит, — нам известно совершенно точно. Охотились, вероятно, зачастую группами, с загонщиками. В популярных романах нередко бывает представлена такая сцена: солютрейцы (названные так по их стоянке в Солютре, департамент Сона и Луара) гонят к пропасти целые стада лошадей, заставляя их прыгать со скалы. И действительно, у подножия скалы в Солютре было обнаружено огромное скопление лошадиных костей. Но это может быть и результатом природной катастрофы: в 1858 году в США громадное стадо бизонов, ослепленных снежной бурей, свалилось с обрыва в пропасть точно таким же образом: погибло около ста тысяч животных! Возможно, и солютрейцы охотились подобным же образом, но на небольшие стада лошадей: скопление костей в таком случае объяснялось бы долгой продолжительностью этой практики.

Хотя встречи между племенами, должно быть, несомненно происходили и не всегда были миролюбивыми, непохоже, чтобы людям эпохи позднего палеолита была известна война — в современном смысле этого слова. На обширных пространствах тогда обитало не так уж и много людей. В эпоху мадленской культуры на территории нынешней Франции, судя по всему, проживало от двадцати до пятидесяти тысяч человек.

Какую одежду они носили? В межледниковые эпохи и летом, вероятно, их облачение было сведено к минимуму. Но в суровых условиях вюрмской зимы без одежды человеку приходилось бы туго. Во времена позднего палеолита, начиная с конца солютрейской эпохи, уже существуют костяные иглы, идентичные, если не считать материала, современным. Но меховую одежду можно изготавливать и без игл. Вероятно, облачение людей эпохи позднего палеолита ничуть не отличалось от одежд индейцев или эскимосов. Вполне возможно, как и индейцы, они тоже носили мокасины.

Нам ничего не известно о религии людей эпохи палеолита, если таковая вообще у них была. Быть может, они исповедовали анимизм? Но, должно быть, большую роль играла магия: «Я, Раох, рисую изображение бизона и тем самым утверждаю свое превосходство над ним. Я рисую стрелу, пронзающую его сердце, и завтра так же сделает *моя* стрела». На многих рисунках фигурируют животные с выгравированными на их телах стрелами или же с наложенными на них, этих животных, нарисованными руками.

Практика погребения точно существует начиная с мустьерской культуры. Большинство неандертальцев* были найдены в захоронениях, причем рядом с ними в этих гробницах лежали орудия труда, оружие, остатки пищи. Порой вблизи или прямо на могиле разжигали костер.

Продолжительность жизни людей эпохи палеолита относительно невысокая: ни один из известных нам неандертальцев, вероятно, не прожил больше пятидесяти лет. Многие умирали еще до двадцати пяти. В период позднего палеолита

* Большинство из тех, кого нашли археологи. Это несколько десятков захоронений. А большая часть неандертальцев вообще не была захоронена, и их останки не нашли.

люди живут чуть дольше, но не намного. Однако тех, кто проживает от тридцати до пятидесяти, уже гораздо больше.

Вначале ритм прогресса был медленным, чрезвычайно медленным. В эпоху раннего палеолита между важными изобретениями порой, должно быть, проходили тысячелетия. В эпоху позднего палеолита ход прогресса значительно ускоряется, при этом все равно оставаясь очень медленным; похоже, современные люди не только более одаренные, чем неандертальцы, но и гораздо более многочисленны, что сильно увеличивает шансы на появление творчески мыслящих индивидов.

Доисторическое искусство хорошо известно, и потому детально останавливаться на нем я не буду. К тому же оно очень неравнозначно и, помимо чистых шедевров, состоит из неуклюжих рисунков, и те же люди, которые порой восторгаются последними, несомненно, высказали бы массу упреков собственным детям, изобрази те такую же мазню. Как и сегодня, в эпоху палеолита художественное мастерство было крайне неоднородным, хотя в целом и весьма развитым. Вдобавок к рисункам и гравюрам на стенах пещер, человек зачастую со вкусом украшает свои предметы из кости или слоновой кости. То, что это искусство в большинстве случаев играет исключительно магическую роль, не уменьшает ни его ценности, ни мастерства создавших его людей. В Средние века, как и в Древней Греции, искусство было главным образом религиозным, что ничуть не мешало людям обладать чувством прекрасного.

Входы в пещеры, как и укрытия под скалами, вероятно, были обустроены: должно быть, стволы деревьев, обложенные у основания крупными камнями, другие своим концом упирались в свод. Между ними, судя по всему, были натянуты шкуры или уложены срезанные ветви, закрывая тем самым пещеру и защищая от холода. Очаги располагались либо внутри и тогда были, как правило, небольшими и окруженными камнями, либо снаружи, более обширные. Они служили источником света. Кроме того, были найдены и жировые лампы, аналогичные тем, какими пользуются современные эскимосы. Вокруг этих костров, вероятно, рассказывалось немало легенд, пелось немало песен, к несчастью, навеки утерянных.

Какими датами можно обозначить палеолит? Долгое время мы ограничены косвенными оценками и приблизительными подсчетами. Теперь, благодаря радиоуглеродному методу, возможно более точное датирование, так что поздний палеолит можно поместить ближе к 8-тысячному году до н. э., а его начало — к 35-тысячному году до н. э. Пока еще невозможна датировка начала мустьерской культуры, которая, вероятно, восходит как минимум к 70 000 г. до н. э. В том, что касается аббевильской культуры, исчисления колеблются вокруг 50 000 г. до н. э.

После этой прекрасной культуры охотников позднего палеолита наступает послеледниковая эпоха с многочисленными климатическими колебаниями, более или менее теплыми, более или менее влажными. В целом климат становится гораздо более теплым, и — странная шутка — должно быть, это стало для людей из наших регионов настоящей катастрофой, впрочем, неощутимой в масштабе человеческой жизни. Климат становится более теплым, и это означает исчезновение степи в пользу леса. Но исчезновение степи, в свою очередь, означает исчезновение крупных стад северных оленей, лошадей, бизонов, животных семейства полорогих. Большие мадленские племена вынуждены разбиваться на маленькие группы, что влечет за собой для них меньшую безопасность. Охота в лесу уже неспособна прокормить столько людей. Вследствие влажности климата полным-полно улиток, которые становятся для людей основной пищей. В местах раскопок некоторых стоянок этого, так называемого «мезолитического» периода существуют слои толщиной несколько метров, образованные ракушками улиток. Разумеется, когда люди могут убить оленя или кабана, они этим не брезгуют. Индустрия — в равной мере каменная и костяная — вырождается и видоизменяется: набор инструментов теперь состоит из осколков кремня, которым придают геометрическую — треугольную или трапециевидную — форму и которые должны служить наконечниками для стрел. Искусство исчезает или сводится к геометрическим рисункам на гальке. Если нашим художникам, работающим в жанре абстрактной живописи, захочется во что бы то ни стало найти себе великих предков,

именно там таковых и следует искать, а не в палеолитическом искусстве, в высшей степени изобразительном! При раскопках какой-нибудь мезолитической стоянки в Западной Европе то и дело поражаешься тому, сколь бедной она выглядит в сравнении со стоянками эпохи позднего палеолита. Тем не менее и в это время наблюдается определенный прогресс: повсюду используется лук, похоже, одомашнены собаки. В северных районах, там, где ввиду близости ледников условия существования схожи с палеолитическими, жизнь, судя по всему, пусть и с некоторыми отличиями, продолжает идти в соответствии с традициями мадленской культуры.

Пока доисторический Запад изнемогал под удушающим воздействием леса, на Среднем Востоке дела обстояли иначе. Ввиду сильнейшей засухи лес едва ли там занимал много пространства, да и климатические условия, похоже, менялись к лучшему. Отсюда — и великая неолитическая революция, изобретение сельского хозяйства, которое постепенно пришло и на Запад. А изобретение письменности и в этом районе также очень рано положило конец преистории.

* * * * *

В общих чертах — если брать Западную Европу, — это всё, что известно на данный момент об эволюции человечества. Разумеется, эта история — очень схематичная, неполная. В Африке и Азии были свои палеолитические культуры, иногда очень схожие с европейскими, иногда чрезвычайно отличные от них, особенно после мустьерского периода. Что касается Америки, то она, похоже, была заселена (вероятно, теми, кто приходил из Азии) ближе к концу палеолита и быстро пересечена от Аляски до Огненной Земли. Какой прекрасный сюжет для преисторического романа могло бы дать это прибытие людей на девственную землю!

Но все же: каково происхождение *Homo sapiens*, современного человека? Долгое время полагали, что он происходит от неандертальца. Затем, не так давно, подумали, что это невозможно, что неандерталец не успел бы измениться, что он был слишком «специализирован», что он зашел в эволюционный тупик, и приступили к поискам возможных предков

для *Homo sapiens*. И нашли таковых. К сожалению, одни из них (в Африке) оказались более близкими к нам по времени, чем полагали люди, их обнаружившие, другие сегодня — лишь воспоминание о веселой мистификации (пилтдаунский человек), третьи слишком фрагментарны, вследствие чего делать какие-то глубокие выводы не представляется возможным. Сегодня представление о том, что современный человек имеет разные с неандертальцем «корни», основывается лишь на фрагментах черепа, обнаруженного в Фонтешеведе: этот череп не принадлежал неандертальцу, но, вероятно, не принадлежал он и *Homo sapiens*. Перигорская культура, к примеру, сохранила в своих начальных фазах немало черт мустьерской культуры (в свою очередь, сохранившей кое-какие черты культуры ашэльской) и, вероятно, именно от нее и происходит. В таком случае это означало бы, что, если мустьерцы (стоящие на эволюционной лестнице на ступень выше ашэльцев) действительно были неандертальцами, переход от неандертальца к *Homo sapiens* в самом деле имел место. Но наверняка относящимся к этой индустрии мы можем считать лишь череп ребенка, найденный в пещере Пеш-де-л'Азе, близ Сарла (Дордонь), а по черепу ребенка лет пяти очень трудно сказать, каким бы этот череп был у человека взрослого. В любом случае, этот череп столь древний, что до начала перигорской культуры эволюция вполне могла произойти. Происхождение ориньякской культуры на сегодняшний день еще более неясно. Словом, проблема не решена.

Это не означает, что писатель-фантаст может перебрасывать *Homo sapiens* из какого-нибудь другого мира, не представив серьезных объяснений! Начинаящийся поздний палеолит и заканчивающийся мустьерский период имеют слишком много общего! Просто, возможно, некоторые представители мустьерской культуры уже были *Homo sapiens*, или переходными видами. Именно так полагают, в частности, советские антропологи, а также некоторые западные!

Франсуа Борд,
преподаватель преистории на факультете
естественных наук университета Бордо,
«Satellite», 1959 г.

ПИСЬМО С ПРОЦИОНА

LETTRE DE PROCYON

Из неопубликованного

От:

*Руи Гомеса,
Университет Мадрида,
Новая Испания,
Процион IV*

Для:

*Мадемуазель Ингрид Йернфёльт,
Академия изящных искусств,
Стокгольм, Швеция,
Земля (Соль III)*

Мадемуазель,

Вы будете удивлены, получив это письмо с Проциона. Субэфирные ракеты не доставляют частную корреспонденцию. Да и потом, кому писать? С тех пор как более трехсот лет тому назад наши предки совершили безвозвратное путешествие, которое перенесло их с Соля III на Процион IV, на нашу планету не приземлялась ни одна ракета с людьми на борту. Из моего студенческого окна я могу видеть длинный веретенообразный корпус «Санта-Марии», нашего адмиральского звездолета, сохраненного как воспоминание и символ.

Он устремлен в наше бледно-зеленое небо (правда ли, что ваше – такое же голубое, каким оно выглядит в фильмах?), и когда наше солнце заходит, отбрасываемая этим кораблем тень затемняет мою комнату. Порой я вижу в этом предзнаменование, указывающее на то, что, быть может, когда-нибудь я тоже пересеку межзвездные бездны. Нас здесь еще не так много – отнюдь нет, – чтобы помышлять о колонизации. Мне никогда не пересечь чего-то большего, чем межпланетные пространства.

Из курса Истории Вселенной вы, должно быть, знаете, что система Проциона была оставлена испанцам, как система Веги – американцам, а система Сириуса – французам. То было спорное решение, но люди, жившие во времена Великого Переселения непосредственно на Земле, решили таким образом уменьшить риски междоусобных войн. Что до войн межзвездных, то с нашими звездолетами-черепахами, максимальная скорость которых раз в пять меньше скорости света, о них и вовсе говорить не приходится... Как я восхищаюсь нашими предками, которые провели взаперти на борту их двенадцати аппаратов более пятидесяти земных лет! Конечно, есть «скоростные» субэфирные ракеты, способные преодолеть разделяющее нас пространство за бесконечно малое время. Увы, вы знаете не хуже меня, что еще ни одному существу, даже микробу, не удалось выйти из них живым! Хорошо еще, что мы можем не терять контакта с другими ветвями Человечества, пользоваться достижениями их прогресса, науки, литературы, искусства!

Зачем это письмо? Затем, что я влюблен в вас. Ох, я знаю, это глупо. Я никогда вас не увижу – разве что ваш образ. Месяц тому назад – наш месяц, равный двум с половиной вашим, мы получили, в Университете, фильм о Празднике Молодости на Земле. Вы играли в нем главную роль, в этом Празднике, во главе шведской делегации. И когда я увидел вас на экране, в ослепительной красоте ваших восемнадцати лет, с вашим раскатистым смехом и тем особым движением, каким вы отбрасываете волосы на плечи, я буквально оцепенел, ибо, видите ли, мадемуазель, в нашем мире нет блондинок.

Я не знаю, что это было – случайность, или же решение безмозглого фанатика «чистой» расы? Среди наших предков не было ни одного с волосами светлее темно-русых. Возможно, когда-нибудь, по прихоти механизмов наследственности, на Проционе IV и появится рыжеватая шевелюра, но пока что этого не случилось. И когда я думаю, что во Вселенной есть люди, столь восхитительно отличные от нас, как вы, и что я никогда, никогда не смогу с вами поговорить...

Мне удалось узнать ваше имя: оно значилось в заглавных титрах. Раздобыть ваш адрес оказалось труднее. Я получил его от одного друга, который работает в офисе Межзвездных Сношений. Что до пересылки вам этого письма, то это было бы невозможно, если бы мой старший брат не был начальником астропорта субэфирных полетов. Кроме того, я украл и перезаписал фильм. Я просмотрел его уже десятки раз, видел, как вы повторяете одни и те же жесты, жесты, которые для вас самой ничего не значат, но которые значат так много для меня! Это глупо, я знаю. Но я могу вам сказать, что ваш верхний левый резец, тот, что рядом с клыком, имеет легкую неровность, и что в день Праздника Молодости – о! как вы, должно быть, были сердиты! – вы сломали ноготь на пальце правой руки.

Если бы вы были просто видением... Это было бы не так тяжело! Но я знаю, что вы существуете, и именно это меня и мучает. Эти парни, которые крутились вокруг вас, которые постоянно крутятся вокруг вас... я их ненавижу. Какое право они имеют быть с вами, если уж я с вами быть не могу!

Я изучаю астрофизику. Из нашего полушария Соль не виден. На следующих каникулах я сяду в самолет. Я знаю одно уединенное место, откуда я смогу вдоволь смотреть на небо и на небольшое световое пятно, вокруг которого вертится ваш мир. Через два ваших месяца. Подумайте об этом, подарите мне хотя бы мысль.

До сих пор я интересовался в основном проблемой красных гигантов. Теперь я передумал, буду изучать субэфир. Вдруг мне удастся найти способ преодолеть его, не умерев? О, это будет непросто. Величайшие умы одиннадцати человеческих планет работают над этим уже веками. Но у меня есть

уже одна мыслишка, и – как знать? В любом случае, это будет для меня уже слишком поздно. Наша планета все еще недостаточно заселена, и максимум через три года мне придется выбрать супругу. Но если когда-нибудь мне все же удастся, вы примете меня как старого, вновь обретенного друга?

Хотя нет. Мне не нужна ваша дружба. Простите, если чем-то задел вас. Но в этот вечер я чувствую себя таким одиноким, что хочется плакать. Вы существуете, существуете, а я никогда, никогда, никогда не смогу вас достичь. Это несправедливо!..

Я ненавижу вас, мадемуазель...

Рубрика «Открытая трибуна»

(журнал «Фиксьон», №78 и №80 за 1960 г.)

О романе Альбера Игона «К звездам судьбы»

(изд-во «Галлимар», серия «Рэион Фантастик»)

Эта книга дает возможность провести редкую в научной фантастике параллель. Найдется немало читателей, которые обнаружат между романом «К звездам судьбы» и «Пришельцами ниоткуда» Франсиса Карсака сходство, которое некоторым может показаться досадным; возможно, будут говорить если и не о плагиате, то о вдохновении. Одно и то же начало: прибытие звездолета, похищение землянина, проход через подпространство, прибытие в более развитую, чем земная, цивилизацию; затем сражение землянина бок о бок с его «похитителями» в их войне против общего врага, с которым невозможны никакие нормальные отношения, даже просто коммуникация; открытие того факта, что землянин нечувствителен к смертельным эманациям этого врага (хиссы, как и жельмосы, способны приобретать относительный иммунитет); наконец, победа коалиции, в одном случае (у Карсака) – в долгосрочной перспективе, во втором (у Игона) – в конце романа. Должен же быть кто-то менее галактический, чем ты сам!

Случайно ли подобное сходство? Даты никак этого не проясняют: книга Карсака вышла в начале 1954 года, роман Игона, пусть он и опубликован только сейчас, был написан в конце 1955. Был ли он сочинен ранее, или все это чистое совпадение? Бывают совпадения и более странные. Да и, в ко-

нечном счете, это уже своеобразный стандарт для подобного рода историй (возьмем, к примеру, «Звездных королей» Эдмонда Гамильтона).

В любом случае, несмотря на поразительное совпадение, эти произведения существенно отличаются одно от другого с точки зрения трактовки. Даже тема, несмотря на одинаковое развитие интриги, разная. Перечитав обе книги и все хорошенько взвесив, приходишь к выводу, что если «Пришельцы ниоткуда» – чудесное приключение, то роман «К звездам судьбы» – современный миф. Клер, герой Карсака, – самый обычный ученый, которого ничто, кроме разве что одного старого, совершенно ничем не обоснованного пророчества, не призывает исполнять его экстраординарную роль, тогда как Жан Баратэ, герой романа Игона, – человек судьбы. Похоже ли это? Да нет, вовсе нет: по сюжету романа в Клере как таковом нет никакой нужды, тогда как в Жане Баратэ есть. Клера можно заменить на любого другого, Жана Баратэ – нет.

В свою очередь, и галактические фоны историй сильно разнятся: у Карсака – минимум «находок», если не считать довольно поэтичного скопления названий солнц, но, в целом, достаточно хорошо описаны лишь хиссы (преобладающий народ); в то время как Игон, помимо жельмосов, тождественных хиссам, представляет нам с некоторыми деталями т'лоонов, странный народ, чья цивилизация основана на силовых линиях (обстановка, транспортные средства, жилища – обо всем этом не говорится ни слова) и непонятной технике; медисов с Большого Медиана, которые являют собой довольно точное описание тоталитарного народа; и, в самом начале романа, мертвый город, невероятные лабиринты которого напоминают циклопические сооружения Лавкрафта и Меррита. И если проход через то, что принято называть подпространством, у Карсака выглядит весьма буднично, то у Игона он дает повод к определенной выразительности на базе визуальных образов.

Кроме того, общий, наследственный враг в этих романах тоже имеет мало общего: мислики Карсака – это наделенные значительной силой ферромагнетики Рони-старшего. Что касается игоновских глютонов, то они, даже по своему про-

звищу, напоминают витонов Эрика Фрэнка Рассела, но на этом сходство заканчивается.

Именно существование глютонов – глютонов, постоянно повторяющих фразу, которая надолго заседает в голове: «*Sacrés tourbillons mûrit Peau vertel*!», и в конце концов объясняющих тайну жизни через парадокс, который имеет не так уж много примеров в научной фантастике, – так вот, именно существование глютонов и придает роману весь его вес.

Короче, даже если Игон и почерпнул вдохновение, осознанно или же нет, в романе Карсака, его книга выходит за обычные рамки хорошо рассказанной истории, достигая чарующей степени «разъяснения» тайны, развенчания мифа, порождая – как, например, в «Шамбло» Кэтрин Мур (и через аналогичный ход мысли) – новый миф.

Остается сказать еще вот что: как ни парадоксально, у Карсака недостатков меньше, чем у Игона: Карсак потрудился внести в текст свои собственные ощущения, чего не сделал Игон; первому удалось создать убедительную телепатическую коммуникацию, – в отличие от второго, который позволяет себе передачу мыслей об именах собственных (то есть не любые мысли, а только имена – примеч. переводчика). Есть у Игона и недочеты (его ионические вычислительные машины, в которых механизмы делают сотни миллионов оборотов в секунду, вызывают недоумение). Но, несмотря на это, произведение Игона – безусловно, одно из лучших в серии «Рэион фантастик» за последние годы.

Пьер Версен.

По поводу романа «К звездам судьбы». Нам пишет Франсис Карсак...

Я только что прочел, вероятно, с некоторым опозданием, №78 журнала «Фиксьон», в котором была напечатана критическая статья на книгу Игона («К звездам судьбы») Пьера Версена. Так как, критикуя эту книгу, Версен подвергает «посмертной» критике и мой роман «Пришельцы ниоткуда», позволю себе добавить кое-какие размышления.

Я прочитал «К звездам судьбы» и сам был весьма удивлен сходными моментами с моим собственным романом. Не скажу, что это плагиат, тем более что Игон, похоже, талантлив, но, думаю, трудно отрицать общее вдохновение, а также реминисценции, вплоть до них же в построении фраз. Эти реминисценции либо совершенно неосознанные – и в таком случае мне нет смысла обижаться на автора, – либо сознательные, и тогда это дань уважения, чем я весьма польщен. Уточним, специально для Пьера Версена, что моя книга, вышедшая, кажется, в 1954 году, была написана зимой 1951-1952 года. Но я возражаю, когда он говорит о «стандарте» для наших двух историй и сравнивает их с сюжетом «Звездных королей» Гамильтона. Мне очень нравится книга Гамильтона, которая является великолепной «космической оперой» (а написать такое совсем не просто!), но я почти не вижу в ней сходств с моим собственным произведением, если не считать того, что и там, и там действие происходит во Вселенной (по правде сказать, герой Гамильтона довольствуется одной лишь нашей галактикой).

Мне кажется, Версен читал мою книгу невнимательно, либо же очень давно. Пророчество, причем отнюдь не беспричинное, играет в ней главную роль, так как именно из-за него хиссы соглашаются взять Клера с собой на их планету, несмотря на то, что им запрещены контакты с все еще воинственными народами. Что касается минимального количества «находок» в моей книге, я этого не знал... Если так оно и есть, то я сделал это сознательно: не вижу необходимости перегружать повествование излишними деталями. Моей целью было

рассказать о приключении Клера, а не нарисовать детальную картину Союза человеческих миров. Точно так же и проход через подпространство не может быть ни чем иным – в моем представлении, – как способом перемещения из одной точки в другую; в противном случае он должен сам по себе быть сюжетом какого-либо романа или новеллы.

«Мислики Карсака – это наделенные значительной силой ферромагнетики Рони-старшего», – говорит Версен. В этом я тоже с ним не согласен. Ни в коем случае не хочу отрицать тот факт, что я многим обязан Рони: я не забыл упомянуть об этом в самом начале книги, в посвящении. Но ферромагнетики отличаются от мисликов в той же мере, как простейшие от человека. Ферромагнетики – это начало биологического царства, на что не раз совершенно определенно указывал Рони. У моих же мисликов за спиной – миллионы лет эволюции. Я где-то так прямо и сказал.

Наконец, должен признаться, что не понял предпоследнего абзаца критической статьи Версена. Это развенчание мифа, порождающее новый миф, представляется мне мистификацией. Именно это я сам покритиковал бы в книге Игона. Это «объяснение» жизни меня немало озадачивает в том, что касается его правильности, пусть даже и в научной фантастике. Признаюсь также, что не понимаю, как такой чудачковатый народ, каким выглядят жельмосы, мог построить техническую цивилизацию, больше всего проявляя «хаотическое, приблизительное и непродуманное». Не так работает лаборатория или звездолет (в наши дни еще ракета).

Версен, конечно, волен ценить у того или автора «вкусоности» Лавкрафта или Меррита. В моих романах он их не найдет, ибо я предпочитаю хранить верность традициям Уэллса или Рони. Тем не менее, я согласен с его выводом: «К звездам судьбы» – действительно одно из лучших произведений, вышедших в последние годы в серии «Рэион фантастик».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. Шейнис, П. Андерсон, Л. Спрэг де Камп. Памяти друга</i>	5
<i>Ф. Валери. Франсис Карсак: что стоит за легендой?</i>	13
ТАК СКУЧАЮТ В УТОПИИ. Повесть <i>(перевод Льва Самуйлова)</i>	41
ТОТ, КТО ВЫШЕЛ ИЗ БОЛЬШОЙ ВОДЫ. Рассказ <i>(перевод Льва Самуйлова)</i>	99
ПЯТНА РЖАВЧИНЫ. Рассказ <i>(перевод Льва Самуйлова)</i>	123
КАКАЯ УДАЧА ДЛЯ АНТРОПОЛОГА! Рассказ <i>(перевод Льва Самуйлова)</i>	143
МЕРТВЫЕ ПЕСКИ. Рассказ <i>(перевод Льва Самуйлова)</i>	161
<i>Андре Маршан.</i>	
ТЕЛЛУСИЙЦЫ, ИЛИ РОБИНЗОНЫ КОСМОСА-2. Роман <i>(перевод Льва Самуйлова)</i>	183
<i>Часть первая. Теллус</i>	189
Глава 1. Бенсон.	189
Глава 2. Война или дипломатия?	196
Глава 3. Академия	212
Глава 4. Эвакуация	221
Глава 5. Вкесс	227
Глава 6. Расследование.	234
Глава 7. Призрак	238
Глава 8. Луис Шерлок Холмс	247
Глава 9. Определение местоположения	255

Глава 10. Операция «Браво-Кока»	261
Глава 11. Василий Александрович Руденко	272
Глава 12. Новости с Ареса	286
Глава 13. Пресс-конференция.....	296
<i>Часть вторая. Арес</i>	301
Глава 14. Послания	301
Глава 15. «Ирида»	306
Глава 16. Арес.....	319
Глава 17. К Земле?.....	329
Глава 18. Гости.....	335
Глава 19. Переговоры.....	346
Глава 20. Штурм	361
Глава 21. Крушение.....	378
Глава 22. Высадка	391
Глава 23. Тилир	403
<i>Эпилог</i>	420
<i>Франсуа Борд. Предисловие к роману «Борьба за огонь»</i>	427
<i>Франсуа Борд. Научная фантастика и преистория</i>	445

ДОПОЛНЕНИЯ

Письмо с Проциона. <i>Неопубликованный рассказ</i>	468
Рубрика «Открытая трибуна» (журнал «Фиксьон», №78 и №80 за 1960 г.) О романе Альбера Игона «К звездам судьбы» (изд-во «Галлимар», серия «Рэйдон Фантастик»)	472

Литературно-художественное издание

Классика зарубежной фантастики

Франсис Карсак

ТАК СКУЧАЮТ В УТОПИИ

Перевод

Льва Самуйлова

Иллюстрации

Евгения Мельникова

Редактор

Максим Безгодов

Некоммерческий ознакомительный сувенир.
Не предназначен для продажи.

В 2020-21 годах издательство «Черная река»
приступает к выпуску
полных собраний фантастической прозы
Стефана Вуля (4 тома), Мишеля Демюта (3 тома),
Н. и Ш. Эннеберг (7 томов),
издаст отдельные тома таких авторов,
как Мишель Жери, Серж Леман, Теа фон Харбоу и др.,
а также
две «Антологии франкоязычной научно-фантастической
новеллы».

Все вышеуказанные книги находятся
в разной степени готовности, поэтому
очередность выхода пока не определена.

Мы рады любым пожеланиям и предложениям!
Пишите нам, уважаемые любители фантастики, на e-mail:
ya.sam67@yandex.ru

Ни одно ваше письмо не останется без ответа!